

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

**ДУХОВНЫЙ ЗАДНИЙ ПЛАН
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

*(Космическая и человеческая история)
седьмой том*

GA 174b

16 лекций:

от 30.IX.1914г.,13.II.1915г.,
14.II.1915г.,22.XI.1915г.,23.XI.1915г.,
24.XI.1915г.,12.III.1916г.,15.III.1916г.,
11.V.1917г.,13.V.1917г.,15.V.1917г.,
23. II.1913г., 24.II.1918г.,23.IV. 1918г.,
26.IV.1918г. и от 21.III.1921г.

ШТУТГАРТ.

1974 г.

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

КОСМИЧЕСКАЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

GA 170

Том I - **Загадка человека. Духовные основы истории человечества.**

15 лекций от 29.VII по 3.IX. 1916. Издано в Дорнахе в 1964 г.

GA 171

Том II - **Внутренние импульсы развития человечества.**

Гёте и кризис XIX века.

16 лекций, Дорнах, от 16.IX по 30.X. 1916. Издано в Дорнахе в 1964 г.

GA 172

Том III - **Карма жизненного призвания человека в связи с жизнью Гёте.**

10 лекций, Дорнах, 4-27.XI.1916. Издано в Дорнахе в 1964 г.

GA 173

Том IV - **Обозрение исторических эпох.** Часть I.

13 лекций, Дорнах, 4-31.XII.1916. и Базель 21.XII.1916.

Издано в

Дорнахе в 1966 г.

GA 174

Том V - **Обозрение исторических эпох.** Часть II.

12 лекций, Дорнах, 1-30.I.1917. Издано в Дорнахе в 1966 г.

GA 174a

Том VI - **Центральная Европа между Западом и Востоком.**

12 лекций, прочитанных в Мюнхене 13.IX., 3.XII, 19...23.III, 29.XI.1915.;

18-20 III.1916; 19 и 20.V.191...14 и 17, II, 2 и 4.V.1918.

Издано в Дорнахе

в 197...

GA 174b

Том VII - **Духовный задний план Первой мировой войны.**

16 лекций, прочитанных в Штутгарте 30.IX.1914; 13 и

14.II, 22-

24.XI.1915; 12 и.15.III.1916; 11,13 и 15.V.191...23 и 24.II,

23 и

26.IV.1918; 21.III.1921. Издано в Дорнахе в 1974 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Космическая и человеческая история. Библиографический указатель с 1 по 7 том включительно.....	2
Издано на правах рукописи.....	5
Содержание лекций, с 1 по 16 включительно.....	6
Обращение Р. Штайнера к друзьям-слушателям лекций, прочитанных им в узком кругу в годы войны.....	10
Лекция 30.09.1914.....	1 12
Лекция 13.02.1915.....	2 24
Лекция 14.02.1915.....	3 40
Лекция 22.11.1915.....	4 56
Лекция 23.11.1915.....	5 66
Лекция 24.11.1915.....	6 79
Лекция 12.03.1916.....	7 94

Лекция	8
15.03.1916.....	
..108	
Лекция	9
11.05.1917.....	
..122	
Лекция	10
13.05.1917.....	
..139	
Лекция	11
15.05.1917.....	
.154	
Лекция	12
23.02.1918.....	
.170	
Лекция	13
24.02.1918.....	
.186	
Лекция	14
23.04.1918.....	
.203	
Лекция	15
26.04.1918.....	
.217	
Лекция	16
21.03.1921.....	
.232	
ПРИМЕЧАНИЯ.....	
.....250	

Том VII. ДУХОВНЬЕ ОСНОВЫ (ДУХОВНЫЙ ЗАДНИЙ ПЛАН)
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Издано на правах рукописи

О характере таких изданий высказывается Рудольф Штайнер в своей автобиографии "Мой жизненный путь" (глава 35 и 36, март 1925): "Как устные, не для печати предназначенные, задуманы были эти сообщения... Нигде, ни в малейшей мере нет в этих сообщениях того, что не было бы чистейшими данными становящейся Антропософии. Читающий эти сообщения может с полным доверием принять их, это именно то, что имеет сказать Антропософия... Поэтому можно было без сомнений распространить эти высказывания среди членов Антропософского общества. Должно быть только принято во внимание, что в этих, не просмотренных мною текстах может вкрасться ошибочное.

Суждение о содержании этих сообщений может вынести только тот, кто знаком с предпосылками к такого рода высказываниям. Это как минимум антропософическое познание человека и космоса, в пределах, раскрываемых Антропософией, и того, что, как "Антропософическая история", изложено в соответствующих сообщениях из духовного мира.

Содержание

ЛЕКЦИЯ 1 30.09.1914.

Современность ,, как время испытаний. Союз Германии и Австрии и противоестественный союз Франции с Россией. Понимание современных судеб народов через цикл о душах народов. Борьба душевных сил в драмах - мистериях, как образ борьбы народов. Бессмысленность вопроса о виновниках войны. Герман Гримм о немцах. Душа убитого эрцгерцога. Превращение сил страха в мужество и воодушевление. Помощь погибших сражающимся, Развитие способности любви через духоведение. Война как великий учитель духовности. Слова одного идущего в бой. Помощь изречения: "Духи их душ"... Стремление немцев к миру. Эта война как заговор против духовной жизни немцев. К объективности в отношении духа народа призывает наречение: "Ты, моей земной отчизны дух..." Надежда на будущее.

ЛЕЦИЯ 2 13.02.1915.

Истины о столкновении народов не общезначимы, человеческом познанию не доступны. Различие миссий цветных и белых народов. Грядущая великая битва между цветной и белой расой. Своеобразие германских народов. Бальдур и Христос. Славянская культура как предтеча шестой культурной эпохи. Обмен письмами Ренана и Штрауса. Возможность для Средней Европы выйти за пределы национального. В Англии Теософия наряду с внешней духовной жизнью, в Германии Антропософия в тесной связи с остальной духовной жизнью. Сказанное в 1870г. о тенденции России к продвижению на Запад. Значение наших сегодняшних мыслей и чувств для будущего.

ЛЕКЦИЯ 3 14.02.1915.

Связь человека с духом его народа и с духами других народов. Оккультные основы развязывания войны. Явление Христа в эфирном теле. Союз Франции с Россией как внешняя иллюзия. Задача центральной Европы. Деятельность Христа в неосознанных силах души. Константин, Орлеанская дева. Трудности самопознания. Брюшное и головное ясновидение. Пробуждение сознания в душах после смерти. Действие эго

эфирного тела в Гётеануме. Эфирные тела павших на поле сражения.

ЛЕКЦИЯ 4 22.11.1915.

Значение массовых смертей во время войны. София Штинде. Наша связь с умершими. Жизнь в духовном мире после смерти. Действие Иерархий в бытии умерших. Значение нашей памяти об умерших для самих умерших.

ЛЕКЦИЯ 5 23.11.1915.

Переживания души после смерти. Панорама жизни. Длительная память о моменте смерти. Вступление в камалоку. Формирование кармы. Связь нашего сознания во сне с жизнью в камалоке. Действие эфирных тел преждевременно умерших.

ЛЕКЦИЯ 6 24.11.1915.

Образование семян растений под воздействием космических сил. Наблюдение над астральным в мире животных. Загадочность смерти. Деятельность рано умерших в потустороннем. Результаты исследования Морица Бенедикта. Значение духовного для развития Земли к бытию Юпитера.

ЛЕКЦИЯ 7 12.03.1916.

Отторжение Антропософии Анни /Анной/ Безант. Важные / существенные/ черты русского народа. Использование этих качеств стоящими у власти. Необходимость восприятия среднеевропейского импульса через русский народ. Противоположность между сущностью немецкого и английского народов. Цели англосаксонских оккультистов. Развитие Елены Петровны Блаватской. Происки французских оккультистов в развязывании войны (für den Krieg).

ЛЕКЦИЯ 8 15.03.1916.

Значение наших мыслей для работы третьей Иерархии над развитием Земли. Формирование нашей, ближайшей инкарнации через посмертные переживания души. Появление знания о духовном в карме Бертрама. Беспомощность современной медицины. К.Е. фон Баер и Эрнст Геккель. Тайные интриги свободных каменщиков и панславинистов.

ЛЕКЦИЯ 9 11.05.1917.

Потребность современного человека в Антропософии. Пробуждение к самостоятельности через антропософскую литературу. Недоразумения при её чтении. Оторванное от действительности мышление наших дней. Лео Кёнигсбергер. Стремление людей к удобству. Внесение личного в антропософическое движение. Е. Бамлер, Макс Зейлинг, Макс Гейндель. Необходимость двух подходов.

ЛЕКЦИЯ 10 13.05.1917.

Нужность материализма. Эрнест Ренан. Омоложение человечества. Вудро Вильсон. Проникновение в деятельность 3-й Иерархии и развитие самостоятельности человека, воздействие лишенных духовности методов воспитания наших дней. Лишенные реальности воззрения современности "Город, как форма жизни" и "Античный город". Два подхода.

ЛЕКЦИЯ 11 15.05.1917.

Душевное и его связь с посмертным. Ритмы жизни. Утрата сознания духовного в ходе эпох. Вымогательство посвящения римскими цезарями. Нерон, как первый психоаналитик. Значение Мистерии Голгофы для развития самосознания человечества, Вредность абстрактных идей. Конкретное применение идей братства, свободы и равенства. Трехчленность человека и собор 869 года. Задача духовноведения в связи с препятствующим внесением личностного.

ЛЕКЦИЯ 12 23.02.1918.

Мышление, чувствование и воление. Наше общение с умершими. Восстановление общения с умершими через конкретные воспоминания. Подлинное историческое обозрение и иллюзия исторического обозрения. Частности наших взаимоотношений с умершими. Путь Герфеса к фашизму. Духовный задний план взаимоотношений Востока и Запада.

ЛЕКЦИЯ 13 24.02.1918.

Победа Михаила над ариманическими духами и её воздействие на Землю, значение 1879 года. Мертвые и лживые призывы и их воздействие в педагогике. Интерес к глубоким запросам рабочих. Теодор Циген. Ленин. Последствия оторванного от жизни мышления! Вильсон как непрактичный теоретик.

ЛЕКЦИЯ 14 23.04.1918.

Некоторые конкретные сведения о жизни после смерти... Значение имагинации, инспирации и интуиции для жизни между смертью и новым рождением. Эдуард фон Гартман. Две различные книги Гертвига. Люциферические импульсы в прошлом, Ариманические импульсы в будущем. Значение бездуховности современной жизни для социальной жизни.

ЛЕКЦИЯ 15 26.04.1918.

Омоложение человечества. Настроение ожидания и его значение в педагогике. Вредность современных методов воспитания. Образное преподавание как противовес выучиванию букв. Примеры введения в полное чувство переживания природы. Наше общение с умершими. Живое продолжение воздействия Гёте в духовноведении. Вильсонизм и Ленинизм как порождения лишенного духовности мировоззрения.

ЛЕКЦИЯ 16 21.03.1921.

Вопрос о виновниках войн и диктат победителей. Две основные мысли у руководящих лиц англосаксонской расы. Два пути английской политики Непрактичность (оторванность от действительности) мышления (sinn) "практиков". Хозяйственная и политическая обстановка в Австрии накануне разразившейся войны. Немецкий император. Решение Мольтке. Его мемуары. Важные моменты перед началом войны. Неосведомлённость (Ahnungslosigkeit) ответственных лиц. Потребность в больших исторических рассматриваниях.

В годы войны Рудольф Штейнер перед каждой лекцией, прочитанной в кругу антропософов в охваченных войной странах произносил слова, обращенные к стоящим на полях сражений и к прошедшим через врата смерти. Они гласят: Обратимся, милые друзья, к охраняющим тех, что стоят во вне, на обширных полях разыгрывающихся современных событий.

Духи их душ, действенные бдители!
Ваши крылья да принесут
Наших душ молящую любовь
Вашей защите вверенным земным людям,
Дабы с Вашей мощью соединенная,
Наша мольба помогающе сияла
Душам, которых они ищут, любя.

И о тех, кто в результате событий уже прошёл через врата смерти:

Духи их душ, действенные бдители!
Ваши крылья да принесут
Наших душ молящую любовь
Вашей защите вверенным людям сфер,
Дабы с вашей мощью соединенная,
Наша мольба помогающе сияла
Душам, которых они ищут, любя.
И Дух, к Которому мы стремимся нашим познанием,
Дух, Который, дает земной жизни смысл, значение,
содержание,
Дух, из божественных солнечных высот
Прошедший через Мистерию Голгофы,
Да будет Он с Вами и вашим тяжелым долгом.

В иных обстоятельствах слова звучали следующим образом: Мы вновь прежде всего обратимся к Духам-Хранителям тех, кто силою тяжелых обстоятельств стоит во вне на полях сражений:

Вы, бодрствующие над земными душами.
Вы, парящие над земными душами.
Духи, Вы, охраняя, над человеческими душами,
Из мировой мудрости, любя, действующие,
Услышьте нашу мольбу, взгляните на нашу любовь,

Которая с Вашими несущими помощь лучами-силами
Соединиться стремится, духу отдаваясь, любовь
посылая.

И к охраняющим тех, кто в силу этих обстоятельств уже
прошел через врата смерти:

Вы, бодрствующие над душами сфер,
Вы, парящие над душами сфер,
Духи, Вы, охраняя, над душевными людьми
Из мировой мудрости, любя, действующие,
Услышьте нашу мольбу, взгляните на нашу любовь,
Которая с Вашими несущими потоками помощь сил
Хочет соединиться, дух предчувствуя, любовь
излучая.
И Дух, к которому мы хотим приблизиться через
наше духоведение
Дух, Который стремился через Мистерию Голгофы
Принести Земле исцеление (Heil),
Человечеству свободу и прогресс,
Да будет он с Вами и Вашим тяжёлым долгом.

ЛЕКЦИЯ 1

30.09.1914. ШТУТГАРТ

Ускоренное событиями, разыгрывавшимися в последние годы разразилось над миром то, что в основном уже давно могли предвидеть. Только в следующие эпохи в полной мере осознают во всей глубине серьезность событий, свидетелями которых мы являемся. Многие, лежащее в основе этих серьёзных событий, остается сегодня вне поля нашего зрения - даже в их внешних проявлениях. Но для нас, мои милые друзья, в эти серьезные времена прежде всего значимо следующее, что я хочу выразить такими словами: в течение ряда лет мы углублялись в познание духовного, мы пытались овладеть знанием, чувствованием и восприятием духовных миров и всем, что относится к этому знанию, чувствованию и восприятию. Но теперь мы стоим в известном смысле, перед неизбежностью событий испытания: будем ли мы в состоянии под тяжестью обрушившихся на нас бедствий сохранить верность нашим высоким идеалам, предписываемым нашим знанием о духовном мире и его живым восприятием. Да, там, в наших ответвлениях, где соединены единомышленники, объединенные общими чувствами, это легче - сохранить то, что духовноведение должно принести человечеству, но мы должны везде и всюду хранить высокие идеалы, высказанные уже в нашем первом основном положении (примечание 3). Мы же общество, действующее не среди родственных народов, мы стремимся на весь мир распространить дух миролюбия (умиротворения). С этим связаны испытания, так как во время, в которое мы живем, действительно трудно подняться к высокой объективности, к Справедливости.

Как раз, исходя из того, о чём говорится в моей сегодняшней лекции, обитатели Средней Европы, и прежде всего немецкий народ, имеют в известной мере, возможность скорее, чем другие народы, прийти к объективной справедливости. Здесь надо не просто отдаваться непосредственным впечатлениям, но как серьёзные антропософы должны мы попытаться с пониманием вникнуть в речь, в которой сегодня звучит стремление к справедливости в духовном смысле.

Не из желания привести личное, но потому что это симптоматично, хочу я поделиться следующим: первый том

моей книги "Загадки философии" может быть имеется на руках у некоторых из Вас. Второй том во второй половине июля был отпечатан до 104 стр. Но среди строки он был оборван. Как раз на месте для меня значительном, симптоматичном. Я характеризовал французских философов и старался до предела быть объективным. Затем я намеревался перейти к малоизвестному молодому мыслителю. Я хотел после рассмотрения французских современных философов перейти к тому, что говорится здесь, по эту сторону Рейна, в Германии. Но лист был пуст, так как разразилась война. Часто я был вынужден смотреть на пустые страницы 13-го листа.

И тогда раздались голоса из-за Рейна. Они нам хорошо знакомы эти голоса. Говорили о немецком варварстве и тому подобное, и бросали нам полные ненависти и клеветы обвинения. Это было удручающе - то, что тогда пришлось пережить. Именно уважаемые представители духовной жизни Франции возбуждали в народе ненависть и страсти. В этом случае личное может быть рассмотрено как симптоматическое. Когда в книге по истории Философии подходят к французским философам и душевно стремятся отдать им все должное, всеми силами стараются с величайшей объективностью вжиться в философию Запада, то горечью наполняет душу, когда, невзирая на все факты, кричат о "варварской манере по ту сторону Рейна". Было тем более горько, что одним из самых ярких противников и ненавистников немецкого был Морис Метерлинк.

Изумительно: первое произведение, написанное Метерлинком которое уже вполне выражает его существо и его своеобразие, звучит совсем из Новалиса, сотворено из Новалиса. Без Новалиса не было бы Метерлинка. Все поздние его произведения выросли именно из этого первого, из фундамента Новалиса. Что тоже бросает свет на то, как в наше время рождается справедливость. В событиях наших дней совершенно недостаточно просто слышать голоса, здесь и там звучащие из страдания, но надо живо откликаться на происходящее. Когда дают звучать этим голосам, это ведет к объективности. Эта объективность ничего не имеет общего с малодушием.

Огромной важности события происходят в наше время, потрясающие события. И будущее будет вынужденно для сравнения привлекать значительнейшие события прошлых времён. И не одно какое-либо историческое событие, а многие

исторические события должны соединиться, чтобы образовать нечто подобное.

Как однажды, в период расцвета греко-римской культуры, римляне вынуждены были вступить в Пунические войны против Карфагена, как тогда памятная битва при Myla (примечание 6) решила судьбу римлян, которые свою расцветающую греко-римскую культуру сумели уберечь от поглощения /затопления/ идущими к упадку, но внешне еще могущественными силами государства карфагенян, так видим мы в развязывании современной войны как бы подобие тех событий. Это может быть сегодня здесь высказано. Это была знаменательнейшая война - война между Римом и Карфагеном. Карфагеняне имели мощный флот, казавшийся могущественным по сравнению с малочисленным флотом римлян. Но римляне пришли к совершенно необычной идее перекидных мостов, которые они перебрасывали с римского на карфагенский корабль (взятие на бордаж - прим. перев.), превращая таким образом морской бой в сухопутный, и в привычных им условиях одержали решающую победу. Как тогда произошло нечто неслыханное для тех времен, так в Люттихе (примечание 7) разыгралось нечто, напоминающее события древности, что могли предвидеть лишь немногие и о чем будущие времена будут говорить, как о величайшем достижении. Я вспоминаю об этих фактах только потому, что хочу обратить Ваше внимание на значительные события, современниками которых мы являемся.

Именно сейчас те дни, когда на востоке и западе, на острие ножа, принимаются важнейшие решения. Сердце может разорваться, если вдуматься, какие силы противостоят друг другу; но именно в эти дни, когда предстоящие решения как неизвестность стоят перед вопрошающим взором людей, можно обратить внимание на нечто другое, имеющее исключительное значение.

Я могу говорить об этих вещах так, как я буду говорить, потому что я, в известном смысле, подготовлен к этому моей кармой. Родился я, ведь, в том краю, о котором говорят, что он та много привнес в войну народов. Но, повзрослев, вижу я, что ещё с детства был предопределен к отсутствию родины. У меня не бы ло условий, чтобы пережить интимнейшую связь с родиной землей и её обитателями. Кроме того, мое детство выпало на время когда в самой Австрии встретился я с

ненавистью к немецком, когда австрийские немцы еще были под впечатлением победы Пруссии, когда и немцы Австрии ненавидели немцев Германии (Пруссии). Для пробуждения у меня предвзятости в отношении Германии не было оснований. Это отсутствие родины, которое мне дано было моей кармой, позволяет мне говорить объективно, с полным сознанием, что через сказанное мною говорит Антропософия.

Дело сегодня не в пророческих высказываниях. Поэтому не будем спорить с теми, кто говорит: Это еще под сомнением, за кем останется конечная победа. Но одна победа, важная победа, созвучная с духовным воззрением, уже - одержана, значение которой неугасимо для будущих времен, уже одержана. Что это за победа? Она была достигнута до начала войны. Эта победа может быть охарактеризована следующими словами: Не была ли Средняя Европа долгие годы связана с Востоком? Речь идет не о народе, живущем на востоке Европы. Мы хорошо осведомлены об этом народе, и кто хочет знать правду о роли этого народа в общем развитии народов, пусть прочтет цикл лекций "Миссии отдельных народных душ в связи с северо-германской мифологией /прим. 8/. Он нечто иное, этот народ на востоке, а иное - трилистник стоящий во главе противников немецкой духовности: царизм, русский милитаризм, получивший оплеух, и изолгавшийся панславянизм. Были нити, тянувшиеся от сердца Европы к этому трилистнику, хотя и не до последнего листка.

31.VII. этого года объявлением войны эта нить между германо-австрийским руководством и царизмом была оборвана, отброшена. Это была большая победа... (последующее не ясно). Смысл представляется примерно таким, что события, разыгравшиеся тогда между Центральной Европой и западными могуществами и Россией, имели всемирно-историческое значение. (Сопоставьте с примечанием 2).

Мы имеем здесь важные черты современной истории. Не надо закрывать глаза на неестественность союза Западной и Северо-западной Европы с Востоком, - если смотреть с точки зрения Антропософии. Попробуем подойти с этой точки зрения.

Во время наших столкновений с госпожой Безант (примечание 9) один индусский ученый (индусский?) сказал,

что манера, с которой госпожа Безант кричит о терпимости, напоминает ситуацию, как если бы человеку собирались отрубить руку и он сопротивлялся, а его бы призывали к терпимости, в противном случае угрожая ссорой. Не много надо ума, чтобы понять, что это абсурд - требовать лояльности от человека, которому собираются отрубить руку.

В последние недели мне часто пришлось слышать именно такое суждение: если бы Австрия не начала войну с Сербией, это было бы проявлением терпимости. Точно те же обстоятельства. Того, кому хотят отрубить руку, призывают быть терпимым: - У нас много возможностей учиться объективности в разыгрывающихся вокруг нас трагических событиях, но для этого надо уметь думать. Научиться думать, это тоже одна из задач Теософии. Есть цикл о душах народов. Если теперь, в этих тяжелых обстоятельствах мы не примем его со всей серьезностью и благоговением, то наша тогдашняя работа над его пониманием окажется бесплодной теоретической игрой. Необходимо, чтобы эти вещи вошли нам в плоть и кровь, чтобы мы их прочувствовали, чтобы они принесли нам ясное понимание. В предпоследней лекции этого цикла пытался я показать, что различные души народов, в отношении трех сил души взаимодействуют между собой так, как это показано в последней картине драмы-мистерии "Врата посвящения". Содержание высказываний, слова, которые там говорит каждый из трех персонажей, должны быть воспроизводимы точно, так как каждый из персонажей представляет одну из трех способностей (членов) души (примечание 10) В предпоследней лекции цикла о душах народов указывается на то, что в народах Италии и Испании звучит в наши дни отзвук после -атлантической культуры: их народный характер отчеканен в душе ощущающей. Во Франции это душа рассудочная, в Англии душа сознательная и в Средней Европе - Я.

Не знаем ли мы по своей собственной душе и внутренней борьбе между отдельными её членами? На это обращает внимание вторая драма-мистерия "Испытание души". Мы можем получить ключ к пониманию того, что приходит в наше время, если дадим воздействовать на себя всему, что там сказано. И мы должны попробовать данную в цикле картину сделать в своей душе такой ясной, чтобы нам стало понятно, как мы в Средней Европе должны искать Я. Так, что сегодня, как тяжелая судьба, разыгрывается в мире, стояло перед

нашей душой в дни мира в тиши духовной работы над этим циклом. По существу многое из того, что присходит сейчас, станет нам. ясным, если мы примем во внимание все сказанное в этом цикле. Тогда только достигнем мы необходимой объективности

Во всех войнах так было, что противники друг в друге видели виновников войны. Для нас, мои милые друзья, это не подходит, так мы не можем думать. Нам подходит другое. Я поясню это примером. Представим себе: старец сопоставляет себя с ребенком, полным свежести и сил. Правильно ли было бы, если бы этот старец стал на него злиться и говорить: ты, в твоей юной силе, ты виноват в дряхлости моей старости! Это не разумнее, чем когда теперь, например, немцев называют виновниками войны. Надо себе уяснить; то, что происходит, заложено в карме народов. И в жизни каждого народа есть юность и старость; и как в человеческой жизни свежая сила юности неповинна в дряхлости, старости, так же нелепо предъявлять такие обвинения в жизни народов.

Но все эти разговоры не должны нас ослеплять; мы должны смотреть на факты, на объективное. Глубокие первопричины современных событий сегодня не подлежат обсуждению, невзирая на то, что такие обсуждения кое-кому попортили бы крови - но я могу другим путем показать вам, в чем здесь дело.

Как Антропософы мы знаем: в немецком покоится Я Европы. Это объективный оккультный факт. Я хочу назвать имя одного человека, не теософа, но жившего в духе немецкого народа, - чтобы охарактеризовать, к чему привело его осознание Я. Я знаю, так думает не один он. Это Герман Гримм, который в духовном смысле как бы нес в себе дух Гёте. Он произносит изумительные слова: "Общность моральных убеждений всех людей -это сегодня всех нас объединяющая церковь. С большей чем когда либо страстностью ищем мы сегодня зримого выражения этой общности. Все действительно серьезные устремления масс направлены к этой единственной цели. Национальные различия утратили здесь свое значение. Мы чувствуем, что в этическом мировоззрении нет национальных различий. Мы все готовы пожертвовать собою за свою родину; но мы далеки от цели желать или призывать для этого мгновения войну. Уверения, что сохранение мира - наше священнейшее желание, не ложь. "На земле мир и в человеках благоволение" - это пронизывает нас.

Взгляните на то, что говорит Антропософия, как ответ на эти слова. Наше духовное движение ищет возможности удовлетворить такие стремления. И вот еще другие слова Германа Гримма: "Люди осознают свою всеобщность, когда ощущают себя подвластными незримому, как бы на облаках покоящемуся Могуществу, которому не смеют ни противостоять, ни рассматривать его как несчастье, и понимание правильности, справедливости чьих решений они ощущают как свою внутреннюю обязанность. С боязливостью стараются они оправдать себя. Какие усилия употребляют сегодняшние французы, чтобы представить войну против Германии, которую мы предвидим как законную необходимость, признания которой они требуют от других народов, да и от самих немцев. Как ответ на эти слова примите то, что говорит Антропософия о мире Иерархий. Потрясает, когда видишь, как человечество в лице своих лучших высочайших представителей, полно тоски и стремления к тому, что несет с собой Антропософия, но проходят мимо нее, не находят её, и как тогда с боязливым устремлением идут люди себе оправдания.

Еще один примечательный факт. Герман Гримм говорит: Как стараются современные французы представить войну против Германии -как законную необходимость, признания которой они требуют от других народов, да и от самих немцев. Это слишком мягко сказано. Стремление представить войну, как законную необходимость, - не видим ли мы её и сегодня в том, что идет нам навстречу с Запада?

И еще третьи слова Германа Гримма хочу я вам прочесть сегодня. Вновь вы увидите, как близко он подходит к тому, что несет в себе наше движение. "Обитателей нашей планеты, взятых вместе как единство, наполняет всеобщее тонкое чувство, доступное и самым отсталым народам. Люди сегодня признают за каждым отдельным духовным существом право на индивидуальное самоутверждение. Даже дикие создания постигают это." Но ведь эти слова Германа Гримма говорят то самое, что высказано в основном положении нашего общества.

Вы видите, что Антропософия является ответом на призыв, злу звучащий в голосах лучших представителей немецкого духа. Освещение получает через это и тот факт, что немец, где бы он ни был, поступаясь своими привычками и входя в обычаи другой страны, не теряет своей духовной культуры и своей

национальности.

Все это, мои милые друзья, в известной мере дает нам основание считать себя правыми, и притом все же не закрывать глаза на то, что действительно должно быть принято во внимание.

И для оккультистов последние годы принесли неожиданности. Во время моего курса в Норчепинге (примечание 12) мог, должен я был сказать слова, вызванные такой неожиданностью. Действительно: за многие годы можно было предсказать разыгравшиеся теперь события, и закономерно то, что они разыгрались именно в этом году. Но в начале нельзя было предугадать, что когда мы соберемся на Мюнхенский цикл (примечание 13) и разойдемся после него, что тогда мы будем стоять перед значительнейшим событием убийства в Сараево (примечание 14). Много раз я подчеркивал, как по-разному значимы события здесь, на физическом плане, и на духовном плане, как нередко они дают обратную картину, и всё же я был поражен, когда смог сравнить индивидуальность, прешедшую через это убийство, до и после её смерти. Произошло нечто исключительное: эта личность стала космической силой. Я говорю об этом, чтобы обратить ваше внимание на то, как факты физического мира являются символом духовного, и как все явления физического плана могут быть правильно поняты только, если их видят, исходя из духовного. Некоторые из вас знают это мое прежнее высказывание. Я говорил: Ужасающее витало в астральном мире, оно не могло опуститься на физический план, так как на физическом плане были сконцентрированы астральные силы, силы страха, которые ему противостояли. Это было 20-го июля, когда я увидел, как силы страха стали силами мужества, отваги. Непередаваемо значителен факт: силы страха становятся силами мужества. Тогда перестает быть непонятным энтузиазм, как совершенно исключительный феномен, охвативший всю страну. Это факт, ставший мне доступным, и насколько же известно, не воспринятый до того ни одним оккультистом.

Ну, вы же все были свидетелями, как этот энтузиазм в несколько дней охватил всю страну людей, до того бывших совершенно миролюбивыми, как поднялись они на волне мужества.

Но скоро пришло время, когда с болью узнали мы, каких чудовищных жертв требует эта война. И когда я в первых числах сентября был в Берлине (примечание 15), глубокая боль охватила мою душу, когда мне стало известно, какой цвет немецких душ пал жертвой на полях сражений. Я должен был отдаться этой боли, и из нее родилось - не по моей личной заслуге - оккультное исследование. В страдании даруется душе оккультное познание. Боязливый вопрос стоял перед моей душой: когда сталкиваются такие массы людей - что происходит тогда?

И я тогда увидел, как павшие, после смерти, поднимаются над полем сражения и помогают тем, кто вступает в бой вслед за ними. Это открыло ясновидческое исследование. Когда умершие помогают живым, это дает утешение в страданиях. Мои милые друзья, то, чем является Антропософия, должно проникнуть в глубь жизни и в тот момент, когда любое утешение кажется бессмысленным, когда душа не в силах найти себе правильное переживание. И в этих условиях может познание духовного помочь душе, и в этих условиях может оно принести облегчение. Я знаю, среди нашего движения найдутся души, которые и в этих трагических обстоятельствах из духовного познания почерпнут мужество.

Из духоведения мы знаем, что властителями и руководителями человечества являются духовные Существа. В духовном мире предначертаны приблизительные сроки, в которые должно быть достигнуто то или иное. Итак, приблизительно к 1950-1970-м годам человечеству Земли предназначено достигнуть известной способности любви - для победы над эгоизмом. Все в духоведении стремится эту любовь пробудить. Оно делает это подобно тому, как огонь в печи рождает тепло. Любовь может быть пробуждена словом; и наше движение пытается пробудить её великими откровениями Антропософии. Но если человеческие души не отзовутся в должной мере навстречу Слову, если это будет идти слишком медленно, так что к назначенному сроку не раскроются способности любви и жертвенности, тогда вступят другие мастера обучения.

В Дорнахе это было показано символически. Предполагалось закончить строительство здания (Бау) к началу августа. Из этого ничего не вышло; кармой не было предназначено, чтобы все здание было закончено к этому

сроку и, как символ духа, с востока и юго-востока смотрело со своего возвышающегося холма.

Всё же, как стражи духа, возвышаются над далью окрестности колонны и куполы. В нашем здании должна быть разрешена и проблема создания наполненного акустикой пространства. Я мог удостовериться, что правильная акустика найдена. Звук, на пробу изданный в определенном месте, показал правильность акустики здания. Но прежде чем услышать через эту акустику слова о жизни духа, наши друзья услышали эхо грома пушечной канонады с юга Эльзаса, и вместо света духовного мира, вторглись в здание и залили его массы света от прожекторов крепости в Иштайне. Своеобразный символ! Символ, который может быть здесь приведен. Другой мастер обучения требуется иногда! Не он ли это действует, не противостоит ли он с мощью материализму? Что совершилось в течение одной недели! Какие победы над эгоизмом! Какая пробудилась готовность к жертвам, любви к людям!

Когда я ненадолго ездил в Вену (примечание 16), карма подбросила мне в руки одну газету. Там было сообщение воина - австрийца, отправившегося на фронт. Вначале он описывал, как на всем пути следования их окружала любовная забота, а в конце есть одно место - воин, по-видимому, никогда не был близок к Теософии, - где он говорит: Мы, идущие в бой, попытаемся со всем мужеством и со всем запасом сил, какой мы имеем, постоять за справедливое дело; но и остающиеся дома могут быть действенными". И далее идут значительные слова. Он говорит: "Если Господь услышит молитвы, - кто не умеет молиться, пусть соберет воедино все силы мысли и воли в стремлении к победе..." И он несет все свои силы!

Многие годы говорим мы о силе чувств. То, что мы растили в себе работой многих лет, живёт теперь в этом простом солдате. Как ни оценивать его переживания, одно несомненно: это одухотворённость человеческой души, которая вне этих событий ещё долго не пришла бы к духовности.

Значительны эти события. Сопоставить их можно только с великими событиями прошлого, циклически повторяющимися. Как войны Рима с Карфагеном и войны периода переселения народов, так не менее значительна война, в центре которой мы стоим сейчас. Из слов, сказанных мною, одно особенно

западёт в Ваши души: те, кто ныне стоят на полях сражений, кто в боях проливает свою кровь, приносят её в жертву тому, что должно совершиться для оздоровления человечества. И когда мы глядим на эти великие жертвы, на эти страдания, одно может нас наполнить - не радостью, но чувством глубокого удовлетворения: что эта святая кровь течёт, освящённая происходящим, и те, кто её пролил, станут важнейшими участниками будущего. Многие станут нам понятными, если мы сумеем видеть в пролитой крови святую кровь жертвы. Если этой картиной мы дадим силы нашим душам, тогда дух найдёт в нас свои плоды. Я могу сказать: именно в душах наших милых антропософских друзей может жить то, что сказал этот простой солдат.

Мысли, которые, как глубокая убеждённость, могут сохраняться в душах антропософов, будут с особой силой звучать во внешнее; и это необходимо, чтобы были действенны слова, которые мы предпосылаем нашим собраниям. Среди сражающихся есть уже те, кто имеет в себе правильные мысли и чувства.

Духи их душ, действенные бдители,
Ваши крылья да принесут
Наших душ молящую любовь
Вашей защите вверенным земным людям,
Чтобы с Вашей мощью соединённая,
Наша мольба помогающе сияла (излучалась)
Душам, которые она ищет, любя.

Мои милые друзья! Цель моей сегодняшней лекции - чтобы то, что мы усвоили мысленно, витало в Ваших душах навстречу событиям, чтобы мы справились с испытанием, чтобы мы обрели правильный взгляд на события и взаимоотношения. Духовность же придёт через этого великого мастера обучения, властвующего теперь в Европе. Но человек рождён для свободы. Многие зависят от тех, кто объединён с нами в нашем духовном движении. Если в Ваших душах будут жить в эту пору испытаний правильные антропософические мысли, тогда пространство, которое сейчас наполнено противозлобствующими страстями, наполнится светлыми светящимися духо-мыслями, светлыми правильными чувствами. Такие чувства будут длительно продолжать жить.

Я порой молюсь ночами, чтобы многие антропософы

посылали в мир такие полные излучающегося света мысли-силы; и если мы сознательно направим к этому силы нашей воли, то мы будем иметь возможность наполнить наше окружение истинным служением любви. Будем внимательны, чтобы не пропустить возможность деятельно внести в мир любовь, живущую в наших сердцах. Где бы мы не находились, наша Карма поставит перед нами требования, к выполнению которых мы предназначены.

Со слезами на глазах читал я письмо к матери молодого австрийца, который 26 июля слушал в Дорнахе (примечание 17), сказанные тогда слова; он пишет о том, как живут в его сердце сила и настроенность, которые даёт Антропософия, и как это помогает ему исполнять свой долг на том месте, на которое его поставила судьба. Эти же чувства и мысли встретил я в письме другого молодого друга, который также пережил это собрание в Дорнахе и затем отбыл на фронт. Такие мысли и чувства, это те, какие должны сегодня жить в душах: стремление выполнить поставленный судьбой долг, дать властвовать силе суждений и быть внимательным, чтобы не пропустить момента, требующего нашей любви. Тогда нечто совершится в будущем, когда народы Европы не будут больше противостоять друг другу в войнах, тогда в мире мыслей то, что мы сейчас посылаем в мир, будут наиболее длительно живущими, наполненными силой, в них будет звучать вечное. То, что мы сейчас чувствуем, будет оздоравливающим - если мы соединимся с чувством, что одна победа неискоренима: победа Духа.

Значительные слова сказаны этой весной одним немецким политическим деятелем (примечание 18). Он сказал о наших взаимоотношениях с Россией, что Германия состоит в дружеских взаимоотношениях с Петербургом, который не обращает внимания на подстрекательства прессы. И об Англии в июле было сказано, что напряжение ослабляется, что переговоры с Англией не прерваны, что они продолжаются в духе смягчения. Так говорил известный политический деятель ещё 3 июля. Перечитываешь теперь эти слова и пытаешься представить себе как беспомощно было человеческое суждение накануне разразившихся событий! Но одно явствует из этих слов: мы не хотели войны! О, надо - поймите меня правильно, - чтобы выразиться гротескно, надо быть не немцем, чтобы эти слова нашли должное понимание, чтобы они приобрели соответствующее им значение.

Но человеческая душа ищет чего-либо постоянного, не таких слов, которые сегодня звучат, а завтра оказываются несостоятельными; она ищет того, что истинно и сегодня, и завтра. Эту истину она найдёт только в духе. Мы можем довериться победимости Духа. Кто свяжет себя с духовным, найдёт правильный путь к мудрости, которая рождается только в соединении с Духом. Именно на неделе, предшествовавшей началу войны, пришлось мне прочесть в одной газете такие строки: Вопреки недовольству Либкнехта я настаиваю на том, что в политической жизни нет нужды говорить правду, за исключением тех случаев, когда она сама выходит наружу или когда она причиняет кому-либо вред. Это высказывание рождено материализмом нашего времени, в котором мы бы задохнулись без этой войны, и победить который является задачей нашего движения, которое, как важнейшее, несёт в себе слова: Мудрость только в Истине (примечание 19). Если мы стремимся постигать вещи в их подлинной действительности, тогда мы познаём, как необходим нам дух Истины. Так как дело в том, чтобы мы пробилась к той объективности, которая может быть достигнута только через дух Истины. Если пробиться к этой объективной Мудрости, то уже сегодня можно достигнуть того, что станет явным для позднейших времён, что эта война - заговор против немецкой духовности.

К такой объективности может нас привести речение, обращённое к Духу народа:

Моей земной отчизны Дух!
Свет чина Твоего открой
Душе, Христа несущей
Дабы, стремясь, она могла найти
Средь хора сферы мира
Тебя, звучащего хвалой и мощью
Чувств человека, преданных Христу.

/См. примеч.20/.

Многое может произойти для наших душ и для нахождения ими правильного пути, если мы жизненно соединим наши души с тем, что может произрасти из такого развития. Тогда, я знаю, будет осуществлено нечто, являющееся важным звеном в том, что должно развиваться, что будет жить в душах антропософов, и что несёт в мир Антропософия, и что

осуществит надежды. Я хотел бы выразить следующими словами:

Из мужества сражающихся,
Из крови сражений (битв),
Из горя покинутых (оставленных),
Из жертвенных сражений народа,
Вырастит духовный плод -
Направит души к осознанию духа,
Их помыслы к духовному миру.

Это то, мои милые друзья, что должно придти: деятельной любви должны мы учиться, внимательными к требованиям дня. С ясностью и без предубеждённости должны мы видеть факты, чтобы достигнуть той объективности, которая необходима сегодня и которая так трудно достижима для многих. Быть может нам в этом смогут помочь, внося ясность, наши иностранные друзья, которые слышат эти слова.

Если мы пробьёмся к такой объективности и к такой готовности к деятельной любви, тогда из таких стремлений подыметя сила, нужная тем Духам, которые шлют свои воздействия в судьбы народов и которые и в эти серьёзные, тяжёлые времена, помогая и направляя, стоят рядом с человечеством.

ЛЕЦИЯ 2

13.11.1915. ШТУТГАРТ.

Всё снова и снова должно быть подчеркнуто, что жизненный пункт нашей духовноведческой жизни это понимание того, что одно только знание, живущее в представлениях и идеях, лишённых чувства и воли, всё более и более уходит в прошлое, и что мы должны искать познание как сумму идей и представлений, чувств и волевых устремлений, которые станут для нас действительной жизнью, в полнейшем смысле слова станут живыми. Надо, чтобы мы время от времени направляли наши размышления, наши медитации именно в этот кардинальный пункт. Только если мы снова и снова будем преданно отдаваться этому размышлению, будем всё вновь и вновь возвращаться к нему, сможет озарить наши души, исходящий из него свет. Так как свет, который может исходить из этого понимания, только тогда озарит наши души, если мы снова и снова будем преданно возвращаться к этому размышлению. Ведь именно для нас, душой и сердцем стремящихся войти в духовноведческое течение, должно быть в эти серьёзные времена сердечной потребностью внести в действительную жизнь, в непосредственную жизнь души то, что мы постигаем в познании. Мы должны привнести старание, чтобы всё то, что является только теорией, только стремлением знать, постепенно действительно сделать переживанием, чтобы оно, через это превращение его в переживание, было одарено из духовного мира. Иначе мы пойдём навстречу душевному иссушению; так как теории, голые познавательные умозрения для того и предназначены, чтобы иссушать человеческие души и вообще всю жизнь человека. Но глубоко, глубоко укоренилось в наше время представление /вера/, что правильную ориентировку в жизни даёт именно уверенность научного знания.

Большие события, совершающиеся в наши дни, для душ устремлённых к духу, должно стать требованием однажды действительно уяснить себе различие между жизнью и, лишённым чувства и воления, голым знанием, между жизнью и научнообразно составленным представлением о жизни. Мы должны однажды хоть немного попытаться придти к подобию (к роду) взаимопониманию, чисто человеческого взаимопонимания; мы должны пытаться к этому пробиться, должны дать себе осознать, как прочно укрепился в сердце

современного человека демон теоретизирования (теоретического убеждения). Мы должны с ясностью направить наш душевный взор на то, как хочет укорениться этот демон теоретического убеждения (теоретизирования). И то, чем должна стать для нас Антропософия, не сможем мы сделать нашим внутренним переживанием, если мы не попытаемся, если мы не направим наш внутренний взор на факты, которые могут заставить врасплох и антропософов в их внутренней жизни, которые указывают на то, как далеко стоят, если отдаются современной душевной жизни, от непосредственного восприятия духа, и как близки к пустому теоретизированию. Фактам надо смотреть в глаза непредвзято.

То, что я скажу сейчас приводится как пример. С тех пор, как над Европой и миром разразились первые события войны я мог говорить о переживаемом в различных местах обширной территории немецкого языка, в том числе и здесь в Штуттгарте. В разных местах говорил я об этом. Что было одним из последствий того, что эти переживания обсуждались? Одним из последствий было настойчивое желание антропософов других стран получить эти материалы, предназначенные для говорящих на немецком языке. Эти требования исходили из предпосылки, что Истина для всех людей одна и что такое перенесение, без изменений и пояснений, сказанного в одном месте в другом месте может служить пояснению Истины. Стало модным в нашем духовном течении - все, что сказано, и то, что сказано в определенный момент, в определенном месте и именно данному человеку, записывать и считать, что оно в равной мере относится к каждому. Исходит из теоретической предпосылки, что Истина может быть сформулирована только одним единственным образом. Но, мои милые друзья, это безобразие, когда неточно записывают сказанные слова, когда их затем где-либо читают или повторяют и воображают, что они все еще сохраняют свой прежний смысл, это безобразие может вырасти в нечто чудовищное, если это продолжать. Идя навстречу переживаниям, которые даны нам, мы должны так вооружиться духовно-научным познанием, чтобы встретить их с большой серьёзностью. Делать оккультные Истины развлечением повседневной жизни - это не может быть задачей нашего духовно-научного движения. Пока мы не способны осознать, что за явлениями мира, разыгрывающимися перед нами на физическом плане, действительно стоят действенные духовные Могущества, и что

Духовная Наука дана нам, чтобы мы могли увидеть и оценить всё значение и внутреннюю истинность этих духовных Могуществ, пока мы этого не сможем, мы еще не на уровне нашей духовной Науки. Нам должно быть ясно: если мы исходим из чисто антропософских основ, если в своей душе мы постигаем великие Истины, касающиеся высшего существа человека, тогда мы стоим по ту сторону всех расовых различий. Если мы стоим на твердой основе того, что мы знаем из духовной науки о существе человека, тогда действительна одна и та же Истина для всего земного шара, да в известной мере и для других планет нашей планетарной системы; если мы стоим на этой основе, если мы живем в высочайших мыслях о существе человека; но иначе это, когда обзереваются факты, из которых говорит и должно говорить нечто другое, чем высочайшее существо человека; когда друг против друга стоят народы, мы имеем дело, не с тем, что выше всего, дифференцирующего человечество; когда друг против друга стоят народы, то противостоят не одни только люди, противостоят в духовном мире также сущности, которые действуют через людей, которые живут в людях. И думать, что то, что имеет значение для людей, имеет значение и для этих сложных демонических и духовных существ, которые действуют через людей, когда народы воюют друг с другом, думать, что можно что-либо сделать в этой борьбе демонов, исходя из человеческой логики, это значит, что не найдено ещё конкретное понимание духовного мира.

Что я хочу этим сказать? Неправда ли, если теперь мы смотрим на происходящее во внешнем мире, то мы видим - я хочу теперь совсем отключиться от происходящих мучительных событий, - что люди разных национальностей стоят друг против друга. Мы видим, как одна национальность затопляет другую потоками ненависти. Люди пытаются выяснить, спросить себя, кто имеет больше прав на ненависть, этот народ или тот, или какой надо ненавидеть больше, чем другой. Думают о том, какой народ особенно виноват в этой войне. Думают примерно так, как с полным основанием думают при судоговорении, когда взвешивают различные обстоятельства. Что же собственно делают, когда поступают как только что охарактеризовано, и что господствует в современной печати. Совершенно исключают всю духовную жизнь, если даже и не имеют этого намерения, так как опираются на догму, что к этим демонам, например, к тем, что с востока внесли раздор в жизнь Европы, могут быть

применены понятия обычного человеческого рассудка, так как не верят, не осознают, что есть другое сознание, другая сила суждения, чем те, что свойственны человеку. Когда пытаются такие вершачие эволюцию события обсуждать с узко человеческой точки зрения, то фактически отрицают духовную жизнь. Только тогда мы стоим на позициях действительной духовной жизни, если мы уясним себе, что в событиях на физическом плане действуют духовные первопричины, для понимания которых требуется иная сила суждения, чем свойственная физическому плану. Когда на физическом плане враждуют друг с другом люди различных убеждений, тогда возможно судить человеческим рассудком. Но этого нельзя делать, когда воюют народы, так как в жизни народов выражают себя незримые могущества. В человеке, конечно, тоже находят свое выражение незримые Могущества, но так, что они вписываются в человеческую способность суждения. В жизни народов они этого не делают. В жизни народов мы удостоверяемся в реальности конкретной духовной жизни и постигаем, что, когда свершаются такие значительные события, в человеческой душе говорят совсем другие импульсы, чем те, которыми может овладеть земное сознание.

Когда сегодня читают и усиленно обсуждают написанное, в том числе и те, кто захотел получить импульс духовной науки, то оказывается, что о многом пишется и говорится так, как если бы мировое развитие началось где-то около 20 июня 1914 года. Даже тогда, когда ищут причины современных путанных событий, говорят так, как если бы они начались в прошлом году. Практическим результатом духовноведения, помимо всего другого, должно стать стремление учиться составлять суждения, опираясь не только на то, что дает непосредственно сегодняшней день, но и исходя из обоих, взаимосвязанных явлений, это - элементарнейшее. Последующее состоит прежде всего в том, что суждение должно быть сопоставлено с тем, что дает духовная наука. Поясню на примере, как может быть плодотворна эта духовная наука, когда навстречу переживанию мы несем наше понимание и тогда берем это переживание в своё внутреннее.

Мы все время подчеркиваем, что развитие мира, развитие Земли, если иметь ввиду только послеатлантическое время, проходит в четко отличающихся культурных периодах. Мы перечисляем их: древний индийский период, персидский период, египетско-халдейский период, греко-латинский, затем

тот, в котором мы сейчас живем. Мы обратили внимание на то, что за нашей последует 6-ая и 7-ая культурные эпохи. Но мы не ограничиваем схематическим перечислением следующих друг за другом эпох. Мы попытались охарактеризовать своеобразие каждой из этих культурных эпох. Мы попытались таким путем прийти к пониманию времени, в котором мы живем, и тех импульсов, которые ещё живут из прошлого в нашем времени, в 5-ой культурной эпохе. И мы уяснили себе, что ни в коем случае эти характеристики не могут быть восприняты как схемы, что, например, никак нельзя представлять себе, что характерное для данной эпохи, в одном определённом районе, действует на всей поверхности Земли. Оно развивается, другие территории остаются в стороне. Они не отстают, они остаются с прежними силами, чтобы позднее, в другой культурной эпохе, соответственно ввести эти старые силы в русло продолжающейся эволюции. Надо думать не о сравнительной ценности, а только о своеобразии особенностей. Как могли бы люди не обратить внимания на глубочайшие различия в духовной культуре, скажем, европейских и азиатских народов. Как могла бы быть не замечена дифференциация в окраске внешней поверхности кожи! Когда мы смотрим на европейско-американскую сущность и на азиатскую сущность - мы совершенно исключаем вопрос о сравнительной ценности - мы должны увидеть, что азиатские народы сохранили определенные импульсы предшествовавших культурных периодов, в то время как европейско-американские народы оторвались от этих импульсов. Только не вполне здоровой душевной жизни может импонировать то, что, как восточная мистика, сохранено с древних времён, когда человечество было вынуждено жить с низшими силами видения. Тем не менее такая нездоровая душевная жизнь многообразно охватывала Европу; думали через азиатскую йогу и пр. найти путь в духовный мир. Эта тенденция ничто иное как результат /показатель/ нездоровой душевной жизни. Здоровая душевная жизнь должна строиться на преобразовании в духовную жизнь, в духовное познание переживаний 5-ой послееатлантической культурной эпохи, а не на оживление в человечестве того, что очень интересно познавать, так сказать, естественно-научно, но что должно быть возрождено для европейской части человечества, так как оно привлекло бы возвращение к временам, не соответствующим нашей эпохе. Но придут другие времена развития Земли, последующие времена. В этих последующих эпохах эти устаревшие силы будут вновь связаны с идущими

вперед силами развития. До того времени должны они сохраняться где-нибудь, чтобы быть готовыми соединиться с идущими вперед силами развития. Шестая культурная эпоха последует за пятой. Абстрактное мышление, порождение чисто научного - теоретического восприятия мира, неизбежно оценивает 6-ую культурную эпоху выше 5-ой, так как она следует за нею. Но мы должны себе уяснить, что есть времена подъема и времена снижения совершенно ясным должно быть нам стать, что 6-ая эпоха, которая следует за 5-ой неизбежно будет эпохой снижения, что то, что развито в 5-ой послеатлантической культуре будет зачатком для времени 7-ой послеатлантической культуры. Жизненно надо рассматривать факты, не абстрактно-теоретически, когда 6-ую культурную эпоху рассматривают как более совершенную чем 5-ую, только потому, что она следует за нею.

Во времена Атлантиды 4-ая культурная эпоха была той, в которой должны были быть заложены истоки нашей современной культуры. В наше время эта 5-ая культурная эпоха, та, в которой заложены семена той культуры, которая последует за нашей, послеатлантической. И что особенно характерно для этой послеатлантической 5-ой культуры, что должно развиться в ней ?

Характерно то, что - предваряя - заложено (зажжено) было в Мистерии Голгофы: что духовные импульсы низведены были вплоть до непосредственно физически-человеческого, что плотское должно было в известной мере быть пронизано духом. Этого еще не произошло. Это произойдет, когда духовноведение обретет более широкое поле деятельности на Земле и значительно большее число людей претворит идеи духовноведения в жизнь, когда в каждом движении руки, пальца - хотел бы я сказать - в повседневнейшем обиходе, будет выражаться духовное. Ради этого совершено было нисхождение духовного импульса Христа в плоть человеческого тела. И это нисхождение, это пропитывание плоти духовным импульсом, это то, что определяет миссию 5-ой культурной эпохи и миссию всего вообще человечества белой расы. Люди имеют их белую окраску кожи потому, что в ней должен действовать дух, когда он опускается на физический план. Чтобы то, что является внешним физическим телом, стало вместищем лица духа. Это и является задачей 5-ой послеатлантической культуры, которая подготовлена четырьмя предшествующими культурными

эпохами. И это должно стать нашей задачей: искать пути к тем культурным импульсам, которые ведут к пронизыванию духом плотского, повседневного. Если мы это хорошо поймем (усвоим), тогда нам будет ясно, что там, где дух еще вынужден действовать, как дух, где он в известной мере задержан в своем развитии - так как в наше время его задача пронизать плотское - что там, где он задержан, где он принимает демонический характер и не пронизывает должным образом плоть, что там не наступает белой окраски кожи, так как там есть атактистические силы, препятствующие пронизыванию плоти духом.

В 6-ой культурной эпохе послеатлантического времени будет задачей познать дух прежде всего, так сказать, больше парящим в окружении, чем непосредственно в себе самом, познать дух более в элементарном мире, так как задачей этой 6-ой культурной эпохи будет подготовить познание духа в физическом окружении. Это познание невозможно без использования старых атактистических сил, познающих дух в чисто элементарной жизни. Но эти вещи не проходят в мире без жестокой борьбы. Белое человечество еще на пути ко все более и более глубокому принятию духа в своё внутреннее существо. Жёлтое человечество на пути к консервации, к сохранению времени, когда дух не спускался в тело, когда его искали вне человеческого физического организма, только вне его. Но это ведет к тому, что переход от 5-го к 6-му культурному периоду не может произойти без бурной борьбы (войн) на обширнейших территориях между белым и цветным человечеством. И то, что будет предшествовать этим битвам составит мировую историю, вплоть до их разрешения. Будущие события многообразно отражаются в предшествовавших событиях. Когда мы с позиций духовноведения рассматриваем то, что мы усвоили из различнейших рассмотрений, мы стоим перед чем-то огромным, неизбежность чего в будущем мы можем провидеть, исходя из настоящего.

Итак, мы имеем с одной стороны часть человечества, миссия которой внести дух в жизнь физического плана, чтобы дух пронизал все частности физической жизни. А на другой стороне мы имеем другую часть человечества, вынужденную взять на себя развитие, в известном смысле, нисходящее. Это не может быть иначе-то, что действительно связывает себя с пронизыванием телесного духом, несет для Земли культурные импульсы, живые, прибывающие импульсы, которые не могут

быть изъяты из развития Земли. Так как то, что затем следует, как 6-ая и 7-ая культурные эпохи, будет духовно жить достижениями 5-ой культурной эпохи, оно должно будет воспринять в себя достижения 5-ой культурной эпохи. А её задача углубить внешнюю идеалистическую жизнь до подлинной духовной жизни. Но то, что таким образом, будет поднято от идеализма к подлинной духовной жизни, то должно быть позднее развито дальше, оно должно продолжать жить. Так как на Востоке будут иметь силы не для создания собственной продуктивной жизни, но для принятия в себя того, что создано. Таков ход истории. Современным, несущим особые духовные импульсы человечеством, будет создана духовная культура, которая станет историческим наследием 5-ой культурной эпохи и эта культура будет перерабатываться следующей за нею культурной эпохой.

Попробуем однажды совершенно объективно, без предвзятости, уяснить себе различие между этими духовными течениями человечества. Уясним себе, как со вступлением в развитие той части человечества, которая называется германскими племенами, началось проникновение духовного во внешнее физическое и были восприняты глубины христианства. Исходным моментом /отправной точкой/ было внешне-физическое, то внешне-физическое, которое одновременно содержит в физическом зачаток физически - духовного. Оглянемся на летнюю жертву, на жертву бога Бальдура в солнцевороте. Её глубокий смысл давно утрачен, но в чем её особенность её своеобразный глубокий смысл? Он может быть понят только, если направить взгляд на то, как с поднимающимися весенним солнцем, в свете и тепле, поднимаются духовные могущества, как бог весны вступает в свои права, и как, зажигая Иоаннов огонь, человек как бы уклоняется к силам природы, в которых господствуют силы весны, как он зажигает огонь, как символ того, что он соединяет свое сознание со смертью бога весны в летнем солнцевороте. Это древнее сказание о Бальдуре: бог весны сгорает в огне солнцеворота; во внешней физической природе, воспринимали плодоносящее, зарождающееся в природе; бога весны любили и следовали за ним в его смерти. Но в связи с этим во внешнем физическом мире, как бы имели праобраз: Христа, который не умирает в летнем солнцевороте, но рождается в зимнем солнцевороте - заметьте эту противоположность физического и духовного - потому что имели праобраз этой противоположности в боге летнего

солнцеворота, потому что имели эту противоположность телесного духовному, поэтому пробивались сознанием через родственное к противоположному. Если бог Бальдур - бог весны, умирающий в летнем солнцевороте, то Бог Христос это Бог, рождающийся в зимнем солнцевороте. То и другое выявляется как телесное, разыгрывается во внешнем, физически-телесном, пронизанном духом, затемненным физически -телесным, затемнённым мраком зимы. Дух зимы пронизывает телесность лета. Как они взимно-пронизываются? В непосредственном столкновении культурных импульсов. Что представляет собой история Средней Европы как не непрерывную борьбу за искру божественного в отдельной человеческой душе, за проникновение духовного в физическое? Можно все другое оставить без внимания, но истину надо увидеть, надо понять характернейшее этой средне-европейской сущности.

Возьмем другую часть человечества. Как далека она по сути дела, от этого импульса пронизания своей индивидуальности духом! Хочется сказать: с точки зрения исследования в высшей степени интересно наблюдать как сохранило конфуцианство свою религию ТАО, как вообще азиатские религии сохранили свои старейшие формы, абстрактнейшие формы, те формы, которые так удобны для теоретических понятий, но которые окостенели для индивидуального переживания, которые не впускают личное, индивидуальное переживание, потому что это личное индивидуальное переживание должно быть законсервировано до того времени, когда достигнутое так впитается в человеческую культуру, что оно сможет быть воспринято. В 5-ой культурной эпохе духовное должно быть достигнуто личным усилием; в шестой культурной эпохе это выработанное, достигнутое люди будут принимать в своё внутреннее, в своё переживание - но не как самостоятельно добытое. Они будут беречь свои силы, которые не смогут добыть в себе духа, но воспримут духовное, как нечто внешнее, само собой разумеющееся. И предварением этой борьбы далёкого будущего является то, что должно медленно развиваться как борьба между германским и славянским элементами. Подумайте о том, что мир славянства, в известном смысле, является форпостом того, чем будет 6-ая культурная эпоха, что заложено в нём зерно 6-ой культурной эпохи. Подумайте это серьезно, в истинном, подлинно духовноведческом смысле. Тогда станет ясно, что в этом славянском элементе должно быть заложено нечто

воспринимающее, чему чужда эта борьба, что собственно борьбу отклоняет. Это ясно видно. В то время как в Средней Европе души боролись, боролись за своё внутреннее, чтобы личным достижением добиться личного восприятия Бога; славянский элемент сохраняет уже данную ему религию, восприятие Бога, культ; он сохраняет их, не добиваясь внутреннего оживления духа, он оставляет дух, как облако, парящим над собой и живет в этом образе, в своем личностном оставаясь чужд духу. Средняя Европа не могла законсервироваться в какой-либо старой форме внешнего христианства, так как она должна была бороться за внутреннее восприятие Бога. Восток остался стоять, и неподвижными, абстрактными стали даже формы его культуры, потому что он должен подготавливаться к внешнему восприятию, к принятию того, что добивается Запад личным достижением так как он, этот Восток, не готов к тому, чтобы иметь это в личном достижении. Да и как можно чисто теоретически схематическим сознанием достигнуть понимания противоположного понимания "Я", когда в основе лежат совершенно противоположные духовные импульсы? И какое можно вынести посредническое, третейское суждение о двух различных духовных потоках, которые так соотносятся друг с другом, как именно должно соотноситься дифференцированное? Не поймите сравнение неправильно: как можно сопоставлять, например, слоновость со львиностью? События складываются соответственно вечной необходимости и протекают так, как того требует вечная необходимость. Противиться должен был Восток тому, что было ему нужно и будет всё нужнее: соединению с Западом и культурой - так как в сущности, пока он не созрел. Восток не мог правильно понять её. И германо-славянские противоречия это внешнее выражение конфликта между тем, что мы называем германским и тем, что мы называем славянским, тем, что по-существу ещё только подготавливается, и что долго будет парить, как тревожащее над жизнью Европы. Можно оказать, как ребенок противится, не хочет усваивать достижения взрослых, так противится Восток достижениям Запада, противится им вплоть до ненависти, даже когда порой чувствует себя вынужденным принять эти достижения. В свете Истины эти факты требуют совсем иного, чем то, что так широко распространено сейчас; хотя иногда чувствуют это иное, но не склонны видеть и понимать эти факты, исходя из действительно очень внутренних импульсов. Так как если эти самые внутренние импульсы хоть отчасти приведены в действие, тогда отпадает

многое из болтовни, должно отпасть многое, что имеет место, и что исходит из всякой путаницы и неясностей, у остающихся в плену внешней майи.

Что надо понимать под 6-ой культурной эпохой? Под этим надо понимать культурную эпоху, во время которой значительная часть восточных людей отдает свою человечность тому, что будет достигнуто в культуре народа, в которой восточное, как бы (как женственное), даст себя оплодотворить мужскому западному, то, что будет жить в душах людей 6-ой культурной эпохи это то самое, что будет достигнуто душами 5-ой культурной эпохи. На Востоке, то, что еще не созрело или недостаточно созрело, отталкивается, защищается, от того, что все же должно произойти. Совершенно так же, как греко-римское в свое время защищалось от германского, так стремится славянское защититься от германского, но при переходе от греко-римского к германскому развитие шло к подъему, а при переходе от германского к славянскому оно идет по нисходящей линии. Германский элемент стал носителем подлинной миссии 5-ой культурной эпохи; германский элемент был тем, который в эту 5-ую культурную эпоху внес в развитие Земли постижение христианства во внутреннем личном борении (достижении), внес, и еще будет вносить, и было бы величайшим несчастьем, если бы в прошлом германский элемент был побежден римским, так как тогда не могло бы произойти то, что произошло в 5-ой культурной эпохе: этот германский элемент должен был дать жить личному постижению христианства. И было бы величайшим несчастьем, если бы когда-либо славянский элемент победил германский. (примечание 21). Обратите внимание на различие. Безнадежнейшим, абстрактнейшим схематизмом было бы посчитать несчастьем при переходе от 5-ой к 6-ой культурной эпохе то, что должны посчитать несчастьем при переходе от 4-ой к 5-ой культурной эпохе. Победа римлян означала бы невозможность реализации миссии 5-ой культурной эпохи; победа славянского элемента над германским означала бы невозможность осуществления задач 6-ой культурной эпохи. Так как только в пассивном восприятии того, что дано в 5-ой культурной эпохе может осуществиться задача 6-ой культурной эпохи.

Совершенно независимо от всяких амбиций и национальных устремлений надо почувствовать, о чем говорят эти факты,

дать жить пониманию этих фактов. Но надо уяснить себе и то, как трудно дается людям понимание, если истина противоречит их пристрастиям, их стремлениям. Поскольку это касается национальных противоречий, делают нечто совершенно бесполезное, если сегодня, ища человеческого взаимопонимания, из Средней Европы хотят убедить в чем-либо западного европейца или англичанина. Из чисто духовноведческих позиций мы, как люди, понимаем друг друга. Но если отходят от этих позиций и вникают в борьбу между народами, то надо себе уяснить, какие трудности стоят перед сознанием противоположной стороны. Будет только один путь, чтобы, например, на французском западе Европы пришли к пониманию того, что они собственно делают. Это путь, который однажды вырастет из сознания того, какой нелепостью собственно является то, к чему теперь, идя на помочах у Восточной Европы, понуждается Франция. Только осознание того, что ты делаешь сам, даст некоторое понимание происходящего, но не слова, идущие от других, от тех, кто стоит на других национальных позициях. Порой эти вещи чувствуются, угадываются, но забываются вновь. Так как характернейшие факты, как правило, забываются. Если бы было возможно, чтобы в течении последних 40 лет все снова и снова опубликовывали интереснейший обмен письмами между Эрнстом Ренаном, французом и Давидом Фридрихом Штраусом, вюртембергским немцем. (примечание 22). Полезно было бы, если бы эти характерные письма, ну скажем, хоть раз в 4 недели восстанавливались в сознании европейцев: тогда бы прояснилось кое-что из наступивших событий. Достаточно обратить внимание на одно место в письме Ренана, где он высказывает тоску по совместной со Средней Европой работой над культурой Западной Европы. Это был импульс из сил вечности. Но тотчас Ренан говорит: "Но этому противится мой патриотизм, так как если у Франции будет отнята Эльзас-Лотарингия, то я, как француз, могу только стремиться защитить западную культуру от восточной"/ то есть Средне-Европейской. (Примеч. переводчика). Всё дальнейшее явствует уже из этого высказывания; это зерно того, что произойдет позднее. Это показывает, что и просвещеннейший, светлый дух по-существу утверждает: Да, я вижу совместный путь, предначертанный вечной необходимостью, но я не могу им идти, так как я больше хочу быть французом, чем человеком. Я говорю, чувствовали, предчувствовали как эти вещи связаны между собой в духе вечной необходимости; но надо через духовноведение постепенно научиться в своих суждениях

следовать этим предчувствиям и чувствованиям. Надо научиться в своих суждениях действительно пробиваться к подлинным фактам. Но подлинные факты не постигают, если не постигают духовный мир. Их невозможно постичь, если не искать опоры в том, что из духовного мира дает фактам импульсы к их эволюции.

Мы видим, как плодотворно может быть для нас то, что исходит из духовноведения, каким светом мы можем озарить серьезнейшие моменты жизни, если мы соединяем с нашим существом то, что исходит из действительного духовного познания, например, о следующих друг за другом послеатлантических культурных эпохах. Тогда мы получаем объективный критерий, получаем возможность подняться над личными устремлениями, над национальными переживаниями. И это свойственно средне-европейскому переживанию, это средне-европейское переживание (чувствование) действительно дает человеку возможность подняться над узко национальным. Вдумаемся только, как в следующих друг за другом культурных эпохах именно в Средней Европе - в этой борьбе человеческих душ в Средней Европе - именно в личном побеждается личное, там, где не действуют аффекты и непосредственно инстинктивное.

Прекрасное воспринимают, конечно, и другие народы. Но, так внутренне постичь прекрасное и значение прекрасного в человеческой жизни, как Шиллер в его "Эстетических письмах", (примечание 23); так постигнуто оно было только в Средней Европе. Достижения в борьбе знали конечно, и другие народы, и будут их иметь; так отдаться борьбе, поднять глубочайшие философские импульсы, пронизать душевным эту борьбу, как это сделал Фихте (примечание 24) в его "Обращении к немецкому народу", так это было только в Средней Европе. Религиозные войны бушевали и в других местах; но так глубоко связанными со всеми переживаниями человеческой души, как в Средней Европе, не были они нигде в мире.

И если мы возьмем наше собственное Антропософское движение, возьмем его таким, как мы его развивали в общении, как в последние годы мы - во всяком случае многие из нас - боролись, враждовали и страдали. Мы долго были связаны с теософским движением английской окраски. Что это был за глубокий импульс, сделавший невозможным

дальнейшее соединение с этим теософским движением? Уясним себе это, мои милые друзья, что это был за глубокий импульс? Посмотрите в глубь движения. К чему мог привести этот абсурд с Кришна-Мурти и другими подобными глупостями? (примечание 25). Это привело к тому, что там убежденность в спиритуальной жизни, как нечто внешнее, пристегнута к остальной спиритуальной жизни. Мы имеем там двойное: внешнее восприятие жизни Англии, и затем пристегнутую убежденность в спиритуальной жизни, без их взаимопроникновения. Нет даже потребности пронизать одно другим. Здесь мы чувствуем, что мы можем придти к убежденности в спиритуальном только если она вырастает у нас органически, так сказать, как голова из туловища, вырастает из всего того, что в мистике средневековья, как спиритуальная подготовка, шло через Иоганна Таулера, Мастера Экхарта, Ангелиуса Силезского, через немецкую философию, через немецкую поэзию, когда из всего этого с необходимостью вырастает, как новый органический член, то, чего мы хотим (ищем) и должны хотеть /искать/. Мы не можем пристегнуть спиритуальную жизнь ко всему прочему, нам нужен жизненный организм, а не жизненный механизм. Можно, не впадая в высокомерие, уяснить себе это, как в этом необходима ясность: какую роль должно играть в жизни духовное и как вся остальная жизнь должна быть понимаема, воспринимаема через духовное. Мы, как исповедующие духовнонаучное мировоззрение, должны стать душами, которые стремятся жить так, как это только что было охарактеризовано для духовной жизни Средней Европы. Конечно, и там неизбежна борьба; истинное должно быть добыто через преодоление заблуждений на всех путях. Как трудно иногда понять, что преодолеть заблуждения надо на всех жизненных путях. Тогда бы сделали трагические открытия в жизни последнего десятилетия.

Я хочу вам рассказать кое-что наглядное. В частности, имеет значение разобраться в том, как в наши дни выявляется естественная связь между двумя средне-европейскими государствами. В Австрии во второй половине XIX века жил немецкий поэт Роберт Гамерлинг (примечание 26). Немцем был он и в том, что он искал (старался) весь мир возродить в своей душе. Вплоть до Каина прослеживает он в своём "Агасфере в Риме", заблуждающуюся человеческую душу, и в сопоставлении Агасфера и Нерона ищет он разрешения загадки глубин их душ. Культурную, жизнь древней Греции

пытается он возродить в немецкой душе в своей "Аспазии". Углубление религиозной жизни, которое одно время искали во вторичном крещении, стремится он показать в своём эпосе "Король Сиона". То, что, во всё возобновляющихся импульсах действовало во французской революции, пытался он понять в драме "Дантон и Робеспьер". И, наконец, в "Гомункулусе" он ищет понять импульсы, идущие в будущее, затуманивающие духовное. Я бы мог многое добавить, чтобы показать, как в Роберте Гамерлинге раскрывался подлинно средне - европейский дух (примечание 26). Этот Роберт Гамерлинг большую часть своей жизни прожил в постели; последние 3 десятилетия он почти всё время был болен. Величайшие вещи он писал с болями в постели. Но никто не почувствует в его вещах, что они написаны тяжело больным человеком. Все в них здоровое. Можно по-разному судить о его произведениях, но все в них здоровое. Конечно, они выдержали большое количество изданий; но в восьмидесятые годы - могу сказать, как символ, встало перед моими глазами, чем мог бы стать, такой дух для средне - европейского человечества, если бы данные им импульсы вошли в души. Когда же однажды в одном обществе говорили о вступившем в духовное развитие через Роберта Гамерлинга, вошел человек, привыкший слушать преимущественно себя самого и не много обращать внимания на то, что говорят другие - есть такие люди, которые охотно слушают себя самого. Как взрыв бомбы, ворвался он в разговор и заявил: величайшее, что вошло в жизнь человечества, это Раскольников Достоевского. Конечно, не к чему отрицать своеобразное величие Раскольникова Достоевского, но подвластность материальному, душа, замкнутая в материальном и отклоняющая духовное, это прямая противоположность тому взаимопроникновению материального и духовного, которого ищет Гамерлинг. Несомненно интересно и сенсационно наблюдать душу, не стремящуюся выйти за пределы материального, которая так грандиозно раскрыта Достоевским, но для человека Средней Европы важно познание всего своего существа и всех своих задач. И здесь необходима борьба.

За внешней борьбой стоит внутренняя, это внутренняя борьба с противостоящими могуществами, которые противятся признанию духовного. Вживемся в эти странные факты: с одной стороны - нас убедили все же не очень концентрироваться вниманием на противостоящие нам внутри Европы духовные силы; так как, если бы победило чисто

немецкое, - с немецкой стороны нас в этом убеждали, то мы должны были бы опасаться нового оживления идей, которые развивали Гегель, Фихте, Шеллинг, Гёте: опасаться надо было бы метафизической мечтательности. Это своеобразная боязнь, о которой здесь идет речь; но эта боязнь могла становиться все сильнее, и те, кто имеет эту боязнь, те, конечно, не смогут принять духовное. В действительности же, как ребенок развивается в мужчину, так идеализм Средней Европы должен развиваться в спиритуализм, потому что этот идеализм Средней Европы дитя спиритуализма, дитя, которое должно вырасти в спиритуализм. Фихте говорил еще только из идеализма, но из такого идеализма, который устремлен к спиритуальному. Этот импульс к спиритуальному не должен исчезнуть из эволюции Земли.

Этими простыми словами можно высказать многое о смысле эпохи. Предчувствовали, чувствовали это некоторые люди. Но эти предчувствия ускользали, не воспринимались в их глубине, не находили своего центра тяжести. За второстепенным упускали главное. Дело именно в том, чтобы не упустить, не потерять из вида основные линии, чтобы действительно видеть главное в течениях, идущих через эволюцию Земли. А к главному мы приходим, если мы даем говорить тому, что в свете духа показывает нам развитие Земли. В том, не частом случае, когда мы действительно серьезно принимаем учение о следующих друг за другом послеатлантических культурных эпохах - все снова и снова должно быть об этом сказано - могут люди перешагнуть через ту узкую точку зрения, которая не видит главного.

Разрешите привести пример. Нам важно уметь обращать внимание на эти вещи. Предположим, сегодня кто-либо говорит следующее: "Что касается меня, то я ни на мгновение не сомневаюсь, что предстоит конфликт между германским и славянским миром, что этот конфликт вспыхнет через Восток, именно через Турцию (Балканский вопрос. Примеч. переводчика), или через столкновение национальностей в Австрийской империи, может быть в обоих пунктах и на одной стороне руководящую роль захватит Россия. Эта мощь уже сейчас готовится к такой возможности; националистическая русская пресса мечет громы и молнии против Германии. В немецкой прессе уже сейчас раздается предостерегающий крик. После того, как Россия оправилась после Крымской войны, прошло уже много времени и, как кажется, в

Петербурге считают теперь своевременным вновь поднять восточный вопрос.

В то время как Средиземное море, скорее на помпезных словах, чем на деле, должно было стать "французским озером", а Россия стремилась сделать Черное море "русским озером", а Мраморное море "русским прудом". Константинополь должен был стать русским городом, Греция - вассальным государством России. Это было твердой установкой русской политики, вспомогательным рычагом которой была общность веры и панславянизм. Дунай был бы тогда заперт железными воротами русского шлагбаума.

Представим себе, что кто-нибудь так говорил бы. Тогда можно было бы сказать: ну, да, он теперь обучен тем, что произошло, - и правы могут быть те, кто высокопарно утверждает, что войны хотела только Средняя Европа, и она не подготавливалась необходимостью на Востоке.

Но это написано в 1870 году! И вообще не было года, когда такое не могло бы быть написано. Как нелепо думать, что на десятилетиями формирующихся силах надо искать истока того, что происходит сейчас. Эти слова написаны в 1870 году, во время войны Германии с Францией. Думать, что современных событий могло не быть, и думать, что не все импульсы шли с Востока, это, мягко говоря, не исторично, это игнорирование действительно действующих сил. Это недопустимо, и духовноведение должно воспрепятствовать тому, что люди и журналисты тоже, вновь и вновь судят о событиях так, будто бы предпосылки того, что происходит сейчас, возникли только 5 или 6 месяцев тому назад! Когда люди ищут понимания событий из духовноведения, они знают, что большое подготавливается в маленьком и, что правильно судить об этом маленьком можно только исходя из большого, - из повседневной жизни подготавливается то, смысл чего дает нам пережить духовноведение.

Я хотел говорить, я обязан был в сегодняшней вступительной лекции вновь говорить с вами с той определенной точки зрения, которая вызвана (переживаниями событий) переживаемыми событиями; я обязан был говорить о том, чем должно стать духовноведение для правильного суждения о мире и о нашем месте в нем. Я обязан был говорить об этом. По существу мы должны все вновь и вновь

ставить перед собой это требование: серьезно, глубоко серьезно принимать то, что нам хочет дать духовноведение, и не искать, так сказать, двух путей в жизни: пути, на котором мы приходим к духовноведческому пониманию мира, и пути повседневности, на котором мы поступаем (действуем) как все другие люди. Но, скорее не словами, а тем, как я, в нашем узком кругу растолковывал факты, хотел бы я вызвать в вас чувство и понимание, что слова эти действительно ничто иное, как вечные Истины, и что эти вечные Истины одновременно и индивидуальнейшие Истины.

К вам, мои милые друзья, к вашим переживаниям здесь, на юге Германии, обращены эти слова, к тем нюансам чувств, которые рождаются здесь. Если бы было достаточно просто записать слова и затем просто читать их всюду, людям с разными жизненными соотношениями, тогда мне не надо было бы ездить по Германии, а я бы просто записал их однажды. Эти слова должны звучать из соотношения чувств и восприятий, так как везде, где собираются люди, возникает общая человеческая аура, исходя из нее - то и надо говорить о спиритуальной жизни - это мы, наконец, должны понять. Таким путем мы вносим духовное в жизнь, не фразами, но тем, что мы действительно пронизываем жизнь духовным. И переживаем эти вещи, как факты индивидуальной жизни, потому что так они и должны переживаться. Это совершенная абстракция, думать, что, например, то что я скажу завтра в открытой лекции в доме, который стоит визави с тем домом, на котором находится памятная доска о Гегеле, что это, вырастающее в живом, непосредственном общении, может быть пригодно для распространения в мире, в других нюансах чувств и впечатлений - это совершенная абстракция. Надо же иметь в виду и то, что доступное восприятию одного, может быть недоступно восприятию другого. И если вообще антропософские лекции, в разных местах, должны носить свой особый индивидуальный характер, то еще более необходимо это, когда речь идет о таких серьезных вещах, какими мы сейчас заняты. Но только тогда, когда это принимается с истинной серьезностью, и когда не думают, что живое может быть охвачено словами, которые безжизненны и неподвижны, и поэтому могут быть использованы в любом месте, только тогда можно постичь всеобщее значимое, заключенное в индивидуальном. Я бы хотел, чтобы вы однажды подумали об этой стороне жизни. Путь к этому в том, чтобы то, что я по - моему /на мой манер/ получаю из духовного мира, было

оживлено в ваших душах в вам свойственной манере, чтобы это не было просто повторением того, что встает в моей душе, в мне свойственной манере. Как солнечный свет в каждом камешке отражается по-разному и в то же время остается тем же самым солнечным светом, потому что он исполнен жизни, так духовноведение должно стать тем, что в каждой отдельной душе живет по-другому и в то же время во всех случаях всегда остается самим собой; То есть духовноведением. В англичанине, французе, русском, немце, поскольку мы имеем ввиду национальные различия, не может духовноведение жить одинаковым образом, и то, что всего более плодотворно для одного, может не быть плодотворным для другого. Такой поиск индивидуального подхода чужд нашему теоретизирующему времени. Внешней, чисто материалистической науке свойственно все подгонять под одну колодку /под один ранжир/; этого не может быть в духовноведении, потому что оно живет и поэтому я должен говорить с вами так, как этого требует от меня не абстрактное научное мышление, но так, как это живет во мне, когда я стою перед вами. Так как я говорю из моего сердца, из ваших сердец я говорю это, в той мере, как мне это удастся. Я хочу служить духовноведческому импульсу, который требует от меня того, кто хотя бы немного может видеть в духовном мире, исключить себя и выговаривать то, что живет в глубинах души тех, кто являются его слушателями. В известном смысле можно сказать, что говорится в том или ином обзрении, вырастает из глубин души слушателей.

Подумайте над этим! Духовноведение мы должны принимать как нечто, что живет, и не становится абстрактным знанием (убежденностью). Абстрактное знание вызывает у нас высокомерие, самоутверждение, которое так легко утверждается в искусстве словесного убеждения. Духовное хочет быть просто сообщаемым. И оно хотело быть сообщенным, то, что я вам сообщил-даже если бы здесь не было ни одного, кто бы поверил хоть одному моему словечку. Если мы подходим к человеку с намерением его переубедить, со стремлением, чтобы он принял наше мнение, то мы не живем в подлинно спиритуальном. Правильное переживание, постижение духовного в непосредственном переживании, оно создает ту ауру, которую человечество должно иметь в будущем.

Все вновь и вновь должно быть сказано: то, что мы

переживаем сейчас среди потоков крови, для человечества будет только тем, чем оно и должно быть, когда нечто действительно совершающееся новое выявляется в культуре, в человечестве. Но это новое дает ростки тогда, когда будут люди, из чьих душ поднимутся спиритуальные мысли; эти спиритуальные мысли - могущества. И в атмосферу, которая возникнет, когда кончится сумрак войны и вновь будет светить солнце мира, должны влиться мысли, поднимающиеся к горизонтам духа. Тогда же, чьи души смотрят сейчас сюда вниз, те, кто на полях сражений вынуждены были преждевременно оставить свои тела, они будут знать во имя чего собственно они пали. И антропософ должен сказать себе, что он только тогда в истинной духовности переживает наше время, если, он переживает, как живое, эту особенность духовноведческого устремления. Если определение души, осознавая духовное, поднимут свое сознание до царства духов, то из нашего кровавого горизонта восстанет для будущего развития человечества горизонт света.

Завтра, обсуждая одну специальную тему, мы продолжим этот разговор. Сегодня мы вновь проведем перед душой те мысли, которые соединяют нас с серьезнейшими событиями, наших дней:

Из мужества сражающихся,
Из крови сражений (боев),
Из горя покинутых (оставленных),
Из жертвенных свершений народов,
Вырастет духовный плод -
Направит души к осознанию духа,
Помыслы к духовному миру.

ЛЕКЦИЯ 3

14 февраля 1915 года. Штутгарт.

Я легко могу себе представить, что из обзрений, сделанных вчера, кто-либо может прийти к выводу, что те личности, которые принадлежат к народам, к группам человечества, которые только в 6-ой культурной эпохе будут осуществлять свою особую миссию, так как они - так это звучит из духовного мира - принадлежат эпохе, в которой развитие пойдет по нисходящей линии, что они имеют меньшее значение (оцениваются ниже), чем те, кто принадлежит к человеческим группам восходящего развития. Я говорю, я легко могу понять, что кто-либо придет к таким выводам. Другими словами: я легко могу себе представить, что как раз из всего, сказанного вчера, включая некоторые другие замечания, кто-либо, под влиянием всяких эмоций и чувств, впадет в такую ошибку. Вот так и может получиться, особенно в отношении таких вопросов, - я на это и обращал ваше внимание, - что то, что говорится в одном месте, в другом - приводит к неправильному пониманию. И, собственно, не потому, что оно окрашено в соответствии с потребностями данной местности или определенной группы людей, но потому, что оно воспринимается без должной объективности, захватывается всякими национальными амбициями и страстями. Тогда кто-либо может сказать: Значит, твои слова направлены только на то, чтобы в известной мере польстить средне - европейской культуре, а мы, принадлежащие к восточноевропейской культуре, чувствуем себя глубоко обиженными. Но, если высказывается такое суждение, это говорит только о том, что действует то, что я вчера как раз хотел представить, от чего я вчера хотел предупредить, именно, что сказанное мною должно быть воспринято духовноведческим восприятием, так должно быть освобождено, чтобы чисто теоретически абстрактное мышление преобразилось в непосредственное переживание, чтобы стало в нас то, что вообще остается в сфере голого знания, стало чувством, стало жизнью.

Кто будет думать так, как это только что сказано, тот останется во власти теоретического, абстрактного суждения. Так как, каким было бы в этом случае конкретное, наполненное переживанием, суждение? Как бы оно звучало? Оно бы звучало так: если справедливо то, что было сказано, -

мы идем навстречу времени, когда те, кто хочет следовать задачам своей культурной эпохи, не смеют более оставаться в узконациональных переживаниях. Пятая культурная эпоха, в ее своеобразии, предназначена именно к тому, чтобы принадлежащие к ней личности особым образом вросли в чувство национального, и затем вновь, как личности переросли его (высвободились из него); 6-ая и 7-ая культурные эпохи будут таковы, что те, кто будет хотеть остаться в узко национальном, останутся позади задач человечества. Для того-то и нужно нам духовноведческое мировоззрение, чтобы человечество вырвалось из узконационального переживания, из переживания, не являющегося общечеловеческим. Значит, из сказанного вчера должен быть сделан совсем, совсем другой вывод: что среднеевропейские национальные культуры это те, которые, как национальные, несут на себе импульсы, совпадающие с великими предначертаниями послеатлантической эпохи, но что затем придут культуры, которые сделают необходимым вырастание людей из национальных импульсов, и это не сможет осуществиться, если те, кто сегодня принадлежат к предвосхищающим будущим культурам, станут вспучиваться в их национальных переживаниях, да и с акцентированием их, как это происходит с населением Восточной Европы. Другими словами: так как они (среднеевропейцы) в этом национальном переживании не осуществили еще своего национального посланничества, то, чтобы прорасти через /национализм/ национальное им необходимо воспринять в себя то, что рождено как духовноведение. И здесь необходимо живое понимание.

Конечно, в наше время, тогда как противостоят страсти и предрассудки, трудно суметь найти то, что необходимо для того, чтобы люди полностью стали на твердую почву подлинно объективно устремленного духовноведения, полностью сумели стать на почву чисто человеческого. Духовноведение необходимо нам, чтобы по всей Земле распространилось нечто, что подымается над всеми различиями, и поэтому те, кто принял духовноведение, должны выбиться из всего национального, суметь найти объективное понимание того, о чем говорится в цикле "Миссии отдельных народных душ в связи с северо-германской мифологией" (Июнь 1910 г., Христиания), который должен бы быть изучен всюду, где есть антропософы (примечание 8). Значение этого цикла еще и в том, что он был прочитан за годы до этой войны, так что никто не может упрекнуть его в том, что он порожден настроениями

этой войны. Не в том дело, что, то, что говорится там или тут, не является общезначимой истиной, но дело в том - и это надо понять, - что эти истины не всюду переносят. Когда я месяцы назад говорил с вами, я обратил ваше внимание на то, что нам здесь в Средней Европе, в некоторой мере легче быть объективнее, легче, чем другим. Почему это так, явствует как раз из этого цикла лекций. Все глубочайшее в нашем учении указывает на то, что из различнейших глубин современной мировой культуры должно произрасти нечто, что совпадает с истинами духовноведения.

В известном отношении может быть сказано: серьезный события наших дней являются как бы мощным указанием на необходимость духовноведческих переживаний для мира. Они убеждают, что эти духовноведческие переживания должны придти. Поэтому, конечно, то, что принадлежит к обособленным переживаниям отдельной местности может быть для нас только второстепенным; наша подлинная задача в том, чтобы принять в наше душевное переживание то, что теперь уже всюду может быть принято без внутреннего отталкивания, но несмотря на это в стольких местах наталкивается на предрассудки и предубеждения!

Вырастающее из духовноведения воззрение на общечеловеческое в человеке, оно уже подготавливает нас к объективному восприятию того, во что мы поставлены развитием Земли и развитием Мира. Так как то, во что мы поставлены, это в известной мере та почва, из коз торой мы вырастаем и то, через что мы должны прорасти. Таковы импульсы, которые дает нам духовноведение. По существу, ведь, только одной половиной нашего существа мы находимся во всем том, что на земле является дифференцирующим, то есть нашим физическим и нашим эфирным телом, которые мы, в известной мере, отдаем земле обратно, когда вступаем в другую форму сознания, которую мы называем сном. Своим "Я" и астральным телом мы выходим тогда из физического и эфирного тела; и находимся в мире, в который человек вступает, проходя через врата смерти, в мире, где отпадают все земные дифференциации, в мире, в который нас вводят познания духовноведения. Кто может сделать откровения инициации частью своего существа, тот этими откровениями действительно защищен от одностороннего предпочтения одного какого-либо духа народа. Так как же приходим мы в соприкосновение с тем отдельным духом народа, к которому мы принадлежим?

Когда, от засыпания до пробуждения своим "я" и астральным телом мы пребываем в духовном мире, мы не соприкасаемся со своим духом народа, с духом народа, к которому мы принадлежим по своему земному воплощению; мы соприкасаемся с ним только в состоянии дневного бодрствования, от пробуждения до засыпания. Среди сил, в которые мы погружаемся, когда мы погружаемся в свое физическое и эфирное тело, находятся и силы, в которые вработывается и дух народа, к которому мы принадлежим. Мы как бы вступаем в область этого духа народа, когда просыпаемся; мы ее опять покидаем, когда засыпаем. Но тот, кто приобрел познания инициации, тот именно в процессе этого приобретения пребывает в мире, в котором именно нет его духа народа, так как он, ведь, вступает в мир, в котором мы находимся между засыпанием и пробуждением. И тогда выявляется нечто своеобразное. Учтем, человек принадлежит к одному определенному народу, и связан с одной национальностью. Когда человек с засыпанием покидает сферу своего духа народа, он больше не связан со своим народным духом, пока он не проснется вновь. Так обстоит и с тем, кто обрел познания инициации, и он соприкасается с засыпанием и пробуждением не со своим собственным духом народа, а с духами других народов, живущих на Земле. Во время между засыпанием и пробуждением переживают совместное бытие с духами других народов, а со своим духом народа - во время между пробуждением и засыпанием. Только эта совместная жизнь с духами других народов не такова, что живут с каждым в отдельности, но живут с соединением их, как бы в их товариществе, с тем, чем они являются в их взаимосвязи, с сообществом остальных духов народов.

Итак, заметьте, в человеческой жизни чередуются - так говорит инициативное знание - переживание со своим духом народа в бодрственном состоянии и переживание с общностью (сообществом) остальных духов народа в состоянии сна. Только при одном условии мы имеем аномальное переживание отдельного духа народа во время сна. Это происходит, если мы особенно страстно ненавидим этот народ. Это ненормальное явление, но мы не можем его избежать; если мы какой-либо народ особенно ненавидим, то во время сна мы находимся в сфере духа этого народа. И тот, кто достигает познания инициации, если он из личных националистических побуждений ненавидит какой-либо народ, он принужден быть

в сфере духа этого народа именно когда он уступает в область инициации, и перед ним тотчас вскрывается недопустимость такой ситуации. Тривиально выражаясь, можно сказать: кто из националистических личных страстей ненавидит другой народ, тот принужден спать с духом этого народа. Это тривиальное выражение, но это дословно точно.

Законы духовного мира направлены на единство рода человеческого и на невозможность само-обособления. И когда мы принимаем во внимание эти факты, они нас кое-чему учат. Мы говорим о том, что мир, в котором мы живём нашими внешними чувствами и нашим связанным с мозгом сознанием, это великая иллюзия, майя. Но эту истину, что мир это майя мы принимаем совершенно абстрактно, чисто теоретически. Я хотел бы сказать, мы не охватываем нашим сознанием этой истины, не воспринимаем ее жизненно. Этому противится не только сознание, но часто даже наша воля. Так как то, что стоит за миром иллюзий, выглядит таким, каким мы не хотим его видеть. Мы пугаемся, мы боимся его, так как истина нам неудобна. Знать, что все человечество - единство в точном значении этого слова, это же неудобно, так как исключает возможность односторонних чувств и одностороннего энтузиазма, которые сегодня так часто наблюдаются в мире. Мы видим, чем являются наши чувства в мире истинного. Это именно и неудобно. Часто воля страшится истины более, чем рассудок, чем сознание. Поэтому неудивительно, что истины духовноведения часто воспринимаются, как глупость, так как глупость нашей эпохи боится мудрости мира. Направить взгляд за видимость, только это дает возможность понять, что, собственно происходит; я уже говорил об этом вчера и хочу рассмотреть это еще раз на отдельном случае.

Если мы проследим за человеком, когда он проходит через врата смерти в духовный мир, в котором он живет между смертью и новым рождением, чтобы подготовить себя к новой земной жизни, тогда нам станет ясным насколько человек в жизни между смертью и новым рождением пронизан воздействиями его последней земной жизни, как далеко он пронесет сквозь врата смерти внутри в духовный мир как бы отзвуки, отголоски его последней земной жизни. Мы знаем, что человек, когда он переступает врата смерти, пронесет сквозь них после того, как он отдал свое физическое тело элементам земли, свое эфирное тело, астральное тело и "Я". Мы знаем, что это эфирное тело скоро, очень скоро отделяется

от "Я" и астрального тела, - все, кроме экстракта, который от него остается, и что в эфирном оно соединяется со всеобщей эфирной деятельностью космоса. Мы не однажды говорили об этом. Но есть еще нечто. После смерти - человек через свое сознание (познание?), свое, после смерти сохраненное сознание, все же оглядывается назад на судьбу своего эфирного тела, и эта судьба имеет для него значение. Это имеет значение для человека, когда после смерти он следит за судьбами своих оставленных тел, которые являются результатами его последней земной жизни. И этот результат, эти достижения, многообразно выявляются в различных земных взаимоотношениях, среди прочего и в различных переживаниях национального. Имеющие значение для человека после его смерти остатки земного, совершенно по-иному сказываются, скажем, для души, которая после его смерти оставляет тело француза и уходит в духовный мир, и для такой души, которая вступает в духовный мир из русского тела. Души, которые сегодня выходят из тел французов, принадлежат культуре, созревшей и в известной мере перезревшей, которая дала много переживаний на земле эфирному телу. Своеобразие этой французской народной культуры - не культуры отдельных лиц - в том, как прорабатывается само эфирное тело, пропитывается силами и силовыми воздействиями, и поэтому очень отчеканенным проходит врата смерти, и таким остается в духовном мире. Эти эфирные тела медленно растворяются, они долго сохраняются как спектры. Принадлежащий к французской народности, поскольку он принадлежит к ней, в своих представлениях имеет совершенно определенное мнение о себе, о своем месте в жизни. Но это, ни что иное, как отражение крепко работающих сил эфирного тела. Эфирное тело пластически крепко образованное и таким переходит в духовный мир.

Совершенно по-другому обстоит дело с эфирным телом русского человека. Оно не вычеканено так, оно в известной мере эластичнее, оно легче растворяется в духовном мире; поэтому душа менее прикована к своему эфирному телу. В то время как эфирное тело француза, высвобождающееся из высокой культуры, долго держит французскую душу, так сказать, связанной с ее эфирным телом, душа же русского человека только коротко остается связанной со своим эфирным телом. Для этой души востока судьба ее эфирного тела имеет меньшее значение. Но эти эфирные тела оказывают очень определенное, глубоко идущее значительное

воздействие на то, что разыгрывается во время между смертью и новым рождением, как бы за кулисами нашей современности. Судьбы русской души совсем ведь иные, чем судьбы французской души.

Из различнейших рассмотрений мы знаем, что в двадцатом веке мы идем навстречу эфирному воздействию Христова Духа. На явление ! Христа в эфирном теле уже указывалось экзотерически в соответствующем месте драмы Мистерии "Врата посвящения" (примечание 28) и в различных рассмотрениях (примечание 29) уже указывалось и на то, что это явление Христа для тех людей, чьи души уже обрели способность видения, подготовлялось еще в последней трети 19 века, когда сменился Дух Времени. Столетия до того Духом Времени был Гавриил. С последней трети 19-го века действующим Духом Времени стал Михаил. Это Михаил, тот Дух, Который в некоторой мере подготовил явление Христа, как эфирной сущности. Это все должно быть подготовлено, все это должно быть включено в мировое развитие и оно в него включено. Михаил, подготовляя явление Христа, некоторым образом вступает в борьбу, он подготовляет души, в период их жизни между смертью и новым рождением, к тому, что должно произойти в ауре Земли, чётко отчеканенные эфирные тела, которые находятся вокруг нас в элементарном мире, будут помехой во времени, которое должно наступить, -когда должен быть ясно видим эфирный облик, который примет Христос. Ближе стоят к чистому восприятию эфирного облика те души, которые после смерти менее связаны со своим эфирным телом. Из этого ясно следующее:

Мы видим, как часть работы Михаила направлена на то чтобы растворились западноевропейские прокультивированные, отчеканенные эфирные тела, и мы видим как в этой борьбе пользуется Михаил, восточноевропейскими душами. Итак, мы видим Михаила, сопровождаемого толпами восточноевропейских душ, сражающегося с западноевропейскими эфирными телами и с их воздействиями на души после смерти. Упорная борьба идет за кулисами современности. Она идет, эта борьба, борьба в духовном мире. Это борьба как бы в небесах; она разыгрывается между Францией и Россией - в духовном мире, подлинная борьба между Западом и Востоком. И эта борьба - это истинное, а то, что мы имеем на физическом плане, это внешняя майя, это искажение действительности. И здесь, и

вообще часто, когда наблюдаешь духовные факты, получаешь потрясающее впечатление, что то, что происходит здесь в этом мире иллюзии, является прямой противоположностью тому, что, как Истина, совершается в духовном мире.

Подумайте, каждое потрясающее впечатление производит на того, кто достигает познаний инициации, этот внешний союз между народами, остро сражающимися в духовном мире. Эти вещи, конечно, не должны стать всеобъемлющими утверждениями, - в том числе и заключительный вывод о том, что в духовном мире все является противоположностью фактам физического мира. Должен быть исследован каждый отдельный случай. Но в данном случае мы получаем это потрясающее впечатление. Это, хотел бы я сказать, впечатление, стирающее в порошок наш накопленный опыт. Как изменяется картина, когда можешь видеть за кулисами обыденной жизни! Но в их действительной взаимосвязи факты становятся постижимы, только если мы озаряем кулисы бытия светом духовноведения. Тогда вторгаются во все наши восприятия те чувства, которые как бы погружают наши сердца в истинное - вопреки предрассудкам, которые овладевают нами, когда мы отдаемся потокам внешней физической жизни. Действительно, Средняя Европа сегодня втиснута между двумя враждующими могуществами и вынуждена их как бы различать. Мы видим здесь связь с тем, что я вчера обрисовал, как борьбу средневропейской культуры против того, что, как бы охватывая справа и слева, теснит эту средневропейскую культуру. Это карма средневропейской культуры: ее развитие между двумя силами, которые по условиям исторического развития Земли должны враждебно противостоять друг другу. Из таких размышлений возникает правильное чувство в отношении трагически конфликтных обстоятельств, касающихся Средней Европы. На основе таких рассмотрений, становится ясным, что непричастность к существу споров, которые должны быть в конце концов разрешены, безвинное участие в этих спорах и вплетенность в эту карму действительно характерны для Средней Европы. И мы видим, как причастны Восток и Запад Европы грядущему явлению Христа. Если мы примем во внимание борьбу средневропейской культуры за пронизывание телесного духом, как я это вчера охарактеризовал, тогда мы имеем и то особое выявление Христова импульса, которое является носителем этого соединения духовного с телесным. В Средней Европе, значит -

изумительное событие вступления христианства в данную действительность. Здесь, на физическом плане, разыгрывается нечто необычайной значительности, а справа и слева - нечто, что должно еще быть достигнуто на более высоких планах. Физический план и духовный план смыкаются, когда мы их так рассматриваем.

Это дополнение ко вчерашним рассмотрениям. Так, в основном во всей эволюции, постепенно развивающиеся под воздействием Христова импульса. Так как события, совершающиеся в XX веке, подготовлялись в предшествующие времена. Через Мистерию Голгофы Христов импульс вступил в земное развитие, и действовал в нем. Но так как он, Христов импульс, мог действовать только в меру его понимания людьми, то он до сих пор мало мог быть действенным. Мы же только вступаем в период разума (понимания), мы только начинаем через духовноведение кое - что постигать в значении Мистерии Голгофы. Христов импульс действовал. Но всего меньше действовал он в раздорах и воплях теологов. Бедствием было бы, если бы из Христова импульса в земное развитие проникло только то, что в различные эпохи люди могли охватить своим умом. Но Христов импульс действовал в подсознательных силах души. Я описывал вам (примечание 30), как 28.X.312 г. Константин выступил против Максенция, и произошло сражение, решившее судьбу Европы (примечание 31). Не искусство полководцев решило судьбу этой битвы, но то, что происходит в подсознании людей. Максенций искал совета в книгах Сивилл. Они ввели его в заблуждение, и вместо того, чтобы оставить свои войска в безопасности за стенами - Рима, он вывел их за ворота Рима навстречу войскам Константина. Но Константин видел сон и приказал впереди своих войск нести монограмму Христа и солдаты Максенция не хотели сражаться против войск Константина. Следовали, значит, не искусству полководцев, следовали снам, то есть импульсам подсознания. Последствием этой битвы был тот облик (то устройство), которое получила Европа. Не через споры теологов выявлял себя подлинный Христов импульс, но там, где мог действовать живой Христос; не человеческие постижения Христа - не о них речь - но живой Христос действующий через импульсы, исходящие непосредственно от Него самого. Люди не могли еще Его понять, Он вступал в область, где понимание не было нужно, где воспринимали во сне то, что затем переходило в сферу воли.

И еще один раз было в истории Европы непосредственное вступление (вторжение) импульса Христа - в 15-ом столетии, когда через простую крестьянскую девушку, "Орлеанскую деву", Европа получила совсем новый облик (примечание 32). Если бы тогда Англия победила Францию - чему помешала Орлеанская дева - все дальнейшее историческое развитие Европы пошло бы по иному пути. Пастушка из Орлеана подлинно обладала не человеческой мудростью, в ней, через своего михаэлического предвестника, действовал импульс Христа - внешне на пользу Франции, в действительности в пользу Англии; так как иначе Англия не могла бы пройти того развития, которое прошла. Для того, кто хочет видеть в мире духовное, во всем, что тогда совершилось, с потрясающей ясностью действовал импульс Христа.

Часто я обращал ваше внимание на то, что старые легенды, саги и мифы указывают на 13 ночей между Рождеством и праздником Крещения, что эти ночи глубочайших зимних сумерек, это время, когда силы Земли совершенно особенно благоприятны ясновидению. Тогда физические силы, так сказать, больше всего отступают в бездеятельность, духовные силы действуют совершенно особенно. Эти 13 ночей от Рождества до 6 января - так рассказывает старая норвежская легенда - спал Олаф Эстезон (примечание 33). И в этом сне, в имагинациях, он пережил все, что мы через духовноведение знаем как камалоку, мир душ и мир духа. Это было в действительности и многие, кто стоит у врат инициации, могут в эти дни завершить свой путь в инициацию если они сумеют довести свое внутреннее переживание до совершенно особенной силы концентрации, именно в это время, в которое поэтому с полным основанием отнесено рождение Христа, духовного солнечного света. Можно сказать: Если кто-либо должен пережить бессознательную инициацию, когда он всего лучше может ее пережить? Если он будет подготовлен, он переживет ее лучше всего именно в эти ночи вплоть до 6 января, когда он в состоянии сна, состоянии отстраненности от мира повседневности.

Не можем ли мы предположить, что и совершенно необразованная и духовноведчески не обученная, но внутренне одухотворенная пастушка, Орлеанская дева, всего лучше могла быть подготовлена (инициирована), если она эти ночи прошла как бы в особом состоянии сна, состоянии, когда она воспринимала внешний мир не внешними чувствами и

рассудком? И она это имела! Во время, предшествующее физическому рождению, мы совершенно не приспособлены воспринимать окружающий мир внешними чувствами, так как эти чувства пробуждаются только после физического рождения. Не приспособлены мы до физического рождения и к пользованию рассудком, но духовная наша часть находится в соприкосновении с космическим духовным окружением.

13 дней, предшествовавших 6-му января, Орлеанская дева провела в материнском теле, так как она родилась 6-го января. Этот факт говорит об исполненных глубокого значения мировых связях. Ведущему эволюцию Мировому Духу нужна была в Орлеанской деве душа, которая 13 последних дней периода беременности, вплоть до 6-го января, провела в теле матери и затем была рождена. Мы глубоко заглядываем здесь во взаимосвязи, находящиеся за кулисами бытия. Мы видим здесь духовное водительство. Рождена была душа, которая в известной мере, до своего рождения была инспирирована самим Мировым Духом. Надо, чтобы мы почувствовали, что перед нами как бы расстилается завеса внешней майи: только когда мы в том или другом месте прорываем ее, заглядываем мы в подлинные тайны бытия. Это должно стать чувством и ощущением преобразующего культуру человечества духовноведения. Это должно стать восприятием: чтобы проникнуть к тайнам мира, надо полностью порвать с бесплодным наблюдением одной только внешней майи, возникшим в результате блестящего и триумфального развития естествознания. Но этот блеск и триумф в будущем должен быть развеян духовной наукой. Для подлинного вживания духовноведения в души людей необходима прежде всего добрая воля к действительному соединению души с духовными мирами. Это должно исходить из самопознания. Но самопознание совсем не так легко, и это принадлежит к величайшим заблуждениям, в которые можно впасть в обыденной жизни, если думают, что самопознание, которым должно начинаться любое истинное познание, может быть легким.

Даже в отношении наиболее внешнего оно не так уж легко. Передо мной книга; она мне случайно - как мы теперь говорим - кармически, вновь на днях попала в руки. Книга одного философа современности, бывшего профессора философии Венского университета "Анализ чувств и ощущений". Автор книги сообщает очень интересные признания о себе самом. Он

говорит: однажды в молодости, идя по улице, он увидел отраженным в зеркале свое лицо в профиль - и не узнал себя. Я подумал: какое несимпатичное неприятное лицо! - Так что, видите, даже до такой степени, в познании своего чисто внешнего облика не так уж знаем мы самих себя. Этот достойный человек говорит совсем открыто: он встречает очень несимпатичное, отталкивающее лицо, и делает открытие, что это его собственное лицо. Так мало знал он свою внешность. Видите, даже чисто внешне не так уж просто познать себя самого и при этом можно быть профессором университета, как это явствует из приведенного примера. Имя профессора Эрнст Мах (примечание 34). Профессор делает еще одно признание. Он совершенно искреннен. Он говорит: однажды, утомленный, я возвращался из поездки и вошел в омнибус. Одновременно входит в омнибус и другой. Я подумал: какой это типичный школьный учитель. И вот, это был я сам. Он увидел себя в зеркале. Этот достойный человек знал, как выглядит типичный школьный учитель, он видел такого входящим, но он не мог соединить этот образ с самим собой, он не знал, что это он выглядит. Заканчивает он свой рассказ словами: я знал типичный облик лучше, чем свой собственный.

Познание души, познание того, чем мы собственно являемся в своей душевной сущности, намного сложнее познания своего внешнего облика. Но без самопознания мы не можем продвинуться на пути к инициации. Неверное представление о себе самом принадлежит к распространеннейшим заблуждениям и, как правило, мы не знаем того, что происходит в глубине нашей души. Очень легко думают: Я знаю себя, я знаю, что я хочу! - Составляют себе определенное (понятие) представлений о себе самом, но как далеки они от действительности! В глубине, в душе, это выглядит часто совсем по-иному, чем в области, где действуют представления. Приведу некоторые примеры, часто случающиеся в жизни. Двое живут вместе Один из них имеет нечто против другого, так что ему доставляет удовольствие порою побить этого другого, унижить его, иногда сильнее, иногда поменьше. Причиной этого мучительства может быть врожденное стремление к жестокости. Человек может казаться совершенно безобидным, и быть собственно очень жестоким, испытывать потребность мучить другого. Поговорите с таким человеком, и он вам не простит, если вы посчитаете его жестоким, отвратительным человеком, получающим наслаждение, когда он может помучить другого. Он скажет

вам: Ах, я так бесконечно люблю его, но он делает то и это, и именно потому, что я его так люблю, я не могу вытерпеть, что он это делает! - Так выглядит это в его верхнем сознании, в подсознании же здесь жестокость. Представления его верхнего сознания направлены на то, чтобы от себя самого скрыть действительность, оправдать себя перед самим собой. Я знал одного человека, который при малейшей возможности подчеркивал, что он поддерживает определенное духовное направление из чистой самоотверженности, что он ему сам не симпатизирует, но чувство долга и самоотверженности заставляют его поддерживать это движение. Я ему сказал: Дело не в том, как вы рассматриваете свои поступки и чем вы мотивируете их для себя, дело в их действительных причинах. И вы поступаете так, потому что это доставляет вам наслаждение, потому что это льстит вашему тщеславию. Не приятно сказать себе: я, собственно, очень тщеславен, это - причина моего поведения. Поэтому и дорожим мы нашей майей, которая показывает нам нас в другом, лучшем свете. Майя о себе самом, которую мы несем в своем сознании, часто еще более далека от истины, чем майя относительно духовного познания мира. С полным основанием люди считают, что любовь величайшая ценность, но как часто это слово звучит без всякого на то основания! Когда мы были еще связаны с Теософским обществом (примечание 25), мы постоянно слышали о любви, любви и любви. Но часто эта любовь была только завесой, простирающейся над догматическими раздорами. Часто любовь, как маска, прикрывает жесточайший эгоизм. Особенно, если наслаждаются, сделав что-либо доброе, сделав то, что сделавшему приносит наслаждение и фальсифицируя, называют это любовью; и оправдывают себя в том, в чем никогда себе не признаются, и это остается в глубине подсознания. Да, когда мы опускаемся в глубины человеческого существа, мы действительно ныряем в бездну. Подлинно познать себя может человек, только вживаясь в тайны духовного бытия, вникая в великие законы бытия. Так как человек сложное, комплицированное существо и величайшие заблуждение думать, что это человеческое существо в чем-либо просто. Я бы сказал: все тайны мира соединены для создания человека. Но это должно быть правильно понято.

Поверхностное отношение к самопознанию прекращается, как только мы подходим к духовным тайнам бытия человека.

Представим себе: человек через обучение или иным путем приобретает некоторую степень ясновидения, и перед ним встают изумительные образы, которые он может фиксировать, так что окружающие восхищены полной значения связи этого человека с духовным миром. Она несомненно имеется, эта связь, но надо понимать связь человека с духовным миром во всем ее объеме, надо видеть, чем она действительно может быть.

Видите ли, в основе того, что мы знаем как физическое тело, лежит, как образующая (формирующая) сила, эфирное тело затем астральное тело, затем то, что мы называем носителем "Я". Все это работает над физическим телом и каждый высший член работает над низшим. Если вы ясновидчески постигаете эфирное тело, то это изумительное образование струящихся и мерцающих красок. Чем же являются эти, струящиеся в эфирном теле, краски? Это и есть силы, строящие физическое тело, силы, которые не только строят органы тела, но и действуют в этих органах, в том, что в течение жизни выполняют эти органы. Но органы человека имеют совершенно разное назначение. Возьмем 2 таких органа, как кишечник и головной мозг. Внешняя анатомия изучает ткани и все, подлежащее изучению, как однозначное, равноценное. Но они не равнозначны, они совершенно различны. Если мы берем головной мозг человека, то он как физический орган, нечто завершенное (совершенное); это явствует из того, что в головном мозге эти красочные потоки совершенно использованы. Когда мы созерцаем эфирное тело человеческого головного мозга, мы видим его сравнительно бледно окрашенным, так как краски использованы для построения головного мозга. Когда мы созерцаем кишечник, мы видим струящиеся краски, изумительно переливающиеся, ярко мерцающие, так как кишечник действительно более грубый орган, чем головной мозг, здесь не так еще много вложено духовного, силы еще сохраняются в эфирном теле, использована только небольшая часть. Поэтому эфирное тело головного мозга бледно, эфирное тело кишечника сияет изумительными красками, оно прекрасно.

Представьте себе, кто-либо, как я это описал, достигает ясновидения. Может быть двойное: ясновидение может наступить через пробуждение (примечание 35) эфирного тела кишечника (внутренностей). При наступлении ясновидения человек часто воспринимает свои собственные внутренности.

Тот, кто приобретает и, - с трудом извлекает ясновидение через эфирное тело головного мозга, вначале имеет перед собой несколько бледный мир; а тот, кто приобретает ясновидение через эфирное тело своих внутренностей, может отражать в эфирный мир изумительно переливающиеся краски. Чтобы бледное (блеклое) эфирное тело головного мозга привести в соприкосновение со струящимися красками космоса, необходимо привлечь струящиеся краски со всей сферы космоса. Чтобы развить струящиеся краски эфирного тела кишечника, мы можем их излучать из себя, и так могут на пути ясновидения быть увидены изумительные краски (образы, образования). Конечно, это действительно ясновидческие образы, но когда мы их исследуем, чем они тогда являются? Это ничто иное, как процесс собственного пищеварения, это то, что происходит в эфирном теле в процессе пищеварения человека; это проецируется во вне, в эфирное пространство. Это в высшей степени интересное анатомическое наблюдение, но надо четко себе уяснить: когда вторгаются в тайны духовного мира, надо получить ясное представление о том, что именно находится перед нами в духовном мире. Только тогда начинают понимать, что это изумительное переливающееся море красок эфирного тела может быть выявлением того, что должно происходить в эфирном теле, чтобы мог правильно функционировать кишечник. Когда это ясновидчески обзрывают это, то это действительно акт ясновидения; но это не имеет никакого отношения к тайнам небесного. И это не имеет никакого отношения к великим космическим свершениям, не приближает нас к ним, а это то, что приближает нас к нашему собственному обыденнейшему низшему.

И именно тогда, когда мы ясновидчески поднимаемся к самопознанию, мы понимаем, что то первое, что мы переживаем в изумительных образах, есть отражение нашего наинизшего. И только тогда, когда мы более сильным напряжением высвобождаем те части эфирного тела, которые, как низшие, оставались (задерживались) в нас самих, тогда как большая часть была употреблена для построения сердца и головного мозга, только тогда подходим мы к тому, чтобы более крепко развитыми силами излучать во вне то, что в нас есть и оставлять отпечаток на внешнем эфире. И затем приходят к следующему: когда мы проецируем во внешний мир эфирное тело наших физических органов, мы выталкиваем это в пространство, во вне. Когда мы развиваем высшее

ясновидение, мы тоже работаем во внешнее, но мы вырабатываем во внешнее то из нас, что мы создаем между рождением и смертью, чтобы оно подготовило то, что будет развиваться в нас между смертью и новым рождением. Мы вписываем это в пространство; мы создаем там воздействие на эфирный мир. И тогда мы идем навстречу тому, что образуется через эти воздействия - к космическим воздействиям, к космическим свершениям.

Именно над этим мы непрестанно работаем. Книга "Как достигают познания высших миров" с величайшей настойчивостью подчеркивает необходимость найти правильный путь, не впасть в обольщение, не придти через обольщающее ясновидение к низшему существу человека. Все снова обращаю ваше внимание на то, что правильное ясновидение трудно, что оно наступает блекло, бледно, без ярких красок, что к разгадке тайн мира приходят только через большое напряжение тех сил, которые даются человеку между рождением и смертью. Где найти эти силы, можно понять, если обратиться к тому, что было сказано в венском цикле 1914-го года (примечание 36). Там говорится о силах, которые человек развивает между смертью и новым рождением, о силах, о которых можно только беспомощно лепетать, так как наши слова предназначены (отчеканены) для понятий физического мира, и можно только сопоставлением слов дать представление о духовном мире, в котором все совершенно иное, чем в физическом и чувственном мире. Но людям удобнее представлять себе духовный мир как нечто подобное физическому миру, только потоньше, поподвижнее. Людям удобнее видеть в духовном мире, подобно физическому миру, передвигающиеся образы; они находят, неудобным, что - если они хотят вступить в духовный мир - то надо (необходимо приобрести) освоить совершенно новый способ восприятия. Все это должно вам показать, что не только человеческий рассудок, но прежде всего человеческая воля противится тому, что должно в наши дни принести в мир духовноведение. Мы действительно можем сказать: Широкие круги людей сегодня отклоняют духовноведение не только потому, что они его еще не понимают, но потому, что они его не хотят, что, по-существу они его не хотят, они боятся той картины мира, которую хочет и должно показать человечеству Духовноведение.

Если мы хотим понять переживания между смертью и новым рождением, мы должны вникнуть в важнейшие понятия:

мудрость и осознание. Нельзя представлять себе так, что человек, прошедший через врата смерти, не имеет сознания и его сознание должно сначала пробудиться. Не это верно, а верно то, что, пройдя через врата смерти, человек имеет слишком сильное сознание, он весь омываем сознанием, так что он не может в нем ориентироваться, что он совершенно оглушен духовным солнечным светом сознания, и сначала должен начать ориентироваться в нем, как я излагал это в упомянутом цикле. Здесь на земле мы должны приобретать еле доступную нам скудную мудрость; там мудрость обтекает нас со всех сторон, мы должны ее приглушать, чтобы быть в состоянии ее воспринять. Те части ее, которые мы смогли притушить, ослабить до наших человеческих возможностей, их только мы и можем воспринимать. Чтобы как следует разобраться, сориентироваться в освобождающемся из сумеречности сознании. Если действительно созерцаешь эти явления, они выступают во всей их значительности. Тогда пытаешься постепенно найти слова, которые бы точно описывали эти явления. Не так давно в Цюрихе умерла дорогая нам сочлен нашего Общества (примечание 37). Карма сложилась так, что мне не удалось, как я этого хотел, еще раз повидать ее в физической жизни. Через несколько дней в Цюрихе была кремация. Я должен был говорить на этой кремации и я пытался словами выразить то, что мне внутренне представлялось как сущность этого милого нашего сочлена. Затем наступил момент сожжения. И примечательно было, что первое ориентирующееся всплывание из затопляющего общего сознания наступило в тот момент, когда тело было предано огню, когда тело было в видимом охвачено огнем, в действительности - теплом. В этот момент перед душой умершей встала бывшая раньше картина. Раньше, во время похоронной речи, она не участвовала в ней, но сейчас, когда началось сожжение, она оглянулась. И как в физическом мире вокруг нас расстилается пространство, так видит умерший события во времени. Прошедшее рядом с умершим. Картина события стоит перед ним. Время подлинно становится пространством. Прошедшее не ушло (не прошло), оно остается, оно воспринимается (зримо). Затем умершая вновь погрузилась в состояние общей оглушенности, и прошло много времени, пока установилась ориентировка. Возникают такие моменты, можно сказать, - мгновения света, позднее они перерабатываются. Затем вновь наступает погружение во всеобщее затопление сознания, пока не наступит полная ориентировка.

Итак, мы видим, что мудрость и сознание до и после смерти это совершенно различные, глубоко различающиеся понятия, что мы должны их точно различать. Неверно представлять себе, что после смерти в нас пробуждается новая степень сознания. После смерти неизмеримое сознание должно быть до известной степени приглушено. Это надо принимать во внимание. Мы должны очень серьезно освоить Истину, что духовные факты часто прямо противоположны тому, как они предстают перед нами во внешнем мире. Я часто показывая это на одном примере. Человек идет вдоль берега реки, он падает в воду и тонет. Мы идем к нему и находим его утонувшим, и на месте, где он упал, мы видим камень и с полным основанием решаем, что он споткнулся о камень, упал в реку и утонул. Если мы не предпримем ничего другого, мы останемся при этом убеждении. Но здесь, в отношении физических фактов эта логика фактов может оказаться безошибочной. Вскрытие трупа может обнаружить, что это был удар и вследствие удара он упал в воду, то есть, что причина и следствие в действительности были обратны тому, что было видимо внешне. Мы думаем, что человек умер потому, что он упал в воду; в действительности он упал в воду потому, что был уже мертв. Логика фактов была здесь обманной. И, таким образом, мы часто попадаем впросак с логикой внешней майи.

Возьмем случай, с болью пережитый нами в Дорнахе этой осенью. Сыночек одной из членов нашей ветви, который был постоянным жителем Дорнаха, семилетний ее сыночек, исчез однажды вечером.

И когда выяснилось, что дитя может находиться под перевернувшимся мебельным фургоном, фургон был среди ночи поднят и маленький Тео Фаис был извлечен из под него мертвым. Что же произошло? В этой местности вообще не ездят мебельные фургоны, вообще никакие повозки. Это редчайшее исключение, чтобы там проехал экипаж. Задолго до того и после того не было ни одного. И маленький Тео вообще всегда проходил здесь на четверть часа раньше. В тот вечер он задержался на четверть часа. Он мог также пройти не с левой, а с правой стороны повозки, но он вышел другим путем, чем обычно. Все так сошлось, все произошло именно в ту секунду, когда мальчик оказался у этой повозки. Духовное исследование этого случая в его кармических связях показало,

что душа мальчика привела этот фургон на это место, чтобы в это время принять смерть; поэтому все так сошлось - физические события были следствием духовных соотношений. Тогда факты предстают совсем в другом свете, тогда просматривается зависимость между тем, что случилось и тем, что произошло после смерти. Маленький Тео имел ведь эфирное тело, которое при нормальном ходе жизни он мог бы иметь еще 70-80 лет, и даже дольше. Оно же не исчезает, оно остается. Эфирное тело умершего семилетнего ребенка еще полно сил, которые должны были быть использованы в ходе жизни, они налицо в духовном мире. И это тоже то, что очень явственно связано с аурой нашего здания, так как в ней теперь, после его смерти, эфирное тело маленького мальчика, в ней силы, крепкие духовные силы этого умного, милого, добронравного мальчика. Это силы помощи и силы помощника, связанные с аурой дорнахского здания.

Так пересекаются духовные и физические воздействия. Не прошли времена, когда надо было, при физических событиях, поднимать взор в духовные миры. Эти времена не прошли. Кое-что мы начинаем понимать через наше духовноведение. Во многом нужны нам помогающие силы тех, кто уходит из физической жизни с неиспользованными эфирными силами. Подумайте о тысячах и тысячах, которые во вне, на огромных полях трагических событий нашей эпохи, проходят врата смерти с неиспользованными силами эфирного тела. Это все духовные силы, которые еще долго могли бы быть действенными, если бы эти люди остались жить на Земле. Физика уже знает, что никакая сила не исчезает, не теряется. (В точнейшем смысле действует этот закон сохранения энергии - перев.) и для духовного мира. Силы, которые имеет эфирное тело, чтобы обеспечивать жизнь физического тела от рождения до смерти в течение 80-90 лет не теряются, если человек рано проходит через врата смерти. Силы налицо. Наряду с тем, что через "Я" и астральное тело вступает в духовный мир и имеет значение для индивидуальности, эфирное тело имеет всеобщее значение для всеобъемлющей ауры развития Земли и Человека. Так можем мы взирать на свежие, полные сил, неиспользованные эфирные тела, из духовных миров воздействующие на будущее.

Мы теперь часто видим, что умершие сражаются рядом с живыми. Так видим мы, с другой стороны, поля эфирного, элементарные миры, пронизанными силами, крепкими

человеческими силами тех, кто ушел из жизни с высокой уверенностью и верой в великие идеалы человечества. Эти силы приобретаются теми, кто с этой верой проходит врата смерти, и остаются от них.-Те, кто будет жить после, должны будут взирать на эти неиспользованные эфирные силы, потому что они будут действительными. Эфирные силы безвременно умерших, они несомненно будут требовать, чтобы не была бесплодна их жертва, их переход в духовный мир, из которого они взирают вниз на Землю. Они будут требовать возможность действительно внести свою личную человеческую долю в обновление духовной жизни Земли. Как побуждающие стоят они там, эти эфирные тела, как голос совести, говорящий! Мы ушли в духовный мир, чтобы посылать вам отсюда силы, которые могут войти в ваши души, втечь в ваши сердца, чтобы вы с большей, с удвоенной силой работали над духовным развитием Земли. Взаимодействие телесного и духовного, это мы должны понимать не как общие фразы, расплывчато и туманно, но как конкретную духовную связь людей, живущих здесь на Земле в физических телах, с душами, ушедшими вверх в духовные миры. Если мы это усвоим и правильно наполним души тем, что дает духовноведение, возникнет общность, единство воплощенных и не воплощенных душ.

Проникновение во взаимодействие физического и духовного, дает нам возможность найти правильное отношение к исполненным величайшей серьезности событиям наших дней, оно помогает нам полностью осознать, что только полная самоотдача человеческой борьбе и человеческой работе на физическом плане оправдают нас перед будущим. Исполниться должно то, что подчеркнуто было еще вчера: из правильного понимания взаимодействия между физическим и духовным миром осуществится звучащее в словах:

Из мужества сражающихся,
Из крови сражений (битв),
Из горя покинутых (оставленных),
Из жертвенных свершений народов
Вырастет духовный плод -
Направит души к осознанию Духа,
Их помыслы к духовному миру.

ЛЕКЦИЯ 4

Штуттгарт, 22-го ноября 1915 года

В связи с грозными событиями наших дней прошли врата смерти уже многие души людей, связанных с нашим движением. Как я уже, в ходе военных лет, говорил здесь, именно пережитое с этими душами подтвердило, что души, вырванные смертью из рядов сражающихся, продолжают жить в этом, что требует от них наше суровое время. Они остаются связанными с Духом своего народа, они продолжают войну оружием Духа. Но именно это, мои дорогие друзья, обязывает нас перед ними. Обязывает соединить и укрепить наши полные любви мысли, наши внутреннейшие, любовно соединяющие нас движения души /импульсы/. Когда будут позади штормовые события, - в которые, в лучшем смысле слова, ввязаны эти души, даже если они уже прошли врата смерти - или если вообще наступит надлежащее время, будет нам дана возможность почтить погребальными торжествами наших дорогих умерших.

В эти беспокойные дни смерть вторглась в наши ряды. На этих днях мы предали элементам земли земную оболочку нашего милого друга Софи Штинде /примеч. 38/. И в этом городе многие души чувствуют себя в глубочайшем смысле тесно связанными с этой преданнейшей нашему движению душой. Я сейчас и в ближайшие дни буду в Мюнхене, моей обязанностью будет -но обязанностью, которая выполняется с величайшей любовью - вновь вернуться к памяти о Софи Штинде.

Часто, мои милые друзья, стоим мы перед этой величайшей загадкой бытия - смертью. Смертью, которая так болезненно, и всегда так загадочно, вторгается в земное бытие - и принадлежит к этому земному бытию, и никогда не может быть объяснена из самой этой земной жизни. Глубочайший смысл в сопоставлении мысли о жизни и смерти, что однажды было сделано в открытой лекции "Тайна смерти и загадки жизни". /Примеч. 39/. Так как обозрение проблемы смерти охватывает не только то, что как думают многие материалисты чуждо земной жизни, что противоречит существованию человека. Но обозрение, охватывающее мир в целом, приносит из глубины бытия такие познания о тайне смерти, которые наполняют силой и глубоким смыслом жизнь на Земле. И поэтому для

понимания загадки жизни, для прояснения тайны смерти не надо отстраняться /отказываться/ от точки зрения, охватывающей мир в целом.

В силу исторических событий наших дней тысячекратно сталкиваемся мы со смертью, а в этот последний раз вплотную подступила она и к нашим рядам. Мы можем наблюдать тайну смерти, так сказать, там, где она непосредственно вторгается в жизнь. Умерший расстается с жизнью чувств /внешних/, он вступает в иные сферы. Но он остаётся в боли тех, кого он покинул, в их мыслях, чувствах, переживаниях, с ним связанных. Погребальные торжества, важны - это прекрасно; отвечающий глубоким человеческим чувствам обычай.

Он сохранился до наших дней: в дне памяти всех усопших у католиков, в погребальных торжествах евангелистов, в той или другой форме, более или менее индивидуально, погребальные торжества сохраняются и в наше время. Эти погребальные торжества - невольная дань материалистической эпохи духовному миру. Хотя материализм так обглодал человеческие души, что они совершают эти обряды, собственно, бессознательно; но и захваченные материализмом души переживают их с сердечным теплом. Умершие остаются жить в тех чувствах, переживаниях и мыслях, которые шлют им навстречу оставшиеся жить. Подумаем глубже о проблеме смерти и мы, к которым так близко подступает смерть.

Из многочисленных многолетних обзрений вы знаете, что мы никогда не должны себе представлять, что вот физически - чувственный, а вот, отдельно, духовный мир. Физически - чувственный мир простирается вверх в духовный мир, а духовный мир простирается вниз в физически - чувственный мир. И хотя внешние чувства человека воспринимают физически - чувственный мир только в его внешнем, чувственном бытии, но он, грубо говоря, как воздухом пронизан духовным, оно протекает всюду, всё наполняет - всё, в чём человек в физической жизни в нормальных условиях видит только физическое. И те, кто прошел этот путь через врата смерти, кто находится в духовном мире, своими импульсами и силами действительны, /возвышаются/ в нашем чувственном мире. Так что мы должны сказать: если связь живущих в физическом теле и живущих духовно, умерших, и находится за порогом обычного сознания, тем не менее она - реальность. И перед теми, кто углубляется в духовноведение, должна стать требующая разрешения задача: придти к

теоретическому, но исходящему из самой жизни, пониманию жизни, исходный пункт которого не одно размышление, но душа во всем ее объеме и охвате /во всем, что она способна охватить/.

Попробуем собрать воедино все, что из обыденной жизни мы можем уяснить себе о смерти. Умерший уходит от нас. Наши глаза его больше не видят, мы не можем обменяться с ним рукопожатием, мы не можем сказать ему слова приветствия и услышать от него ответ. В мире внешних чувств тепло его переживаний не струится больше в наше сердце. Когда мы жили вместе, с помощью своего физического тела, в которое он был облачен в физическом мире, он все снова и снова наколдовывал нам свой образ, который мы имеем перед собой. Наступившее изменение состоит прежде всего в том, что душа, стоявшая к нам близко, пройдя через врата смерти, ушла от нас, и мы теперь не имеем больше той помощи для общения с ней, которая давалась нам тем, что перед нами стоял ее образ, сотканный с помощью, исходящих от нее чувственных импульсов, со всеми побуждениями, порывами любви, симпатиями и антипатиями. С момента, когда душа ушла от нас через врата смерти, в нас остается ее образ, который теперь должен продолжать жить в нас, внутренне пронизывая нас. Если мы оживим этот образ, из имажинации, в которой он продолжает жить в нашем эфирном теле, а особенно в астральном теле и "Я", что в нормальной жизни всегда остается за порогом сознания - если мы хотим поднять его до сознания в физическом бытии, то мы должны дать ему подняться /извлечь его/ из внутреннейших глубин своего существа. То, что мы сохранили в нашей памяти об умершем, мы должны из внутреннейших основ души, то есть из "Я" и астрального тела, излить в те части нашего человеческого существа, которые порождают сознание и представление в эфирное тело и в физическое тело.

Когда душа, прошедшая сквозь врата смерти, была еще с нами, она порождала образ; он излучался нам извне, нам надо было только, с тем, что есть в нашей душе, идти ему навстречу. Когда умерший ушел от нас, мы поставлены в необходимость, чтобы понятие, представление о нем, образ его мог войти в нашу душу, самим влить то, что мы сохранили от этого образа, в нашу внешнюю человеческую оболочку. Нам не оказывает больше помощи - как при воспоминании о еще живущем - мысли о том, что это воспоминание может быть укреплено

новой встречей. Это радикальный перелом, с этого момента и до конца нашей жизни здесь на Земле мы ограничены своим воспоминанием об этой душе.

В глубинах нашего существа, в "Я" и астральном теле, никогда не может быть погашено это воспоминание о неосознанных силах внутри нас. И когда ночью мы погружаемся в сон, когда гаснут привычные впечатления дневного сознания, гаснут все мысли, которые живут в нас от пробуждения до засыпания, тогда всплывают в нашем астральном теле и "Я" имагинации, световые образы тех, с кем мы были связаны в жизни и кто ушел от нас через врата смерти. В той части нашего существа, которая живет в нас от засыпания до пробуждения, в ней живут вместе с нами наши умершие, как от пробуждения до засыпания живут с нами живущие на Земле. Благодаря нашему дневному бодрственному сознанию в физическом теле, обеспечивающему вместе с эфирным телом это дневное бодрственное сознание прошли мы 4 ступени развития Земли. Наше "Я" вошло в наше существо только в ходе развития Земли, а астральное тело в ходе развития Луны, поэтому мы лишены ночного сознания. Только в позднейшие эпохи земного развития сможем мы переживать в нашем астральном теле и "Я" наших умерших в нормальном бодрственном сознании, то есть так, как мы переживаем теперь живущих на Земле. "Я" - младший член нашего существа, который должен еще пробиться к сознанию столь же сознающему, как теперешнее дневное сознание, которое достигается /обуславливается/ тем, что наше "Я" и астральное тело связано с физическим и эфирным телом. Физическое тело прошло 4 стадии развития Земли, эфирное тело 3 стадии развития Земли, но астральное тело только через 2 стадии, а "Я" прошло только через одну стадию развития Земли.

Те, что стали духами, невоплощенными душами покоятся в том элементе, в котором и мы пребываем во время сна. Отныне в своем дневном сознании можем мы только восстанавливать их облик в воспоминании. Здесь действуют разные силы: та, что порождает в нас духовный импульс, и та, что поднимает этот духовный импульс в сознание. Впечатления внешних чувств втекают в наше физическое и эфирное тело извне. Но ваше теперешнее нормальное развитие не имеет достаточно сил, чтобы те впечатления, что могут быть восприняты только "Я" и астральным телом, так оттиснуты /впечатаны/ в физическое и эфирное тело, чтобы

они стали в нас представлениями, то есть стали достоянием нашего дневного сознания. Все же в тончайших членах нашего существа мы неразрывно связаны с так называемыми мертвыми, эту связь внешняя смерть не нарушает, она только преобразует ее. В этих тончайших членах, в "Я" и астральном теле, в них живут умершие, как живые, в них живут те, кто вырван из наших рядов, чтобы стать духовным существом.

Посмотрим им вслед средствами духовного познания. Часто подчеркивалось, как радикально меняется соотношение с окружающим миром у любого существа, в том числе и у человека, когда это существо не имеет более физического и эфирного тела. Когда тот, кто прошел через врата смерти, покидает познание через физическое и эфирное тело, тогда он живет в духовном окружении; он живет в нем так, как живут в нем умершие. Я однажды подчеркивал, как коренным образом изменяется взаимоотношение с окружающим при переходе в духовный мир, к которому воспринимающий теперь принадлежит сам, если он является развоплощенным человеческим существом или существом Иерархий, или существом элементарного мира. Приходится по-особому подбирать слова, чтобы дать представление, каким становится соотношение духовного существа и его окружения, как оно совершенно отличается от соотношения воплощенного существа и его окружения.

Здесь в физическом мире, на нас воздействуют факты и существа внешнего мира. Существа находятся в нас. Их излучения через впечатления внешних чувств проникают нам в душу. И мы говорим, если мы это осознаем: Мы заключены в границы нашего тела. Других существ мы имеем в своих представлениях: мы воспринимаем их. Когда мы вступаем в духовный мир, мы должны сказать по-другому: другие духовные существа теперь воспринимают нас, как духовных существ. В физическом мире мы воспринимаем животных, поскольку они существа, воплощены в физическом мире, растения, людей. Когда мы вступаем в духовный мир, нас теперь воспринимают существа Ангелов, Архангелов, Архаев и другие. В физическом мире мы говорим, мы видим растения, животных, людей, - когда мы вступаем в духовный мир, мы должны сказать: мы переживаем в себе нечто и это переживание обозначает, что на нас покоится духовный взор другого существа, нас воспринимают. Это ощущение быть воспринимаемым, это знание, что на тебя смотрят, оно

отличает нашу жизнь в духовном мире от жизни в физическом мире.

Слова должны звучать совсем по-другому, когда говоришь об этих вещах, так как в духовном мире все совершенно иное. И чтобы это выразить образно, и в то же время более, чем образно, скажем: когда существо духовного мира спускается к воплощению в мире чувств, оно должно закрепиться в этом мире, чтобы постепенно научиться жить в нем, - и ребенок этому учится - научиться смотреть через физические органы чувств, вне себя, воспринимать мир извне. Когда существо через врата смерти или другим путем вступает из мира чувств в мир духа, оно должно привыкнуть говорить себе: ты я, но Я, которое живет в мире не изолированно, которое внутренне все время что-либо переживает, - подобно тому, как переживались представления при воспоминании, как бы всплывающими из глубины души. Но теперь ты знаешь: то, что всплывает, это вступившие в тебя представления, мысли, все притяжения других существ, вместе с тобой живущих в духовном мире. Как из внешнего подступают к нам впечатления из мира чувств, от существ мира чувств, так вступают в наш внутренний мир представления и восприятия от существ, живущих в духовном мире. Но мы знаем эти представления и восприятия, вступающие в нас из наших внутренних глубин, это касания духовных существ, находящихся вместе с нами. Когда мы в духовном мире, тогда в нас поднимается представление, представление о существе, которое мы любим, существе, побуждающем нас совершить то или иное в духовном мире. Откуда происходит /касается нас/ это представление, как это происходит, что оно вступает в нас, как здесь на Земле, всплывает воспоминание? Это значит: другое существо, существо духовного мира, приблизилось к нам. Мы не воспринимаем его вне нас, как здесь на Земле, но мы знаем о том, что оно есть, потому, что оно посылает вовнутрь нашего существа то, что живет в нем самом. "Нас представляют", "нас воспринимают" - так должны бы мы говорить о жизни в духовном мире. Поэтому переживание в духовном мире не становится абстрактным, туманным наоборот, оно полно жизни. То, что мы переживаем в духовном мире, так наполнено жизнью, как только может быть живым то, что в физическом мире мы имеем в своем непосредственном сиюминутном окружении. Так должны мы в духовном мире осваиваться с совершенно другим характером /способом/ общения с существами духовного мира.

С этих точек зрения посмотрим на тех, кто прошел врата смерти. Они вступают в мир, о котором они должны сказать: я все больше учусь знать, что меня воспринимают, что в меня втекают представления, восприятия и чувства развоплощенных людей, элементарных существ, существ из Иерархии Ангелов, Архангелов, Архаев. Все они живут во мне. И мы поднимаем взор на такого умершего и предчувствуем: как здесь в мире /внешних/ чувств выступает нам навстречу человек, и мы сквозь его кожу угадываем его кровь и в чертах его лица угадываем /чувствуем/ работу его нервной системы, так, когда мы взираем на духовного, развоплощенного человека, угадываем, предчувствуем мы, как в том, что мы в связи с ним переживаем, действуют мысли, восприятия Ангелов, Архангелов, Архаев.

Здесь, в физическом мире, выступает нам навстречу физический человек, в ходе развития работой души он облагородил животное, растительное и минеральное. И это животное, растительное и минеральное бытие все же выступает нам навстречу. Когда человек здесь на Земле, его духовно - душевное глубоко скрыто в его внутреннем, и только светится сквозь его телесную оболочку. Но это светящееся навстречу нам, то, что в этом мире чувствует, воздействует на нас, пронизано облагороженной до человечности животной природой. Животность выступает в человеке облагороженной, но все же она животной природы. И растительный и минеральный мир выступает нам навстречу в земном человеке. Мы знаем: царства природы живут в человеке на более высокой ступени. И если бы в человеке не жило минеральное, то в физическом мире никогда не мог бы быть воспринят современный человек, так как только благодаря включению в его существо минерального становится он воспринимаемым в физическом мире. Как здесь в физическом мире у физического человека мы видим животную природу, так в духовном мире, когда мы стоим перед духовным существом, мы видим, как в том, что втекает в него как мысли и восприятия, душевно действуют Ангелы. То, что переживают Ангелы, вниз - организовано, спускается до человеческой телесности. Вверх - организована животность в человеке в физическом мире, вниз - организовано в духовном мире то, что вибрирует в душевной жизни человека от Ангелов. И как вверх - организован растительный мир в человеке, так вниз - организовано в духовном облике человека то, что струится в

него от Архангелов. И так же, как царство в чувственном человеке взблескивает минерального и делает воспринимаемым чувственного человека, так то, что, как духовный человек, идет нам навстречу в духовном мире, становится замкнутой в себе имагинацией, потому что Архаи влияют в человека свои формообразующие, творящие облик, образ, силы. Как здесь в физическом мире три царства природы пронизывают физического человека, так в духовном мире Ангелы, Архангелы и Архаи пронизывают духовного человека. Когда человек прошел через врата смерти, то он долго еще остается связанным со своим астральным телом и со своим "Я". Но таким, каким он тогда является, сохраняя от земного человека свое астральное тело и "я", он становится доступен воздействию Духов Формы и тех Духов, которых мы познаем, как принадлежащих к Иерархии Архаев. Их воздействия делают человека воспринимаемым. Как минеральный мир здесь на Земле делает человека видимым и осязаемым, так в духовном мире Архаи и Духи Формы делают человека замкнутым единым существом. И как растительное в физическом мире, в физическом человеке более не видимо, а только угадывается, так в духовном мире в замкнутом облике человека угадывается то, что вливают в него Иерархии. Так же как животное в физическом человеке выступает нам навстречу уже не как животное, и только духовноведение обращает наше внимание на животное в физическом человеке, так в духовном мире не сразу познают /угадывают/ несколько окрытую деятельность Ангелов, которая остается значительной все время, пока человек сохраняет эфирное тело. Когда мы наблюдаем духовный облик человека в духовном мире сокрытая деятельность Ангелов остается, но она менее заметна. Таким в действительности предстает перед нами умерший, когда мы через некоторое время после его смерти вступаем в общение с ним, так что мы можем сказать: это он, но то, что дает ему этот замкнутый облик, это манера и способ, которым действуют в его внутреннем Духи Формы. И что еще с силой может быть в нем воспринято, это деятельность Духов Личности /Архаев/. Пронизанным действиями Иерархий выступает перед нами умерший, как здесь на Земле выступает нам навстречу физическое, проорганизованное минеральным.

Когда человеческая душа оставляет нас, потому что проходит врата смерти, тогда, в рамках нашего сознания, мы сохраняем ее образ в воспоминании. Все, что дорого нам в

умершем, сохраняем мы в своей душе. Это иное воспоминание, чем те, что мы обычно имеем во внешней жизни. Что же это за воспоминания? Это мысли о том, чего больше нет, именно поэтому они воспоминания. Его здесь нет, того, о чём мы вспоминаем, оно не происходит в те мгновения, когда мы вспоминаем. То, что является содержанием моего представления - воспоминания, сейчас не действует. Когда мы вспоминаем о душе, которая была с нами связана и прошла через врата смерти, мы живем в мыслях об этом умершем; но он сам, умерший, здесь, в непосредственной близости, он реальное существо духовного мира. Поэтому это не только представление воспоминания; оно хотя и является представлением воспоминания, но соответствует реальному духовному существу. Внутри нас живет представление, во вне в духовном мире живет умерший. Существо здесь, и представление о нем здесь. В нас, когда мы с почитанием глядим вслед умершему, когда в полных преданности мыслях мы восстанавливаем то, кем был для нас умерший. В наше бодрственное сознание вступает имагинация, образ умершего. Он /образ/ здесь. Что это значит? Это значит: он /образ/ здесь, в живом действенном процессе, в нашем физическом и эфирном теле.

В нашей обыденной жизни в физическом и в эфирном теле, когда мы не обращены к нашим дорогим усопшим, мы имеем в наших мыслях то, что принадлежит физическому миру. Но когда мы призываем в наши души образ умершего, мыслеобраз или образ чувств и ощущений, тогда в этом образе в непосредственной действительности живет существо, сквозь которое глядят, посылая в него свои представления, Ангелы и Архангелы. Если мы мысли и чувства направляем к дорогим усопшим, в этом содержится больше, много больше, чем в обычной нормальной связи между физическим и духовным миром. Тогда налицо нечто, чего иначе не могло бы быть. И перед духоиспытателем встает вопрос: Что же значит для умерших тот факт, что мы живем в мире, который они покинули, в мире, чьи оболочки они сбросили? Что значит для этих умерших, которые не живут, то обстоятельство, что мы в нашем бодрственном сознании, то есть, в нашем физическом и эфирном теле, восстанавливаем то что нас связывает? Перед духоиспытателем стоит этот вопрос, вопрос, который звучит как очень интимный, но который когда духоиспытатель найдет на него ответ, прольет свет на многие тайны жизни.

Еще по-иному, с точки зрения непосредственной жизни можем мы поставить этот вопрос. Поставим его так: что это собственно значит для мировой реальности, когда в день памяти умерших или другой праздник, посвященный умершим, души людей, которые здесь на Земле живут в своих телесных оболочках, стремятся к дорогим могилам или в мыслях соединяются со своими усопшими? Какое это имеет значение, если мы сами устанавливаем себе дни или часы памяти наших умерших? Когда мы им, как это мы делаем, читаем, когда мы что-либо делаем, чтобы почувствовать себя с ними вместе, и особенно, чтобы оживить то, что нас с ними связывало? Скажем еще по-другому: что это значит, когда мы в бодрственном состоянии восстанавливаем то, что нас связывало с умершим? И в такой форме может встать этот вопрос в сознании духоиспытателя.

Он должен это выразить несколько иначе, чем он это получает в духовном исследовании. Важнейшие факты духовного мира можно передать только в образах. Надо искать сравнения, когда хочешь говорить о фактах духовного мира. Наша речь выработана для обыденной жизни, для физически-чувственного мира, и этими словами, предназначенными для физического мира, нельзя так просто говорить о духовном мире, если хочешь дать о нем правильное представление. Мы должны окольными путями сравнений пробудить в наших душах такие представления, которые приблизят нас к реальностям духовного мира. И может духоиспытатель найти здесь в физическом мире кое-что, что поможет пробудить представления, отвечающие на поставленный нами вопрос. Мы находим здесь, в физическом мире то, что, не нарушая внешнего природного процесса физического мира, могло бы и не быть, но без чего не могут обходиться те люди, которые стремятся воспринимать жизнь во всей ее полноте. Что же это, что мы находим в физически-чувственном мире, что не является природным процессом, но чего мы не хотим быть лишенными? Когда мы изображаем в картине то, что есть вокруг нас и что имеет отношение к природным процессам, картина ли это художника или, как теперь это принято, остающаяся во внешнем художественная фотография, тогда то, что выступает нам навстречу в образах физически-чувственного мира /о существах, принадлежащих к этому миру/, это нечто, что приближается к процессам этого мира; но то, что они изображают, могло бы существовать и без них.

Попробуйте реально представить себе, как обогащается жизнь, когда в образах мы воссоздаем то, что и без того есть в процессах природы. Как жаждем мы, помимо процессов природы, иметь в мире искусство. Как стремимся мы к изображению пережитого! Природный процесс течёт независимо от его отображения в искусстве. Существо остается тем, кто оно есть, если мы не имеем его изображения, но мы жаждем иметь это изображение! Об этом вспоминает духоиспытатель, когда он должен составить себе представление о том, что переживают умершие, когда оставшиеся на Земле оживляют в своих душах их образ. Соответствующий природному духовный процесс, на который смотрят живущие в духовном мире умершие, он происходил бы, если бы в душах людей и не оживлялись дорогие воспоминания. Но происходящие духовные процессы были бы для умерших, для этих духовных существ, безжизненными и пустыми, как для нас было бы безжизненно и пусто, если бы вокруг нас происходили только природные процессы и не было бы в человеческой жизни, в процессах природы ничего образного /художественного/.

Можно привести такой пример: если мы надолго расстались с дорогой подругой или другом, любовно их вспоминаем, но увидеться не можем, и вот они присылают свой портрет, то вам он дорог, ваше сердце отзывается теплом, он нужен вам. Как вам дорог портрет, так дороги умершему ваши мысли о нем в дневном бодрственном сознании. Они смотрят вниз на Землю, которая иначе была бы для них только струящимся духовным процессом, но который теперь они чувствуют пронизанным тем чего не могло бы быть, и что все же есть - слова эти могут быть приняты и в прямом и в переносном смысле - они чувствуют то, что является струящимся духовным процессом, пронизанным тем, что излучается к ним из душ оставшихся здесь на Земле - как бы портрет любимого человека. Поэтому можно сказать: Когда в поминальное воскресение или в день поминовения усопших люди идут на кладбище и там собирается много людей, души которых полны образами дорогих им умерших, если взглянуть вверх на души тех, о ком вспоминают, то для них это как прекрасный храм, как произведение искусства То, что струится с Земли им навстречу, озаряет умершим мир, как полный таинств, светящийся храм или как образ, воспоминание дорогого и любимого человека. Безжизнен и пуст был бы для умерших мир, к которому прикован их взор, если бы души живущих

здесь на Земле не несли бы им навстречу то, чего не может быть и что все же должно быть: полные любви мысли, связывающие живущих на Земле с умершими.

Здесь выступает глубоко впечатляющее различие между земной жизнью и жизнью в духе. Чтобы возвысить для живущих на Земле земную жизнь, мы должны присоединить к ней в живых образах и красках то, что ей недостает. Земля, лишенная художественного, образного, Земля только сумма природных процессов какой безжизненной пустой была бы она! Поднимемся теперь к умершим. Они воспринимали бы струящийся духовный процесс, но безжизненным или пустым был бы он для них, таким же безжизненным и пустым, как лишённые образности и красочности природные процессы для детей Земли, - если бы не были живы воспоминания об умерших, если бы в бодрственном сознании людей не жили полные преданности умершим мысли, которые для духовного мира подобны произведениям искусства; поскольку это прекрасные мысли, не связанные с природными процессами, но направленные к тем, кто не живет больше в процессах Земли. И то, что здесь на Земле делает произведения искусства производением искусства, что создает его красоту, это в гораздо меньшей степени связано с внутренним человека, чем то, что значат для духовного мира наши мысли об умерших. И в духовном мире есть, в этом смысле, прекрасное, подлинная настоящая красота. Но она не возникает из внешнего, как все же часто здесь на физической Земле. Что произведения Рафаэля, Леонардо, Дюрера прекраснее других, покоится на том, что эти мастера больше могли, чем другие. Чтобы умерший - говоря по аналогии - почувствовал выступающим ему навстречу с Земли более прекрасное произведение искусства, это зависит от глубины внутреннего, от святости и духовности чувств, которые мы шлем умершим при воспоминании о них. Сила нашего восприятия тех, кто ушел от нас в духовный мир, охватывает жизнь нашей души и углубляет ее. Это делает нашу душу все прекраснее.

Проведите эти мысли в своей душе, мои милые друзья, и в этом медитативном углублении раскроется вам понимание взаимозависимости между духовным миром и миром чувств и проникновение в особую область духовного мира, в которой живут умершие, и мира чувств, в котором живут земные люди. В следующих обзорах мы проникнем в другие области духовного мира.

ЛЕКЦИЯ 5. ШТУТГАРТ. 23 ноября 1915 года

Когда мы подходим к тайнам смерти, то надо все время иметь ввиду, что при характеристике фактов духовного мира слова нашей обыденной речи должны менять свой обычный, к физическому миру приспособленный смысл. Так как умерший, так называемый умерший, вступает в духовный мир и, как об этом неоднократно говорилось, в духовном мире все совершенно иное, чем в физическом мире.

Не только из сообщений духовноведения, но обычным разумом можно понять, что при вступлении в духовный мир через врата смерти первое переживание умершего - это освобождение физического тела от того, что внутри этого физического тела является его человеческим существом. Это, конечно, тривиальная истина. Сегодня мы глазами духоиспытателя посмотрим на события и на внутренние переживания умершего при прохождении им врат смерти и его дальнейшего пути от смерти до нового рождения.

У остающихся здесь в физической жизни возникают чувства, что то, что было заключено в этой физической оболочке, покидает её и уходит в другой мир. Переживания, которые прежде всего имеет умерший, - как сказано, согласно исследованиям духоиспытателя - это чувство, что его покидают остающиеся жить и его собственное физическое тело, тело, которое служило ему от рождения до смерти инструментом его восприятий, мыслей и чувств и средством его деятельности. Тех, кого он любил, кто был с ним связан, покидают его. Это его первое восприятие. Это переживание связано, прежде всего, с тем, что мы неоднократно описывали: в известном смысле удаляется сама Земля и отбирает у проходящего врата смерти его физическую оболочку. Это совсем так, как если бы умерший почувствовал, что он остается в стороне от движения, которого он здесь на Земле, собственно, не замечал. Он остается в стороне от движения самой Земли; Земля уходит от него, а с нею все, что его на ней окружало. Он причленяется теперь к совсем другому миру, но миру, в котором он теперь кое-что воспринимает, и то, что было ранее от него совсем скрыто, воспринимает, и то, что было ему дано как телесная оболочка, связано с Землей и с движением. Он имеет, таким образом, как бы чувство - хотя это

характеризуется очень приблизительно - что он не может больше идти одним путем с Землей и ее духами; поэтому они его покидают. Он остается как бы в большом мире покоя, он как бы причленяется к миру большого покоя.

Из этого чувства покинутости особенно своей физической оболочки и всем, что познавалось через людей, что было пережито вместе с людьми в период земной жизни, из этого чувства покинутости вырастает теперь для умерших различное. Владение своей физической оболочкой было в течение земной жизни чем-то само собой разумеющимся. Поэтому то, что он воспринимает теперь, является для него совершенно новым, и мы увидим, как различны эти восприятия в зависимости от того, умер ли человек, так сказать, нормальной смертью в связи с болезнью или старостью или насильственной смертью, которую вынуждены принимать теперь многие тысячи.

С этим чувством - быть покинутым тем, что тебе принадлежало, как нечто само собой разумеющееся, вступает в жизнь души совершенно новое. В жизни души вступает то, что совершенно не могло быть познано, пока душа находилась в теле. Первое, что тогда вступает в жизнь души, это я бы сказал, "обратное", обращенное наоборот - чувство жизни. Здесь на Земле мы чувствуем жизнь разлитой вокруг нас, даруемой нам извне, из сил Земли. Но теперь Земля уходит со всем к ней принадлежащим, со всем, что она дарует. И в связи с этой покинутостью тотчас возникает чувство, что теперь из его собственного внутреннего бьют ключом оживляющие силы. Значит, первое - это ощущение жизни в себе, самооживлённости, переход к известной активности, тогда как до сих пор были они отвердевшими в пассивности. Умершие чувствуют: Ты оживляешь то, чем ты сам теперь являешься. Ты в себе самом. То, что ты до сих пор называл миром, ушло от тебя, То, в чем ты теперь живешь, когда ты его полностью наполняешь, рождает в себе самом силы оживления, оно оживляет тебя самого.- Конкретно возникает то, что я часто называл панорамой жизни; - поток жизни в том, что было пережито за время между рождением и смертью. Картины этой жизни выступают перед душой. Как мощный самозарождающийся сон, как бы из той точки, в которой ты сам находишься, встает вся последняя земная жизнь. Но этим образом нужна сила, пробуждающая из сна. Они остались бы протекающим, длящимся сном, если бы не сила, рожденная

чувством: моя телесная оболочка освобождается от духовно-душевного. Сила, рожденная этим сознанием, дает жизнь сну, грезящемуся. То, что осталось бы только миром текучих смутных образов сна, так оживленное; становится полным жизни миром, живой панорамой жизни. Душа сама становится источником рождения жизни, оживления того, что иначе возникает как сон. Это переживание, встающее непосредственно после смерти.

Все это так, пока человек смутно сознает, что он отключен от своего прежнего сознания и что как бы из центра его существа шевельнулось в нем нечто, что расширяется, и от него уплывает та жизнь, которой он до сих пор пассивно отдавался. Теперь знают то, чего не знали между рождением и смертью: что мысли, которые раньше приливали и отливали как сон "Я" теперь вживаются из этой, прежде отчужденной жизни в жизнь своего собственного существа. Переживают осознание того, что с чем были до сих пор более внешне связаны, теперь охватывает внутреннейшее. Что до сих пор было не жизнью, но картиной жизни, охватывает представление и мышление. И пока живут в этих представлениях, постепенно вступают в дальнейшие. Это можно охарактеризовать как вживание в представление: вселенная пронизывает звучанием панораму жизни. Более общо я эти факты уже описывал. Но мы должны все детальнее обзирать их, чтобы глубже проникнуть в тайны мира.

Вначале оживляется этот внутреннейший жизне-сон, он становится живой Вселенной, живущим Космосом. Тогда заканчивается то, что можно назвать: музыка сфер Вселенной наполняет /пронизывает/ звуком этот жизне-сон. Но, что было тобой самим между рождением и смертью, переживают как частицу /отрезок/ Космоса, отныне воспринятую Космосом, вчленённую в то, что не является земным. Так как земное было между рождением и смертью. И далее чувствуют, как Космос нежно /интимно/ пронизывает то, что было его частицей /отрезком/. Зарождается как бы внутренний свет и озаряет то, чем ты был. Все это, так сказать, течет и звучит в панораме жизни; Затем высвобождается Эфирное тело - так как все это происходит, пока человек еще связан со своим эфирным телом. Проходит то, что называют отделением /растворением/ эфирного тела.

То, что теперь переживают, это восприятие панорамы жизни; панорамы жизни, пронизанной звучащими и светящимися субстанциями Космоса, подобно тому как самовчлняющееся физическое тело в существо человека при вступлении его через рождение в физическое бытие. Как тогда человеческая субстанция, данная Землей, вчленяется в человеческое душевное существо, так вчленяется в человеческое душевное существо после прохождения им врат смерти, Космическое, вселенское. Описанные переживания необходимы. И когда духовноведчески прослеживают жизнь от смерти до нового рождения, тогда видят, какое значение имеет это первое после прохождения врат смерти, переживание в течение всей последующей жизни между смертью и новым рождением.

Здесь, в земной физической жизни - вы должны это хорошо усвоить, я это часто подчеркивал - мы имеем наше "Я"-сознание потому, что мы живем в физическом теле. Я подчеркиваю точно: "Я"-сознание, а не "Я". Наше "Я" дано нам Духами Формы, это нечто совсем иное. Наше "Я"-сознание мы имеем потому, что мы погружены в наше физическое тело. Это "Я"-сознание в бодрственном дневном состоянии мы должны четко уяснить в его существе. Это легче всего понять так. Представьте себе: вы двигаетесь в пространстве. В начале вы ничего не чувствуете, но вот вы натолкнулись на что-то. Внешний мир дает вам толчок, но вы осознаете себя. Толчок, данный внешним миром, вы осознаете в себе, вы осознаете себя через столкновение с внешним миром, вы чувствуете себя натолкнувшимся на внешний мир.

Фактически мы имеем наше "Я"-сознание в физическом мире потому, что мы всюду наталкиваемся на внешний мир. Конечно, не только осязанием; когда мы открываем глаза, мы тоже наталкиваемся на внешний мир, на свет внешнего мира; когда звуки вторгаются в наше ухо, когда наш слух наталкивается на них, мы осознаем себя.

Так мы и осознаем самих себя, пробуждаясь каждое утро из духовного мира и погружаясь в физический мир. Это погружение, свое физическое тело, то есть это натывание нашего "Я" и астрального тела на эфирное тело и физическое тело, оно и пробуждает наше "Я"-сознание. Поэтому и отсутствует, как правило, "Я"-сознание в мире сна: для "Я"-сознания нам необходимо именно это натывание на

физическое тело и эфирное тело.

Для ясного, отчетливого бодрственного "Я"- сознания необходимо это столкновение. У того, кто прошел врата смерти, взято его физическое тело. Поэтому он не может иметь "Я"-сознание тем же путем, как в земной жизни. Он проходил бы без сознания своего "Я" свой путь от смерти до нового рождения, если бы это "Я"-сознание не давалось ему другим путем. Этот другой путь состоит в том, что то, что мы переживаем, пока сохраняем свое эфирное тело, остается действенным все время между смертью и новым рождением .

И в этом отношении переживание в духовном мире между смертью и новым рождением резко отличается от физического переживания здесь между рождением и смертью. Здесь в физическом мире при нормальном состоянии сознания никто не может помнить момент своего рождения; воспоминание начинается позже. Человек не может вспомнить момент своего рождения, память не распространяется так далеко. Но то, что человек внутренне переживает за порогом смерти, остается с ним в течение всей его жизни между смертью и новым рождением. Переживание рождения покидает /нас/ человека, когда он вступает в физический мир, но переживание смерти остается с человеком всю его жизнь между смертью и новым рождением. В физическом мире физический человек не может оглянуться назад, на момент своего рождения; в духовном мире он оглядывается на свою смерть в течение всей его жизни между смертью и новым рождением. Этот взгляд назад, эта прикрепленность к моменту смерти - это рождает "Я"-сознание между смертью и новым рождением, ему мы этим обязаны.

Облик смерти вообще является чем-то устрашающим только при взгляде из физического мира. Только при взгляде из физического мира является он жестоким, устрашающим. Но умерший видит его не из физического мира. А из духовного мира глядя, нет ничего устрашающего в том, что умерший видит момент смерти длящийся в течение всей жизни между смертью и новым рождением. Хотя смерть, из физического мира глядя, и является уничтожением, но из духовного мира глядя, момент смерти предстает прекраснейшим, величайшим, восхитительным, высочайшим, к чему все время может быть обращен взор. Он непрерывно знаменует победу Духа над материей, самосозидающую жизне-силу Духа. В этом

непрерывном переживании самосозидающей жизне-силы Духа творится наше "Я"-сознание в духовном мире.

Следовательно, "Я"-сознание сохраняют в духовных мирах именно потому, что непрерывно /непрестанно/ все вновь и вновь внутренне создают себя самих, не апеллируют к сохраняющемуся длительному бытию, но все время вновь создают /рождают/ себя самого. И в этом самосотворении /саморождении/ опираются в известной мере, глядя назад, на момент своей смерти. И так, мы можем понять, каким образом, /способом/ рождается "Я"-сознание, само-сознание во время между смертью и новым рождением. Описанные раньше первые после смерти переживания имеют это важное значение - рождение "Я"-сознания. И, естественно, именно это первое после смерти переживание различно у людей, достигших преклонного возраста и закономерно прошедших врата смерти или выхваченных смертью в нежнейшем детском возрасте, или в расцвете лет. И совершенно особенное значение для этих различий имеет возраст в 36 лет. То, что теперь в тысячах и тысячах случаев молодые люди в расцвете сил проходят врата смерти, это еще скажется в своих последствиях в будущем - то, что смерть постигает их извне. Но вообще, если человек молодым проходит врата смерти, тогда облик описанной картины жизни с ее событиями - иной, чем если проходят врата смерти после 35-ти лет.

Можно, примерно, сказать так - хотя, конечно трудно найти для этих соотношений правильные слова - умерший в юные годы, чувствует: всплывает картина-грёза твоей жизни, ты оживляешь ее, исходя из средоточия /из центра/ твоей жизни. Но когда ты изливаешь свои живые силы на эту картину твоей жизни, ты чувствуешь за ней еще нечто, как бы остаток от той жизни, из которой ты вышел, пройдя через рождение.

Если умирает дитя, то картина жизни очень коротка. Если, например, умирает шестилетний ребенок, то его картина жизни малосодержательна. Но зато, как бы за этой картиной жизни выступает, изнутри ее многое из того, что было пережито в духовном мире до момента рождения или, как сохранялось раньше в немецком языке теперь утерянное выражение - "до того, как стать юным". И если умирает дитя, у которого силы воспоминания, еще не дожившие до того возраста, когда вступает эта сила воспоминания, то у него, собственно, нет той картины воспоминания, с которой он бы

чувствовал себя так уверенно связанным, как это чувствует умерший в зрелые годы. Но сквозь всю картину жизни выступает, только слегка измененным то, что было его окружением до момента рождения. Можно сказать это прозрение в остатки духовного мира, которые переживались перед рождением, теряется полностью только если человек умирает старше 35-ти лет.

Никогда не следует - особо обращать на это ваше внимание, предаваться совсем не безопасным раздумьям о том, что лучше для человека: умереть до 36 лет или после, и пережить то, что мы еще опишем. Эти мысли нельзя допускать, нельзя питать их, надо понять: когда человеку пройти врата смерти, это в строжайшем смысле, во всех случаях без исключения, должно быть передано действию Кармы.

Важно понимать эти вещи. Если умирают после 36 лет, то исключена возможность увидеть что-либо из предшествовавшей рождению жизни. Оно покрыто мраком. Но картина жизни все же встает. Только с силой чувствуют, что рождают ее из своего внутреннего, что ее как бы сами ткнут; но она полна жизни, эта ткань. Картина жизни очень существенно отличается при смерти до или после 35 летнего возраста. Картина жизни у умершего до 35-ти лет носит такой характер, что она как бы надвигается извне, как бы из духовного мира, и только ей несут навстречу то, что пережили сами. Картина жизни у умерших после 35-ти лет такова, что вначале она выступает как бы извне, как бы как нечто пустое, затемненное, и этому затемненному несут навстречу то, что пережили в жизни. Но оно от этого несколько не оживляется. Внутреннее переживание модифицируется /видоизменяется/ тем, что имеют то, как бы движущуюся фата-моргана, которой движутся навстречу, то в другой раз человек как бы несет свой мир в мир Космоса. Все это имеет для жизни большое значение, как мы это увидим завтра. Тот кармический факт, что наше физическое тело отбирается у нас в определенном возрасте физической жизни, отрывается, имеет большое значение для обстоятельств жизни после смерти. Но внутренне это связано со всей нашей Кармой.

Затем наступает время, когда мы чувствуем вот только теперь ты освободился из земного. Грубо говоря; непосредственно проходя врата смерти, имеют чувство: земное тело уходит от меня; близкие дорогие люди, с которыми я был

вместе, уходят от меня. Переживания, которые меня с ними связывали, уходят. Ты остаешься один на один с самим собой, наедине с тем, что ты пережил. Естественно, это все в сценарии жизни, то, что пережили с другими людьми; обзирают это, как то, что погрузили (врезали), в тебя люди. День за днем живут в себе самом и оживляют в себе сон жизни. Тогда имеют впечатление - и Земля уходит от тебя, но остаются еще в земной сфере, в сфере принадлежащей Земле. Отделение эфирного тела переживают так: теперь ты вышел не только из Земли и ее субстанций, но и из того, что является непосредственным окружением Земли, из света; ты вышел и из того, что на Земле, как плотная субстанциональность, делает музыку сфер. Ты - это, может быть, последнее впечатление, имеющее большое значение остающееся для нас, - ты вышел из себя и свое окружение освещенным внешним светом. (Замечу в скобках: это глупейшее представление, думать, что путь от Земли к Солнцу идет сквозь непрерывный свет. Такое фантастическое представление свойственно нашей материалистической физике. Верить, что Солнце, как это описывает современная физика, шлет свой свет через мировое пространство, что свет идет через мировое пространство и достигает Земли, это нелепейшее суеверие.) После смерти, через осознание себя свободным от эфирного тела, делают открытие, что только в сфере Земли есть то, что мы имеем здесь, в физической жизни, как солнечный свет. Сознают теперь этот свет тебе больше не помеха. Теперь - внутреннее рождение света, который ширится в ставшем озвученным. Внутренний свет может теперь стать действенным, то есть ему более не препятствует внешний свет.

И с оставлением эфирного тела начинается вступление в мир, так часто обозначаемый как мир Камалоки. Мы назовем его миром душ. После того, как начала действовать внутренняя сила оживления /пронизывания жизнью/ переживают как бы внутреннее озвучивание /пронизывание звуком/ того, чем является твое, оставшееся наедине с самим собой существо. И после внутреннего озарения светом наступает нечто, что воспринимается как наполнение внутренним теплом. Здесь на Земле мы имеем тепло, воспринимая его извне, и тем ощущая себя связанным со своим физическим телом. И вот источник тепла вступает внутрь, и это наполнение внутренним теплом воспринимается так, что чувствуют: теперь ты вновь в состоянии /вновь

можешь/ вызвать у себя чувство, в том элементе, в котором ты теперь живешь, чувство бывшее у тебя и раньше, но в форме действующего на тебя тепла - Это пронизывает картину жизни теплом. Через это вступают в совершенно новое переживание. Чувствуют, что твое эфирное тело покидает тебя. И это и есть вступление в мир, который вполне осознанно в моей "Теософии" назван пламенем вожделений, как тепло, является одновременно страстным желанием, вожделением, рождающимся текучим вожделением, восприятием элемента воли. И в него вмещивается то, что остается на более долгий срок переживание мира душ, мира, который не однажды я описывал - мы можем только все точнее узнавать эти вещи, - как обратное переживание земной жизни.

Идут от переживания смерти обратно вплоть до рождения. Но теперь все пережитое в физической жизни воспринимается с другой стороны. Переживают не так, как прежде в земной жизни, а морально. Если в какой-либо момент между рождением и смертью вы нанесли кому-либо оскорбление или причинили ущерб, то этот момент переживается вновь, но так, что переживаете не то, что чувствовали тогда вы, гнев или антипатию, а то, что пережил обиженный вами человек. Переживание своего собственного расширяют на последствия своих поступков, совершенных между рождением и смертью. Вживаются во все воздействия /последствия/ своих поступков.

В известной мере значение жизни между смертью и новым рождением в том, что в мире душ шаг за шагом вживаются в воздействия своих поступков в земной жизни, постепенно погружаясь в понимание их значения в мире. Действительно, как в земной жизни с детства шаг за шагом вживаются в природное, как учатся воспринимать, понимать природу, так после смерти вживаются в действия своих поступков, своих мыслей и слов, короче - в весь мир воздействий; втекают в мир воздействий.

Постепенно из этой как бы подпочвы /подосновы/ всплывают духовные существа высших Иерархий, существа элементарного мира. Как здесь мы имеем перед собой не только природу, но из недр природы всплывают животные, растения и минералы, так сквозь обратное переживание земной жизни и последствий своих поступков, что теперь является основой нашей жизни, всплывают духовные существа в духовном мире. Как в физическом мире физических существ,

так среди духовных сущностей элементарного мира и высших Иерархий встречаем мы души, которые были с нами связаны, души умерших прежде нас и живущих в духовном мире и души, еще воплощенные в физическом мире, с которыми мы общались здесь на Земле. Все это составляет основу посмертной жизни, этого самовысвобождения в мир своих собственных поступков.

По-разному воспринимает умерший души тех, чья жизнь еще продолжается на Земле, и души, уже прошедшие сквозь врата смерти. Умерший знает, с какой душой он встречается. Если он имеет дело с душой, еще находящейся в земном теле, тогда он чувствует эту душу как бы извне к нему подступающей, и ее образ, имагинация как бы создается сама собой. При встрече с развоплощенной душой переживание много активнее. Тогда чувствуют что душа приближается к тебе, но образ этой души ты должен сформировать сам. Сущность умершего подступает к тебе, но его образ должен сформировать ты сам; еще живущий на Земле, когда смотрят на него вниз сам несет свой образ тебе навстречу.

И теперь в свете морального вновь переживают свои поступки, то есть воздействия своих поступков, мыслей, желаний. В это погружаются, в это вживаются, так, что, например, если вы кого-либо оскорбили, то теперь вы переживаете то, что пережил оскорбленный вами человек! - Это теперь ваше подлинное переживание, - то что пережил тогда на Земле обиженный вами человек. Через такое переживание проходят, и в то время как это переживают, как внутренняя природная необходимость погружается в человека, сила, которую можно выразить такими словами: ты должен это выровнять, ты должен это исправить. Можно употребить такое сравнение: к вашим глазам летит комар, вы смыкаете веки, вы совершаете действие под непосредственным воздействием. После смерти вы переживаете то, что вызвано вашим поступком, и в ответ в вас рождается стремление исправить это, например, исправить то, что выстрадал из-за вас другой. Это рождает желание вновь встретить его в земной жизни и загладить свою вину. Так зарождаются во время обратного переживания своей земной жизни силы Кармы.

Значит, уже в первые годы или первые десятилетия после смерти зарождается изживание Кармы. И как в зерне заложена сила роста, которая потом изживается в цветении,

так уже во время после прохождения врат смерти в умершем укореняется сила, которая затем сохраняется в течение всей жизни между смертью и новым рождением и которая в новой земной жизни или в последующих земных жизнях изживается как кармическое изглаживание того, что мы натворили. Так рождается воля, которая затем бессознательно изживается в Карме /становится сознательной волей Кармы/.

Рассмотрим подробнее еще нечто, важное для этой картины жизни между смертью и новым рождением. Бросим еще раз взгляд на смены /чередования/ условий жизни, которые нам хорошо знакомы в их внешних проявлениях и о сокрытом значении которых мы неоднократно говорили, обращая внимание на взаимодействие дневной бодрственной жизни и ночной жизни во сне.

Сегодня мы еще раз с определенной точки зрения просмотрим эти состояния бодрствования и сна. Для внешнего наблюдения сон состоит в том, что мы своим "Я" и астральным телом находимся вне физического и эфирного тела. Жизнь во сне, если она не пронизана сновидениями, остается пока бессознательной, но не бездеятельной. Наоборот, эта жизнь во сне, хотя она в нормальной жизни и остается пока бессознательной, внутренне гораздо более деятельная душевная жизнь, чем жизнь души в бодрственном состоянии. Бодрственная жизнь души только потому так интенсивна, что деятельность "Я" и астрального тела при бодрствовании встречает противодействие эфирного и физического тела, и это взаимное столкновение "Я" и астрального тела с одной стороны и физического и эфирного тела с другой стороны рождает непрестанно толчок - обратный толчок. Это и есть то, что мы воспринимаем как бодрственную дневную жизнь, поскольку мы в обычной нормальной жизни еще не способны вводить в свое сознание эту длительную интенсивную жизнь души во время нашего сна. Ночная жизнь не наталкивается на физическое и эфирное тела и поэтому не достигает сознания. Но сама по себе дневная жизнь слабее, она становится сознательной лишь потому, что непрерывно барабанит в физическое и эфирное тела. Этот барабанный бой воспринимают, в то время как интенсивная деятельность жизни сна остается бегласной, не может во что-либо барабанить и потому остается вне сознания.

Но чем занят человек во время жизни во сне? Когда в

нормальной жизни вступают сновидения, то они же не являются подлинной деятельностью жизни во сне, они только отражают эту деятельность в привычных образах обыденной жизни. Образы сновидений возникают потому, что жизнь набрасывает ковер на подлинную внутреннюю деятельность; и поэтому кое-что просвечивает в образах снов. "Я" и астральное тело находятся в оживленной деятельности, когда она соприкасается с эфирным телом и человек наталкивается на свое эфирное тело, тогда возникают сновидения. Но сон использует в эфирном теле воспоминания физической жизни, чтобы сделать видимой незримую деятельность "Я" и астрального тела. За образы сновидения проникают только, если эти образы воспринимают в их характерных чертах, если научаются понимать эти образы. Сны надо научиться правильно читать, надо научиться искусству истолкования снов. Тогда они в самом деле вводят в ту значительнейшую действительность, которую во время сна творят "Я" и астральное тело. Серьезному, добросовестному духовному исследователю открывается эта деятельность человека.

В чем же состоит эта деятельность человека от засыпания до пробуждения? Она состоит в том, что внутренне, гораздо более интенсивно, чем днем, вновь переживают события / переживания/ дня, становятся как бы самому себе судьей за прожитый день. Выражаясь тривиально, но глубоко верно, скажу: днем, в нормальном сознании, мы просто живем, мы просто даем протекать событиям дня. Но ночью в "Я" и астральном теле - в "Я" и в душе - мы вновь переживаем события прошедшего дня, и много серьезнее и глубже проникаемся их значением. Взвешиваем, выверяем их ценность для мира. Ищем понять их значение в ходе общей мировой жизни. Потрясающая внутренняя глубина рассмотрения проливается над событиями прожитого дня. Но в современной жизни она остается бессознательной / неосознанной/. Это повторное, каждую ночь повторяющееся переживание жизни дня имеет большое значение, как подготовка к жизни после прохождения врат смерти.

Взглянем еще раз средствами внешнего наблюдения на жизнь, протекающую между рождением и смертью. Считают, что помнят себя до известного момента детства. Но в действительности помнят не всю жизнь; в действительности помнят только то, что было, идя обратно, от вечера до пробуждения утром. Здесь воспоминание обрывается. Дальше

будет предшествовавший день, затем снова ночь, на которую воспоминание не простирается. Так строятся наши воспоминания о прошлом, как звенья цепи светлое звено, темное звено. В земной жизни наши воспоминания не простираются на ночь. Но в мире душ мы оглядываемся именно на ночи, на то, как ночь за ночью мы переживаем события дня. Здесь, в физической жизни, мы вспоминаем наши дни; в мире душ мы вспоминаем о том же, но вспоминаем, как мы ночами переживали и перерабатывали события дня. Проходят обратно свои ночи. Поэтому в мире душ мы имеем перед собой всю нашу жизнь.

Уясним себе это на частности: В один из дней своей жизни вы встретили человека; вы кое-что пережили вместе. Вы пережили это с ним днем, но вы еще раз пережили это в ближайшую ночь и в следующие. И это осталось как смутное воспоминание /реминисценция/. Вы переживаете это тогда в "Я" и в астральном теле. Все, что вы пережили в дневном сознании, переживаете вы вновь в ночном сознании. И то, как вы это пережили в ночном сознании, подготавливает вас к тому, что вам необходимо в мире душ. Вы переживаете в обратном порядке ваши ночи. Это чрезвычайно значительная Истина духовной науки, и на ней мы можем еще раз продумать тот факт, что духовное исследование не таково, как его обычно представляют. Многие думают, что если однажды вступили в духовный мир, то он теперь простирается весь перед духоиспытателем и все ему теперь ясно. Думать так так же наивно, как думать, что объездивший определенный район Земли знает ее теперь всю. Один отрезок Земли он знает очень хорошо, но о других он не имеет представления. Так и исследователю духа, чтобы знать один участок духовного мира, нет необходимости знать его весь. Это медленный путь познания. Поэтому так трудно говорить о фактах духовного мира - постоянно наталкиваешься на это представление. Когда читаешь духовноведческие лекции и отвечаешь потом на вопросы, то в задаваемых вопросах от тебя ждут ясного ответа на самые различные факты. Эти вопросы звучат так же, как если бы от изучающего минералы и растения ожидали ответа на вопросы об особенностях мира животных: он знает то, значит должен знать и это.

Абсолютно все частности духовного мира должны быть сначала проработаны. И прежде всего надо уметь ждать, пока то или другое тебе не откроется. Вы знаете, что в моем

"Очерке тайноведения" и в моей "Теософии" я гогорил / примеч. 40/ о приблизительной длительности жизни в камалоке, жизни в мире душ. С определенных позиций это может быть изложено так, как это сделано там. Но затем душе духоиспытателя открываются новые связи. Это действительно может быть сравнимо с путешествием по Земле. Путешествующий переезжает из страны в страну; так и духоиспытатель познает одну область духовного мира за другой, он открывает себе новые исходные точки зрения. И эта новая точка зрения дает ответ на вопрос: в чем состоит деятельность "Я" и астрального тела в часы сна? Духовное исследование показывает, что эта деятельность состоит в повторной переработке переживаний дня. Может встать вопрос: сколько же протекает жизнь в мире душ, если мы знаем, что в мире душ в обратном порядке переживаются ночи последней дневной жизни? Я сообщал, что жизнь в мире душ длится приблизительно одну треть, последней земной жизни. Если переживаются ночи, как долго будет длиться жизнь в мире душ? Примерно, одну треть земной жизни; одни спят больше, другие меньше, но в среднем третью часть земной жизни мы спим.

Таковы невероятной значимости откровения духовного мира. В духовном исследовании так: получают однажды, из определенного отправного пункта исходя, некоторое познание о духовном мире, которое дает бросить взгляд в духовный мир. Открывается истинное. Но можно усомниться в открывающейся истине. Тогда, исходя из другого отправного пункта приходят к той же истине, как в этом случае с переживанием ночей. Истина подтверждается. Это внутреннее соответствие - важный критерий. И в духовноведении вы найдете это внутреннее соответствие всюду, где действуют серьезно и достойно. Из различных отправных точек исходя, ищут ответа на один и тот же вопрос и приходят к одной и той же истине.

Когда люди однажды почувствуют всю силу достоверности такого пути исследования - приближение к духовной истине и затем постепенно ее постижение - они поймут насколько достовернее полученное таким путем, чем все, что может быть добыто в физическом мире средствами внешней науки.

Это существеннейшее, важнейшее - что мы здесь в физической земной жизни сохраняем в памяти то, что

пережили в бодрственном дневном, сознании, и что во время жизни в стране душ мы одарены способностью помнить те переживания дневного сознания, что были проработаны в ночах земной жизни.

Чтобы мы могли наиболее плодотворно приблизиться к важнейшим истинам, о которых мы еще будем говорить завтра, возобновим в памяти то, о чем я здесь уже говорил в связи со значительными событиями наших дней. Когда врата смерти проходит человек, жизнь которого оборвана внешними силами, или вообще человек юных лет, тогда отделение эфирного тела происходит вскоре после смерти. Но нормально в эфирном теле заложены силы на жизнь до глубокой старости. Жизнь оборвана, но в эфирном теле остаются заложенные в нем силы. И как в физическом мире никакие силы не исчезают, а преобразуются, так и силы, заложенные в эфирном теле, не исчезают, и сохраняются. Когда человек умирает в юности, в расцвете сил, он оставляет миру те силы эфирного тела, которые он мог бы использовать в своей дальнейшей жизни. Представьте себе это конкретно. Человек сражен пулей в возрасте 25 лет. Те жизненные эфирные силы, которыми он мог бы пользоваться весь остаток долгой жизни. Они остаются, эти силы, это дар умершего миру, духовной жизненной атмосферы, в которой мы с вами живём. Мы окружены этими силами. Эти силы пронизаны готовностью к жертве, которой их наполнял ранее умерший. От рано умерших остаются эти силы.

А потомки совсем не знают, что они, собственно, живут в таком путем оставленных силах, что эти силы их окружают, что ими пронизана наша духовная атмосфера. Они не замечают того, что остается от умерших в такую эпоху, как наша, когда в короткие отрезки времени в атмосферу Земли передается такое множество еще жизнеспособных эфирных сил. С этого мы и начнем завтра дальнейшие рассмотрения.

Остановимся ещё только на том, что открывается нам из таких глубоких взаимосвязей, дающих возможность бросить взгляд в духовный мир и увидеть в нем не расплывчатые абстрактные образы, свойственные нашему обыденному земному сознанию, а конкретных духовных существ. Мы видим тогда - попутно с тем, что разыгрывается как личная судьба людей, прошедших сквозь врата смерти — существ высших Иерархий и существ элементарного мира. Но мы видим и то,

что остается внутренне с Землёй: то, что остается в эфирных телах умерших. То, что оставили детям Земли принявшие смерть на полях сражений, оно будет действовать. Оно соединится с тем, что в своём сознании принесут навстречу этим росткам дети Земли, что они принесут для будущего. Имея это в сердце, скажем слова, которыми мы часто заканчиваем наши обзрения.

Из мужества сражающихся,
Из крови сражений /битв/,
Из горя покинутых /оставленных/,
Из жертвенных свершений народов,
Вырастет духовный плод -
Направит души к осознанию духа,
Их помыслы к духовному миру.

ЛЕКЦИЯ 6.

Штутгарт, 24 ноября 1915 года.

Этот вечер мы посвятим обозрению взаимодействия духовного и физического миров. Мы уже говорили об этом в связи с другими темами. Но сегодня это будет нашей основной темой. Я хочу начать с очень общего рассмотрения, которое покажет нам, как в абстрактнейшем, обобщающем может быть одной простой мыслью охвачено взаимодействие духовного и физического, внеземного и земного. И от общих рассуждений перейти к основной теме: о взаимоотношении развоплощённых, прошедших через врата смерти, с теми, кто ещё воплощён в этой земной жизни.

Взглянем на нашу Землю, как на арену действия сил, глубоко затрагивающих наши чувства. Я начну совсем умозрительно, предложу вам мысли, представления, как-бы совершенно придуманные, измышлённые или, во всяком случае, такими кажущиеся. Представим себе всю Землю с её окружением, со всеми её силами, как-бы сконцентрированной, сжатой в маленький слепок Земли. Значит мы предположительно имеем как-бы маленькую Землю, маленькое, крохотное тело, которое в малом содержит в себе все соотношения сил, что в большом масштабе распределяются по всему телу Земли. Представим себе: какими-либо путями это маленькое тело связано со всей Землёй.

Землю, если мы имеем правильное о ней представление, мы не должны видеть такой, как её представляют себе геолог или минеролог, которые выдают в ней лишённое жизни существо. Так как, если бы Земля была только минеральным существом, как это представляют себе геологи, она никогда не заключала бы себе (не несла бы в себе) растения, животных и людей. Конечно, геолог имеет право изучать то, что мертво, но он должен осознавать, что имеет дело только с частью Земли. Но если мы представляем себе Землю, как живое существо, а жизнь протекает во времени, то эта Земля зимой — мы часто говорили об этом - находится совсем в ином состоянии, чем летом, совершенно так же, как человек находится во сне в ином состоянии, чем в бодрствовании. Мы не должны себе представлять, что зима и лето просто сменяют друг друга, но они охватывают все состояние Земли, все её живое существо, как сон и бодрствование охватывают нас. Если мы

рассматриваем Землю, как живое существо, то нам ясно, что эта смена времен года составляет часть бытия Земли в целом. Из этого явствует, что любое существо, связанное с Землей - а значит и эта маленькая Земля, о которой мы говорим - вместе со всей Землей проходит эти смены состояния.

Что же значит эта смена состояний для нашей Земли? Например, наступает весна. Это означает, что Солнце, в его воздействии на Землю, вступает в совсем другие соотношения, чем это было зимой. Можно также сказать: когда наступает весна, Земля охватывается солнечным воздействием. Если во время зимы наша маленькая Земля вместе со всей Землей была в известной мере, предоставлена сама себе, Солнце заботилось о нашей маленькой земле, то теперь и наша маленькая земля охвачена воздействиями Солнца, то есть того, что находится вне Земли. Сумма сил нашей маленькой земли отрывается от Земли. Наша маленькая земля обращена теперь не только к силам Земли; она охвачена воздействием Солнца, она оторвана от непосредственной связи с Землей. Когда наша маленькая земля так оторвана от Земли, в нее вступают другие силы, помимо земных, в нее вступают силы извне. Наша маленькая земля обращена теперь не только к Земле; она охвачена воздействием Солнца, она оторвана от Земли. Когда наша маленькая Земля так оторвана от Земли, тогда в неё вступают другие силы, кроме одних только земных сил, тогда в нее вступают силы извне.

Нашу маленькую землю мы должны мыслить заполненной веществом. Но не о нем сейчас речь. От осени до весны маленькая земля предоставлена сама себе, она развивает в себе свои собственные силы. Затем наступает действие Солнца, оно захватывает эти силы, так что под воздействием сил Солнца то что вначале было замкнуто в самой маленькой земле, теперь включается в круг внеземных воздействий. Оно вырывается и вступает в круг внеземных воздействий. То, что было плотно соединено, высвобождается, расширяется и может приобрести взаимоотношение с окружающим мировым пространством сферы воздействия Солнца.

Затем, после некоторого времени, осенью, воздействия Солнца вновь прекращаются. Тогда эта раскрытость может продолжаться, тогда воздействия солнечных сил вновь оттягиваются от взаимодействия земных сил, то есть восстанавливаются прежние силовые соотношения. Они

притягивают вещественность. Земля вновь охватывает все то что она, на определенное время, должна была передать воздействию Солнца. Воздействия Солнца теперь долгое время отсутствуют, наступает зима. Если бы эта открытость воздействию Солнца сохранялась, оно совсем завладело бы этой маленькой землёй внутри большой Земли. В течение всей зимы остается воздейственной вся система сил Земли, иначе Солнце совсем завладело бы маленькой землей (присвоило бы себе...). Но должно быть обеспечено, чтобы Солнце, когда возобновится его действие, могло вновь охватить и маленькую землю, иначе она превратится в простой шарик, который поглотит большая Земля. Должна вступить в действие некая сила, чтобы Солнце, когда оно вновь придет, могло охватить своим воздействием и эту маленькую землю. Но об этом надо позаботиться. Если Солнце имеет свою собственную силу вот здесь (следует рисунок, но его в тексте нет), то это и есть маленькая земля. Воздействия Солнца оттянуты, теперь эта маленькая земля наедине с большой Землей. Когда Солнце вернется вновь, что оно должно будет предпринять с тем, что стало единой Землей? Солнце должно вторгнуться вновь - здесь не имеет никакого значения Солнце ли вращается вокруг Земли или Земля (вращается) вокруг Солнца. Солнце, раз оно стоит в таком новом соотношении к Земле, должно вторгнуться. Как это себе представить? Представьте себе: человек стал прочно и напрягает все свои силы на то, чтобы остаться стоять. Вы подходите со стороны и хотите его сдвинуть. Если он стоит достаточно крепко (если он укрепился в силе стояния), вы его не сдвините. Но если он зашевелится, то вы можете войти в его движение (вторгнуться в направлении его движения). Предположите, что здесь внутри имеется сила, описывающая окружность вокруг Земли, внутренняя центробежная сила; представим, что эта центробежная сила Солнца придана маленькой земле. Тогда Солнце может вновь вторгнуться в это движение, включиться в него. Оно может вновь оторвать эту маленькую землю от Земли. Другими словами, мы бы имели тогда весной, маленькую землю, в которую Солнце вторгается через импульс того движения, в котором оно уже участвовало прошедшей осенью. Солнце вторгается, вырывает маленькую землю из односторонней связи с силами Земли, соответственно воздействиям Солнца широко раскрывается то, что было ограничено силами маленькой земли. Те и другие силы должны соединиться, и маленький земной шарик ускользает от центробежной силы Солнца. Вы уже угадываете о чем речь: я

схематически описал, что происходит при произрастании растений, при развитии листьев, цветов и плодов.

Я описал вам, в чем состоит действие центробежной силы Солнца (солнечной энергии) - в оплодотворении; семя оплодотворено и остается оплодотворенным до следующего года, когда оно вновь будет охвачено силами Солнца. Маленькое зернышко, в котором происходит оплодотворение, это то существо, в котором происходит оплодотворение, это то существо, в котором заложена возможность передать земному эту солнечную силу созревания. Вы видите, мы имеем здесь живое взаимодействие между земным и пространственно внеземным. Мы не должны себе представлять, что рост растений возможен без этого отпечатка (производного солнечной энергии, центробежной силы), в который Солнце сможет вновь вступить в будущем году. Другими словами, когда мы наблюдаем растение, мы наблюдаем не нечто, включенное в одни только земные взаимосвязи, но во всем кругообороте жизни растения мы видим взаимодействие сил Земли и Солнца. Вступают еще другие планетарные воздействия, но мы сейчас оставляем их в стороне. Мы хотим охватить весь процесс в целом. Мы хотим уяснить себе каким путем то, что мы видим здесь на Земле, является продуктом (производным) не только сил Земли, но каким путем оно является продуктом (производным) сил Солнца. То обстоятельство, что человек в своем сознании обычно ограничивается тем, что происходит на Земле или в Земле, мешает человеку увидеть факты в их действительности, придти к правильному познанию фактов. Так как одними только силами Земли создаются только наши минералы. В тот момент, когда мы выходим за пределы чисто материального и вступаем в растительное, мы должны понимать, что выходим из сферы чисто земного. Материалисты все надеются создать в лаборатории семя растения, как они создают другие химические соединения. Не об этом речь у противников материализма, но о том, что, когда переходят от минерального к растительному, от химической продукции к живому, то зарождение может произойти только через внеземные процессы.

И раньше, чем материалистам удастся осуществить свою идею искусственного создания семян растений, как они создают минеральные продукты и химические соединения, они должны будут усвоить - гротескно выражаясь - основы

астрологии, понять, что, чего они хотят добиться, должно быть согласовано с определенной констелляцией звезд. Должны быть созданы лаборатории, работающие в связи с ходом года (со сменой времен года) и учитывающие звездные констелляции, - в той же мере, как это происходит вовне, в природе. Когда поднимаешься от мертвого к живому, надо подняться над Землёю, оторваться от Земли. Так как при возникновении живого должно действовать эфирно-телесное. Но эфирно-телесное никогда не может быть в связи с одной только Землёю, оно связано с тем, что находится вне Земли, во всем мире. То, что является чисто физическим, его мы охватываем полностью, когда обзираем земное; из земного исходя, если обзираем земное, обзираем мы физическое. То, что в нашей Земле является эфирным принадлежит вселенной.

Если мы затем переходим к астральному, мы приходим к элементу, вообще недоступному земному зрению. И если бы то, что я вам схематически обрисовал для растений, я захотел обрисовать для животных, то это рассмотрено было бы много сложнее; мы должны бы были охватить взором, помимо земного, не только внеземной и весь звездный мир, но и все мироздание, выходящее далеко за пределы звездного мира.

Я обрисовал вам эту картину, чтобы вы заглянули в глубочайшее, внутреннее таинство того, что свершается в повседневном, в ежедневном произрастании растений, чтобы вы взглянули как и в цветке, в его оплодотворенных крупинках, которые кругообразно, или как-нибудь иначе расположены в его завязи, осуществляются мировые воздействия и как само семя является отражением воздействия (ареной воздействия) сил всей Земли, и что оно по-существу является маленькой землей. То, что происходит в оплодотворяемой цветке, это отображение взаимодействия сил, разыгрывающегося между Землей и всем миром звезд окружающего нас мирового пространства.

Мы всюду окружены тайнами, и познание их и стремление к их познанию побуждают нас к глубочайшей скромности. Только представьте себе, какое расстояние отделяет такое обобщающее рассмотрение фактов от конкретного познания частных: всего, что, как мир растений покрывает нашу Землю. Раскрывается необозримое поле познания. В каждый момент нашей жизни мы стоим перед необозримым. И человек

должен нести навстречу миру сознание того, что, познавая его, мы всюду взираем на беконечность бытия. Через это мы чувствуем связь между отдельным конечным существованием человека и бесконечным бытием мироздания. И это чувство мы должны нести навстречу всем частностям, которые раскрывает нам духовноведение, так как без этого чувства благоговения перед бесконечным ничто в духовноведении не может быть правильно воспринято. Надо время от времени освежать в себе это чувство, чтобы отвыкнуть смотреть на познание, как на нечто, приобретаемое мимоходом (попутно), в то время как в действительности оно должно быть святейшим духовным переживанием нашей жизни.

Когда отдаются таким настроениям, тогда с правильными мыслями подходят к тому, что в наше время все более должно возвещаться из источников духовноведения, как шаг вперед от нашего времени в будущее. И, когда такой образ мышления усвоен душой, он становится в ней действенной силой. Это не абстракция. Он охватывает душу, наполняет ее теплом и светом. И дары духовноведения становятся плодовитыми именно благодаря тому, что сама наша душа изменяется, пережив и прочувствовав то, что дано духовным исследованием. Когда мы приносим в свою душу такую настроенность, тогда раскрываются нам загадки жизни, мимо которых мы иначе проходим, не замечая их.

Есть внутренняя душевная связь между этими обзорами, которые я здесь излагал, и тем, что я далее буду говорить в связи с жизнью человека. Наблюдая растения, как они произрастают из Земли, можно так настроить душу, что она почувствует то, что здесь пробивается из Земли, имеет своим началом крошечное сложнейшее существо, семя (зерно); это маленькое существо - из определенных воззрений исходя - отображение всей Земли. Все мироздание действует в том, что я вижу произрастающим от листа к цветку от цветка к плоду.

Когда я смотрю на зеленый лист на стебле, я сознаю: в этом листе как он зарождается, зеленеет, как окружен воздействиями Солнца, то, что вначале было заключено в маленькой земле, теперь оторвано от Земли, его охватили воздействия Солнца. Затем солнечные воздействия возвращают маленькую землю к ее вибрациям, — после того, как стало невозможным сохранять расширенными то, что было в маленькой земле, так как оно должно было вновь

сконцентрироваться. В произрастающем, распускающемся растении мы видим, как бы в образе воздействие всего огромного космоса. То, что раскрывается нашим чувствам, мы должны рассматривать как нечто, в каждое мгновение раскрывающее нам тайны, наполняющие и пронизывающие весь космос.

Но и жизнь человека так же связана со всем космосом и со всем тем, что, как внеземные тела и события, соотносится с нами. Но совершенно особенно значительно для нас то, что происходит здесь на виду на Земле, когда мы, я бы сказал, замечаем отклонения от привычного в нормальной земной жизни, нормальной человеческой жизни. Мы в жизни постоянно видим отклонений больше, чем нормальных явлений, и познание привычного, ограниченного чувственным миром, не вводит нас в суть, в значение этих отклонений. Мы живем в эпоху, когда отклонения становятся массовыми и встают перед душами как вопросы-загадки.

В эти годы тяжелых испытаний множество наших братьев-людей преждевременно проходят врата смерти не вследствие болезней, то есть того, что гнездится в самом их организме, а в результате насилия (чужой воли). И это существенное различие: умирает ли человек в юности вследствие болезни или жизнь его обрывается пулей или другим каким-либо насильственным путем. Я уже говорил об этом вчера: все, что происходит между рождением и смертью, все имеет значение в общем ходе жизни; мы должны это принимать как взаимосвязи кармы, как данное кармой. Все, что происходит с человеком и вокруг человека, имеет кармическое значение. Рассмотрим случай, когда в сравнительно юные годы ударом пули физический организм оторван от душевно-духовного. Это аномалия. Обычно человек сам использует (расходует) до конца свой организм. Это двойной вопрос-загадка. Сама смерть для непосредственного восприятия только духовноведением раскрываемая загадка; двойной загадкой является смерть, вызванная не внутренними органическими процессами, отбирающими организм у душевно-духовного, а пулей. Звучит из Вселенной, из Космоса внутреннему чувству человеческой души, рожденному такими простыми мыслями, и принятые со всей глубиной, они охватывают нас внутренней сосредоточенностью на тайнах Вселенной. И когда душа так настроена, тогда мы выступаем с должным благоговением и с необходимой серьезностью навстречу событиям, о которых я

только что говорил, когда насильственным путем у человеческого душевно - духовного отбирается его физически-телесное. Это как загадка встает перед душой человека. Дело в том, как выступает такой вопрос, какие условия способствуют его разрешению. Если человек начал с праздничного обеда, отдохнул, а после него затем занялся своей духовной работой, он не придет к разрешению этой глубокой загадки, он не найдет того душевного настроения, которое необходимо для проникновения в такую тайну. Но если он приступает к этому вопросу наполнив душу благоговейной открытостью Космосу, тогда ему могут открыться ответы на эти вопросы-загадки.

Когда с такой настроенностью души духоиспытатель обращается к загадке смерти, так властно к нам подступающей, когда насильственным путем у духовно-душевного отрывается его физически-телесное, в его душе встает многое, ведущее к раскрытию тайны. Тогда приходят правильные восприятия, проясняющие загадку. Не из любого душевного состояния могут они произвести эти восприятия, а только из правильного (соответствующего). Чтобы вы могли себе это ясно представить, я избрал тот путь изложения, которым идут сегодня, когда одновременно с изложенным, я вам показываю, какой путь проходит душа духоиспытателя. Перед его душой, когда он ее так подготовит, стоит вопрос о ранней насильственной смерти. Тогда в душе всплывает нечто совсем особое. Если обычно мысль за мыслью следуют беспорядочно, то теперь в закономерной последовательности рядом с вопросом встает в душе восприятие, когда в душе живет эта загадка смерти можно воспринять, как нечто связанное с нею, другой вопрос, собственно, как люди воспринимают жизнь, что они под нею понимают? И тогда перед душой развертываются всевозможные мысли, которые я хочу сейчас провести перед вашими душами.

В нашу эпоху люди признают действительностью лишь то, что не является только мыслью. Мысль для них не действительность. И по своему, со своей точки зрения, они могут быть правы, но ведь это именно установка души. То, что они признают действительностью, должно грубее выступать перед душой, чем только мысль, собственно, очень грубо должно выступать перед душой. Мысль - это же только мысль!

Для современного человека то, что признают

действительностью не может быть только мыслью. Мысль современный человек не считает действительностью. Действительное должно быть грубо ощутимым, должно говорить не только мыслям (восприниматься не только мыслями). Из таких установок (из такой настроенности) души считают люди действительностью только то, что воздействует грубо, то, что вынуждает признать себя действительностью.

Это представление о бытии, сложившееся здесь в физической жизни, становится препятствием, когда мы поднимаемся из земного мира, в котором мы находимся, в духовный мир, в который человек вступает, когда он проходит врата смерти. Именно то, что мы здесь не считаем действительностью, является действительностью в духовном мире. То же, что мы называем здесь действительностью, там отклоняется, как пугающее, как не принадлежащее к духовному миру. Это факт чрезвычайной важности. Если в духовном мире мыслить так тривиально, как мы мыслим здесь на Земле, то о нашем действительном надо сказать: Что нам с этим делать? Оно же не существует! - В духовном мире я должен иметь возможность творческой содеятельности со всем, что выступает мне навстречу, как имагинация - в духовном мире это относится к низшей ступени познания - то есть я должен моей собственной деятельностью перевести восприятие в созерцание (представление). В то время как современный человек признает действительностью только то, к чему он не приложил усилий, в духовном мире то, к чему ты не приложил творческой деятельности, не является действительностью. В духовном мире всегда надо приложить деятельность, совместную работу, чтобы возникло то, что в духовном мире является действительностью, всюду нужна совместная работа.

Тот, кто, развоплощенный, находится в духовном мире, видит окружающий духовный мир в тех пределах, в которых он деятелен в нем. И, из неохваченного его собственной деятельностью, он видит то, что в духовном мире является потусторонним миром, то есть мир, в котором живем мы. Когда развоплощенный глядит на Землю, он без совместной работы видит то, что происходит на ней. Если мы здесь на Земле наш видимый мир, нашу действительную для нас жизнь, существующий для нас мир называем посюсторонним миром, а то, что невидимо физическим глазом - потусторонним миром, то глядя, из духовного мира, мы имеем обратную картину. В

духовном мире нет совершенно ничего кроме того, что мы творчески создаем из ничего, из небытия, кроме того, над чем мы творчески содеятельны. Это в духовном мире посюстороннее. Без содеятельности в духовном мире посюстороннее сумрачно и немо для нас, и безжизненно - если мы не творим в нем душевно-духовно. Существует духовный мир независимо от нашей деятельности, речь идет о нашем восприятии в нем. Если мы смотрим здесь вверх на неведомое, то из духовного мира мы смотрим на знакомое нам здесь в физическом мире, как на потустороннее, не действительное, так как оно существует вне нашей духовно-душевной деятельности. С этими представлениями надо освоиться.

Но в нашем посюстороннем, в нашей физической действительности есть нечто, что не для всех, но для многих людей полно значения, хотя оно не имеет физической действительности, нечто, что отдельные люди вносят в эту физическую действительность и, соответственно, те, кто несет им навстречу понимание, для которых это нечто имеет значение, хотя оно и лишено грубых форм действительности: это идеалы, великие идеалы человечества. Идеалисты вносят в нашу действительность внешних чувств нечто, имеющее подлинную ценность. Это идеалы, которым человек следует, которые не имеют грубой материальной действительности и которые для грубого материалиста не имеют значения. Но эти идеалы - огромная ценность в посюсторонней жизни, они вносят направляющие импульсы. Они необходимы нам. Когда человек следует им, они наполняют его жизнь значением. В материалистическом смысле идеалы вносят в нашу (жизнь) физически-чувственную действительность нечто недействительное (не реальное), но лишенная идеалов физическая действительность была бы безжизненной. Наряду с теми, кто не имеет никаких идеалов, необходимы идеалисты, которые вносят в нашу жизнь отблеск потусторонней действительности, отблеск того, что не является грубой действительностью, полно значения, и имеет абсолютную ценность.

После того, как духоиспытатель прошел через эти переживания, он вновь направляет свое исследование на загадку смерти в юные годы. Он ставит вопрос: Есть ли в потустороннем для нас мире, в котором живут развоплощенные люди, душевные и духовные существа что-либо подобное идеализму здесь на Земле? Есть ли для

потусторонних существ что-либо подобное земному идеализму. И вот, что раскрывается. Возьмем человека, в юные годы сраженного пулей. Его эфирное тело расстается с физическим телом, которое оторвано извне насильственным путем. То, о чем я говорю, действительно только, если физическое тело отторгнуто извне, внешней силой. Как я уже говорил, в эфирном теле остаются силы, которые могли быть действенными ещё годы, может быть десятилетия. Тот, у кого насильственно отнято его физическое тело, передает силы эфирного тела Вселенной. Так проходит его развоплощение. В физическом мире остается от него нечто, что он мог бы использовать сам, не будь насильственной смерти. Обдумайте: человек уходит в духовный мир, не использовав, что он мог бы использовать.

Направим наш взор на индивидуальность самого человека. Он поднимается в духовный мир, оставив здесь на Земле нечто, что могло быть использовано, что могло осуществиться, как действительность и, во внешнем не осуществилось. Такие люди по-иному вступают в духовный мир, чем те, кто до конца исчерпал силы эфирного тела. Эти люди причленяют нашей Земле то, что могло осуществиться и не осуществилось. Благодаря этому, они становятся для духовного мира чем-то подобным тому, чем являются идеалисты здесь на Земле. Тот, кто так прошел через врата смерти, вступая в духовный мир, приносят с собою нечто, что там является для духовного мира идеализмом, что подобно идеалам, которые вносят сюда, в физический мир идеалисты! Полные значения жизненные соотношения!

Итак, в нашу трагическую эпоху вступают в духовный мир души, недолго жившие на Земле. И, что в их жизни, что могло осуществиться, не было осуществлено и они вступают в духовный мир так, что они сохраняют связь с земным, как идеалисты здесь на Земле, в идеалах, которые они несут, осуществляют связь с духовным миром. Другими словами, человеческие существа, таким путем прошедшие врата смерти, несут духовному миру весть о том, что на Земле не все загублено в такой степени как то, что обычно принято называть действительностью, что Земля еще хранит нечто, чему предназначено было стать действительностью, что не изжило себя в такой грубой форме. Что такая внутренняя настроенность души вносится и в духовный мир, это в период между смертью и новым рождением создает нечто, подобное

идеализму на Земле. И когда с позиций мировой мудрости мы обзираем события эпохи, подобной нашей, тогда мы - если мы должным образом подготовили свою душу - смотрим в глубины мира так, что говорим себе: в великой, исполненной мудрости жизни мира принимаем мы и это, благоговейно прорабатывать к его пониманию. Тогда мы постигаем: в такие трагические эпохи, духовные миры в великом всеобъемлющем смысле, получают то, что им необходимо, как необходимо для Земли идеализм, - чтобы люди, вступающие в духовный мир, проходящие в нем путь от смерти к новому рождению, имели в этом духовном мире нечто, подобное идеализму на Земле. Поэтому такие эпохи необходимы. Должны ли они снова повторяться в будущем? На этот вопрос сейчас ответа нет. Это зависит от того, насколько и каким образом будет одухотворена земная познавательная жизнь человечества. Из сказанного никто не должен сделать вывод, что и в будущем такие эпохи неизбежны. Но когда исследуют их смысл для современности, раскрывается то, что я вам рассказал.

Углубимся в полные мудрости взаимосвязи мира и спросим себя: как сочетаются боязнь и страх (страх и ужас), страдание и боль с тем, что необходимо найти в духовном мире тем, кто проходит врата смерти? - Мы видим, как страдание, боль, кровь и жертвенная смерть, выявляющиеся здесь на Земле одной своей стороной, в духовном мире выявляются другой своей стороной. Есть люди, мнящие себя умнее богов, и поэтому ставящие вопрос: не могли ли бы боги создать в духовном мире нечто, соответствующее идеализму, не ввергая Землю в трагедию таких эпох. Такой вопрос ставят только те, кто мыслит себя умнее богов. Люди, правильно углубляющиеся в понимание эпохи, стремятся понять мир, они убеждены, что он необходимо должен быть таким, каков он есть, и что все умничанья людей привели бы только к худшему.

Мы смотрим вниз на Землю на идеалистов, может быть на одного, особенно идеалистически настроенного человека. Если у нас есть чутье к идеалам, мы может быть попытаемся сказать: взгляните на этого человека, он несет на Землю небеса, он несет на Землю как драгоценность то, что не имеет грубой действительности, несёт как путеводную нить для людей. Души, прошедшие обычным путем врата смерти, живущие в духовном мире между смертью и новым рождением, видят души людей, прошедших жертвенную смерть, у которых их физическое тело в связи с земными соотношениями было взято внешним, насильственным путем. Эти души становятся

для них вестниками того, что внизу на Земле не все стало грубо, что Земле причленены человеческие способности (задатки), которые могли осуществиться, но осуществились не полностью, в раннюю пору земной жизни преждевременно перешли в духовный мир.

При этом встает вопрос о различии между такой насильственной смертью и ранней смертью, вызванной болезнью. То, что я говорю, не более чем констатация фактов, полученных путем духовного исследования. Именно те, кто, как было описано, насильственным путем окончили жизнь, именно они в духовном мире подобны идеалистам, и они идеалисты потому, что физическое тело - это показывают дальнейшие исследования - отнято от них вследствие земных событий, связанных с чисто земной жизнью.

Как здесь на Земле идеалы связывают нас с небесами, так небесные идеалы связывают этих умерших с Землёю. Поэтому тот, кто так проходит сквозь врата смерти, в жизни между смертью и новым рождением во все события, разыгрывающиеся между человеческими душами, вплетает то, что затем рождает на Земле духовное, так что Земля вследствие этого состоит не только из собственно земного, но наши мысли и чувства становятся ее частью.

Описывать эти вещи трудно. Понятно, что это и должно быть трудно, так как мы пользуемся словами, предназначенными для понятий физических взаимоотношений, чтобы охарактеризовать вещи, далеко выходящие за пределы физической жизни. Иное дело, тупо ли и без понимания проходим мы мимо подобных великих и загадочных вопросов, в нашу трагическую эпоху, встающих из лона истории в человеческой жизни, или мы говорим себе, что смысл этих трагических событий раскрывается не в земной, но в глубоких взаимоотношениях Вселенной. И это чувство ведет нас к пониманию глубокого смысла полной мудрости жизни Вселенной. Постепенно учатся предчувствовать, какие сложные и могущественные силы должны действовать для того, чтобы человек правильно прошел свое развитие на Земле. Это хотел я высказать устами Капезиуса во второй драме-мистерии (Примеч. 41), когда он говорит, что необходимо совместное мышление и совместная работа многих богов, чтобы человечество, пройдя сквозь все миры, достигло своей истинной цели. То, что в этой драме раскрывается из души

Капезиуса как его мироощущение, это может стать реальной объективностью, если попытаться усвоить себе такие представления, которые мы сегодня хотели пробудить в наших душах. В таких личностях, как Капезиус, эти настроения встают из глубины их души, как трагические, так как они встают как загадочный вопрос, не получающий разрешения полного и немедленного. Это одно, что мы должны учитывать. Другое, что мы должны все время иметь ввиду: с какой необходимостью призывают нас подобные познания к скромности и смирению, не к высокомерию и человеческому самомнению.

Действительно пробудить в себе человеческое самосознание - это значит сделать его в себе действенным. И когда мы начинаем предчувствовать какими путями это достигается и как далеки горизонты мировых загадок, то мы остерегаемся гордой мысли: О, человек, ты же творение всего Космоса: - Я думаю именно такие мысли очень далеки от нас. Жить в нас будут другие мысли: как мало охватываем мы своим познанием огромный мир познаваемого! - Бесконечно многое необходимо для сотворения человека. Но мы никогда не охватываем своим сознанием больше, чем ничтожную часть этого познания. Скромность и смирение охватывают наши души на пути познания, когда там раскрывается бесконечность этого пути. И тем живее ощущается эта бесконечность, чем больше пройдено на пути познания. Учатся понимать, какое важное значение в жизни человека имеет постижение загадок и тайн, пульсирующих в бытии.

Многое из того, что человечество должно теперь вновь постигнуть, оно имело в давно прошедшие времена, как наследие древней мудрости. То, чем человечество владеет теперь, должно было быть достигнуто вновь, так как древнее знание погасло в душах. Чтобы человеческие души овладели этим знанием, должна была угаснуть в душах древняя мудрость. Она должна была угаснуть, чтобы ее место заняла выработанная мудрость. Мы должны вновь вработаться вверх, чтобы в дальнейших земных жизнях, в далеком будущем Земли достичь того, что, как наследие древней мудрости, угасло в наших душах. Так должны мы смотреть в будущее, в далекие перспективы будущего человечества; тогда мы постигнем необходимость вступления духовноведения в развитие человечества. Именно это полно жизни: Найти свое соотношение к Бесконечному (как это было охарактеризовано),

дает нам возможность стать со-работниками в построении земного развития, потому что нам необходимо стать со-работниками, чтобы Земля могла продолжить (осуществить) свое развитие.

Сказанное хочу подкрепить еще кое-чем. Есть люди, к мнению которых мы должны прислушиваться, так как они говорят правильное с точки зрения современности. Они говорят: прежде не знали, почему человек становится преступником. Сегодня мы это знаем. Когда вскрывают череп преступника, то вычленяется определенная особенность: затылочная доля головного мозга покрывает мозжечек не полностью, как это имеет место у нормальных людей, а только часть его. Это было большое, значительное открытие Морица Бенедикта (примеч. 42), знаменитого криминалиста-антрополога, показавшего, что причиной преступности являются определенные физиологические аномалии. Вдумайтесь: преступником становятся потому, что непокрытой остается часть мозга, которая должна быть покрытой. Против этой истины нечего возразить. Она очевидна и было бы глупостью ее отрицать, так как это именно истина. Подумайте: если вы материалист, какие сделаете вы выводы? - Да, рождаются люди с недостаточной долей головного мозга; они предопределены стать преступниками. Подумайте - мне не надо об этом много говорить - как безотраден такой взгляд на мир! Если мы ничего не знаем, кроме этого факта, какое влияние оказывает это на мироощущение человека, если он вынужден сказать себе: человек становится преступником, так как это заложено в нем природно, для него это неизбежно. Но если мы знаем, что человек имеет эфирное тело, то мы находим другой подход к этому. Мы знаем, что эфирное тело охватывает все части физического тела и что у человека, имеющего в физическом теле укороченную затылочную долю головного мозга могут быть полностью развиты все части его эфирного тела. Как бы ни обстояло дело с его физическим телом, его эфирное тело может внести исправления. Если мы сумеем создать педагогику, опирающуюся не только на внешнюю науку, но на духовноведение, тогда мы сможем по поведению ребенка увидеть, что необходимо для правильного его развития и какими средствами воздействовать на его эфирное тело, чтобы оно парализовало воздействие укороченной затылочной доли головного мозга. Тогда, если в его эфирном теле (затылок) задний мозг развит правильно, такой человек может стать хорошим человеком, хотя в его

физическом теле и заложены задатки преступности. Из этого мы видим, какое значение может и должно иметь духовноведение для практической жизни. Чисто внешняя наука не может внести изменений в головной мозг преступника, потому что она оперирует только фактами физического мира. Но если опираются на духовноведение, то могут парализовать (обезвредить) физический недостаток. На этом пути раскрываются перспективы будущего развития.

Представьте себе: не было бы духовноведения? Тогда никогда не возникла бы возможность такого развития эфирного тела. Это значит, что родившийся с неполноценным головным мозгом был бы обречен прожить жизнь соответственно этой неполноценности. Не было бы никакой возможности педагогического вмешательства. Люди оставались бы такими, как это определено их физической организацией, и эта зависимость от физического становилась бы все сильнее. Люди пришли бы к бытию Юпитера и осуществилось бы то, о чем сегодня грезят материалисты. Если путем духовноведения не будет преодолено то, что исходит из голо (чисто) физического, то развитие человечества придет к тому, что физическое будет приобретать все большее значение, и постепенно станет определяющим. Люди стали бы тогда только продуктом их материального. Вторжение духовноведения предотвратит это. На Юпитере эфирное тело будет так же охватывать физическое тело. Так что тогда, если вследствие прежних воплощений физический мозг будет ущербным, а эфирное тело правильно развитым, то в следующем воплощении и физический мозг будет развит правильно. Это касается всего в человеке. Духовноведение будет действенной реальностью, преобразующей человека.

Если вы вдумаетесь в эти мысли, вы скажете себе: То, как представляют себе материалисты человека, сегодня еще не является реальностью, так как сегодня человек организован так, что он еще открыт воздействию духовного. Но могло стать и так, как это представляют себе материалисты, если бы развитие пошло по намеченному ими пути, если бы материалисты смогли искоренить, выкорчевать духовноведение. Если бы фантазии материалистов осуществились, люди на Юпитере были бы только продуктом их материальных организмов. Что они собой представляют, эти материалисты? Их мировоззрение сегодня не отвечает действительности, но однажды оно могло бы стать

отвечающим действительности. Эти материалисты пророки, но фальшивые пророки! Они грезят о мире, который мог бы осуществиться, если бы развитие пошло по намеченному ими пути. Материалисты фантазеры, но надо работать, чтобы не дать их фантазиям стать реальностью. Когда это поймут, то скажут материалистам: вы идете сквозь мир и не видите действительности, грезите о бытии, к которому можно прийти только в результате величайшего безрассудства, лжепророки, вы живете с измышлённым вашим головным мозгом призраками. Эти слова правильно характеризуют материализм. Надо прийти к суждениям, противоположным измышлениям материалистов. Тогда духовноведение будет действительно принято. В известном смысле, уже с этой точки зрения исходя, духовноведение будет преобразовывать мир.

В эти два дня я пытался как бы намеком охарактеризовать вам отдельные стороны взаимосвязи физического и духовного миров. Я говорил исходя из импульсов исходящих из значительнейших событий наших дней. В дни, когда в тысячах случаев, ежедневно, стоит перед нашими душами смерть, такие обзрения, если дарована им возможность, особенно близки человеческим душам, так как им необходимо познать смысл и значение происходящего. Глубоким удовлетворением наполняет меня то, что в эти трагические дни я мог снова быть с вами и говорить о том, что так нужно человеческим душам. Хочу только прибавить, что совершать теперь поездки не так просто, как это было в мирное время. И в наших кругах, наши сочлены, как и все люди, должны понимать, что военное время отличается от мирного и возможности наши ограничены. Я говорю об этом потому, что именно наши сочлены упускают это из вида, тогда как именно они должны бы понимать нашу современность, нести ей навстречу живое чувство. Между тем часто видишь, что наши сочлены не понимают, в какое трудное время мы живем и что не все теперь может совершаться с прежней последовательностью. Но, что мы должны сохранить, это серьезность и преданность в нашей работе. Что каждый из нас может сделать в это трудное время, это очень много, очень основательно работать в своей ветви; это не только сохранит наше святое дело, но будет иметь далеко идущее влияние.

Общность наших ветвей сейчас ослаблена. Это неизбежно. Тем более интенсивной должна быть работа в каждой ветви, особенно в смысле ее душевного углубления. Это я особенно

хотел бы вложить в ваши души, и в ваши сердца. Попробуйте каждый, именно в эту эпоху, со всей святостью, со всей преданностью сохранить наши идеалы, свято и преданно сохранить то, что вытекает из нашего жуховноведческого образа мышления. Духовноведение должно оправдывать себя не только в легкие, но и в трудные времена. Особенно глубоко должно звучать в наших душах, может быть несколько банальное, но выражающее наше основное стремление: учиться многогранно воспринимать жизнь. В противовес всему, что являет нам сейчас склонный к материальному внешний мир, - и часто с такой односторонностью - хотим мы стремиться воспринимать многогранность жизни. В каждый миг мы стоим перед бесконечностью, и мы в любое мгновение должны остергаться впасть в удобную односторонность.

Оккультное является важнейшим в нашем движении. Оно именно важнейшее, так как мы же стремимся от внешнего к внутреннему. И приносящие страдания события жизни, малые и большие, могут быть так освещены внутренним светом духовноведения, что приводят душу в соприкосновение со струящейся и пронизывающей /провибрирующей/ мир божественной мудростью.

Мы хотели бы сегодня, с точки зрения мировой мудрости обозреть разыгрывающиеся вокруг нас события жизни, такие значительные и трагические. Если мы чувствуем так наше время, тогда наше чувство созвучно со следующими словами?

Из мужества сражающихся,
Из крови сражений (битв),
Из горя покинутых (оставленных),
Из жертвенных свершений народов,
Вырастет духовный плод -
Направит души к осознанию Духа,
Их помыслы к духовному миру.

Будем душами, с таким настроением направляющими свое сознание в духовный мир! Тогда мы сможем кое-что привести к плодам, которые солнечно и свято должны взойти человечеству из напоенных кровью семян, щедро рассыпанных по Земле в наши дни испытаний.

ЛЕКЦИЯ 7

ШТУТТГАРТ. 12 марта 1916 года

Сегодня я хочу дать духовноведчески-историческое обозрение, которое облегчит нам понимание тончайших событий в нашей жизни, в жизни всего европейского человечества, а в следующей лекции мы вновь коснемся внешних сторон духовной жизни человечества. Если вопросы, которые сегодня будут обсуждаться, кое-кому из нас покажутся далекими, то это ошибочное впечатление. Духовноведение должно сделать наши души восприимчивыми ко всему, что помогает нам понимать трудное время, в которое мы поставлены.

Начать хочу я сегодня с одного вопроса. Но не пугайтесь, что если я беру этот вопрос как исходную точку, то в какой-то, хотя бы малейшей мере, хочу поднять старый спор в нашем движении. Как вы увидите, речь будет о совсем, совсем ином, хотя я начну с вопроса, который вначале легко может быть понят ошибочно.

Вопрос такой.

Почему госпожа Безант, именно в это военное время в своей английской периодике продолжает клеветать на наше немецкое движение. Почему в первые же месяцы войны она нашла нужным говорить, что наше немецкое движение только агентура враждебных Англии политических устремлений Германии? Почему она нашла нужным говорить, что это наше немецкое движение имело целью добиваться ее, Безант, смещения с поста президента Теософского Общества, чтобы укрепится в Индии и из Индии организовать враждебное Англии пангерманское движение?

Почему во время войны она продолжает и, вероятно, будет продолжать в той же отвратительной манере клеветать на наше немецкое движение?

Нам необходим ясный, полный понимания взгляд на происходящее в мире. Свойственная иным, мнящим себя правильно стоящими внутри нашего движения, - простите за резкое выражение, - духовная сонливость в отношении событий внешнего мира, наносит большой ущерб нашему

движению. Надо стремиться к ясному пониманию и в области событий внешнего мира. Ничего нет легче, как приписать такому движению, как наше, всевозможные шарлатанства и жульничества. В границах, которые мы часто подчеркиваем, в нашем маленьком сообществе стремящихся прийти к пониманию жизненных фактов, необходимо известное доверие. Но в результате этой доверчивости именно участники нашего движения вводятся в заблуждение теми, кто совсем не стремится сказать им нечто, соответствующее действительности, но кто готов вклинить любое в их души, чтобы на окольных путях теософской или иной духовной доверчивости воспитать духовную гвардию для различных целей, далеких от подлинно духовных устремлений человечества.

Мы часто обращали внимание на то, какое место занимает русский народ в развитии 5-ой послеатлантической культуры и я не хочу возвращаться к этому вопросу, уже освещенному и в вашей ветви (см. 2-ую и 3-ью лекции этого выпуска), и в некоторых циклах (примечание 43). Тем более хотел бы я обратить Ваше внимание на характерные, коренные черты русского народа, которые совершенно особым образом включают русский народ в развитие 5-ой, а также и 6-ой культурной эпохи. Первая особенность русского народа, это совершенно далеко идущая способность души к восприятию всего духовного, выступающего навстречу этой душе, особая способность души к приспособлению. Русский человек в своей душе менее активен (продуктивен), менее творческий, чем человек Средней или Западной Европы; в известной мере он предназначен к тому, чтобы воспринимать и интенсивно переживать воспринятое, но не перерабатывать его самостоятельно из своего внутреннего. Так русские люди восприняли религию Византии и оставили (сохранили) ее в том виде, как она была воспринята. И сегодня религиозные обряды русской церкви все еще насквозь пропитаны древневосточным. Сквозь формы русской церкви, я бы сказал, и сегодня можно видеть и воспринимать святое древневосточное. Сравните это с тем, что произошло на Западе, где в многообразном развитии догм и обрядов, в беспрестанном преобразовании и видоизменении воспринятого, развивалось католичество, протестантство и прочие. Эта способность души к приспособлению, восприятию, это важнейшая особенность русского народа.

Вторая основная особенность русского народа это антипатия (отклонение), русской души к тому, что мы называем понижением жизни интеллектуальным.

Русский человек не любит быть скованным в социальной жизни точно очерченными законами (установлениями). Он стремится к своего рода произвольному, бездумному существованию своего "Я". Что разум создает сеть установлений и что затем каждый придерживается в социальной жизни таких разумных форм, этого русский человек, на практике во всяком случае, не может вместить, хотя порой, теоретически с этим соглашается. Он склонен более к тому, чего в данный момент хочет его "Я".

Третье в характере русского человека - его особенно фундаментально освещает Гердер (примечание 44) - славянофилы тогда, опираясь на это высказывание Гердера, то есть на высказывание немца, дошли до мании величия, что русский человек, мол, сохранил то, что вообще свойственно восточному человеку - миролюбие (готовность к миру). Как ни странно это звучит, миролюбие есть в характере русского человека, так как не русский человек как таковой, развязал эту войну. Это сделали его властимущие. У него есть миролюбие: он убежден, что способ и манера, которыми развивается западноевропейская религиозность, порождает вражду и столкновения. Не в характере восточного человека из-за религиозных разногласий вести братоубийственную войну. Удивительно это, но это действительно так, - что так бросается в глаза у турок, которым тоже свойственно это восточное отсутствие преследований на религиозной почве.

Как сказано, это заложено в убежденности, в сознании русского человека. С другой стороны эти три особенности, они именно таковы, что легко могут быть использованы злой волей.

Эта способность восприятия, как она свойственна русскому, легко - это делали славянофилы, и как теперь вновь широко развивают панслависты - очень легко может быть использована, чтобы внушить русскому человеку, что он призван сменить отжившую, старческую, отмирающую европейскую культуру.

Можно также, используя вторую охарактеризованную мною особенность русского народа, его неприязнь к

интеллектуализму, внушить русскому народу, что вся западная и среднеевропейская культура иссушена интеллектуализмом, рационализмом и лишена подлинного мистицизма.

И если хотеть использовать третью охарактеризованную особенность русского народа, его миролюбие, то можно ее извратить, организовав эту вообще миролюбивую массу и призвав ее к кровопролитной войне. Так как противоположности действительно соприкасаются в мире, и особенно такие противоположности, как те, о которых идет речь. Но то, для чего в ходе развития европейской культуры действительно предназначен русский народ, не имеет ничего общего с тем, что теперь его властимущие делают с этим русским народом. Оно связано с его названными тремя особенностями, а не с их извращением.

И эти три названные особенности определяют для русской сущности необходимость соединения (связи) со среднеевропейской и западноевропейской сущностью. Сущность русского народа склонна к восприятию и она призвана, прежде чем она сможет осуществить свои задачи в 6-ой послеатлантической культурной эпохе, сначала оплодотвориться, не творчески, но через переживание того, что приходит с Запада. Как бы род духовного брака - так я это назвал за годы, за десятилетия до этой войны. Для развития душевной жизни необходим как бы духовный брак: между среднеевропейской сущностью и русской сущностью.

Вследствие антипатии русского человека к интеллектуализму, именно в русском народе могут быть созданы различные социальные установления, но они будут возможны только, если совершится упомянутый духовный брак.

И подобным же образом будет связано существо русского народа с тем, что вообще может быть дано только в Средней Европе. Завтра в открытой лекции (примечание 45) мы вновь коснёмся этого - того, что может быть осуществлено только из существа Средней Европы и что как нечто великое, мощное, непреходящее должно быть вчленено (дословно: вжито) во все развитие человечества. И русский народ предназначен воспринять то, что будет достигнуто Среднеевропейской сущностью. Самостоятельно творческим в 5-ой послеатлантической культуре он не будет.

Но существует помимо охарактеризованного русского народа и среднеевропейских народов, тот западноевропейский народ, который после правления английской королевы Елизаветы стал британским, англо- саксонским (примечание 46). Но наша задача сегодня не история расцвета Англии, а рассмотрение противоположности между существом среднеевропейским и западноевропейским, а именно британским, англосаксонским.

Возможно, никогда еще не было большей противоположности среднеевропейской и англосаксонской сущности, хотя этого сегодня и не замечают те, кто не хочет думать, не хочет наблюдать. Речь идет не об отдельных личностях, которые могут подняться над характерными чертами своего народа, речь идет о народностях. Конечно, когда характеризуются такие противоположности, нет речи об отдельном англичанине, который может высоко подняться над общей характеристикой своего народа. И не надо думать, что мы в какой-то мере коснемся ошибок наших противников в этой войне, и что мы будем охаивать английскую сущность потому, что она иная, чем наша сущность. Дело в четкой характеристике этой противоположности. Много было бы нужно, если бы я попытался полностью охватить все необходимое для понимания этой противоположности. Но мы можем понять главное, исходя из следующей точки зрения. Представим себе на одной стороне среднеевропейскую сущность, в центре которой стоит немецкий народ, в соотношении с русским народом; а на другой стороне британскую, французскую сущность в их взаимоотношении с русским востоком.

Здесь одна из величайших противоположностей в развитии человечества. Я только на немного укажу сегодня, о чем я буду говорить подробнее в завтрашней лекции. Но я бы хотел, чтобы небольшая группка тех, кто принадлежит к духовноведческому движению то, что завтра будет изложено обстоятельнее, поняла глубже, чем это можно понять без духовноведения.

Видите ли, эта среднеевропейская сущность национальна в совершенно особом смысле, национальна по-иному, чем любая другая национальность во всем развитии человечества. Национальность всех западноевропейских народов покоится на общности крови. Немецкая национальность вырастает из

душевного. Немецкая национальность питается непрерывным стремлением черпать содержание своей душевной жизни из источников всеобщей душевной жизни, делать ее содержанием собственной души. Поэтому в немецком (через немецкое) мы имеем такие великие творения, как произведения Гёте, исторические обзоры Гердера, или мировоззренческие взлёты Гегеля, Шеллинга, Фихте.

Широким кругам эти вещи еще не знакомы - они еще ждут своего понимания. Вопреки всем высказанным об этом мнениям, я должен сказать: они могут стать популярными, они могут быть так изложены - хотя этому сегодня не верят, - что каждый ребенок сможет их понять. Это еще произойдет. Все, что является подлинно мировоззрением, вырастает из глубин души немецкого народа. И никогда не могло бы возникнуть внутри немецкой сущности духовноведческое движение, подобное по характеру духовноведческим движениям Запада. Это различие не должно остаться неосознанным, мы должны дать себе в нем ясный ответ. Внутри немецкого народа все, что является содержанием духовноведения, должно гармонически сочетаться со всем остальным, чем живет народ. Поэтому я сказал в моей последний приезд сюда в Штуттгарт: Когда знакомишься с мирозерцанием Шеллинга, Фихте и Гегеля, то это как бы медитирует весь народ. Когда речь идет о немецком народе, чувствуешь себя всегда стоящим внутри всего немецкого народа, внутри его душевности. Нельзя говорить о немецком народе, не говоря о его душевности, о его душевных особенностях. И в немецком народе невозможно то, что возможно в Англии - что отдельно существует по одну сторону науки, а по другую, отбрасываемая этой наукой вера. В немецком народе это невозможно. Немец стремится к единству. Он ищет одухотворенность, неразрывно связанную с научностью, и науку, опирающуюся на духовную жизнь.

Отчетливее всего выступает это различие в учении о красках Гёте и Ньютона. Более 30 лет стремлюсь я противопоставить Ньютоновской теории красок учение о красках Гёте (примечание 47). В то время, как Гётевская теория красок вырастает из глубоко сросшемся с миром души, Ньютоновская теория опирается исключительно на механическое наблюдение. Но физика в наше время так англазирована, что физики даже не замечают о чем здесь речь, и считают глупцом всякого, кто серьезно относится к

теории красок Гёте.

В немецком народе живет стремление к духовному. Поэтому и обязаны мы, внутри немецкого народа, считаться с тем, что в горячем душевном стремлении идет с запада от немецкого народа, от тех, кого мы уже назвали и о ком завтра будем вновь говорить.

Но стремления немецкого народа вещественны, конструктивны, устремлены на существо дела. И это то, что отличает немецкий народ от французского и английского. Француз ищет красиво выраженное в слове, охваченное красиво постороенным предложением - и тогда он удовлетворен. Англичанин ищет полезности в знании и во всем прочем. Но чтобы стремление к знанию выросло как потребность души, как цветок из растения, без чего человек не чувствует себя завершенным человеком, этого не понимают ни французы, ни англичане - речь идет разумеется о народности как таковой, не об отдельных личностях этих народов.

Задача немецкой сущности - развить душевную жизнь в мир идей; это то, что должно быть достигнуто вслед за культурой Древней Греции, достигшей вершины 4-ой послеатлантической культурной эпохи. И чтобы об этом ни говорили, не надо быть националистом в узком смысле слова, но совершенно достаточно быть объективным наблюдателем хода развития человечества. Вы же знаете: я говорю об этом не под (впечатлением) влиянием войны, я говорил об этом за годы, за полтора десятилетия до войны.

И именно в связи с этой задачей немецкого народа стоит душевно-конструктивная необходимость упомянутого духовного брака с русским востоком. Культурная задача будущего не может быть осуществлена без этой русской особенности восприятия того, что может быть достигнуто немецким народом. Все культурное развитие будущего основывается на этом соединении Средней Европы с Восточной Европой.

С Западной Европой дело обстоит иначе. Западная Европа также восприняла то, что принесла 4-ая послеатлантическая культура, и самостоятельно его развила дальше, но - как я уже на это неоднократно указывал - только в плане трех душевных сил: души ощущающей, души рассудочной и души сознательной. Созданное в 4-ой послеатлантической культуре

в основном не продуктивно (не полезно) для физической жизни, а задача западной Европы, особенно британской народной души, англосаксонской народной души, это развитие души сознательной, развитие того, что в основном направлено на полезность для физического тела.

Этим объясняется все, что мы видим в Западной Европе, особенно в англосаксонском народе. Но инстинктивно и англосаксонский народ чувствует, что подлинно плодотворное идет из Средней Европы, в основном из немецкого элемента. И те, кто руководят так называемыми оккультными движениями Западной Европы, а особенно англосаксонского народа, знают, в чем дело здесь. По двум направлениям развиваются мысли тех, кто руководит оккультными ложами в англосаксонском народе. Первое - римско-католический период окончен, он в основном принадлежал к 4-тому послеатлантическому периоду. На смену тому, что было в романской культуре, идет англосаксонская сущность. И каждый оккультист такого рода, то есть оккультист, замкнутый в узконациональных интересах своего народа, а таковы, за немногими исключениями, все оккультисты англосаксонского народа, он знает, то есть он считает, что знает, что "англосаксонская раса", как они себя называют, приходит на смену римскому народу. Так учат там во всех оккультных школах. Это твердая догма.

И также инстинктивно знают они, что солдатами для осуществления всего, что принесет культура, солдатами, которые благодаря своей восприимчивости, пассивно воспринимающими и осуществляющими в жизни, будут русские люди. Очень точно знают то и другое англосаксонские оккультисты, то есть они так считают, они в этом убеждены. Их убежденность односторонняя: англосаксонское сменяет романское; все другое, протестанство, кальвинизм и прочее, это только приделки. Англосаксонское создает нечто для 5-ой послеатлантической культуры - так думают англосаксонские оккультисты, - что будет равноценно тому, что создано было римско-католическим для второй половины 4-ой послеатлантической культуры, вплоть до XIV, XV и XVI столетий.

И теперь каждый англосаксонский оккультист убежден в настоящей необходимости тесной связи между тем, что они приписывают себе и душой русского народа. Влить в

русскую душу то, чему учит англосаксонский оккультизм - это их идол. Использовать русскую душу, как воск, отчеканить в ней свои устремления. Этот идеал бурно разрастается в кругах, о которых я говорю, заглушая то, что для нас является главной задачей (примечание 48).

Наша главная задача - подлинное познание, подлинное проникновение в истинное. Мы глубоко убеждены в том, что если мы пробьёмся к Истине, то Истина даст людям то, что им нужно. И эта Истина, если мы к ней будем честно стремиться, оплодотворит грядущие эпохи. Если мы правильно и честно будем искать Истину, то, что должно произойти среди народов Европы, - произойдет. Не нужно ничего, кроме честного стремления к Истине. Это основное положение духовноведения.

Но этому противостоит только что охарактеризованное стремление поднять на вершину могущества одну особую расу, могущества прежде всего в области душевной жизни. Не о политическом могуществе сейчас речь, а о глубоко коренящихся оккультных путях воздействия, цель которых могущество англосаксонской душевности и использование податливости и восприимчивости восточно-европейской сущности, - чтобы влить в нее то, к чему устремлена англосаксонская сущность, чтобы совершился духовный брак между англосаксонским и русским. Внутренние импульсы развития человечества говорят о духовном соединении немецкого (народа) существа с русским. Эгоистическая воля англосаксонских оккультистов стремится на путях душевного оккультного развития пронизать русский народ англосаксонским.

Уясните себе это точно: это исключительно важно. Я постоянно направляю ваше внимание на многостороннюю деятельность западно-европейских, а именно англосаксонских оккультных школ. Но то, что призвано в основном развивать только душу сознательную, не может дать полноценного содержания. Подлинный оккультизм, свободный от стремления к власти, стремящийся к Истине, стоит в органической жизненной связи с немецким развитием, укоренен в нем.

Что надо еще добавить, мои милые друзья? Если бы в развитие, начиная от средневековья и вплоть до наших дней, не вмешивались ариманические влияния, если бы в развитие

духовного познания в Европе шло органически, без ариманического влияния, тогда сегодня было бы яснее видно, что все, чего достиг через духовноведение Запад, выросло из немецкой сущности. Плоды немецкого духовноведения питали англосаксонский оккультизм. Замаскировано переносились в Англию и во Францию. Только терминология, только наименования взяты из французского, из английского языка. Если же вникнуть в существо, то все содержащее французского и английского оккультизма только замаскированное немецкие духовнонаучные исследования.

Теософическое Общество стремилось завуалировать это от немцев, так как англосаксонское хочет скрыть правду о духовноведческом развитии Средней Европы, подменяя его собой. Это величайшее властолюбие, выросшее на почве оккультизма.

Элементарной необходимостью было то отслоение Среднеевропейского духовноведения, которое осуществилось в начале века, этим было восстановлено то, что изначально было немецким и что едва признавалось немецким. Оно вновь восстановлено в своей первоначальной чистоте.

Установлена правда. Она должна была быть установлена. И от того, что она установлена, этого английское Теософическое Общество никогда не простит немецкому движению. Это и прикрывается клеветой.

Систематически, целеустремленно действуют те, кто стремится к власти внутри оккультного движения. Поэтому так необходимо не бездействовать ("не спать"), а вносить ясность. Ясность нужна прежде всего в отношении важнейшего. И, например, она нужна в отношении такой выдающейся личности, как Елена Петровна Блаватская (примечание 49). Двумя фактами может быть внесена ясность в этот вопрос.

Первый тот, что Е.П.Блаватская была русская, выросла из русского. Второй тот, что она оставила после себя как бы род тайноведения в английской драпировке, что она шаг за шагом полностью, через различные заблуждения, выросла в то, к чему стремится английский оккультизм, отчасти из заблуждений, вызванных большой одаренностью этой женщины. Е.П. Блаватская была, я бы сказал, в некотором отношении медиумической личностью и в оккультно-душевном могла

вырасти только в русском народе. То, что вообще свойственно русскому народу, у Е.П. Блаватской было особенно сильно в отношении оккультного. И поэтому произошло так, что она была захвачена вначале французским, а затем британским оккультизмом определенного сорта, который ставил себе целью влить в ее душу англосаксонскую сущность. Расчитывали через русскую душу дать миру англосаксонское. Вместо того, что должно придти, и что необходимо, как соединение Среднеевропейского с русским, сознательно, намеренно было задумано использование русской души - в лице Е.П. Блаватской, как представительницы русского народа - в интересах стремящегося к могуществу, англосаксонского оккультизма. В известной мере не были не причастны к этому и те, кто стремится держать в своих руках нить управления жизнью, во вне, на физическом плане. Вокруг бедной Е.П. Блаватской разыгралось нечто трагическое, чего я сегодня не могу коснуться. Многие, многие разыгралось именно благодаря ее далеко идущей и глубоко охватывающей медиумичности, которая открывала возможность влить в ее душу любое оккультное содержание.

Был, конечно, пройден долгий путь от исходного момента, когда первоначально была сделана попытка непосредственно придать бедной Блаватской Среднеевропейское, до появления в свет ее калейдоскопически изложенной и почти неупотребляемой "Разоблаченной Изиды". Но очень скоро ею завладели другие личности, она оказалась совсем под другими влияниями, и того, кто был ее руководителем и кто хотел приобщить ее к Среднеевропейской сущности, подменил, позднее, когда она выступила как самобытный руководитель, так называемый Коот-Гооти, который, однако, по словам действительно осведомленных оккультистов, был ничем иным как человеком на содержании России и стремился выковать то, что могло получиться от соединения душевной одаренности Блаватской с англосаксонским оккультизмом. Здесь налицо столкновение первоначальной индивидуальности - иные называют его наставником, можно называть его как угодно - с позднее выступившим мошенником, негодяем, принявшим облик первого и выполнявшим задание Восточной Европы. (Так в тексте. Перев.). Далее наступила пора, когда Блаватская была связана с французским оккультизмом, где она расчитывала быстро добиться осуществления своих целей и поставила Парижской оккультной ложе такие условия, которые не могли быть выполнены; поэтому она должна была

вскоре быть исключена, так как под влиянием стоявших за ней индивидуальностей постоянно неразрывно связывала оккультные (планы) цели с политикой (со стремлением к политической власти). Затем следовал американский эпизод тоже имевший политическую подоплеку. Все это имело целью убедить Европу, что из соединения русской душевности и англосаксонского оккультного властолюбия может возникнуть своего рода новая всеобъемлющая религия. Это должно было быть продемонстрировано в Европе. И должно было быть преодолено то, что шло из немецкой сущности.

О, мои милые друзья, я так ясно помню - кое-кому может быть неприятно, что так отчетливо стоят эти факты перед моей душой - Я так ясно понимаю, как госпожа Безант проводила в Гамбурге свое первое на территории Германии собрание и как я тогда в узком кругу задал вопрос: что она думает о развитии оккультизма в XIX веке? И она тогда в Гамбурге сказала в ответ: На грани XVIII и XIX веков в Германии возникло оккультное движение, но немцы застряли в чистой абстракции и выясилось, что главный подъем духовной жизни предопределили британскому народу. Естественно, она сказала это по-английски, но по-английски это звучало еще отчетливее (Примечание 50). Наступило время, когда для всех, кто серьезно принимал духовноведение и кто не мог подчиниться шедшему через Блаватскую англосаксонскому влиянию, стало ясно, что необходимо действовать. И тогда было применено то, что позднее в оккультных кругах было названо "оккультным заточением" Блаватской. Ничего другого нельзя было сделать. И в последней трети XIX века на собрании честных, во всяком случае в большей своей части честных, оккультистов было принято решение об оккультном заточении Блаватской.

"Оккультное заточение" состоит в том, что - известными действиями это может быть достигнуто - что все устремления человека как бы заключаются в сферу, за пределы которой он не может выйти, так что все его устремления отбрасываются обратно, и он лишен возможности нанести кому-либо вред.

Событие, о котором я рассказываю, не безупречно. Но, как сказано, люди не могли защититься другим путем. Блаватская была психически сильной личностью и ее воздействия были мощными. Поэтому её произведения полны такой, с одной стороны захватывающей, а с другой стороны одурачивающей

силой.

Тогда произошло вмешательство Индии и таким путем возникло то, сомнительное оккультное учение, которое долго пестовало Теософическое Общество, и от которого должно было быть очищено то, что, как духовноведение, возникало в Средней Европе. Так как то, что должно, как духовноведение, возникнуть в Средней Европе, должно быть, как я об этом говорил, глубоко, глубоко честным, то есть стремиться к Истине, как таковой, и быть уверенным в том, что Истина, как такая, втекая в наши души и во всё развитие человечества, создает правильное во взаимоотношениях между народами и в жизни самих людей, в их социальном устройстве. Чистое, честное искание Истины! И это чистое, честное искание Истины наша непосредственная и главная задача.

Чтобы сохранить в чистоте то, что как духовноведение должно быть принесено в мир, чтобы к нему ничего не присоединялось, примыкающее, постороннее, часто призывал я наших друзей не обращаться ко мне ни с чем, кроме чистых вопросов духовноведения, ни с чем примыкающим, что так часто присоединяют к вопросам духовноведения. Конечно, мы охотно, по-дружески, идем насвстречу направленной воле, но я хочу, чтобы однажды было понято, почему, например, я все снова и снова напоминаю: ни в самой малой мере не хочу я вмешиваться ни в медицину, ни в какие другие области, не являющиеся непосредственно духовноведческими. Пора бы уж нашим сочленам привыкнуть серьезно относиться к моей просьбе и не обращаться ко мне с вопросами медицины. Важно, чтобы это было понято. Необходимо, чтобы духовноведение и я, поскольку оно представлено в моем лице, было освобождено от всего примыкающего, постороннего. В нашем движении достаточно представителей медицины, которым можно довериться. Так как я все снова и снова подчеркиваю это, то должно же оно быть принято серьезно. Ни в какой мере не хочу я вдаваться в лечебные дела. Это причинит ущерб тому, что должно быть совершено в духовноведении через меня. Поэтому это недопустимо (Примечание 51).

Как мало нес в себе англосаксонский оккультизм понимания этого устремления к чистой, объективной Истине, это могли уяснить себе те, кто слышал примечательную лекцию Анни Безант "Теософия и империализм". В этой лекции просматривалось многое из того, о чем я сегодня говорил, как

о фактах. Но духовноведение никогда не должно быть связано ни с какими устремлениями к власти, ни с какими политическими целями, хотя, конечно, хороший духовновед был бы наилучшим политиком. Но не политика цель духовноведения. Духовноведение не может принять характер того англосаксонского оккультизма, который я сегодня пытался обрисовать. Нельзя допустить, чтобы духовноведение приняло тот характер, что придавала ему Блаватская, а затем во многих отношениях и госпожа Безант; госпожа Безант только с меньшим талантом и меньшей искренностью, чем Елена Петровна Блаватская. Ведь со стороны англосаксонского оккультизма шло стремление через душевные откровения такой личности как Е.П. Блаватская, создать как бы оккультную религию, и таким путем, оттесняя немецкое, завладеть русскими душами. В оккультных школах теперь больше не говорят о Блаватской, действуют из чисто англосаксонского оккультизма, который я вам охарактеризовал. О войне, бедствиями которой мы сейчас охвачены, постоянно говорили, как о необходимой. И вновь в этих школах очень убежденно говорят о будущих итогах войны. Говорят: путем этой войны должно быть достигнуто то и это. Говорят не из ясновидения, не пророчески, но потому, что этого хотят.

Хотят любыми путями установить свое господство, овладеть душами людей. Когда людям преподносится такой фальшивый оккультизм, цель его - соответствующим образом обработать души. И поэтому я должен поставить вопрос - я обязан говорить об этих вещах, потому что о них уже говорят открыто, и поэтому что тот, кто, как я, является представителем духовноведения, должен выявить свое отношение к этим фактам. Итак: почему известная в оккультизме и оккультистам Парижа личность (Примечание 52), как только разразилась война между Германией, Росиейей, Англией и Францией, все вновь ездит в Рим, и даже еще в октябре 1914 года? Почему она влиятельна в Риме и влияет на международную политику Италии в том же направлении, как позднее, люди, принадлежавшие к "Великому Востоку Франции" или связанные со "свободными каменщиками" Англии, имевшими далеко идущее влияние на события современности, гораздо большее, чем это себе представляют?

И еще один вопрос должен я поставить. Почему стоит в хронике ежегодника (Примечание 53), что издает эта

личность, используемая известными кругами оккультизма для различных благовидных целей (как было сказано, если эти вещи обсуждаются открыто, я должен высказать свое отношение к ним), почему стоит в хронике ежегодника 1913 года, которая была издана этой личностью и которая появилась еще в 1912 году: "Тот, кто думает управлять Австрией, не будет царствовать, царствовать будет молодой, не предназначенный к царствованию"? - Почему стоит это в 1913 году в хронике медиума, связанного с определенными оккультными кругами? Почему это повторено в хронике 1914 года - до того, как этот год наступил, в 1913 году: "Трагедия дома Габсбургов осуществится ранее, чем ее ожидают"? Почему стоит это в Хрониках? и еще - почему в Парижской газете, которая по-немецки может быть названа "Парижский полдень" в 1913-ом году (Примечание 54) высказано пожелание, чтобы австрийский наследник престола Франц Фердинанд был убит? Эта газета соответствует, примерно, тому, чем является "Берлинская газета в полдень", это наиболее читаемая газета. Почему в альманахе на одной странице стоит то, что я только что привел: "Тот кто думает управлять, не будет царствовать, царствовать будет молодой, а на другой странице пожелание, чтобы эрцгерцог Франц Фердинанд был убит? Почему в этой самой газете, как раз, когда шли дебаты о введении во Франции трехгодичной военной службы, с циничной откровенностью написано: если во Франции будет объявлена мобилизация, то первыми, кого убьют, будет Жорес? (Примечание 55). Считаете ли вы это, мои милые друзья, предвидением? Я не принадлежу к тем, кто так считает. Все это симптомы далеко идущей, отвратительной подоплеки злоупотреблений шарлатанского, но овладевшего людьми оккультизма.

Я хотел вам сегодня сказать нечто, если и не возвышающее, то все же очень серьезное. Я хотел спросить ваши души: разве не должен человек, если он хочет стоять внутри оккультного течения, усвоить себе ясный взгляд на окружающее, и разве не было бы бедствием проспать эти важные факты? Мои милые друзья, кто хочет сознать связь Теософического Общества - каким оно все более становится - подобными фактами, тому надо только внимательно всмотреться в деятельность такой личности, как, например, Екатерина Тингли (Примечание 56). Поучительно и то, что, когда в книжечке Мабель Коллинз "Свет на пути" из еще в известной мере христианского мировоззрения, хотя и начисто медиумическом пути, внесено

было нечто в то, что стремилось остаться чисто англосаксонским, то это вызвало (злобу) клевету. У подавляющего большинства медиум, через которого человечеству был дан "Свет на пути", встретил злобу и клевету (Примечание 57).

Об очень серьезном хотел я с вами говорить сегодня, чтобы исходя из этой серьезности, многие из нас получили представление о том, как необходимо осознать, в чем состоит духовноведческая миссия Средней Европы, и как действительно необходимо, чтобы эта среднеевропейская миссия стала общечеловеческой. Эта среднеевропейская миссия должна быть прежде всего чистым, честным стремлением к Истине. Но это чистое, честное стремление к Истине было очень своеобразно воспринято и искажено. Вы знаете, что связи между немецким духовным движением, к которому мы принадлежим и Теософическим Обществом были оборваны за годы до войны. Все мои сообщения воспринимали очень своеобразно. Подумайте только, что госпожа Безант была в состоянии сказать, что я, якобы, стремился отстранив ее, стать президентом Теософического Общества в Индии, чтобы обходным путем, через Индию, возглавить пангерманское течение на пользу Германского государства, во вред Англии! Вы, конечно, поверите, что это неправда, что это объективная ложь!

В действительности было вот что. В 1909 году, вопреки давлению (грозному правлению Ледбитера), а позднее и инсинуациям Альсиона, было основано общество, стремившееся на интернациональной основе объединить все страны земли и в известной мере создать противовес для введенных в заблуждение госпожой Безант. И тогда я получил из Индии предложение стать президентом этого интернационального общества. И я не только отклонил это предложение, но в 1909 году в Будапеште, в присутствии госпожи Безант, разъяснил, что в духовном движении нового времени я никогда не займу другого места, кроме руководителя немецкого духовного движения. Я сказал это в 1909 году в присутствии госпожи Безант. Вот так она обращается с правдой. В своем английском журнале она пишет, что я стремился проникнуть в Индию, чтобы оттуда вытеснить ее. Тут уже не объективная неправда, а сознательная ложь. Вот к каким средствам вынуждены прибегать, когда идут против Истины. Это по-существу и

происходит с англосаксонским оккультизмом, так как Истина такова: то, что, как духовноведение, должно пропитаться (пронизать) всю культуру человечества, тесно связано (в основе своей связано) со Среднеевропейской сущностью. Англия стремится это завуалировать, скрыть, любым путем замаскировать. И в XX веке госпожа Безант все более становится орудием этой маскировки.

Настоятельно необходимо понимать, что должно пронизывать наше движение. Это духовно-земная задача (духовная задача Земли). Не искать ничего другого, кроме честного понимания Истины. Но это именно не то, что привлекает сегодня. У нас нет других побуждений, кроме попытки помочь тому или другому выйти из заблуждения. Вы знаете, как со всех сторон, изнутри и извне нашего движения, градом сыпятся нападки, а то и насмешки и издевки. Но есть и другое: все более и более вливается в ту или иную душу то, что исходит из нашего духовноведения. Кто может это уловить, тот чувствует, как из наших книг и открытых лекций втекает истинное в души людей. Но тут возникает своеобразное явление. Эти люди, которые порой очень охотно принимают то, чему дали втечь в себя, должны бы полностью (безоговорочно) принять то, что через наше движение втекает в духовное становление человечества. Но подчас люди охотно принимают часть Истины, рожденной в нашем движении, все же отталкиваются от его глубины и силы, как если бы они от соприкосновения со мною обожгли себе пальцы. Это очень частое явление, гораздо более частое, чем думают! Но те, кем движет искреннее, без связи с какой-либо личностью, подлинное духовноведческое стремление к Истине, те - в этом можно быть уверенным, найдут к нам путь. Все это очень серьезно, мои милые друзья, невероятно серьезно.

То, о чём я вам говорил, исходит не из какого-либо национального чувства. Собственно, я ведь сообщал вам только факты; они должны были охарактеризовать возникшие в Европе оккультные противоположности (противостояния) и тем, кто хочет видеть, помочь разобраться во многом, что происходит на физическом плане.

И вновь хочу я подчеркнуть: серьезность необходима нам, серьезность, чтобы в наше время найти верный путь, и чтобы осуществилось то, о чем говорят эти слова:

Из мужества сражающихся,
Из крови сражений,
Из страданья покинутых,
Из жертвенных свершений народов,
Вырастет духовный плод.
Души направит к Духу,
Их чувства к духовному миру.

ЛЕКЦИЯ 8

ШТУТТГАРТ, 15 марта 1916 года

Когда я в мой прошлый приезд читал вам здесь последнюю лекцию (Примечание 58), мы рассмотрели некоторые духовные факты, касающиеся жизни души человека после того, как он прошел врата смерти. Сегодня мы начнем с рассмотрения некоторых, связанных с этими событиями, фактов духовного мира. Они расширят понимание и осветят как само событие смерти, так и то, что разыгрывается в жизни человека на физическом плане между рождением и смертью. Я все снова и снова подчеркиваю, что духовноведение не может ограничиваться внешним, схематическим представлением о существе человека, но должно все углубленнее вникать с пониманием в различные члены человеческого существа.

Направим же наше внимание на то, что мы называем человеческим эфирным телом. Уже вчера в открытой лекции (Примечание 59) я обратил внимание слушателей на то, что мы не должны представлять себе эфирное тело как бы некоторым утончением физического - это было бы материалистическим представлением - но мы должны его себе представлять таким, каким оно является внутреннему переживанию. И тогда приходим мы к тому, что то, что в жизни на физическом плане, в узком смысле слова, мы называем представлением, коренится в эфирном теле. Но, чтобы в мышлении возникли мысли, возникли представления, необходимо физическое тело, так как для того, чтобы мысли здесь на физическом плане, могли быть удержаны памятью необходимо воздействие на физическое тело.

Дело вот в чем. Когда мы думаем, мышление исходит, конечно, из "Я", проходит через астральное тело, но в основном разыгрывается в движениях эфирного тела. То, что мы думаем, что мы представляем, всегда разыгрывается в движениях эфирного тела. Эти движения эфирного тела как бы отпечатываются в физическом теле. Это грубо сказано, происходящее много тоньше и сложнее, но приблизительно, как бы в сравнении, так можно выразиться. И через это отпечатывание движения эфирного тела в физическом теле рождаются (дословно) разыгрываются в нашем сознании и сохраняются в памяти наши мысли. Приблизительно это происходит так. Когда мы стремимся восстановить в памяти какую-либо мысль, при этой работе воспоминания (дословно:

хотеть вспомнить) приходит в движение наше эфирное тело, и оно согласовывается в своих движениях с физическим телом; и когда эфирное тело вновь соприкоснется с теми оттисками, которые оно сделало в физическом теле при мысли, которую вспоминают, в человеческом сознании всплывает воспоминание. Значит, воспоминания обуславливаются тем, что движения эфирного тела отпечатываются в физическом теле. Конечно, память связана с эфирным телом, но чтобы в физической жизни могло возникнуть воспоминание, эфирному телу необходим как бы хранитель его движений. Так и протекает на физическом плане в бодрственном состоянии в нашем внутреннем наша жизнь в мыслях; живем между рождением и смертью, имеем переживания и помним их.

На физическом плане, как человек в физическом теле, мы чувствуем наши мысли и наши представления своим внутренним переживанием, как нечто, что происходит в нашем внутреннем, что нам принадлежит. И для физической жизни это, собственно, правильно, так как, действительно, внешне же она не видна, наша жизнь мыслей и представлений. Это наше интимное. Но в духовном мире эта жизнь наших мыслей и представлений совсем не является нашей собственностью.

Да, мы ошибочно считаем жизнь наших мыслей только своим внутренним делом, она имеет еще совсем другое значение. И мы немного разберемся в значении наших мыслей для мира. Чтобы вы хорошо меня поняли, начнем с примера. Мы, люди физического плана, работаем на физическом плане. Предположим, наша работа состоит в том, что мы делаем машины. Она могла бы быть любой другой, но предположим, что мы делаем машины. Чтобы сделать машины, которые затем служат человеку, нам нужен металл, дерево и все другое из чего делают машины. Нам нужен соответствующий материал, и мы должны его обработать. Материал должен быть в природе. Как люди, мы не можем создать железо, дерево, этот материал мы берем в природе, он должен быть. Мы берем этот материал, формируем его, обрабатываем его и создаем из него наши машины. В этом наша деятельность. Мы создаем мир машин, но мы создаем его из материалов, которые мы берем у природы.

Представьте себе теперь, мы имеем дело не с людьми, которые создают машины из материалов природы, но с сущностями ближайшей к нам высшей Иерархии, с

сущностями, которых мы называем Ангелами, Архангелами, Архаями. Зададим вопрос: в чем состоит деятельность этих сущностей? Нет ли в их деятельности того, что может быть уподоблено описанной деятельности людей, создающих машины. Да, Ангелы, Архангелы и Архаи тоже деятельны. Эта деятельность протекает в духовном мире. И как мы, люди, чтобы создавать машины, должны брать для своей деятельности материалы из низших царств природы, из растительного и из минерального (царств), так и Ангелам, Архангелам и Архаям для их деятельности нужен материал. Что же является их материалом? Для многого, что в духовном мире создают Ангелы, Архангелы и Архаи, материалом являются именно наши мысли, которые мы рассматриваем как свое личное, интимное. Да, это так. Мы идем сквозь мир и лелеем (оберегаем) свои мысли, как свое внутреннее, считаем их своей собственностью, но для Ангелов, Архангелов и Архаев наши мысли - материал, над которым они работают. Только немного из жизни наших мыслей доходит до нашего сознания; значение наших мыслей выходит далеко за пределы того, что живет в наших душах. Когда мы думаем и восстанавливаем в памяти наши мысли, над ними как бы извне во внутрь работают, используя наши мысли как материал, сущности упомянутых высших Иерархий, ближайшей к нам Иерархии. Представьте себе ясно: то, что живет (разыгрывается) в сознании человека, только одна сторона жизни его мыслей. Когда он думает, непрерывно реют (парят) вокруг него сущности этих Иерархий и работают, используя его мысли, как материал для своей работы. И то, что они таким путем создают, закладывает основы того, что однажды сделает нашу Землю Юпитером, Венерой и Вулканом. Эта их деятельность является частью того, что определяет поступательное развитие Вселенной. И всю нашу жизнь до самой смерти работают над нашими мыслями извне во внутрь (поскольку наши мысли как бы заключены в нашем существе) сущности высших Иерархий.

И когда мы проходим врата смерти, то через некоторое время, как это уже было обрисовано в прошлый мой приезд (см. мою 6-ую лекцию); наше эфирное тело отбирается у нас и вплетается во всеобщий мировой эфир. Вплетается не только то, что было в поле нашего сонания, но в мировой эфир вплетаются и результаты деятельности названных Иерархий. В течении нашей жизни эти сущности работают над тканью (сплетением) мыслей отдельного человека, затем они

соединяются ткани мыслей одного, другого, третьего человека, как это им нужно для того, чтобы создавать новое в развитии мира. Должно быть воткано в мировой эфир то, что создают Иерархии из соединения отдельных эфирных тел людей, обработанных ими в течение жизни на физическом плане.

Вы видите, как это все серьезно. Очень серьезно. Над чем мы думаем в нашей жизни здесь, на Земле, это определяет наше значение для мирового развития. Тот, кто всю жизнь думает только о разных глупостях, или чьи мысли следуют только потребностям физического плана, дает своим эфирным телом не очень-то хороший строительный материал для мирового эфира. Очень это серьезные вещи - наша внутренняя жизнь, жизнь наших мыслей, которую мы здесь, на Земле, воспринимаем, как свое внутреннее, личное дело. Всему миру принадлежат они, наши мысли. И как люди не могут без металла, дерева и прочего создавать свои машины, так не могут высшие сущности осуществлять свою деятельность в мировом развитии без того, что является их материалом, без наших мыслей во время нашей жизни на физическом плане. Мы для них основа основ, из которых они черпают свой материал - ткань наших мыслей. Из своей, далеко превосходящей человеческую, мудрость, творят они свою возвышенную деятельность, но материал для своей деятельности они черпают в нас, людях, в нашей жизни мыслей.

То, что мы так можем дать этим сущностям, Ангелам, Архангелам и Архаям, остается в поле нашего зрения в течение всей жизни между смертью и новым рождением. Мы знаем, оно отнимется у нас в ближайшие дни после смерти. Но наш душевный взор неотрывно направлен на то, что мы были в состоянии дать всеобщей ткани мирового эфира. Мы теперь вновь должны участвовать в становлении того, что затем соединится с физической материей, чтобы дать нам нашу новую инкарнацию, и в этой нашей работе будет действительно то, что сами мы смогли дать миру. Коротко, многое будет зависеть от того, сможем или не сможем мы в том, что сами дали миру, найти новые побуждения для участия в творчестве своей следующей инкарнации. Многое будет зависеть от того, в какой мере мы будем в состоянии работать над новой своей инкарнацией.

Пока мы не прошли врата смерти, наши мысли неотрывны от нашей телесности. Затем они у нас в известной мере отбираются, творчески перерабатываются Ангелами, Архангелами и Архаями и передаются всеобщему мировому эфиру. Они существуют теперь не внутри нас, а вовне, вне нас. Духовноведчески, чтобы уяснить отчетливо и медитативно, мы можем охарактеризовать это словами: внутреннее становится внешним. Так как совершенно так же, как здесь физическими глазами мы смотрим на горы, реки, облака, звезды, совершенно так же после смерти мы смотрим как на внешнее на сотканное из нашего мышления, взятое у нас и вотканное в мировой эфир. Теперь это для нас внешний мир, вовышающийся или печальный, укрепляющий или ослабляющий внешний мир. Внутреннее стало внешним.

Затем, мы это знаем, наступает и длится долгое время обратное переживание нашей последней земной жизни, не только в обратном порядке, от смерти к рождению, но и другое по характеру. Мы переживаем его втрое быстрее, чем длилась земная жизнь, сначала последние годы, затем предшествовавшие им, и так далее, до дня рождения. Так в имажинации в обратном порядке переживаем мы нашу прошедшую земную жизнь. Но мы переживаем ее совершенно по-иному. Теперь через нашу душу проходят наши чувства и устремления. Возьмем исключительный случай. В течение нашей жизни мы кого-либо обидели, оскорбили. Мы тогда чувствовали то, что привело к этому оскорблению. Может быть мы испытали при этом некоторое удовлетворение. Но тот, оскорбленный нами человек, пережил этот факт совершенно по-другому. Тот, кого обидели, переживает совершенно иное, чем обидевший. После смерти, в этом обратном обзоре своей жизни, мы переживаем не наши прежние чувства и желания, но воздействия наших чувств, волеизъявлений, мыслей от других людей и существ. Значит, не то, что мы сами пережили, но то, что пережили из-за нас другие души, другие существа. То, что было внешним в течение физической жизни, становится теперь нашим внутренним переживанием. Как в результате отторжения эфирного тела внутреннее стало внешним, так и в этом обратном переживании внешнее становится внутренним. Наша душа наполняется тем, что мы сами создаем нашими действиями вовне. Оно становится теперь нашей внутренней жизнью: внешнее стало внутренним. Так внутреннее становится внешним, а внешнее - внутренним. Человек как бы

перевернут (вывернут) после того, как он прошел врата смерти.

Теперь представьте себе, как вы представили Ангелов, Архангелов и Архаев в их связи с человеческим миром мыслей, более высокие Иерархии, Духов Формы, Духов Движения, Духов Мудрости, даже и Духов Воли, и Престолов, представьте себе их в своеобразной связи с только что охарактеризованным новым внутренним миром человека, сплавленным из того, что в жизни на физическом плане было его внешним миром. Своим духовным взором - если я смею употребить это выражение - взирают названные Духи вниз на то поразительное, полное значения зрелище, которое разыгрывается после земной жизни человека, когда он как бы собирает воздействия своих земных поступков и делает их своим новым внутренним миром; тем внутренним миром, который затем будет изживаться в Карме следующих инкарнаций. Как становится внутренним то, что вовне в мире продолжает жить как результаты наших поступков. На это взирают со своих духовных высот названные высшие Иерархии. И то, на что они так взирают, это теперь для них материал, из которого они создают нечто иное, чем то, что могут дать мировому развитию низшие Иерархии духов; и прежде всего это помощь в осуществлении Кармы - чтобы то, что в период между смертью и новым рождением так вторгается из внешнего во внутреннее, стало основой постепенного сплетения ткани причинности, которая затем спускается в физическую субстанцию наследственности, чтобы духовный человек соединялся с тем, что он получает от отца и матери. Много нужно для того, чтобы осуществилось то, что так спускается с духовных высот, и чтобы произошло соединение с тканью наследственности, идущей от предков. После того как человек прошел врата смерти, сложил с себя эфирное тело, прошел в мире душ обратное переживание своей последней земной жизни, - тогда только начинается работа, которая должна быть осуществлена между смертью и новым рождением, чтобы было подготовлено новое рождение, новая инкарнация.

В чем состоит эта работа? Это, собственно, бесконечно трудно охарактеризовать, как над нами работают в духовном мире. Схематично, набросками я мог бы это обрисовать приблизительно так. Представьте себе, человек прошел врата смерти. Его эфирное тело сложено. То, что еще относительно долгое время остается в поле его зрения, продолжает быть

как-либо связанным с окружением Земли. Но то, что соткано Ангелами, Архангелами, Архаями, когда оно воткано во всеобщий (мировой) эфир, уходит далеко вовне, образует далекую сферу (шар), центром которой является Земля. Так духовная атмосфера, объемлет мировой эфир Земли. И в этот мировой эфир воткано то, что мы соткали нашими мыслями. Не думайте о том, где же все разместится, в духовном мире все взаимопроникаемо, и в этой сфере умещаются все сплетения наших мыслей. В дальнейшем течении жизни человек видит теперь, но не как внутреннее, а как внешнее, эти созданные им самим сплетения (ткани) мыслей. Затем он сам как бы разрастается, расширяется, подымается (восходит) во Вселенную и все время своей жизни между смертью и новым рождением смотрит человек извне во-внутрь и говорит себе об этой все более мощной, расширяющейся сфере: это ты. И на этой сфере (шаре) представьте себе как бы мощную географическую карту. Все это, естественно, очень фигурально и грубо выражено, но отражает факты. С ней, с этой географической картой, с этим глобусом, работают пока все не будет внесено, духовно выработано: сначала то, что было выработано самим человеком в его эфирном теле, на которое он теперь может взирать, как на внешнее; затем и на то, что после смерти стало внутренним, как я вам это описывал. Все это вырабатывается, когда над человеком между его смертью и новым рождением работают Духи Формы, Духи Движения, Духи Мудрости и Духи Воли. И когда наступает время новой инкарнации эта ткань готова. Тогда это мощный шар. И опять не беспокойтесь о наличии места для всех этих шаров, они все друг в друге. Это, конечно, только фигуральное (образное) изображение духовных фактов. Затем этот шар (эта сфера) становится все меньше и меньше, и выворачивается как перчатка и внешнее становится внутренним, а внутреннее – внешним. Но, что было как бы внешним, становится внутренним, оно изменяется совершенно и делается таким маленьким, что может соединиться с человеческим зачатком в теле матери. Это тоже только образно (фигурально) выражено.

Можно, конечно, представить все это в других образах. Это ведь здесь и сделано. Но сегодня мы будем исходить из соответствия того, что человек в течение земной жизни дает Сущностям высших иерархий, и того, что Сущности этих высших иерархий вырабатывают для мира и для новой инкарнации самого человека. Полна значения будет эта мысль,

если она глубоко войдет нам в душу, охватит чувства, ощущения, если мы осознаем, что, собственно, значит для Вселенной наша жизнь, какое место занимаем мы в ней. И необходимо, чтобы современные люди все более и более проникались сознанием этой тесной связи всей нашей жизни с духовным миром.

Очень разумные наши современники, противники духовноведения, скажут: человеческая жизнь идет себе и без этих знаний, со знаниями попроще. Это же знания, предназначенные только для размышлений, отягощающие мышление. Ни к чему усложнять жизнь такими размышлениями. Так, примерно, рассуждают эти разумные люди. И, может быть еще прибавят: в прошлом люди не имели этих бесполезных знаний, но развитие шло вперед. Те, кто это говорит, не имеют понятия, какую чепуху они говорят, когда говорят, когда предполагают, что люди всегда были так невежественны в тайнах и соотношениях духовного мира, как невежественные современные люди. Но совсем не в таком далеком прошлом люди не были так невежественны в вопросах духа. Это можно показать на многих примерах.

Один из таких примеров я хочу вам привести. Я не имел случая посетить здесь, в Штуттгарте, картинную галерею и не знаю, имеются ли здесь подобные экземпляры. Но недавно в Гамбурге мы посетили картинную галерею, и вот что мы там увидели. Наверно, вам случалось видеть: если сегодня художник берется за кисть, чтобы создать большое реалистическое полотно, изображавшее библейское грехопадение - так, как его себе сегодня представляют, - то рисуют дерево, по одну сторону его Еву, по другую Адама. В зависимости от того, экспрессионист ли он, или имажинист, или другой какой "ист", в той или другой манере выписывает он эти фигуры. Но во всех случаях он рисует на дереве змею. Не правда ли, это натуралистично, это реально? Но для того, кто может думать точнее, это совсем не реалистично. Я хотел бы видеть женщину, даже если она Ева, которая даст себя соблазнить на такое обыкновенной змее, с обычной плоской змеиной головкой. Думаю, это невозможно. Такой змее и Ева не даст себя соблазнить. Мы же знаем, речь идет о соблазнении Евы Люцифером. Но может ли Люцифер быть изображен, как обыкновенная змея? Она может быть только символом. Мы знаем о Люцифере, что он отстал на ступени Луны. Тогда не было таких змей, которые образовались на

Земле. Значит, это совсем не реалистично, рисовать настоящую змею с огромной змеиной головой. Как же надо рисовать Люцифера, чтобы это было правильно, реалистично в духе духовноведения? Надо было изобразить его так, как он воспринимался имагинативным сознанием лунной эпохи: я описал это в Акаше-Хронике. Это значит, что то, что стало теперь физической земной головой человека с твердой, подчас очень твердой, черепной коробкой, было тогда тонким, нежным (субтильным). Оно воспринималось имагинативно. И то, что от нее спускалось вниз - вы можете видеть на скелете, что человек собственно состоит из двух частей, из мозга и позвоночника - оно спускалось вниз как совсем тоненькая полоска. Все остальное возникло в земном развитии. И от человека, по существу от Луны только череп, а спинной мозг перешел как придаток. Все остальное присоединилось в земном развитии. Как же выглядел Люцифер для имагинативного сознания? У него был человеческий череп и свисающее от него подобие тела змеи, подвижный тогда позвоночник. Так он тогда выглядел. Если хотеть дать реалистическое изображение надо нарисовать дерево и около него голову человека со свисающим от нее телом змеи, обозначающим спинной хребет. Такой рисунок соответствовал бы действительности. Но тогда надо было кое-что знать о тайнах бытия, о духовных мирах, с которыми человек связан.

В гамбургской картинной галерее есть картина XIII-XV веков, так называемого мастера Бертрама. Там грехопадение изображено именно так, как я его обрисовал вам. Там нет простого изображения змеи, там изображено у дерева в точности то, что я вам только что обрисовал. О чем это говорит? Это говорит о том, что всего несколько столетий назад еще не было утеряно знание о связи человека с духовным миром и вообще о существовании духовных миров. Люди стали такими недалекими, что воображают, будто мир для человека всегда выглядел так, как видят его теперь они, воспринимая только физическими органами чувств и осознавая его только сознанием связанным с физическим мозгом; а в древности - так они считают - люди были на ступени детства и поэтому выдумали себе разные мифы. Так думает сегодня университетская премудрость. Но все это бессмысленная чепуха, так как всего несколько столетий прошло с тех пор, как человечество утеряло свое восприятие духовных миров. И, в сравнении с великими задачами познания, современная материалистическая наука не более,

как широко распространенная тупость в отношении духовного мира. И эта тупость пользуется широким авторитетом, считается великим достижением. Эта тупость в отношении духовного мира должна была прийти. Мы знаем, почему она должна была наступить: ограниченное физическим миром сознание помогло развитию человеческой свободы. И это тоже должно быть понято. И даже из таких внешних свидетельств, которые я вам привел, могли бы люди, если бы в них, простите, варил котелок, увидеть, какое короткое время отделяет нас от тех времен, когда духовный мир еще не был потерян для человека. Но современному человеку и в голову не приходит серьезно думать об этих вещах. Охотнее избирают внешне убедительные пути, так как это удобно, так как при этом ничего особенного не надо осваивать, а просто надо усесться за каким-либо лабораторным столом и вдолбить себе в голову общеизвестные (общепринятые) методы; и тогда утверждают голословно, что разговоры о духовном мире чепуха, бессмыслица и фантазии. Это единственное, что дается современному человеку вместо устремления к духовному миру.

Мои милые друзья, на сегодняшний день все то, что требует от нас напряжения духовных сил, остается только наследием тех древних времен, когда видели духовный мир. Это однажды изменится, и тогда люди не будут больше жить вымыслами. Но если бы духовноведение не смогло бы вновь пробудить человеческое мышление, то не прошло бы и 50 лет, как все, что так погрязло в однобоком материализме, сосредоточило бы все внимание на внешне материальном, и никому и в голову бы не пришло, что искусство или идеология как-либо могут обогатить жизнь. Поэтому строжайшее требование времени, чтобы в жизнь человечества вступило не бессодержательное пристрастие к спиритуальным мечтаниям, а знание о связи человека с духовным миром, и чтобы взгляд человека был вновь устремлен вверх в духовный мир. Утерев старое атавистическое ясновидение, люди смогут обрести его вновь на путях духовноведения.

Необходимо, чтобы люди узнали, как плодотворно духовноведение не только для понимания духовного мира, но и для правильного понимания всей жизни во всем ее объеме. Все вновь и вновь видим мы, как не склонны современные люди вникать в сложную внутреннюю жизнь души, но это ведь необходимо, если хотят приблизиться к духовному миру. Представьте себе только сегодняшнего правоверного

профессора среднего уровня, - конечно, могут быть исключения, - но такой типичный современный, читающий лекции, университетский профессор, он, как правило, и слушать не захочет об этих вещах, это ему слишком безразлично. Когда сегодня говорят о духовном, то говорят избитые, расплывчатые слова, ничего не обозначающие и поэтому ничего и не значащие для подлинной жизни.

Когда недавно в Лейпциге я читал ту самую лекцию, что позавчера здесь (примечание 60), ко мне после лекции подошли два господина, два разумных господина того типа, о которых говорилось, и один из них сказал, что очень удивлен тем, что я говорил, так как он ожидал, что если говорят, исходя из теософических позиций, то это должно быть ближе к его образу мыслей; он пацифист и смотрит на эту войну прежде всего с позиций пацифизма.

Пацифизм - это воззрение, которое с некоторых пор подчеркивается самыми разными людьми, и Бертой Зуттнер (примечание 61), но и той личностью, что является в Петербурге то ли цезарем, то ли папой (примечание 62). Для пацифистского движения характерно - я говорил об этом много лет назад на лекциях в Берлине (примечание 63) - что за то время, что мы его имеем, разыгралась самая кровопролитная в истории человечества война. Это движение именно из тех, что несут человечеству, расплывчатые фразы, завладевающие чувствами, легко распространяющимися, пропагандирующие чистую любовь и чистое добро. Я позволил себе сказать тому господину: Видите ли, мы живем сейчас в ужаснейшей в истории войне, мы были современниками того, что в июне-июле 1915 года за один единственный день выбрасывалось снарядов больше, чем за всю Франко-Германскую войну! Мы как раз достигли того момента, что в эту войну было использовано снарядов столько же, как за все предшествующие войны во всем мире". Я сказал: Разве из этого не ясно, что наша культура зашла в тупик, привела к абсурду? - Ну, он ответил: Я считаю эту войну болезнью, которую надо лечить. Это же только болезнь, ее надо лечить. Это само собою разумеющаяся и легко воспринимаемая истина. Но дело не в том, правильно или нет такое утверждение, а в том, насколько оно глубоко или поверхностно. Само собою разумеется, это правильно: война - это болезнь. Но я сказал ему: Если глубже вдуматься, что ее вызывает, эту болезнь? Ясно, перед этим что-либо было не в

порядке! Болезнь, ведь, прежде всего реакция на что-то, в чем нарушен порядок. Значит, если, исходя из вашей точки зрения, продолжить рассмотрение, мы неизбежно придем к выводу: болезнь возникла потому, что в чем-то был нарушен порядок. Был непорядок, он вызвал болезнь - так сказать правильно. Но люди путаются в этих правильных вещах, потому что они тривиальны и не способны глубоко мыслить, им недоступно более глубокое понимание вещей. С этим фактом приходится серьезно считаться в наши дни. Если мы возьмем факт, упомянутый мною в позавчерашней лекции в связи с Карлом Кристианом Планком (примечание 64), чья духовная одаренность явствует из того, что он в 1880 году точно предсказал события наших дней, то из характера того признания и почета, какие он получил, вы увидите, что развившаяся к тому времени культура предназначена была установить мировое господство подавляющей все подлинные устремления посредственности. Это только надо себе четко уяснить. В это надо вникнуть.

Хочу рассказать вам одну маленькую историю. Некто услышал однажды о Гёте и его "Фаусте" и захотел ознакомиться с тем, что же представляет собой этот гетевский "Фауст". Тот, к кому он обратился, стал раздумывать, как удобнее всего и легче ознакомить с "Фаустом" того, кто не имеет никакого представления об идеях этого произведения. И его озарила мысль: он вспомнил, что как раз сейчас печатается новое издание "Фауста", туда он и отведет человека, который хочет знать, что стоит в "Фаусте". Он сказал ему: слушай, в течение трех недель здесь будет печататься "Фауст". Во всех этих сотнях наборных ящиков лежат различные буквы, будь внимателен и ты увидишь, как наборщик берет ту или иную букву и из отдельных букв набирает слова. Тогда ты увидишь, как страница за страницей из отдельных букв собирается "Фауст". И тот уселся на неделю в типографии и смотрел, как руки человека собирали букву за буквой и собрали "Фауста".

Ну, я могу это рассказать и по-другому. Наступили новые времена. Люди хотели знать, что, собственно, происходит в душевно-духовной жизни, они хотели разобраться в сплетении в человеческой душе представлений, мыслей, волевых импульсов, чувств, в их значении для окружающего мира. Они искали ответа. Что же ответила им новая наука, эта чисто натуралистическая наука? Ну, с этим мы разберемся.

Исследуем - это нам теперь доступно - извилины мозга, нити нервов, ганглии в их взаимосвязи и переплетении, и получили ответ о душевной жизни. Тоже самое имеем мы здесь, что и с человеком, три недели наблюдавшим за набором "Фауста" в типографии, чтобы понять заложенные в этом произведении идеи, точно тоже самое! Возьмите все "достижения" так называемых психо-физиологов, они помогают в духовном познании мира не больше, чем наблюдение за печатанием "Фауста" помогает понять смысл гетевского шедевра. Нужно только ясно дать себе в этом отчет и тогда душа будет охвачена пониманием того, что действительно необходимо для развития мира.

"Вот так современники! - скажут сторонники натурализма, - нашу науку, настоящую науку, строго натуралистическую, вы так черните." - Но мы совсем ее не черним. Мы только отводим ей ее правильное место, видим ее настоящее значение в мире. Если "Фауст" должен быть издан, разумеется, необходима работа наборщика и типографии. Но надо видеть их настоящее место в жизни.

Все, о чем я говорю, принадлежит к серьезнейшим и значительнейшим задачам Средней Европы. Приведенные факты указывают на эти задачи. Помнить об этом - настоятельная необходимость наших серьезных дней. Миру безусловно необходимо более глубокое проникновение в подлинную действительность, чем это может быть достигнуто через материалистическое, натуралистическое, строго естественнонаучное мировоззрение. Совсем не надо быть противником изучения того, что необходимо для издания и печатания "Фауста" или изучения головного мозга и нервной системы. Все это должно быть изучено, эти знания сегодня действительно необходимы. Но, чтобы могло осуществиться одухотворение потрясаяще утратившей дух культуры, надо быть решительным противником того высокомерия, которое свойственно современной материалистической науке. Это задача Средней Европы, так как, Западная Европа для этой одухотворенности культуры совершенно бесплодна. Я говорю это не для того, чтобы сказать, что-либо парадоксальное, острое, я говорю это из настоятельной необходимости нашего времени; эти вещи должны быть высказаны. Придет время, когда осознание многих фактических связей станет закономерной необходимостью, но сегодня сознание еще не созрело для такого закономерного восприятия их. Я мог бы

привести тысячи и тысячи примеров недостоверности в современной научной деятельности и литературе, я много привел их во вчерашней открытой лекции, но времени у нас всегда так мало и лекции всегда так коротки.

Вы можете, например, во многих книгах Эрнста Геккеля (примечание 65) - вы знаете, я очень ценю Эрнста Геккеля в той сфере, где он действительно ценен - все вновь и вновь найти ссылки на Карла Эрнста фон Баера (примечание 66), прекрасного естествоиспытателя, исследователя, которого он называет своим учителем. Сегодня книги Геккеля читают, изучают, они стали как бы новой библией или, по меньшей мере, как бы писаниями новых отцов церкви. Так как различие не в том, чтобы сегодня опирались на собственное суждение, а во времена отцов церкви - на суждения отцов церкви. Различие именно не в этом. Во времена Тертуллиана, Грегора фон Нацианца (примечание 67) именно они были отцами церкви, им поклонялись люди. Сегодня те, кто основывает общества монахов, егенистов и прочих прекрасных вещей; поклоняются святому Дарвину, святому Геккелю или святому Гельмгольцу (примечание 68). Это совершенно одно и то же - только сферы поклонения разные! Теперь их не называют святыми, только в этом и различие. Люди читают Геккеля и думают, что если Геккель так ссылается на Карла Эрнста Баера, то и великий естествоиспытатель Баер, также как и Геккель, отрицал существование духовного мира.

Тем, кто сегодня, порывшись в книгах Геккеля и Дарвина, торопится основывать филиалы общества монахов, я хотел бы посоветовать не торопиться, а почитать самим, что же пишет этот Карл Эрнст фон Баер. Я хочу прочесть вам только одно место из книги Карла Эрнста фон Баера, где он высказывает свое суждение о связи духовного мира с миром земным. Он пишет: "Земное тело (масса) только семенная грядка, на которой бурно произрастает духовное наследие человечества а история всей природы - это только история поступательной победы духа над материей. И основной смысл творения в соответствии, нет! - для этой цели сменяются ряды поколений и современность подымается по бесконечным степеням прошлого."

Что же говорит этот Баер? Тело Земли, Земля - семенная грядка, в которую опущены, как в оболочку, духовные ростки (зачатки) - истинную правду сказал этот Баер на заре XIX века!

Эрнст Геккель выбирает у Баера те предложения, которые ему удобны. Те, кто ничего не делает, кроме основания всяких мистических обществ, они, всё знают о Баере только со слов Эрнста Геккеля и живут в этой лжи, не имея ни малейшей склонности самому ознакомиться с тем, о чем идет речь. Такой пружиной лжи пронизана сегодня вся наша литература. И повсюду, по всей Европе, разлилось, особенно в нашей научно-популярной литературе, стремление ко все большей расплывчатости, поверхностности в духовных устремлениях, и сильнейшее нежелание вникать в эти вещи ясным, трезвым человеческим суждением.

Приведу конкретный пример. На Западе, среди французов, британцев, итальянцев, много орденов свободных каменщиков, притом высоких степеней, с 33-мя степенями, но есть и такие, где более 30 степеней. Именно в таких орденах в последние столетия часто "ловили рыбку в мутной воде" и если однажды ко всевозможным хитросплетениям, нездоровым, нелепым, но отвечающим кое-чьим личным и политическим интересам, подойти с трезвым, здоровым суждением, если вникнуть в воздействия и стремления западноевропейского масонства, то много неясностей и "ловли рыбки в мутной воде" всплывет, например, в связи со вступлением Италии в войну. То, что разыгралось в связи с войной в этих масонских орденах, составит однажды главу курьезов. О немецких масонах можно сказать только одно: либо они в стороне, либо играют роль, так сказать, дурачка. Живя в братстве с другими масонами, они сумели ничего не заметить. И это лучшее, да, лучшее, что о них можно сказать. Не надо только думать, что то, что действует здесь, остается без воздействия на нашу, так называемую, культуру. Но действовать и жить эти недобрые влияния могут только до тех пор, пока есть люди, которые не хотят направить свой взор в духовные миры и внести ясность и силу в свои суждения.

В моей книге "Размышления во время войны" (примечание 69) - в пределах, возможных, чтобы быть понятным, при обращении к широкой аудитории, а я ею был мало понят - я обращал внимание на различные течения, широко распространенные на Востоке и Западе. Возьмем, например, восточное славянофильство, о котором я говорил в этой книге. Оно коренится много глубже, чем это кажется на первый взгляд. Уже в конце XVIII века, а особенно в конце XIX века, но и десятилетиями раньше, на русскую духовную жизнь

оказывали большое влияние западные масонские ордена. Они пересадили, привили то, что вошло, как славянизм. Во многих отношениях славянофильство и панславянизм действительно являются вошедшими семенами того, что было посеяно (привито) именно этими масонскими орденами. И под маской, под покровом церемоний (обрядов) люди, так сказать, одурманивались (дословно - отуманивались) и получали склонность к определенным проектам (замыслам). И что разыгрывалось на Востоке Европы под воздействием этого Запада, это станет известно человечеству, только когда военные события сменятся другими. Это говорилось в марте 1916 года, (переводчик).

Так как места встреч в наших ветвях являются единственным, где сегодня можно говорить, то надо об этом говорить хотя бы здесь.

Если мы обдумаем тот факт, что то, что мы несем в себе как нашу жизнь мыслей и чувств, уже внутри нашей физической оболочки в период между рождением и смертью, а затем вне нашей физической оболочки, между смертью и новым рождением, что оно является материалом для работы всего ряда мировых Иерархий, то перед нашими душами развернется грандиозная, возвышенная картина мировых космических связей. Дело не в том, чтобы мы так уж точно знали частности, а в том, чтобы мы могли проникнуться исходящим из этой картины восприятием мира и чтобы вы, мои милые друзья, прониклись чувством, пониманием того места, которое человек занимает во Вселенной, и знали то, что человек должен знать о своей связи со Вселенной. В этом дело. Чтобы в ваших сердцах, в ваших душах все это слилось в единое ощущение (восприятие) мира, и чтобы из этого мироощущения в вас зажглось нечто от той силы, которую порождает это мироощущение, и чтобы каждый из вас, в меру отпущенных ему возможностей, внес свой вклад в развитие духовной культуры. Официальная наука игнорирует эти вещи, поэтому необходимо правильно оценить роль современной науки в жизни мира. Современный ученый, когда он проводит лабораторные работы, может быть сравним с наборщиком у наборных касс. Те, кто не проводят лабораторных работ, - с людьми, просто описывающими работу наборщика. Этим сегодня, по существу и занимаются преподающие в университетах философы.

Что это именно так, это должна осознать каждая душа. Это не критика нашей эпохи, это ее характеристика. Только из подлинных познаний действительности, обогативших предшествующие эпохи, вырастают силы для дальнейшего развития, только из них. Это хотел я вложить в ваши души, в наше тяжелое время, когда не всегда можно быть уверенным: встретимся ли мы вновь. Из этого может вырасти святое внутреннее чувство долга человеческой души, долга перед мировыми соотношениями. Смерти и смерти обступают нас сегодня в трагических событиях, которые, с одной стороны, являются плодами прошедшего развития, а с другой - указанием на то, что необходимо для того, чтобы развитие человечества пошло согласно законам мирового развития Духа, а не так, как его мыслят себе "описывающие наборные кассы",

Я говорил вчера о родоначальнике материализма, Жюльене Ламетри (примечание 70). Я приводил его слова об Эразме - и, разумеется, они правильны - что если бы небольшой виточек в его нервной системе был другим, то он мог бы быть не Эразмом, а тупицей. Я сказал, что этого не надо опровергать. Но мы, уже немного подготовленные, должны знать об этом и кое-что другое.

Все, что мы сегодня услышали, погрузим в наши души, сделаем нашим чувством и ощущением, отдадимся осознанию того, как это важно, что обступающие нас бесчисленные смерти жертвенно отдаются бытию Земли, что эфирные тела рано ушедших из жизни со всеми их неистраченными силами долго, долго остаются в бытии Земли, - и что необходимо, чтобы были люди, которые об этом знают. Эти неистраченные силы эфирного тела, которые еще десятилетия могли бы служить для земной жизни, отдаются Земле. Но, чтобы эти силы обогатили мировую культуру, чтобы они не могли быть захвачены Ариманом, в будущем необходимы люди, которые будут об этом знать.

Помня о том, к чему мы должны подготовить наши души, проникнемся словами, которые уже не раз здесь звучали:

Из мужества сражающихся,
Из крови сражений,
Из страдания покинутых,
Из жертвенных свершений народов,

Вырастет духовный плод,
Души направит к Духу,
Их чувства к духовному миру.

ЛЕКЦИЯ 9

Штутгарт, 11 мая 1917 года

В этот свой приезд я намерен говорить о вещах, которые помогут нам глубже понять события современности. Не с внешних позиций рассмотрим мы эти факты, но обратим внимание на то, что осветит современные события с духовной точки зрения. Это намерение давно зрело во мне именно к этой встрече. У нас же будет еще встреча в будущее воскресенье.

Оглядываясь на разное, что, я бы сказал, как удары воли нашего времени - я говорю это совершенно сознательно - извне вторгается в наше движение, я вижу необходимость прежде всего, как бы как введение в тему, обсудить кое- что принципиальное, что поможет нам предупредить возможные ошибки в понимании, которые легко могут возникнуть в нашу, лишенную глубины мыслей и чувств, эпоху. С другой стороны это поможет нам найти в своей душе правильное отношение к тому, чем может стать для нас Антропософия.

Попробуем четко поставить перед собой вопрос: что мы ищем в Антропософии? - Мы ищем найти путь к духовному миру, удовлетворить потребность в общении с духовным миром, вырваться из житейских отношений современности. Не подойдет к нам тот, кто находит свой путь в духовный мир на, проторенных столетиями известных путях, удобных тем, что они не требуют своего обоснования. Но то, что впервые вступает в мир, всегда вызывает многочисленные споры. Мы не достаточно ясно отдаем себе отчет, в значении Антропософии для нашей современности, в том, чем она должна и хочет быть, также как и в том, что заставляет нас искать Антропософию, ведет нас к ней.

Видите ли, мои милые друзья, Антропософии не было бы, если бы она не была нужна лишь десятку людей. Антропософия отвечает потребности душ, которые только на этом пути могут найти именно то, что они ищут. Антропософия существует не по чьей либо воле, а потому, что она отвечает потребности души современного человека. Это не опровергается тем, что есть люди, которые ее отрицают, так как многое в душе человека живет подсознательно и бессознательно и - правильно понятое, это отрицание является ничем иным, как бессознательной тоской по Антропософии.

Тоской по величайшему импульсу земного развития, Христову импульсу. По пути к Нему, соответствующему импульсам и потребностям современности, пути к которому отзывается сердце, из жизненных соотношений современности ищущее пути ко Христу. Для тех, кто долгие годы живет в Антропософии, эти обобщенные, абстрактные фразы, которые я сейчас произнес, будут полны содержания. И дело именно в том, чтобы смысл этих слов наполнил душу, чтобы они перестали быть абстрактной теорией, чтобы они стали содержанием, смыслом всей нашей жизни, нашей душевной настроенности. Я приводил уже и здесь этот особенно характерный пример. В одном южно - немецком городе я читал лекцию на тему "Библия и мудрость", в которой, я стремился показать, как и приверженец традиционного христианства, если он хорошо вдумается, может, исходя из Библии, найти путь к Антропософии. Я стремился показать, что Антропософия благодаря своим познаниям о духовном мире, может глубже вникнуть в великие неисчерпаемые тайны пра-книги человечества, Библии. После лекции ко мне подошли два католических священника, присутствовавших на лекции. Из их слов было ясно, что они, не как священники, а как теологи, исходя из их учения о христианстве, собственно, ничего не могут мне возразить. Но, обходя существо вопроса, они сказали: Да, видите ли, против того, что вы говорили сегодня, с наших позиций нет возражений, кроме одного: когда мы говорим, мы говорим так, что нас поймет каждый. Вы, конечно, тоже говорите о христианстве, но для тех, кто достиг определенного уровня образованности или кто специально подготовлен. Я возразил: Видите ли, ваши преподобие, дело не в том, что по этому вопросу думаете вы или я, эта тема выходит за пределы личного мнения. Не удивительно, что каждый считает то, чем он занимается, имеющим общечеловеческое значение. Что этому удивляться, иначе он этим не занимался бы. Дело не в том, что вы или я считаем правильным. Наш способ приближения к духовному миру начинается с того, что мы поднимаемся над личным мнением и ищем действительности, реальной действительности. В нашем случае ее не надо искать. Она в ответе на вопрос: все ли люди, к которым Вы думаете обратиться - Вы, ведь, считаете, что обращаетесь ко всем людям - ходят ли еще сегодня к Вам в церковь? Ответ на этот вопрос - факт, действительность. Вы думаете, что говорите ко всем людям, что то, что Вы говорите, предназначено всем людям. Но это только Ваше мнение, факты говорят другое.

Ответьте мне, все ли люди ходят в церковь? - Вы можете ответить только, что значительная часть людей именно не ходит в церковь. Это опровергает Ваше мнение, что Вы говорите ко всем людям, ибо Вы не говорите тем, кто не ходит в церковь. И среди них значительное число тех, к которым обращаюсь я, и которые тоже имеют право найти свой, современный путь ко Христу.

Итак, в своих суждениях следует исходить не из личных своих мнений, а подчинять их требованиям и задачам действительности. Конечно, теоретизировать о том, что правильно и что ошибочно, много удобнее, чем в каждом конкретном случае изучать действительность, всегда чутко прислушиваться к требованиям действительности. Антропософия не стремится быть ничем иным, как только ответом на вопросы, которые не она сама поднимает, но которые - если они сами правильно себя понимают, - встают в сердцах, в душах современных людей. Я твердо убежден: вопросы, поставленные в моих уже многочисленных сочинениях, поставлены не мною. Ответы большею частью даны мною, но вопросы поставлены не мною. Вопросы поставлены самой культурой эпохи, например, естествознанием. Эти вопросы должен задавать себе каждый, кому близки требования эпохи, кто серьезно прислушивается к важнейшим потребностям современных душ.

Если в сказанное погрузиться сознанием, то станет ясно, что во всей антропософической литературе господствует одна основная установка, одна основная направленность, одна основная настроенность. Если просмотреть все эти сочинения даже не с доброжелательностью, которой мы в нашем движении собственно уже добились, но с критической настроенностью, свойственной нашей современной эпохе, то ясно выступит во всей антропософической литературе одна основная направленность: дать человеческой душе то, что особенно ей необходимо в нашу эпоху, - самостоятельность, на собственное внутренне опирающуюся силу суждения. Я часто вынужден был противиться с разных сторон исходящим побуждениям - писать более популярно. Я вынужден был противиться этому нажиму - по той простой причине, что Антропософия призвана не к тому, чтобы дать людям, если они захотят, без умственного напряжения постигать догмы (догматы), но именно к тому, чтобы пробудить их собственную способность к суждению, собственный поиск души. К этому

призвана Антропософическая литература, - чтобы каждый, кто хочет, вынес из Антропософической литературы собственную убежденность.

Антропософия нигде не призывает к слепой вере, конечно, излагаются факты, которые не могут быть немедленно проверены личным опытом, но они рассказываются как факты духовного мира, которые воспринимаются как сообщения, и к которым каждый может, если хочет применить силу своего критического суждения. И мы же видели, что в последнее время друзья, с полным пониманием приступившие к делу, достигли того, что поднялись сами к тончайшим восприятиям, проверенным непредвзятым критическим суждением. В этом непредвзятом, безбоязненном критическом суждении и нуждается то, что сообщается в Антропософической литературе. Эту непредвзятую критику она всегда выдержит; она тем легче ее выдержит, чем менее предвзятой будет критика. Никогда не услышит от меня ничего иного, кроме слов: проверяйте, проверяйте и проверяйте, но не останавливайтесь на одной проверке, ищите средствами современного мышления все глубже и глубже проникновения в суть вещей. Если к этому стремиться, то именно Антропософическая литература может сделать человека самостоятельным.

Когда обзираешь многообразное воздействие Антропософии, сталкиваешься с различнейшими вещами. Я вновь и вновь встречаю людей, которые прослушают одну-две лекции, или прочтут одну-две небольшие работы, а затем исчезают с поля зрения. Само собой разумеется, это их право, никому это не может быть поставлено в упрек. И если кто-либо из знакомых спросит, почему вы исчезли - со всей дружелюбностью, конечно, без малейшего упрека - то они отвечают: боюсь быть убежденным. Эти слова указывают на существенные факты. Души стремятся освободиться от дурного наследия нашей эпохи, от господства личных мнений, личных теорий, стремятся найти пути к духовному, уловить звучание Вселенной, стремятся найти возможность всей душой отдаться этой духовности мира, найти методы, способы, ведущие душу к достижению, в возможной мере, собственного прозрения в духовные миры. Только медленно и постепенно утвердится в душах мировоззрение, хотя и выросшее из глубочайших потребностей эпохи, но идущее вразрез со всеми привычками современного мышления. Души людей привязаны

(дословно: прикреплены) к привычному, им любо, когда они с кафедры слышат то, о чем они могут сказать: я давно это думал. Истины, о которых "уже давно думали", во вступающей в мир Антропософии не звучат. Но это величайшая ошибка многих людей, что они не могут себе сказать: "я это давно думал", - и что они не хотят сказать себе: "если я углублюсь в моё внутреннее, я увижу, что здесь не говорится ни о чем, что было бы личным мнением, а только о факторах развития человечества. К этим факторам развития человечества мы еще не однажды обратимся во время этого моего пребывания в Штутгарте. Так что понятно, что встают различные препятствия и тревоги, когда человек ищет пути к Антропософии, к духовноведению.

Мою книгу "Как достигают познания высших миров" (в неточном русском переводе: "Как достигнуть...") много читают не только в наших кругах, но и вне их. Чтение именно этой книги все вновь и вновь приводит к примечательному характернейшему явлению. Кто-нибудь читает эту книгу и пишет мне письмо. Конечно, я каждый раз рад такому письму по поводу какой-либо книги или по какому-либо другому поводу, а особенно по книге "Как достигают познания высших миров". Но как часто такое письмо яснее ясного показывает, что книга не понята, что важнейшее в ней искажено материалистическим мышлением современности. Так как первое, что схватывают люди в этой книге - это следующее. Но сначала оговоримся: у читающего книгу "Как достигают познания высших миров" может возникнуть много сомнений, и немало людей может подтвердить по собственному опыту, что я всегда готов обсудить эти сомнения, и я ни в коем случае не хочу быть понятым так, что я отклоняю эти письма. Ни в коем случае я не хочу отпугнуть авторов этих писем. Но эти письма очень часто вызваны одной фразой, совершенно неверно чисто материалистически понятой. Многое сказано в этой книге, что, при внимательном чтении, ведет человека к самостоятельности, к тому, чтобы искать в себе самом, в своей душе пути в духовный мир. Эта книга направлена именно на то, чтобы сделать человека возможно более самостоятельным, не навязывать ему ничего субъективного, только убрать препятствия с его пути. Чтобы он сам мог найти Истину. Наилучший путь к пониманию этой книги - принять ее содержание к действию. Но тут человек натывается (дословно: садится на крючок) на фразу: "Тот, кто созрел до должного уровня, если он будет правильно искать,

найдет своего духовного учителя" (примечание 71). Ну, и вот оно! Напишу я письмо автору этой книги, он и будет моим духовным учителем. Это же проще всего! Здесь мы и имеем перенесение в материальное. Это место для ищущего самостоятельного пути могло бы стать святейшим побуждением к дальнейшему ноиску, который привел бы к совершенно иному, чем к обращению: ты, дай мне указания. Но именно самостоятельность многим читателям этой книги оказывается неудобной. Они не вдумываются в книгу. И поэтому, хотя у немцев среди книг этого рода она является, может быть, наиболее читаемой, и переведена на многие иностранные языки, она остается наиболее неправильно понимаемой. Но, ведь, она до детскости понятна, если только дать ей непредвзято воздействовать на себя и не искать материалистического удобства.

Конечно, естественно, что сегодня и в этой области люди ищут того, что им привычно в других областях. Думают так, как им привычно. Как подвластны современные люди привычке не искать опоры в себе самом, то есть не учиться самому находить выход в том или другом положении, но искать помощи извне и не доискиваться, из каких побуждений оказывается эта помощь. Зачем ломать себе голову над вопросами здоровья? Пусть все нужное нам предпишут те, кто на это поставлен, и нечего думать над тем, какими принципами они руководствуются. Перепоручают свою судьбу тому, кого признают авторитетом. Почему же и на духовном пути, важнейшем для человека пути, не стремиться перепоручить свою судьбу? Но то, к чему стремятся, чего ищут, основано именно на самостоятельном пути, направлено на то, чтобы сделать душу самостоятельной.

Можно сказать: именно естественно-научное исследование достигло сегодня известного уровня, и этот уровень был бы по плечу тем, кто сегодня представляет эту область науки, если бы большинство из них не погружалось целиком только в свою узкую специальность, а хоть выглядывало бы за пределы своей отрасли науки. Если бы хотя, скажем, дюжина ее официальных представителей - а сейчас к ним только и прислушиваются - из побуждений внутренней честности, стоя на уровне своих естественнонаучных знаний, решила бы проверить то, что сообщается в моем "Очерке тайноведения" и в моей "Теософии", тогда достоверность этих сообщений была бы подтверждена, исходя из познаний, которые могут быть

охарактеризованы следующими словами: изучайте жизнь, смотрите, не подтвердит ли она сообщений о духовных мирах, добытых путем духовноведческого исследования! - Кто действительно владеет естествознанием, тот неизбежно придет к признанию сообщений антропософически направленного духовноведения. Это безусловная истина. Но мы стоим перед тем обыденным фактом, что именно те, кто мог бы осуществить этот труд, нисколько не озабочены, до сих пор нисколько не были озабочены тем, что никто даже не поставил такой вопрос - я говорю о тех из наших кругов, кто мог бы проявить такую инициативу - никто не поставил перед собой задачу: с позиций современной науки действительно проверить духовнонаучные естественноисторические данные (сообщения) Антропософии! Ни малейшего опасения не вызывает такая проверка. Антропософия ее выдержит. Пусть она будет начата, такая проверка, духовная наука её выдержит. Но, конечно, в эпоху, когда не хотят вникнуть в примитивнейшие истины, такая проверка ещё долго заставит себя ждать.

Стремление быть не только логичным, но проникать в действительность, то есть согласовывать свое суждение не только с абстрактными законами логики, но и с реальными фактами действительности, это стремление мало кому свойственно в наши дни. Быть логичным - к этому стремятся многие, но только некоторый обход логики - с учетом ее важности - дает возможность увидеть, какая путаница может возникнуть с такими, отвечающими логике, суждениями. Видите ли, быть согласным со своим собственным суждением и суждением другого, логично, но может привести к странным коллизиям. Совпали в своих мыслях Карл V австрийский (1500 - 1558 г.г.) и король Франции Франциск I (1494 - 1547 г.г.). В известной мере, в отношении одного определенного пункта, вполне совпали их желания, которые они стремились осуществить. Франциск сказал: "Мой милый брат добивается того же, что и я, мы оба хотим одного и того же." - Дело в том, что они оба хотели наследовать Милан (примечание 72). Вот, видите ли, с этим пояснением все и становится ясно. Но что именно такие суждения, как бедствие нашей эпохи, пронизывают мышление и господствуют в нем, - это не склонны замечать.

За долгие годы истинные мучения от современного способа формирования суждений пришлось испытать тому, кто

чувствует живое в мышлении, чувствовании и волеии. Я еще помню, как слушал в Вене первую лекцию по теории эллиптических функций. Это была лекция Лео Кёнигсбергера (1837-1921 г.г.), тогда уже знаменитого. Он настолько был знаменит, что мог позволить себе, получив звание профессора, обратиться к правительству с письмом, высказывая желание получить звание надворного советника, а не только профессора. Когда я слушал его первую лекцию, он подошел к вопросу: как обстоит дело с числами? Люди различают положительные и отрицательные числа. Положительные числа соответствуют деньгам, которые у меня есть, отрицательные числа - деньгам, которых у меня нет, и которые я должен. Но есть еще и другие числа. Математики изображают положительные и отрицательные числа линией, в центре которой ставят ноль, по одну сторону от него плюс один, два и т.д., а по другую: минус один, два и т.д. Знаменитый Гаусс (примечание 73) присоединил к этому еще новую линию чисел, так что различного рода числами может быть заполнена плоскость (сфера). Я не могу углубляться в обоснованность этой плоскости чисел, но Лео Кёнигсбергер начал тогда эту тему об эллиптических функциях словами: Возможно, кто-либо сегодня сказал бы, что с таким же основанием можно помыслить эти числа вертикальными к плоскости! - Когда я еще совсем юнец молокосос 16-17 лет, знакомился с теорией чисел на плоскости (сфере), я уже тогда возразил: тогда можно было мыслить о пространстве наполненном числами. Учитель дружелюбно успокоил меня, сказав: "подождем с этим до следующего столетия," что на меня юнца, конечно, произвело большое впечатление. И вот слушал я в Вене Лео Кёнигсбергера, обсуждающего этот же вопрос. Он говорил: "Предположим есть эти три рода чисел. Не только числа, лежащие на плоскости двух этих линий, но и числа, лежащие в третьем измерении. Гипотетически примем, что такие числа существуют и что я умножаю такое число на другое число. Я покажу вам это при известных обстоятельствах. Если их перемножить, в результате получится ноль. Но так как это невозможно, то не может быть и этого ряда чисел. Ну, знаете ли, слышать нечто подобное, это пытка. Я не собираюсь сейчас говорить о том, правильна ли вся теория этих чисел, но, приняв одно, не принимать другое, утверждать: если в результате ноль, то таких чисел не может быть, - слышать такое - это пытка, так как, само собой разумеется, правильный вывод совершенно иной: если два помноженные числа в итоге дают ноль, надо принять, что результатом умножения может

быть и ноль. Это сам собой напрашивающийся естественный вывод. Если бы эти здравые суждения жили в математике, или в политических нотах, например, господина Вильсона (примечание 74)! Нет, в них господствует те же, только что продемонстрированные, формы мышления. Но если эти формы суждения господствуют в области непосредственно затрагивающих судьбы человечества, то здесь ошибочные суждения приносят совсем иного значения плоды, чем в спекулятивных рассуждениях в узко ограниченной области науки, как это во многих случаях имеет место в теоретических рассуждениях Лео Кёнигсбергера.

Пора уже обратить внимание на то, как характерно для нашей действительности это отсутствие в суждениях людей стремления к реальности, к соответствию с действительностью. Не стремятся к этому в простейших вещах. Предпочитают то, что им приятно, а не то, что есть в действительности. Чтобы вырваться из бедствий современности, необходимо научиться думать по-другому, научиться не просто вообще думать, но думать по-другому. Это чрезвычайно важно. Если бы люди могли со своими старыми привычками мышления постичь антропософически ориентированное духовноведение, они легче вживались бы в истины духа. Но эти истины не могут быть постигнуты старым, привычным мышлением, они постигаются именно новым мышлением, а это новое мышление дается с таким чудовищным трудом.

В этом причина того, почему так трудно современному человеку принять антропософически ориентированное духовноведение: оно сталкивается со всевозможными формами предубеждений. Но именно поэтому духовноведение и не может быть побеждено, так как надо признать, что противодействие духовноведению очень слабо аргументировано. Попробуйте найти научные рассмотрения, которые бы пытались, серьезно вникая в вопрос, обсудить данные духовноведения, найдите такие статьи или рассмотрения. Кто попытается это сделать, увидит, как мало он сможет найти. Но на этом пути и нельзя было бы продвинуться. Видите ли, что мне рассказал несколько лет назад один студент, который намеревался написать докторскую (диссертацию) по философии при одном прославленном университете. Он собирался написать докторскую, тема которой была ему рекомендована

знаменитым профессором. Это была диссертация о великом русском мыслителе Соловьеве (1853-1900 г.г.). Тогда о Соловьеве едва ли были публикации. Я спросил студента: Почему профессор посоветовал ему писать именно об этом философе? - "А, сказал студент, профессор ничего не знает об этом философе и хотел бы ознакомиться." Вот удобный путь: поручить ученику написать докторскую о Соловьеве. Если ученик знает русский язык, вот и будут получены сведения о Соловьеве. Так возникла докторская о Соловьеве. Но именно так возникают очень многие докторские. Это основной принцип, по которому даются темы докторских работ. Но так создаются, можно сказать, выращиваются, определенные принципы научной работы, определенный образ мышления. Названный профессор, конечно только одним путем мог действительно ознакомиться с Соловьевым, если бы он стремился не только быть профессором философии, но и ознакомиться с современной философией в лице одного из её виднейших представителей: он должен был бы попытаться самому изучить Соловьева, поскольку это возможно, если не знаешь русский язык, потому что переведено ничтожно мало. Но это неудобный путь, и следует сказать: для многих из тех, кто хотел бы составить о духовноведении суждение, путь к духовноведению еще более удобен. Так как не одно и то же написать диссертацию о Соловьеве или о духовноведении. О Соловьеве, когда диссертация готова, еще куда ни шло составить собственное суждение, так как пишущий хорошо натренирован в духе современной философии. Но как подойти современному профессору философии, например, к диссертации о духовноведении? Он же не знал бы, как к ней подойти. Он был бы совершенно беспомощен! И, конечно, совсем неудобно не обходным путем знакомиться с духовноведением, а попытаться в какой-либо мере творчески самому в нем разобраться.

Для честно ищущих, стремящихся к Истине, все это, конечно, не препятствия, потому что их души жаждут именно духовноведения. Многие из Вас знают это по личному опыту, мои милые друзья. Но для большинства тех, кто живет обыденной жизнью, это препятствие к тому, чтобы вникнуть в суть духовноведения. Оно не созвучно привычному, и так как оно ему не созвучно, оно требует досконального изучения. Жизнь показывает, что это часто не удается, но те, кто пытался подойти к духовноведению, как правило, не становятся его противниками; не сторонниками, но и не

противниками. Есть и такие. Но значительная часть наших современников просто лично заинтересована в истреблении духовноведения, в его уничтожении.

Какое это может вызвать осуждение, если на пути, который хорошо знаком каждому антропософу, человек честно ищет разобраться и противопоставляет духовноведению все возможные возражения, все, что он имеет сказать! Но именно этого-то и не хотят, это абсолютно неудобный путь. Гораздо удобнее перенести всё в плоскость личностного, говорить о том, о чем говорит духовноведение, но о всем, что угодно, только не по существу. И это, видите ли, именно это делают сегодня наши современники, что в ближайшем будущем все больше будет практиковаться. На это я хотел бы обратить ваше внимание. Дело в том, что значительное число недовольных внутри нашего общества, недовольных именно из личностных побуждений, становятся орудием в руках тех противников духовноведения, которые не ищут честных путей - они и не могут на честном пути осуществить свои цели, - обходят открытые научные дискуссии и другие честные пути, а ищут подорвать авторитет общества, навязав ему какой-либо скандал, переводя все в личностное.

Время, отведенное мною для разговора о делах, истекло, и чтобы никто не сказал, что я использую ваше время для обсуждения внутренних дел Общества вместо того, чтобы говорить по существу, позволю себе прибавить только следующее: все больше будет становиться тех людей, которые дают себя использовать охарактеризованным личностям, и честно преданные антропософски ориентированному духовноведению должны ясно отдавать себе в этом отчет.

Однажды, - это было много лет назад - М. Я. Штайнер получила от жителя одного небольшого городка письмо, какие она часто получает; он чувствовал себя неудовлетворенным своим положением и хотел его улучшить. Он спрашивал совета: не лучше ли ему путем брака войти в какую-нибудь фирму или избрать для своей дальнейшей жизни другой какой-либо путь. Да, если хотеть видеть факты в их истинном свете, не стоять как слепец перед тем, что разыгрывается вокруг тебя, то надо говорить правду, без прикрас. Ему было разъяснено, что мы не можем дать совет, вступать или не вступать ему путем брака в какую-либо фирму. Но по его неотступности ему охотно пошли навстречу в его стремлении

ознакомиться с учением о духовном мире. Он отдался духовному, в той форме, как он себе его мыслил, и очень скоро пришел к убеждению, что для человека такого большого духа, каким он себя представлял, не подходит затевать что-либо в маленьком городке. Он хотел большого размаха. Он явно кое-что накопил и отправился в Берлин. Ему нравилось заниматься духовноведением, но он обнаружил у себя исключительный талант художника и требовал от Общества признания и покровительства. Мы охотно идем людям навстречу, не правда ли? Образцы его работ, которые он представил говорили, правда, о полном отсутствии какого-либо таланта, но иной и без таланта берет трудолюбием, удовлетворяя ограниченными требованиями, - и ему покровительствовали. Он переходил от одного члена Общества к другому, из тех, кто мог оказать ему помощь. Но каждый раз выяснялось, что он не хочет ничему учиться, считает себя законченным художником, знающим больше, чем те, кто был готов ему помочь. И так как он отклонял любого учителя, ему в конце концов уже ничем более не могли пойти навстречу, проявляли неисчерпаемую снисходительность, но ничего не могли сделать, так как все было не по нем. В его глазах, разумеется, только в его глазах - это был тот скандальный случай, когда мир не признает становящегося гения. Его несколько не смущало, что никто не разделяет этого мнения. Да, мои милые друзья, здесь действительно не было нашей вины. Это основное, все остальное является побочным. И дальше все было с этим человеком, как со многими другими. В нашем Обществе они ищут прежде всего удовлетворения своих притязаний, и если они не удовлетворяются в той мере и форме, как они этого хотят, они становятся противниками. И тогда они выступают со всевозможными обвинениями. О том, что стоит за фактами, об этом они, разумеется, не говорят. Они выступают со всевозможными обвинениями, которые затем, в лучшем случае опровергаются путем изложения истинных фактов. В данном случае это, разумеется, было в чистом виде болезненное тщеславие и отсутствие таланта. Все остальное было пустой болтовней вокруг этого, глупейшей выдумкой, глупейшей фантазией. Но сегодня находятся журналы, которые такие вещи подхватывают. Тот, о ком я говорю, это Эрих Бамлер (примечание 75). И если разобраться в этих обстоятельствах и действительно вникнуть в суть дела, то нет нужды в таких статьях, которые, собственно, ничего не выясняют, так как отдельно взятые факты имеют совсем иной смысл в связи с тем, какие побуждения стоят за ними. Глупо было бы серьезно

обсуждать несущественное, так как дело не в отдельных несущественных фактах, а в том, что стоит за ними.

Возьмем другой случай. Человек, тоже не лишенный тщеславия (суетности), многие годы не принимавший Антропософию, нашел к ней пути. Я меньше всех приложил усилий, чтобы привлечь именно этого человека. Он вошел в Антропософию. Порой выявлялось, что его стремления не были свободны от личной заинтересованности. Этого, собственно, и нельзя требовать. Нельзя порицать, если порой поддаются личным устремлениям. Таким личным устремлениям идут навстречу, так как иногда таким обходным путем приходит человек к подлинному. И так шло и он вначале был нами очень доволен. Он написал работу "Теософия и христианство". Я даже написал к ней послесловие, и она была издана в 1910 году в нашем издательстве. Он был нами доволен, мы были люди, с которыми можно было иметь дело. Затем он подготовил к печати другую работу "Кто был Христос" и после того как эта работа претерпела некоторые перипетии, которые нас сейчас не касаются, предложил ее нашему философско-антропософическому издательству. Но эту работу невозможно было напечатать в философско-антропософическом издательстве. На первых ее страницах было сказано, что Штайнер только наметил некоторые черты проблемы Христа, а автор дает их дальнейшее раскрытие. Но говорю об этом отнюдь не из ущемленного тщеславия, хотя в этом случае его мне приписывают; но слова, в которых мне в газетной статье брошен этот упрек - дерзкая ложь, так как не было того, о чем в ней говорится. Не считаясь с тем, что я мог иметь основания не углубляться в проблему Христа в предназначенной для широкой аудитории печати, автор действует в манере, которая напоминает другую разыгравшуюся историю, с которой эта является как бы миниатюрным слепком. К этой другой истории я еще должен буду вернуться. В своей работе господин, о котором идет речь, попросту пересказал различные факты, которые были сообщены в лекциях, предназначенных только для членов Общества. М. Я. Штайнер с полным основанием отказалась принять эту работу в своё издательство. И господин этот, получив отказ, превратился в противника Общества. Нельзя, конечно, в журнальной статье написать: Антропософическое Общество отвратительно, так как философско-антропософическое издательство вернуло мне мою статью. Это не годится. Но именно это было бы правдой! - Тогда, хотя ему несчетное число раз объясняли причины

отказа - изобретаются сказки несогласий. Тот, о ком я говорю, очень хорошо знает цену своих несогласий, но делает из них газетную статью! Не имеет значения о чем пишется в этой статье, так как не это сделало его нашим противником. Все же это, ведь, было, когда он вступал в Общество, противником он стал по другой причине. Хотя многие сомневаются в правомерности утверждения, что последующее определяется предшествующим, тем не менее остается непреложным, что враждебность господина Макса Зейлингера возникла непосредственно после отказа нашего издательства. Конечно, это легко отрицать. Можно привести всякие возражения, но дело не в том, что говорит тот или другой, а в том, каковы факты.

Этот случай, напоминает другой, совершенно исключительный, рассказанный только что - лишь слабое его подобие. Выдающийся (в известном смысле гениальный) случай таков: Несколько лет назад один господин по приглашению старого нашего сочлена посетил Германию, слушал у нас все, какие только возможно было, лекции, с великим старанием разыскивал записи годами ранее прочитанных лекций, упорно добываясь их то у одного, то у другого. После того как он надежно запаковал все, что переписал, он отправился обратно в Америку. Там он заявил, что был у нас, ознакомился с моим учением, но не удовлетворен им, что сам он идет глубже, и что в его книге читатели найдут многое, чего нет в моих книгах. Так как, когда он исчерпал все, что он мог получить от меня, он прибыл к Учителю, жившему где-то в Трансильванских Альпах, который сообщил ему многое, что он теперь излагает в своей книге. Но все, о чем он писал в своей книге, это было то, что он слышал здесь на посещаемых им лекциях или списал со стенограмм ранее прочитанных лекций. Книга появилась (в печати) в Америке и вызвала сенсацию. Книга скомбинированная из того, что он слышал здесь от меня и от некоего Учителя в Трансильванских Альпах. Людям не было нужды исследовать, что именно исходило от меня; да они и не могли этого сделать, так как материал был взят из наших закрытых лекций. Но мало того, что эта книга появилась в англо-американской печати, как плод англо-американского оккультизма; нашлось немецкое издательство, которое издало её в немецком переводе под названием "Мировоззрение розенкрейцеров". Издателем её был доктор Фоллрат (примечание 76).

Это только отдельные примеры того, что практикуется, мои милые друзья. Об этих фактах надо говорить. Это надо знать, так как это средства, которыми с нами борются и которыми другой стороной используется добытое нашими исследованиями. Может быть сказано: вероятно, никогда не применяли в борьбе против чего-либо приемов худших, чем те, что начинают теперь применять против нас, именно против антропософски ориентированного духовноведения! Поэтому вы поймете, что, следуя неотвратимой необходимости, мы используем единственно допустимое средство, которое если и не делает эти вещи невозможными, то хотя бы затрудняет их - мы употребляем все усилия, чтобы ставить все возможные препятствия лицам, связанным с этими вещами. Однако надо сказать: говорится об этих вещах много, но люди остаются глухими. Поэтому, чтобы продолжать честно и правильно служить делу, которому все мы преданы, не остается ничего другого, как подчиниться этой неотвратимой необходимости.

Предположите, духовноведение выступило бы только как теория, существовало бы только как идейное течение. Тогда было бы совершенно невозможно - теоретически это возможно, но в конкретной действительности это оказалось бы совершенно невозможным - чтобы к Антропософии липли все эти вещи, которые происходят в такой недостойной, отвратительной форме. Мы должны различать духоноведческое движение, чисто познавательное движение, стремящееся стать мировоззрением современности, от Антропософского Общества. В идее, Антропософское Общество прекрасно, но на практике - как мне не кажется это, говорят факты - на практике каждый день, и это не преувеличение, каждый день выявляются факты, свидетельствующие о том, что внутри Антропософического Общества с известной легкостью обильно произрастают (групповщина, склоки, клики) и узко личные интересы, за и против. На путях духовноведения бывает трудно (отличить) разграничить личные интересы и чисто деловые. Но подумайте, что как раз через жизнь Общества открываются широкие возможности для тех людей, которые не хотят выступить против духовноведения в открытой честной дискуссии, но идут обходными путями, через ложь и клевету (расстроить) сорвать планы духовной науки. Это действительно так: Они ищут гибели Общества.

В течение многих лет я широко откликался на желание различных членов Общества, как давних так и совсем молодых,

иметь со мной личную беседу. Только в последние годы, в силу обстоятельств, приходилось временами отступать от этой традиции; но именно временами и как исключение. Тем не менее часто подчеркивалось, что в том, что написано в книгах, и в том, что говорится на лекциях, каждый найдет указания, нужные для его индивидуального, самостоятельного пути развития. Так что личные встречи имели значение только как личные высказывания, как общение человека с человеком. Но всё вновь, в связи с этими личными встречами членов Общества со мною, возникают и бытуют в Обществе нелепейшие выдумки (враки) - простите мне резкость этих слов, - которые для стоящих вовне становятся источниками всевозможных поношений и клеветы. Об этом вранье я думаю, что уже слишком часто в кругах нашего Общества склонны многие найти веские словечки, употребляя их для придания значимости собственной персоне. Какое удовлетворение, например, чувствует иной, говоря: "Я стал эзотерическим учеником" - или: "Да, знаете ли, все это очень закрыто, об этом я не могу ничего сказать, не имею права сказать. Сделать себя значительным, придать себе исключительность - вот, что стоит за такими словами, а слова эти потом стоящими вовне употребляются во вред Обществу. Все эти вещи, которые теперь злонамеренно употребляются во вред Обществу, никогда не имели бы места, если бы не подавалось в ложном свете то, что отвечает закономерному желанию каждого и что могло быть столь же закономерно удовлетворено. Но теперь, в связи с тем, во что его превращает внешнее окружение, оно не может сохранять свое прежнее звучание, как это ни тяжело, мои милые друзья. Само собой разумеется, в Обществе, естественно, любое дружеское общение, но неотвратимая необходимость принуждает меня прекратить личные аудиенции. Мне это особенно тяжело потому, что естественно скажут, почему вместе с виновными должны страдать и безвинные: - Но когда состоят в Обществе, входят в его карму, а для защиты Общества другого решения этого вопроса нет. В связи со злонамеренной клеветой неизбежно должно прекратиться все то, что жило в этих личных встречах, к которым стремились столь многие.

Не думайте, что мне это менее больно, чем вам, но я знаю, что как всё, что я до сих пор говорил об этих вещах, говорилось на ветер, так и мои сегодняшние слова были бы словами на ветер, если бы не были приняты меры, принуждающие осознать серьезность моих слов.

Легко оболгать то, что сказано в частной беседе отдельному человеку; клеветники доходят до того, что, например, тут и там говорят, что тот или другой член Общества был загипнотизирован. Ну, мои милые друзья, против таких выдумок я вынужден принять другие меры, я говорю из подлинного чувства долга перед нашим движением, из самой горькой серьезности и понимания святости духовноведения. В основе нашего движения лежит и строго соблюдается принцип неприкосновенности чужой воли, безоговорочно исключается всё, что может нарушить свободу воли - и именно это бесцеремонно используется. Поэтому необходимо, чтобы всё, что произрастает на почве нашего движения было совершенно открыто. Тогда у клеветы будет выбита почва из под ног. Другого пути борьбы с клеветой нет. Поскольку это будет зависеть от меня, будут приложены все усилия к тому, чтобы в дальнейшем всё в нашем движении происходило открыто, всё более или менее открыто. Духовноведению нечего бояться открытости. Поэтому сегодня я освобождаю вас от данного вами обязательства не разглашать содержания частных, личных бесед; это относится ко всем беседам, бывшими за все предшествовавшие годы. Каждый свободен, в меру своего желания, сообщать то, что ему было сказано в такой беседе. Не найдется ничего, что боялось бы гласности. В условиях открытости не будет почвы для клеветы. Хочу привести вам пример, как могут быть употреблены эти вещи в условиях вопиющей неосведомленности и при полном желании с этой вопиющей неосведомленностью расстаться.

Не только упомянутый Эрих Бамлер, но и другие, борющиеся такими же "честными" средствами, утверждают и по существу верят, что им среди различных, называемых эзотерическими правил (основных положений) дано и такое: "Рассматривай всё, что тебя окружает в свете необходимости, как если бы оно было необходимо, как необходимость судьбы. "Некоторое время, с тех пор как считают себя действующими в Обществе, получив такое правило, говорят: "я эзотерический ученик, так как я постоянно медитирую: "рассматривай всё, что тебя окружает, в свете необходимости."" - Но почему именно этим людям дано это правило, почему оно было им посоветовано. По той простой причине, что оно им нужно было в связи с их душевной настроенностью. Это был ни в коем случае не нарушающий их свободу совет, но о ценности и эзотеричности его вы сможете составить себе представление, когда я

приведу вам следующее. В своем всемирно известном труде Шопенгауэр (1788-1860 г.г.), касаясь вопроса о свободе воли и об отношении человека к событиям обыденной жизни и своей судьбы, говорит: "все, что происходит, от важного до самого незначительного, происходит по необходимости". Далее он указывает на успокаивающее воздействие осознания неизбежности и необходимости. И, значит люди не получили никакого другого совета, кроме того, что даёт сам Шопенгауэр: познание и неизбежности, как средство против душевной депрессии.

Ну и, спекулируя на вопиющей неосведомлённости и на нежелании отказаться от удобства этой неосведомлённости, пускают в ход всевозможные нелепые выдумки, например, что следуя этим указаниям, становятся зелеными или голубыми, особенно, ноги. И те, кто в любом случае готов из пальца высосать эзотерическое, эту нелепицу принимают. Из всего сказанного, вам должна стать понятной неизбежность, необходимость той меры, на которую пришлось решиться. Хотя бы для того, чтобы всем стала ясной вся серьезность этих фактов. Не жалуйтесь мне на это, которому это так же больно, как и вам; жалуйтесь на это тем, на кого я вам указал со всей ясностью и кто сделал необходимым применение таких мер. Мне очень тяжела необходимость прекратить эти личные беседы, которые ищут столь многие члены Общества. Я, конечно, знаю, что и это даст почву для злословия в мой адрес, но я не могу следовать личным интересам нашего движения. А это значит, что я должен следовать принципу серьезного отношения к тому, что дает, с одной стороны, повод к вранью, а с другой стороны - повод к высмеиванию и клевете на духовноведение, дает его тем, кто не хочет вступать с духовноведением в честную борьбу, но ищет других путей его уничтожить.

Исследуйте то, что происходит, вы увидите: повод всегда даёт само Общество. Но нападкам само Общество подвергается очень редко, целью нападков являюсь я или мое ближайшее окружение. Исследуйте факты. Но когда нападают на меня, целят именно в духовноведение. Всем им в высшей степени безразлично, что кому-то дан глупый эзотерический совет; их в мире дается достаточно. Этим людям не безразлично, что духовноведение, ориентированное антропософически, становится мощным культурным импульсом современности, что оно ищет быть созвучным современности. Это этим людям

не безразлично. Маловлиятельный (захудалый) эзотерик этих людей не интересуется, но не тот, который согласно своей судьбе, не может остаться в тени. На малозаметного эзотерика, если он соберет в Берлине, скажем, полсотни человек, усядется перед ними и будет давать эзотерические советы, не будут нападать. Нападки начались тогда, когда число издаваемых книг перевалило за определенную цифру. Было бы великим грехом перед Духом антропософски ориентированного духовноведения дать погубить Антропософию; мы вынуждены принять эти меры, отказаться от кое-чего, может быть, только на недолгое время, мы вынуждены на это, так как к этому нас вынуждает современное состояние морали.

С искажением фактов часто приходится сталкиваться; но как искажаются связанные с духовноведением факты, как воспринимаются факты, которых вовсе не было, и рассказывается нечто совсем иное, чем то, что имело место в действительности, это же нечто совершенно исключительное. Надо уметь видеть не только обрушившуюся на деревню лавину, надо уметь видеть снежный ком, падающий сверху и превращающийся в лавину. Конечно, я очень долго выжидал, и всё вновь и вновь предостерегал, призывал, но мои призывы не были услышаны или не были приняты с должной серьезностью. Люди, стоящие вне нашего движения бросают мне упрек, что я окружаю себя слепыми приверженцами, слепо верящими в мой авторитет. Это было год назад, сейчас число моих прегрешений значительно возросло. Могу, однако сказать: не так уж много приверженности со стороны членов Общества встречаю я, когда дело касается доверия, которое они бы должны нести мне навстречу и, из этого доверия исходя, направляют свои поступки. Как правило, происходит обратное тому, что является моим мнением. И это из года в год. Происходит обратное моему мнению. Только этого не замечают, так как во многих случаях следуют особому методу: не столько спрашивают мое мнение, сколько высказывают свое, и рассказывают потом: он это сказал. Я был очень далек от того, чтобы это сказать, но услышать от меня хотели именно это, и рассказывают, что я это сказал. Вот так: во внешнем мире говорится, что я имею слепых последователей, на практике, Общество показывает, что налицо прямо противоположное, по-меньшей мере в тех случаях, когда мне должно бы быть оказано доверие, потому что я годами выработывал свои суждения, а мой собеседник этого не делал.

Я высказываю все это не для того, чтобы, как говорят в Австрии, брюзжать, хныкать и кричать караул, но я говорю это потому, что ежедневными становятся симптомы, которые угрожают сбить наше движение с намеченного пути, и потому, что нет склонности замечать снежный ком, пока он еще сверху, как снежный ком, а видят только обрушившуюся лавину. Буквально за несколько часов до моего прихода сюда мне, среди другого, прочли письмо, в котором рассказывается о двух членах Общества. Я не хочу называть имен, пусть это будет просто пример. Одному из них ставится в упрек, что он упражняется в гипнотизировании другого, что он даже садится сзади гипнотизируемого и медитирует ему в затылок, чтобы вызвать в его душе всевозможные вредящие силы. И это продолжают развивать. Это всего один случай, последний, нет, не последний, вслед за ним выявился еще один. Сегодня это еще своеобразная глупость, но через несколько лет она уже не будет безобразной: сестра сзади другого и упражняет свою способность медитировать другому через его затылок всевозможные вредящие воздействия! Нет сомнения, что упомянутый член Общества совершенно безвреден в своих усилиях. Но если сегодня, мои милые друзья, это разыгрывается между двумя членами Общества, то пройдет несколько лет, и это вырастет в "падение Штейнера". Этому опять будет дан вполне подходящий повод в самом Обществе. Впрочем, события могут развернуться быстрее, и для этого совсем не понадобится и двух лет.

Так что, поймите, я поставлен в исключительно жесткую необходимость, я вынужден на ближайшее время сказать: надо попытаться сделать, чтобы духовная наука развертывалась в полной гласности (вполне открыто). Никто не будет вследствие этого как-нибудь обойден, никто не найдет кое-как то, что он должен отыскать, если все происходит в полной открытости (гласности). Должна быть прекращена вся эта болтовня: "это покрытое тайной мистическое", "об этом нельзя говорить" и так далее - это не должно больше давать повод злословию и клевете. Наше общение должно остаться столь же дружественным, оно не может быть иным, но на ближайшее время частные беседы должны принципиально быть прекращены. Быть может, это вынудит наших милых сочленов, хотя это и неудобно, внимательней относиться к фактам, вдумываться в них, быть озабоченными фактами, мимо которых они проходят бездумно.

Простите, что я сегодня вынес эти вещи на свет. Я заговорил о них, когда лекция, собственно, уже была окончена. Я обязан говорить об этих вещах, потому что они непосредственно касаются жизненных вопросов нашего движения, нашего Антропософического Общества. Это, а ни в коей мере не какое бы то ни было недружелюбие, вынуждает меня с большой душевной болью на ближайшее время отказаться от личных (частных) бесед с милыми сочленами. Тогда будет невозможно то, что с такой охотой используется нашими злонамеренными врагами. Мои милые друзья, одно возражение вы, конечно, можете сделать, и его дала бы мысленно каждый, думая о себе: но со мной он мог бы говорить. Но это сказал бы каждый из тех, кто теперь столь недостойным образом нападает на Общество; и иные из тех, кто теперь является орудием в руках своих покровителей, были в числе очень, очень видных членов Общества. Это должно измениться, но только сами члены Общества могут это изменить.

ЛЕКЦИЯ 10

Штуттгарт, 13-го мая 1917 года

В душе современного человека, острее чем в другие эпохи, встает потребность понять своеобразие нашего времени. Мы живем среди событий не только требующих неисчислимых жертв, но и ставящих трудные загадки мышлению человека, загадки самого различного характера. Почему же развитие человечества именно в наше время разразилось такой страшной катастрофой? Этот вопрос неотступно стоит перед душами современных людей. Мы видим то, что происходит во внешней жизни. Но мы должны научиться все более и более уметь видеть не только ближайшие причины происходящих бедствий, но направлять взор на более глубокие силы эпохи, и на то, что движет этими глубокими силами. Тогда в наших чувствах, в наших восприятиях пробудится понимание того, что иначе остается для нас непонятным, на что мы иначе можем только тупо уставиться.

Поставим перед собой вопрос: чем же, в глубоком смысле, характеризуется наше время? Из рассматриваемых, которые здесь однажды имели место, мы можем ясно увидеть, что во всех областях жизни в нашу эпоху господствует то, что мы в глубочайшем смысле слова называем материализмом. Материализм! - Обдумаем то, что мы обозначаем этим словом, не отдаваясь чувству симпатии или антипатии, но попробуем поставить перед душой мысль: эпоха господства материализма закономерно вступила в развитие человечества. Материализм необходим человечеству, оно должно пройти через материализм. Но оно не должно потеряться в нем, не должно погрузиться в материализм так, чтобы утратить не только в познании, но и в душевной жизни связь с духовным миром. Уберечь от этого, сохранить связь души с духовным миром - это и есть задача духовноведения. Я попытаюсь сегодня провести через ваши души кое-что из законов развития рода человеческого, что - правильно понятое - поможет нам постигнуть происходящее вокруг нас.

Законами развития человечества, а совсем не плохими и постыдными качествами человеческих душ обусловлено - в основном - то, что мы живем в эпоху материализма. Разумеется, характер материализма нашей эпохи очень непригляден, особенно если сравнивать его облик с обликом культуры прошлых эпох. Но из этого не следует впадать в

реакционные настроения и думать, что хорошо было бы вернуть эти прошлые культурные эпохи. Полная значения особенность материализма нашей эпохи в том, что в его условиях даже выдающиеся, духовно одаренные личности, в своих душевных импульсах не могли пробиться к пониманию духовного. Оно было им недоступно. Это надо совсем непредвзято осознать. Возьмем характерный для XIX века дух, во второй половине XIX века сыгравший огромную роль в духовной жизни всей Европы. Я имею в виду Эрнста Ренана (1823 - 1890), стремившегося понять импульс Христа, исходя из сознания своей эпохи. "Жизнь Христа" Эрнста Ренана произвела огромное впечатление на широчайшие круги его современников, вызвала многочисленные отклики. Эрнст Ренан был духом, с одной стороны серьезно относящимся к проблемам духовной жизни, но с другой стороны уже лишенным возможности понять, даже помыслить, что человек может найти возможность воспринимать духовный мир. Приведу вам высказывание Эрнста Ренана в его сравнительно молодые годы: "Современный человек ясно отдает себе отчет в том, что он никогда не достигнет знания великих первопричин мироздания и собственного предназначения". Это говорит ведущий дух своей эпохи, значительным достижением он считает осознание человеком того, что он никогда ничего не сможет знать о великих первопричинах мироздания и его собственном предназначении. Он не был поверхностным человеком этот Ренан. Он жил в науке. И характерно, что в старости, седой Ренан высказался по другому. Этот человек, всю жизнь проживший в убеждении, что для человека нет пути в духовный мир, считавший понимание этого достижением человеческого разума, сказал в конце жизни: "Я хотел бы, конечно, чтобы я лучше знал, что есть ад, так как гипотеза об аде предпочтительнее гипотезы о пустоте, о "Ничто". Вы слышите здесь спрессованным голос эпохи. Пустота, ничто стоит перед человеком, охваченным тоской по духовному, которое было достижимо для него только за воротами смерти, и человек, считавший своим достижением отказ от поисков пути в духовный мир, говорит в конце жизни: лучше было бы знать, что есть ад, чем смотреть в пустоту (в Ничто). Надо почувствовать эти факты, если мы хотим понять сущность эпохи, в которую мы живем.

Каждая эпоха развития человечества имеет своих ведущих духов. Если в древности это были жрецы мистерий, то в нашу эпоху это выдающиеся философы, при том философы, все более

подчиняющие свою философию современному естествознанию. Один такой философ, которого я хорошо знал лично, в своем последнем труде "Трагикомедия мудрости" высказался так: "мы не имеем больше философии, как не имеют ее и животные, и отличаемся от них только неистовыми попытками пробиться к знанию, чтобы в итоге признать себя лишенными этой возможности" (Примечание 77). Это говорит профессор философии, университетский профессор. Поэтому не удивительно, что более глубокие натуры все же ищут какого-то пути в духовный мир и, так как из импульсов материалистической современности они не могут к нему пробиться, они обращаются к тому, что ближайшее есть налицо. Мы видим это на бесчисленных примерах современности. Один из таких примеров Морис Барре (1862-1923 г.г.), француз, который теперь, во время войны, подучил некоторую популярность среди неистовствующих германофобов. До войны он был известен как вождь той "Молодой Франции", которая прилагала все силы к тому, чтобы найти пути к духовному. Морис Барре искал долго и после долгих поисков отдался обыденному католицизму, католической церкви - как и многие другие из Молодой Франции. Это только один пример характерного явления нашего времени, поиска духовного, завершающегося переходом в католичество.

Но попробуем заглянуть в такие души, как душа Мориса Барре. Как стоит такая душа перед духовным миром? Для Мориса Барре характерно следующее высказывание. Вот какие слова вырываются (выскальзывают) у современного искателя духа: "Бесполезное занятие - искать потустороннее. Существует ли оно?" И далее он говорит: "И если мы его и схватываем, то ничего не можем о нем знать. Предоставим все виды оккультизма умным циникам и шарлатанам. Какие бы формы не принимал мистицизм, он противоречит здравому смыслу. Но если мы все же отдаемся церкви, то прежде всего потому, что она неразрывно связана с французской традицией, за нею авторитет столетий и огромный практический опыт в этичском сдерживании желаний и, наконец, потому, что она далека от мистицизма, прямо от него защищает, заставляет умолкнуть голос полной таинственности "Роши" (Примечание 78). под "полной таинственностью "Роши" он подразумевает все то, что исходит из Мистерий, толкует Евангелия и "жертвует великодушным анархизмом Спасителя, интересам современного общества".

Что же приводит в католическую церковь? Так как, по его мнению, она поняла необходимость великодушное мировоззрение Спасителя принести в жертву обыденным, тепловатым, потребностям современного общества, то есть, хорошо приспособить христианство к потребностям тех, которые ищут в христианстве того, что соответствует пониманию христианина - обывателя. Если не иметь в виду, что такое мировоззрение в известной мере вызвано необходимостью, то это назвали бы по меньшей мере фривольным, циничным и фривольным. Но, что именно глубокие души приходят к такому воззрению, это надо видеть, и это необходимо понять. В чем же причина? В чем причина того, что современному человеку так трудно найти путь в духовный мир? - Мы должны вновь обратить свой душевный взор на развитие человечества, как минимум на период после великой атлантической катастрофы, на тот период, в 5-ой культурной эпохе которого мы живем.

Мы уже не раз характеризовали это развитие человечества в его последовательном поступательном движении, первый отрезок времени которого мы называем древнеиндийским, второй - древне персидским, третий - египто-халдее-вавилонским, четвертый - греко-римским и, наконец, пятый - период, в котором мы живем. Именно в этом пятом периоде выступили те факты, которые мы вновь осветили с определенной точки зрения. Я не однажды пытался охарактеризовать вам развитие человечества, чтобы, исходя из него, понять современность. Сегодня я сделаю это еще с другой точки зрения. Эта точка зрения, когда с нею знакомишься впервые, может показаться парадоксальной, действительно парадоксальной, но попытаемся подойти к ней непредвзято. Вооружимся тем умением видеть факты, которые даны нам многими годами жизни в Антропософии.

Из того, что мы до сих пор восприняли в наши души, можем мы увидеть, что в ходе времен не только отдельный человек проходит в физическом мире, в жизни между рождением и смертью, определенное развитие, но проходит его и человечество в целом. Сегодня мы охватим вниманием определенный отрезок времени, следующий непосредственно за атлантической катастрофой и вплоть до времени, в котором мы живем. Спросим себя: можем ли мы, взяв определенный отрезок времени, с уверенностью говорить о развитии в этот период времени всего человечества в целом, как мы это

говорим об отдельном человеке? - Мы говорим; человек сначала проходит период от рождения до 7 лет. Затем переживает он отрезок от 7 до, примерно, 14 лет. Вы знаете, что это значит. Затем от 14 до 21, и так далее. Человек развивается в известном смысле поэтапно, год за годом, от рождения до смерти.

Как подойти, если мы хотим рассмотреть за указанный период времени развитие всего человечества? Полезно спросить себя: каков же возраст человечества, если мы хотим сопоставить его возраст с периодами отдельной человеческой жизни? На каком возрастном этапе находится современное человечество? Небезинтересно однажды рассмотреть этот вопрос духовноведчески. И именно духовноведческое рассмотрение этого вопроса кое-что нам откроет. Несколько лет назад я уже говорил об этом. Но в духовноведении вы можете нечто знать, и только через годы приходите к тому, чтобы его точно мыслительно сформулировать, или сформулировать совсем по другому. Такую новую формулировку ответа на заданный вопрос хотел бы я дать вам сегодня.

I	период времени - древне-индийское развитие
II	" " - древне-персидское
III	" " - египето-халдее-вавилонское развитие
IV	" " - греко-латинское
V	" " - это наш.

За ним последует 6-ой.

Если мы хотим сравнить возраст человечества с возрастом отдельного человека, то каков же был возраст человечества в первый послееатлатический период? Каков был тогда возраст человечества? Видите ли, если мы будем знать каков был возраст всего человечества в эту первую послееатлантическую эпоху, мы сможем определить и возраст нашего современного человечества. Это было совсем не так легко, духовноведчески проследить этот вопрос. Надо было сначала исследовать чисто духовноведческие факты, осмыслить их. И когда стала ясной та особая духовная конфигурация человечества той далёкой эпохи, тогда можно было найти ответ на вопрос: с какой возрастной конфигурацией индивидуальной личной жизни отдельного человека можно сопоставить эту конфигурацию? И

выяснилось, что человечество, как таковое, не отдельный человек, об этом речь впереди, но человечество в целом, в этот первый послеатлантический период было в возрасте, сопоставимом с возрастом современного человека от 48 до 56 лет. Итак, подумайте: если взять духовную конфигурацию того, что было тогда культурной жизнью, приходят к тому, что возраст человечества той эпохи сопоставим с возрастом сегодняшнего мужчины и конечно, женщины, - от 48 до 56 лет. Не очень-то легко было пробиться к этому знанию, но раз оно найдено, то это духовноведческий факт.

Как же обстоит дело со вторым, древне-персидским периодом? Нужно было повторить тот же путь. И тогда вменилось: если обращаются к духовным особенностям того, что было тогда культурой, то сопоставить это можно только с современным возрастным периодом от 42 до 48 лет. И если обратиться к египто-халдее-вавилонской культуре, которая завершается, примерно, к 747-ому году до н.э., то он соответствует возрасту современного человека от 35 до 42 лет. Берем мы греко-латинский период, то он соответствует возрасту от 28 до 35 лет. Наша, 5-ая послеатлантическая культурная эпоха, соответствует возрасту отдельного современного человека от 21 до 28 лет. В 6-ом культурном периоде - это можно в известной (степени) мере предвидеть - возраст человечества будет соответствовать возрасту отдельного человека от 14 до 21 года. И в последнем периоде, перед новой грандиозной катастрофой - возрасту от 7 до 14 лет.

Могу вас заверить, мои милые друзья, что этот, полученный мною результат, когда я его сформулировал, был самым ошарашивающим (ошеломляющим) из всех, когда-либо мною полученных, самым ошарашивающим. Так как, не правда ли, это поразительный (удивительный) факт: в то время как человек восходит в возрасте, развитие человечества идет в обратном порядке. Человечество становится все моложе! Это факт - человечество становится все моложе!

Естественно встает вопрос: что из этого следует? С этими фактами связано ведь многое (другое) в развитии. Я прежде всего спросил себя: какое это имеет значение для первой культурной эпохи, что человечество тогда было в возрасте от 48 до 56 лет? Тогда открылось следующее: само собою разумеется люди, которые тогда родились и жили, росли от

года к двум, трем и так далее. Это ясно. Но затем они доживали до 48 лет. Для каждого наступало время, когда они в своей отдельной человеческой жизни вступали в период развития от 48 до 56 лет. И тогда эти люди могли себе сказать: теперь мы, каждый индивидуально, вступаем в возраст, когда наши личные свойства совпадают с окружающими нас свойствами всего человечества. Мы вращаем в то, что является нашим окружением. Прежде, до своего 48 года, мы проходили развитие, которое принадлежало нам, было для нас, но с 48 года мы вращаем в то, что составляет наше окружение. Когда становились старше 56 лет, развитие продолжалось, продолжали жить, и вживались в то, что было до атлантической катастрофы. В своем развитии выходили тогда за пределы того, что раскрывалось вокруг в групповой душе человечества. Значит, достигнув 48-летнего возраста, соединялись с групповой душевностью человечества.

В следующем, во 2-ом культурном периоде, находили это соединение уже раньше. Достигнув 42 лет вступали в свое окружение, в то, что жило в ауре всего человечества.

И затем, в 3-ий период вращали в это, достигнув 35-ти лет, так что в жизни от 35 до 42 лет могли сказать себе: то, что живет во мне, созвучно тому, что окружает меня. После 42 лет то, что было вокруг человека, не было уже ему созвучно, не могло уже ничего ему дать; надо было жить дальше, исходя из себя самого, так как возраст человечества стал моложе возраста человека. После 42 лет жили уже не в своем окружении; росли за его пределы, опираясь на самого себя.

Так древний грек, древний римлянин, достигнув 36 лет, исходил уже из себя самого. В возрасте от 28 лет до 35 лет жил он со своим окружением, но после 35 лет групповая душа человечества не могла ничего дать ему от своего возраста, так как он был уже пройден. Человечество не могло уже стать 38 летним, если в своем обратном движении оно достигло 35 лет.

А мы, в 5-ом периоде, вдумайтесь, мы вживаемся в групповую душу человечества, в то, что является нашим окружением, в период от 21 до 28 лет. После этого наше окружение уже ничего нам не дает. В дальнейшем мы должны опираться на собственное развитие, творить (создавать) из своего внутреннего, так как извне к нам больше ничего не притекает. Человечество прожило до 28 лет, и когда мы

достигли 28 лет, тогда должны мы в дальнейшем в себе найти опору, тогда должны мы в себе найти нечто, с чем можем жить дальше, иначе мы никогда не перешагнем за 28 лет. И уже прошло так много лет из пятого периода, что человечество в своем обратном движении дошло до 27 лет. Так что, если не приложить усилия, чтобы энергично развить свое внутреннее и развиваться дальше на собственной основе, то человек достигнет только 28-милетнего возраста. Это многое значит, мои милые друзья! Это значит: если всё останется, как оно есть, то современное человечество в своем интеллектуальном и другом душевном развитии не пойдет дальше того, что достигается к 27 годам! И если в души современных людей не будет влито нечто для их дальнейшего развития, они будут достигать только того, что достигается к 27 годам.

Они останутся на весь конец своей жизни 27-летними: это великая тайна современного развития. В 6-ом послеатлантическом культурном периоде люди вообще не будут становиться старше 21-го года. И если ничего не будет сделано для укрепления их внутренней жизни, для усиления интеллекта, инициативы и воли, то наступит всеобщее раннее слабоумие. Люди будут вынуждены останавливаться в жизненном развитии, которого достигают к 21-му году. Дальнейшее было бы только пустым придатком.

Обдумаем это в связи с индивидуальностью человека. Представьте себе это ясно. Ведь человек должен становиться все более зрелым в своем индивидуальном развитии, в своих личных способностях. Ребенок, собственно, всегда материалист. Юноша становится идеалистом, но его идеалы абстрактны (вне реальной жизни). Только в последующие годы научаются строить свои идеалы, исходя из живой действительности, соизмерять их с реальной жизнью. Учтите, человек сегодня полностью дитя своей эпохи. Какое же сможет он пройти развитие - если в своей юности не получит он возможности воспринять духовное? Потому что только духовное создает почву для развития души. Если человек будет целиком предоставлен тому, что теперь является "духом времени", то пределом его развития будет возраст в 28 лет. Все последующие годы он останется на уровне 28 летнего. ("Возраст - орган восприятия". См. "Кармические лекции". Примеч. переводч.).

Можно, конечно, получив определенный импульс, выйти

за пределы 28 лет. Но правилом является обратное; то, о чем я вам сказал, это правило, вытекающее из законов развития. Человек, в своем душевном развитии не перешагнувший за пределы 28 летнего возраста, хотя ему уже 50, 60 лет, такой человек при известных обстоятельствах, может развить высокие абстрактные идеалы, но во внутренней душевной жизни он останется в возрасте учащегося со свойственной этим годам абстрактностью без проверки жизнью. А именно эта проверка жизнью делает человека в духовном смысле практичным, рождает осуществимые в жизни идеи, а не идеи, которые только прельщают (ослепляют) силой юности, но не пригодны для действительности.

Естественно встает вопрос, не может ли быть дан конкретный пример человека, типичного для нашего (времени) века, достигшего солидного возраста и в душевном развитии оставшегося на уровне 28-ми летнего? Конечно, если сегодня привести такой пример - в мире, ничего не желающего знать о действующих в развитии человека духовных законах, то тебя высмеют, как дурака. Но здесь, между нами, где мы уже так много говорили о духовном, может быть и можно, для большей ясности, сказать нечто совершенно конкретное. Почему же не может духовноиспытатель ответить конкретно своим друзьям, желающим глубже вникнуть в характерные черты своей эпохи?

После основательных исследований передо мной ясно встала, как характернейший пример, одна личность, обреченная оставаться 28-летней, какого бы возраста она не достигла, и это президент США Вудро Вильсон. Вы смеетесь, мои милые друзья, для меня это оказалось очень значительным опытом познания, разрешившим для меня многие загадки нашего времени. Я всегда задавался вопросом, почему так прельщают идеалы которые этот человек преподносит человечеству в различных нотах, и почему в жизни они превращаются в свою противоположность, обратное тому, что декларируется на словах. Да потому, что это юношеские идеалы, которые остаются неизменными (устойчивыми?), хотя человек, их высказавший, взрослеет годами. Это абстрактные идеалы юности, никак не укладывающиеся в действительность, не выросшие из действительности, и потому никак не приложимы к действительной жизни, в которой действуют не только внешние, материальные законы, но и законы духовного мира, особенно в социальной жизни человечества. Вудро Вильсон, он может мыслить только в области материального, не больше!

В 6-ом культурном периоде такой Вудро Вильсон, доживи он хоть до 100 лет, останется на уровне сознания человека 21 года. Так обстоит дело. В 4-ом культурном периоде индивидуальный, личный возраст человека, достигшего 35 лет, совпадает с идущим ко все большей молодости возрастом человечества, с 35-тилетием всего человечества. Эта встреча происходит в середине жизни человека и человечества. Отсюда изумительная гармоничность жизни грека. Но теперь человечество прошло дальше свой обратный путь, и не взрослеет старше 28 летнего уровня возраста. Свой путь взросления человек должен теперь проделать совершенно индивидуально и самостоятельно.

Видите ли, все это связано с миром, стоящим за чувственно воспринимаемым. Кое-что об этом вы найдете в моей книге "Духовное водительство человека и человечества". Но сегодня я хочу подойти к этому с другой точки зрения.

В первом послеатлантическом периоде человек, дожив в своем индивидуальном развитии до 48 лет, соединялся с возрастом человечества. Тогда, в первом периоде, на Земле еще сохранялся внутренний контакт между человеком и высшими Иерархиями. Существа, которых мы относим к Иерархиям Архаев или Духов Личности, тогда еще, в известной мере, спускались на Землю и включались в развитие человечества; они инспирировали, интуицировали человечество, одаряли интуицией. Благодаря тому, что человечество могло развиваться так долго, что человек только в поздние годы своей индивидуальной жизни вращался в возраст человечества. Благодаря этому здесь, на Земле, устававливалась особая связь человечества с Архаями. Во втором периоде такая же связь устанавливалась с Архангелами, в третьем - Ангелами. Но в четвертом, греко-латинском периоде человек был предоставлен себе самому. Значит в третьем периоде Ангелы еще спускались к человечеству, инспирировали, интуицировали человечество, дарили имагинации. Затем наступил греко-латинский период. Духи высших иерархий не могли уже так легко спускаться к человеку, человек должен был начать как маятник качаться вверх и вниз, вверх в духовное и вновь вниз в земное. Другими словами; человек сам должен был найти себя самого. Но теперь, в пятом периоде, мы вступили в эпоху, когда должно быть найдено обратное. Мы должны так усилить свое

внутреннее, чтобы постепенно, в течение этого пятого периода, собственными усилиями подняться к Ангелам, вновь найти их, дать им влить свои импульсы в наше развитие. Из своего внутреннего мы должны найти то, что человечество не может больше получать в дар от высших Иерархий.

Из сказанного ясно, для чего необходим материализм нашей эпохи. Были времена, когда человечество глубже проникало в духовные миры, потому что оно было старше, не было так молодо, как сейчас, когда оно изначально было ближе к духовным мирам, чем современный человек, даже в часы его смерти. Вам ясно теперь, в чем глубокие основы материализма, но здесь был заложен необходимый импульс, стремление найти то, что соединяет внутреннюю индивидуальную жизнь человека с духовным, выйти за пределы того, что он может получить от своего непосредственного окружения.

Не может вывести человека за пределы его 28-летнего возраста и воспитание, которое исходит от самого человека. Для этого должны быть изменены, спиритуализированы духовные соотношения. Если бы все продолжалось, как оно идет теперь, если бы духовноведение было выкорчевано под корень, если бы все шло, как оно идет само по себе, произошло бы всеобщее застопоривание на 28-летнем возрасте. Если бы исследование ограничивалось естественнонаучными лабораториями и клиниками, и тем, что может быть добыто таким путем, если бы ничто не было бы пробуждено во внутреннем человека, если бы не погрузилось в души людей никакое духовное существо, то продолжалось бы только то, что принесло наше время с его величием материализма; тогда развитие шло бы так, что люди оставались бы молодыми. Это было бы еще чем-то, если бы люди оставались бы молодыми, не только душевно, но и телесно. Но они бы старели и телесно. То, что жило во внутреннем, не соответствовало бы физически-телесному.

Сегодня обстоит еще так, что во многих отношениях именно из несоответствия того, что мы переживаем совместно с человечеством, в нашем внутреннем пробуждаются определенные силы. Совместно с человечеством мы можем достичь только 28-милетнего возраста. Но мы же живем в различных инкарнациях дольше 28 лет. И тогда, предварительно, когда человечество достигло только 27 лет,

еще остаются силы, которые затем, в жизни между смертью и новым рождением развиваются для Ангелов. Сегодня это еще так. Но когда человечество вступит в 6-ой период, душевное развитие в связи с тем, что его окружает будет заканчиваться к 21 году. К 21 году, что же к этому времени уже развито? Физическое тело к 7 годам, тело формообразующих сил к 14 годам, тело ощущений (чувствующее, ощущающее) к 21 году. Развитие только телесное. Душевное, если человек не развивает его из внутреннего, душа ощущающая, душа рассудочная или душа характера и душа сознательная, они тогда еще совсем не развиты. К 21 году развивается только телесное. Тогда, если бы не было воспринято побуждение из духовного, человек терял бы слишком много собственных сил на то, чтобы после смерти, между смертью и новым рождением, восстановить то, что он пропустил (не смог бы осуществить) в жизни на Земле.

Отсюда ясно, что конечная точка, достигаемая человечеством в его развитии, не случайна; она отвечает глубокой необходимости законов развития человечества, какими бы ошарашивающими, ошеломляющими они не были. Мы это сегодня видим на многих частностях. Фактически, в развитии человечества еще не было эпохи, когда люди были бы столь не склонны опираться на жизненный опыт. Сегодня каждый стремится возможно скорее стать умным-разумным. Почему? Потому что он подсознательно чувствует: к 28 годам я должен закончить. Воспринимать (познавать) еще что-либо после 28 лет - для многих людей сегодня абсурдная идея, вообще полнейший абсурд. Жить продолжают (дословно: продолжают разматывать жизнь), но учатся жизни только до 28 лет, точнее - до 27 лет.

Если иметь ввиду эту тайну развития человечества, становится понятным, что это не произвольное волеизъявление, когда говорят о необходимости духовного развития, что это подлинная необходимость, что в наше время человек в известной мере останется незавершенным, если он не воспримет импульсы из духовного. С этим сталкиваешься повсюду и повсюду, если не скользишь по жизни. Значителен тот факт, что многие люди вообще не способны вникнуть в определенный строй мышления, что они вообще не достигают 35-летнего возраста, что немногие имеют за душой то, что достигается более зрелым опытом позднейших лет.

Эти вещи надо осознать совершенно непредвзято и не предубежденно, и извлечь из них импульс к духовному. Если этого не сделать, то присоединишься к тем, кто тянет человечество к незрелой юности.

Да, есть мысли, есть узнания, даруемые нам духовноведением, которые - если мы должны в каждый миг быть готовы воспринять их, воспринять это глубоко врезающееся в душу. И так как духоведение вырастает именно из такого, врезающегося в душу, то мы и не должны удивляться, что оно встречает противодействие. Оно встречает его не просто из своенравия человека; это противодействие коренится в самой природе развития человечества.

Я говорю может быть парадоксально. Для современного человека парадоксально уже то, что когда идут обратно во 2-ой, 3-ий, 4-ий культурный период, то находят, что люди тогда, если они стояли на уровне современного развития, были - тривиально выражаясь - как бы "на ты" с Ангелами, Архангелами и Архаями, общались с ними. Да, для тех, кто сегодня не становится старше 28 лет, это, конечно, безумие утверждать, что люди общались на физическом плане не только друг с другом, как мы теперь, но находили взаимопонимание с Ангелами, Архангелами, Архаями. Утеряно древнее знание, поэтому эта мысль кажется теперь безумной. У Платона есть одно примечательное, очень важное место. У Платона - значит еще в эпоху, когда возраст человека совпадал с возрастом человечества в 28-35 лет. Платон сказал тогда: "Прежде чем духовный человек погрузился в чувственное и утратил свои крылья, он жил с богами в духовном мире разума, где все истинно и ясно" - Под этим подразумевает Платон не только жизнь до рождения, но жизнь в давние времена, когда люди черпали знания из общения с богами. Я говорю об этом в одной драме-мистерии (Примечание 79), где старый посвященный говорит об учителях древности, черпавших свои познания из общения с богами, то есть с духами высших Йерархий. Но определенные факты утеряны в ходе развития человечества и теперь, при современном положении вещей, совершенно не могут быть поняты.

Разрешите поделиться с вами одним и радостным, и огорчительным переживанием. Странно сказано не правда ли? Но это именно так. Радующим потому, что я должен упомянуть имя человека, очень дружелюбно принявшего мою

книгу "Размышления во время войны". Это Рудольф Кьеллен, политический обозреватель, живущий в Упсале (Примечание 80), уроженец северных земель, человек, охотно, в меру своих возможностей, раскрывающийся миру. Я не хочу его ничем задеть, раскритиковать, наоборот, я избираю этот пример потому, что Кьеллен принадлежит к числу наших друзей. Он написал недавно интересную книгу "Государство как форма жизни". Он хочет дать более глубокое понятие государства. Он рассматривает государство, как организм. С точки зрения того, кто обозревает эти явления и кто видит их, исходя из духовноведческого исследования, как должна была бы быть построена наука о государстве, если бы таковая была. Чтобы она была плодотворной для практической жизни. Читать эту книгу было для меня мучением, истинным мучением. Почему? Видите ли, Кьеллен не идет дальше постановки вопроса: Если мыслить государство, как цельный организм, а человек живет внутри этого организма, чем же является тогда человек? Ответ ясен: клеточкой. Для Кьеллена человек клеточка в государственном организме. Из этого положения исходя, многое строится в книге. Человек - клеточка, как мы имеем клеточки в своем организме; государство-организм, организованный из различных клеточек.

Видите ли, если исходить только из сравнения - мы и не видим здесь большего - тогда сравнивать можно все, что угодно. Любую мысль можно развить логически, если не стремиться к определенным выводам, можно сравнивать организм и с карманным ножом. Но дело ведь в том, чтобы проникнуть к действительности. Здесь же, едва берешь в руки книгу Хьеллена, тотчас попадаешь в тупик, в очень примечательный тупик. Организм состоит из клеточек, они примыкают одна к другой, каждая граничит с другими: организм является организмом именно потому, что они граничат между собой и из этого возникает взаимодействие. Дальше этого сравнение не может идти. Коротко: если хотят остаться в пределах абстрактной логики, можно любую богатую содержанием мысль развить в достаточно толстую книгу и вообразить, что она полезна. Но если есть стремление к действительному, то мысль надо развить, погрузить ее в реальное, в действительность - тогда только начинается познание. Я советую вам, прочтите эту книгу, это характерная, типичная для нашего времени книга. Купите ее, прочтите и испытайте мучения, о которых я говорил. Кое у кого возникнет мысль: что же можно сравнить с организмом, если применить

эту мысль к социальной жизни (людей) человечества? Только жизнь всего человечества на всей Земле. А отдельные государства можно сравнить с клеточками.

Жизнь всего человечества на всей Земле можно уподобить организму, а отдельные государства клеточкам, но не рассматривать государство, как организм, а человека, как клеточку. Жизнь государства вообще может быть сравнима только с растением. Ни с чем другим, только с растительным организмом; и если хотеть сохранить понятие организма, то надо бы представить организм и возникающего из него человека. Человек развивается за пределы жизни государства, он не может быть клеточкой в организме государства, он должен расти за его пределы. Это значит, что должна быть область развития человека, не совпадающая с жизнью государства. Человек должен подняться в духовные области, только своими низшими сферами общения включается человек в жизнь государства, а путь его - в духовный мир. государства, а путь его - в духовный мир. Интересно, как ученые прямо носом сталкиваются с тем, что в древние времена мистерий, где они еще были тогда, люди кое-что о них ещё знали. Кьеллен сам указывает на интересную книгу, написанную 50 лет тому назад, книгу Фустеля Куланжа, "Античный город". Он приходит к примечательному явлению, понятному как Кьеллену, так и самому Куланжу. Чем же было старое государство? Что же это было? - Куланж отвечает себе: Да, все старые государства основывались на культе. Почему? Государство было общиной богослужения, так как тогда еще чувствовали связь человека с духовным миром. Только тот мог быть влиятельным в государстве (дословно: задавать тон), кто был посвящен в мистерии и из них получал указания. В третьем и четвертом периоде было еще так. Люди узнают об этом на путях внешних исследований, но они не знают, как это понять, хотя об этом написано в учебниках истории.

Бесконечно грустно читать последние страницы книги Кьеллена, где видишь, что он хочет научно подойти к вопросу о древнем государстве, но совершенно беспомощен перед фактом: как раскрыть понятие о клеточке? Если хотеть осуществить идею Кьеллена, надо бы, собственно, обезглавить людей, так как, имея головы, они не могут принадлежать к такому государству, которое построил "научно" Кьеллен, потому что своим духовным они высоко поднимаются над пределами государства. Если наблюдать жизнь глубже,

раскрываются значительнейшие факты. Все, что сейчас называется наукой о государстве, само не знает, что хочет. Нет подлинной современной науки о государстве. Это все пустые рассуждения. Подлинная наука о государстве сможет возникнуть только тогда, когда осознают в конкретном связь человека с духовным миром, когда вновь будут знать, что в человеческой совместной жизни может быть организовано, и что должно свободно подниматься над организованным. Эти соотношения должны быть познаны из глубин. Здесь почувствуете вы, мои милые друзья, как эти вещи трагичны. Человечество должно в своем внутреннем осознать законы своего развития, должно ощутить их.

В частности - извините, что в заключительной части лекции я говорю о частности - когда осознаешь необходимость мыслить реально, многое ошеломляет. Мыслить реально значит мыслить духовно, так как если в мышлении не участвует духовное, то мышление не реально, оно становится беспочвенной абстракцией. Если сделали своей привычкой мыслить реально, то многое ошеломляет. Простите, если я приведу близлежащий пример, который может показаться тривиальным.

Ничто не импонирует мне так мало, как, так называемые, прекрасные, безукоризненные по форме, стихи, которые сегодня еще так нравятся людям. Немецкий язык имеет такое богатое прошлое и несет в себе также возможности дальнейшего развития, в нем как бы сами собой рождаются стихи и пишут их именно в незрелой юности, до 28 лет.

Люди привержены к старым формам, и подлинно художественное разрешение проблемы стихосложения часто не дает того, что сегодня считается прекрасным. Писать красиво удастся теперь очень многим, но дело ведь в том, чтобы продвигаться в развитии. Тот, кто ищет новые формы, часто создает более слабые произведения. Тогда, естественно, многие находят отвратительными эти попытки найти новые формы искусства, которые же еще очень несовершенны по сравнению со старыми, отработанными формами и по сравнению с тем, чего они могут достигнуть в дальнейшем. Я не собираюсь останавливаться на своем мнении о стихах, в которых господин фон Бернус в своем журнале «Райх» излагает антропософские мысли (Примечание 81). Но если даже тому или другому очень мало приглянулись по вкусу эти

стихи, все вы можете быть совершенно уверены, что господин фон Бернус без труда мог бы написать такие спичи, которые бы всем понравились, если бы он захотел этим заниматься. Не так же все просто. Но сегодня, когда действует так много противостоящей нам злой воли, так много извергается хулы на всё, что мы предпринимаем, журнал «Райх» выступил с доброй волей, с наилучшими намерениями. И он должен был бы уже в силу этой доброй воли встретить поддержку и покровительство, независимо от отношения к этому частному случаю. Поэтому мне было очень горько узнать, что господин фон Бернус был потрясен исходящими из наших кругов письмами, где резко осуждалось напечатанное в журнале. Гораздо больше оснований было реагировать на то, что направлено на дискредитацию нашего движения, на его подрыв. Вот и получается, что кое-кто, стремящийся оболгать всё, что исходит от нас, может утверждать: "Райх", находящийся под эгидой Штейнера..." Я ничем не связан с этим журналом, кроме того, что изредка, как и в других журналах, помещаю в нем статьи. Я его не основывал, это личное предприятие господина фон Бернуса, я ни за что в нем не отвечаю. Это могло быть известно и автору клеветнических слов: "этот журнал служит целям Штейнера", - в таком случае это прямая ложь. Нужно было бы радоваться, когда от стоящих совершенно вне нашего движения исходит нечто за него, для него. Но до сих пор мы неоднократно видели, что именно со стороны наших сочленов бросались камни на пути тех, кто шел навстречу нашему движению, что отклонялось, исполненное смелости и доброй воли стремление соприкоснуться с нашим движением; в то время как нисколько не заботились об исходящих со всех сторон бесчисленных поношениях и клевете.

Многое бы еще надо сказать. Я хотел однажды высказаться по этому вопросу. Хочу подчеркнуть, что я не имею намерения говорить о журнале "Райх" иначе как в порядке дискуссии. Это значит, посмотреть, не увидим ли мы за кажущимся несовершенством формы поиск нового? Для меня совершенно не имело значения то, на что обратили внимание многие, кто посчитал себя призванным к тому, что вообще не имело смысла и было безусловно бестактно - высказать в письме автору свое отрицательное суждение о его произведении. Это бестактный и ранящий путь. К тому, кто в напряжении душевных сил создал нечто, не надо обращаться с хулой. Даже если письмо было обосновано, он же не мог его понять, потому

что жил еще в своем произведении. Можно поделиться своими мыслями с другими, но не посылать их автору на дом.

Ну, мои милые друзья, все это относится, конечно, к немногим. Но в обществе уже так, что невинные связаны с виновными и страдают из-за них. Это то, что мне больнее, чем тем, кто пострадал от принятых теперь суровых решений. Еще нечто хотел бы я присоединить: те, кто в кругах нашего Общества скажут только о том, что я не буду больше проводить личные, персональные беседы, скажут только половину правды. Вся правда в следующем. Я безоговорочно освобождаю каждого из вас от обязательства сообщать содержания личных бесед. Дело вашей воли, если вы захотите сохранить в тайне, что-либо из сказанного лично вам. Оба эти факта тесно связаны, и это важно. Поверьте, в условиях поднятой в печати клеветнической компании принятые меры настолько необходимы, что исключений быть не может. Но никто не должен ничего потерять. Что может быть сообщено эзотерически, будет сообщено и в условиях полной гласности. Я найду пути и средства дать ответ на каждый эзотерический запрос, нуждающийся в удовлетворении. Будьте только терпеливы недолгое время. И без личных бесед найдутся возможности удовлетворить все закономерные потребности в эзотерической жизни каждого. Никто не пострадает из-за вторгшейся в наше Общество компании клеветы вокруг личных бесед со мною.

Хочу еще сказать, что я охотно привел бы еще что-либо, и глубоко связанное с тем, что может помочь нам в понимании нашей суровой действительности. И что я действительно не удовлетворен тем, что сумел сказать вам сегодня. Для тех, кто пожелает придти, я буду говорить еще вечером в четверг, 15 мая.

ЛЕКЦИЯ 11

Штутгарт, 15 - го мая 1917 года

В сегодняшнем заключительном обзоре еще нечто должно быть прибавлено к тому, что уже было сказано. Всего лучше, если я буду исходить из сказанного вчера в открытой лекции (Примечание 82). Мы видели, как существо души в своей троичности связано с телесным, и как оно связано с духовным. И мы особенно оттенили, что элемент чувства связан с телесностью вплоть до дыхания, что в известном смысле то, что в телесности мы называем системой дыхания, со всеми ее разветвлениями, является инструментом для этого элемента чувств. С другой стороны обратили мы внимание на то, что жизнь чувств особенно связана со всем тем, что в духовном мире принадлежит к области инспирации. То, что в духовном мире доступно инспирации, это же и есть тот мир, в котором мы живем той частью своего существа, которая идет от воплощения к воплощению, то есть мир, в котором мы живем между смертью и новым рождением, мир, в котором мы, само собой разумеется, живем и между рождением и смертью. Только этот мир сокрыт от нас восприятиями внешних чувств и привычными представлениями, то есть, жизнью нашей телесности. Так, что то, что соответствует нашему дыханию и нашим внешним чувствам, собственно, и является тем, что вводит нас во внешний, окружающий нас после смерти мир, мир, к которому мы принадлежим, когда не пользуемся больше инструментом нашей телесности. Пользование нашей телесностью, как инструментом, приковывает нас к земному бытию. Из различных лекций и циклов вы уже знаете, что, пройдя сквозь врата смерти, душа перестает быть прикованной к земному бытию, возносится в космос, чтобы жить в духовной жизни космоса, в том, что именно мы и называем духовным миром. Не естественно ли предположить, что жизнь чувств, телесно отраженная в дыхании, а духовно в инспирации - значит жизнь чувства и дыхания - во много, много более объемлющей связи открывает нам жизнь космоса, макрокосмоса, чем наши узко ограниченные впечатления внешних чувств и построенных на их основе представлений. Что же, собственно, воспринимаем мы органами чувств? Очень ограниченный отрезок мира; совсем небольшой отрезок мира проникает в наше сознание через наши телесные глаза и телесные уши. Даже если мы очень одаренные люди и держим в сознании и перерабатываем в представления все, что, воспринимаем нашими внешними чувствами, все же в нашем

сознании только небольшой отрезок мира.

Если от жизни нервов мы обратимся к тому, что относится к жизни представлений, к жизни дыхания, к области чувств - что мы увидим? Некоторое представление об этом, которое одновременно оживит наше восприятие, даст нам то, что следующим образом может выступить перед нашей душой. Вы все знаете, что Солнце весной восходит в одном определенном пункте. Ранней весной 21 марта восходит оно в определенном пункте. Но он не неизменен, вы это знаете. В давно прошедшие времена Солнце ранней весной восходило в созвездии Быка, затем в созвездии Овна; точка весеннего равноденствия перемещается по кругу Зодиака и вступила теперь в созвездие Рыб. Мы видим продвижение весенней точки по кругу Зодиака. Но если точка продвигается по кругу, то, конечно, же через определенный период времени она вновь возвратится на прежнее место. Обыденная астрономия знает об этом. Время, за которое весенняя точка совершает свой путь по кругу Зодиака, равняется, примерно, 25900 годам, округляя - 26000 лет. Значит, этим числом в 26 тысяч лет измеряется в космосе продвижение точки весеннего равноденствия по кругу Зодиака. Этим числом измеряется в космосе ход Солнца. Так, приближенно, мы можем сказать. Запомним это число и присоединим еще одно рассмотрение.

Человек вдыхает и выдыхает, делает в минуту определенное число дыханий. Это число не одинаково в разном возрасте, но может быть установлено среднее число дыханий у человека среднего возраста. Это, примерно, 18 дыханий в минуту. Подсчитаем, сколько же придется дыханий на 24 часа суток. Среднее число дыханий в минуту помножим на 60 и получим число дыханий в час - 1080 дыханий в час. Затем помножим это число на 24 и получим 25920! Это среднее число дыханий человека в сутки. Мы получаем то же самое число, что и число лет, в которые Солнце проходит в космосе круг Зодиака. Бесчисленные годы, всегда толчками, продвигается точка весеннего равноденствия; сколько толчков, столько дыханий у человека в сутки. То же число! Вдумайтесь, как изумительно оправдывается здесь библейское изречение: мудрость мира выражена в числе и мере (Примечание 83). Число, вписанное в космосе, вновь выступает перед нами в нашем дыхании в течение суток. Даже дыхание человека стоит в связи с жизнью космоса, в связи, которую мы обрисовали вчера в открытой лекции.

Рассмотрим еще нечто, что тоже является дыханием, так как дыхание ни что иное как особый вид (частный случай) всеобщего мирового ритма. Существеннейшее в дыхании, как это вчера было показано, это ритм, ритмическое движение. Рассмотрим нечто, очень близкое к дыханию, другое ритмичное движение, известное нам из наших духовноведческих обзрений. Когда мы засыпаем, наше "я" и наше астральное тело выходят из нашего физического тела и нашего эфирного тела; когда мы просыпаемся, наше "я" и наше астральное тело вновь входят в наше физическое и эфирное тело. Я часто сравнивал это вхождение и выход астрального тела и "я" с вдохом и выдохом при дыхании. Как мы, как физические люди, в 1/18 минуты вдыхаем и выдыхаем воздух, так в течении суток при пробуждении и засыпании мы, в известном смысле, вдыхаем и выдыхаем наше "я" и астральное тело. В течении 24 часов обычных астрономических суток повторяется это ритмичное выдыхание и вдыхание, выход в духовный мир астрального тела и "я" и их возвращение в физическое и эфирное тело. Это же процесс дыхания, здесь нечто дышит! Отвлечемся от того, что именно дышит: это подлинный ритмический процесс, как бы замедленный процесс дыхания, длящийся 24 часа. Вы знаете, в Библии говорится о патриархальном возрасте в 70-71 год. (Примечание 84). Это, конечно же, средний возраст. Иные люди умирают очень рано, другие доживают до 100 и более 100 лет, но среднее может быть найдено. Так что, если искать среднюю продолжительность жизни, то это примерно 70-71 год. Посчитаем, сколько это будет дней. Тогда мы получим сколько таких больших вдохов и выдыхов мы делаем за одну земную жизнь, вдыхая и вновь вдыхая свое астральное тело и свое "я". Подсчитаем. В год мы делаем столько таких вдохов и выдыхов, сколько дней в году. Примерно, 365. За 70 лет значит в 70 раз больше. Умножим 365 на 70 = 25 550. Но речь идет о 71 годе. Значит $25\ 550 + 365 = 25\ 915$. Получаем нечто более близкое. Человек должен прожить только совсем немного больше 71 года и тогда мы получим 25 920. Значит, если человек несколько перешагнул за 71 год, то он 25 920 раз выдыхал и вдыхал свое "я" и астральное тело, то есть столько же раз сколько в течение суток он сделал обычных вдохов и выдыхов. Вдумайтесь - опять то же число!

Итак, мы видим, что всю жизнь человека можно рассматривать, как один день, и отдельный день нашей жизни

как вдох и выдох: тогда наша жизнь в 71-72 года выражается в том же числе, что и движение весенней точки по кругу Зодиака, что и число вдохов и выдохов в течение суток. Наша жизнь это один большой день и величайшая Сущность, срединной точки, которой мы можем помыслить нашу Землю, выдыхает и вновь вдыхает "я" и астральное тело так же часто, как мы в нашей отдельной жизни. Тогда наша отдельная земная жизнь это день чего-то. Чего же? Умножьте 71 на 365 и тогда вы получите тот "год", который соответствует жизни человека в 71 год. Если 71 год посчитать одним днем, и поставить вопрос: что же является годом этого дня, то это 71×365 , но это же вновь 25 920! Это значит, если нашу отдельную земную жизнь с ее 25 920 вдохов и выдохов, которые являются ведь бодрствованием и сном, помыслим как один день и посмотрим какой же год соответствует этой отдельной человеческой жизни с ее 25 920 вдохами и выдохами, то он соответствует обращению весенней точки по кругу Зодиака - 25 920! Мы получаем изумительный числовой ритм.

Мы проникаем к идее, возвышающей нашу душу, так как через число и меру мы видим себя включенными в макрокосмос. Числа подтверждают наше познание того, что же, что относится к дыханию и тем самым к жизни чувств, это мир инспираций, огромный мир, к которому мы принадлежим не только в жизни между рождением и смертью, но и в жизни между смертью и новым рождением, и в сменяющихся инкарнациях. Мы как бы в лоне ритма всей нашей Солнечной системы, дыхательные движения нашей отдельной жизни - в общем ритме всего макрокосма, всей солнечной системы.

В ходе времен людям откроются еще различные, подобные наблюдения и они удостоверятся в том, что на этом пути они вновь придут к исполненным духа познаниям связи человека со Вселенной. Нашей эпохе и последующим эпохам необходимы исполненные духом прозрения - в том смысле как об этом говорилось (см. лекцию от 10. X.) как побуждение ко внутренней жизни. В древности просветление давалось человеку в известном смысле извне. Это утрачено сегодня, в связи с обратным ходом развития возраста человечества. Мы находимся сейчас в эпохе, в которую человечество может избежать полного упадка только энергичным развитием внутренней душевной жизни, развитием, опирающимся на собственные силы души. И только тот действительно понимает потребности своего времени, кто, как необходимейшую

потребность земного развития, постигает необходимость того, чтобы человечество было охвачено духовностью. Духовноведение говорит об этом, не исходя из какого-либо личного волеизъявления или агитационных устремлений, оно говорит из осознания законов развития человечества.

Взглянем на развитие человечества еще раз, с несколько иной точки зрения. Вернемся в первый послеатлантический период, то есть ко времени непосредственно после Атлантической катастрофы. Мы неоднократно подчеркивали, что это было время, когда человек непосредственно общался с Сущностями, которых мы называем Архаями или Духами Личности. В эти древнейшие времена духовная жизнь была еще непосредственно открыта для человека, так как возраст человечества в его обратном развитии был таков, что его можно сравнить с современным возрастом от 56-48 лет, как я подробнее излагал это позавчера. Человек в известной мере получал как бы непосредственные указания от духовных (Существ) Сущностей. Как общались с человеком эти духовные Сущности? В те далекие времена человек воспринимал природу не так, как он видит ее сегодня. Сегодня природа для человека нечто как бы механически организованное. Абстрактная организованность, абстрактные, почти математически выраженные законы - вот идеал для современного человека. Оглянитесь на картину, простирающуюся вокруг нас, когда мы выходим в природу. Сравните то, что там во вне вокруг нас с тем, что написано о растениях и животных в учебниках по ботанике и зоологии. Сравните эти искаженные абстрактные представления с живой жизнью, и вы поймете: в этих книгах по ботанике и зоологии стоит то, что сегодня открывается в природе человеческому духу. Такая ботаника, такая зоология, которыми так гордится современное человечество, не могли существовать в те давние времена. Если сравните то, что сегодняшние ботаника, зоология и биология могут сказать о природе, о том, что в древние времена всходило как ростки и расцветало, ветвилось в природе для человеческого сознания, то мы приходим к совершенно другой душевной настроенности. Такая ботаника, такая зоология были тогда совершенно невозможны; было и нечто другое, что очень мало понятно современному человеку. Оно шло от самой природы. Я назвал бы это исполненным света звучащим Словом. Такой, как мы теперь нашими чувствами и нашим сознанием воспринимаем природу, такой ее те люди не видели; она посылала им световые образы, и эти

световые образы звучали, говорили, высказывали себя, свою сущность. И каждый человек в известных состояниях своего сознания мог переживать это атаквистическое ясновидение, когда природа звучала ему навстречу, исполненным светом, высказывающимся Словом. Можно употребить такое выражение: Слово - так как это было соединение образов, звучащих из природы, высказывающих себя. Человек знал: и ты принадлежишь к этому миру, из которого исходят эти исполненные светом Слова. Ты тоже принадлежишь к этому миру. Но теперь ты в природе, где тебя окружают минералы, растения и животные. Ты здесь в природе потому, что несешь на себе внешнее физическое тело; через свое тело принадлежишь ты природе. Но из нее, из природы звучит (произрастает) исполненное светом Слово: ты принадлежишь этому свету своим душевным существом, как своим плотским телом ты принадлежишь миру минералов, растений и животных. В этом мире света, оформленного в свете Слова, ты был до своего рождения или зачатия, и ты вновь будешь в нем после своей смерти. Ты вновь будешь жить в нем.

В первом послеатлантическом периоде, когда в определенном состоянии сознания воспринимали природу, слышали еще отзвук и видели отблеск мира, в котором живут между смертью и новым рождением. Во втором послеатлантическом периоде было несколько иначе. Тогда для этого атаквистического состояния сознания погасло Слово. Образы еще были, исполненные светом образования еще были, но они больше не раскрывали себя в Слове, они были немые. То, что во вне открывалось внешним чувствам, воспринимали как затемнение в этом полном света, внутренне оформленном; и свое тело воспринимали, как часть этого затемнения. Говорили о себе: свет и темнота. Свое тело воспринимали охваченным темнотой. Когда оно из света погружается в темноту, или через рождение (или зачатие) вступает в земную жизнь; когда человек проходит через врата смерти, он сквозь темноту вновь поднимается в свет. В мире идет борьба между светом и тьмой, между Ормуздом и Ариманом. Так говорил своим ученикам Заратустра, духовный водитель второй послеатлантической культуры. Мы не понимаем учение об Ормузде и Аримане, если не соотносим его с мироощущением человека той эпохи.

В третьем послеатлантическом периоде для взгляда во внешний мир это восприятие исполненных света образов

постепенно утрачивается. Но люди еще обладали силой погружать себя, как мы теперь погружаемся в сон, в особое состояние, промежуточное между бодрствованием и сном. Они должны были только употребить небольшое усилие. Чтобы (достигнуть) заснуть, не надо ведь напрягаться, для этого же особого состояния надо было употребить усилие. Но если употребляли усилие, то могли как бы наколдовать вокруг себя световой мир, подобный тому, что раньше сиял из природы, а теперь он возникал из внутреннего. В чем же состоял переход от II-го к III-ему, египто- халдее-вавилонскому периоду? Во II-ом персидском периоде люди, направляя взгляд во вне, видели световые облики и могли сказать себе: до момента моего зачатия моя душа принадлежала к этому миру света. Извне во внутрь в III-ем культурном периоде этот свето-формообразующий мир уже не сиял человеку, но он мог его воссоздать своим усилием; из себя самого мог он тогда наколдовать себе, своей душе то, что до его рождения было его окружением и что будет окружать его после его смерти. Так что можно сказать, в III-ем послеатлантическом периоде этот свето-формообразующий мир был внутренним переживанием души. Этот мир света человек имел как внутреннее душевное переживание. Человек был, в известной мере, обращен от внешнего мира к внутреннему. Для человека не было больше закономерным природным явлением смотреть во внешний мир и видеть мир света, то есть видеть вокруг себя духовный мир. Поэтому в этот период стало необходимо всегда иметь небольшой круг людей, посвященных в Мистерии, которые получали возможность вновь видеть во внешнем этот мир света и свидетельствовать о том, что то, что встает в душе, действительно соответствует тому, что живет в окружающем духовном мире.

Наступил IV-ый послеатлантический период, греко-латинский. В IV-ом периоде, когда человек входил в это особое состояние между бодрствованием и сном, ему не сиял больше Свет, как это было в I-ом периоде. Свет больше не сиял, не вставал из глубины его существа как отзвук жизни души до зачатия и после смерти. Но возникала уверенность, что внутренняя жизнь человека исполнена душевности. Эта убежденность возникала. Ощущали еще нечто от того, что раньше видели, когда направляли душу на созерцание. Не воспринимали больше свет, но еще чувствовали тепло исходившее от света. Так было в греко-латинский период. Можно сказать: во внутреннем переживании не воспринимали

больше светообразующий мир, но как душевное переживание воспринимали саму душу.

Но в ходе времени это чувство должно было становиться все слабее. Что же происходит дальше? Если мы хотим понять, что происходит, обратимся к сознанию греков. Как и средний человек нашей эпохи, греки ясно осознавали собственное тело. Но - я уже описал - они осознавали и то, что это тело пронизано душевностью. Они чувствовали жизнь души, ощущали душу, как дающую жизнь телу. Это чувство, которое еще было живо у греков, утеряно. Что история не пишет о том, что это чувство утеряно, это результат материализма. Никто в действительности не понимает Гомера, Софокла или Эсхила, если он читает их без чувства, что греки имели другое мироощущение, чем современный человек. Если бы Эсхила читали с этим чувством, то мы имели бы другие переводы, чем те, что нам предлагают сейчас, которые иногда вызывают недоумение и которые в существеннейших оттенках далеки от подлинного Эсхила. Грек именно в жизни между рождением и смертью чувствовал в теле оживляющую его душу, и это давало ему еще одно ощущение: ощущение единства тела и души. Ни в одну эпоху не было это ощущение так живо, как в греко-латинскую. Так как в эпохи, предшествовавшие греко-латинской, люди все время имели чувство, что душевное принадлежит миру Света, миру Слова, Логоса - миру, в котором человек живет до рождения и после смерти. Теперь, в эпоху материализма, человек чаще всего вообще не чувствует душевное. В эпоху Греции и, несколько ослабленно перенесенное в сухую, рассудочную эпоху римско-латинского, было еще живо это восприятие внутренней сопринадлежности тела и души. Грек рассматривал тело, как внешнее выражение души, и расцвет и разложение физического тела, как расцвет и гибель душевной жизни. Грек любил тело так же, как он любил душу. Этого ощущения, как оно жило в Греции, в такой форме, не было в предшествующие времена - как я это только что пояснил - и его нет и в наше время. Результатом этого было чувство, так глубоко выраженное в словах, вложенных в уста Ахилла: "Лучше быть нищим на небесах, чем царем в царстве теней." (Примечание 85) Это чувство чудесной гармонии между телом и душой грек оплатил полной потерей - если он не был связан с Мистериями - представления о путях души после смерти, говорил о ней так, как могли говорить в эпоху, когда живо ощущали единство души и тела.

Когда затем в средние века философия Аристотеля была вновь оживлена в так называемой схоластике, то говорили: философски надо мыслить о душе, как о ней говорил Аристотель. Если хотите сказать о ней больше, то надо обращаться к религии. Опираясь только на человеческое мышление (исследование), нельзя пойти дальше Аристотеля. Как же рассуждал Аристотель, точнейший в философии выразитель греческого мироощущения единства тела и души? Он пришел к тому, что так удачно выражено в словах недавно умершего замечательного аристотелеведа Франца Brentano (Примечание 86): - если человек потерял какой-либо член тела и не может продолжать им пользоваться, он, конечно, уже неполноценный человек. Если он потерял два члена, он еще менее полноценен. А если он потерял все тело - так говорит Аристотель и вместе с ним Brentano - и после смерти остается душа, чего Аристотель не отрицает, то он - в сравнении с тем, чем он являлся в жизни между рождением и смертью - находится в состоянии неполноценности. не является полноценным человеком. И, по существу, это и есть бессмертие в понимании Аристотеля, великого мыслителя греческой эпохи: только здесь на Земле, между рождением и смертью, является человек полноценным человеком. После смерти он только часть человека; он бессмертен, но ценою того, что после смерти он больше не целый человек. Это фактически было тем, чем оплатило греческое свою красоту, свою гармоничность. Оно вступило в тот возраст человечества - вы знаете, в сравнении с возрастом человека - когда, из внутреннего исходя, хотя еще могли чувствовать душу, но не могли созерцать ее жизнь в духовном мире, когда были вынуждены сказать: после смерти он уже неполноценный человек. Только тем, кто был посвящен в Мистерии, только тем, у кого были развиты силы познания, превышающие нормальные для той эпохи, только им открывались переживания души в жизни между смертью и новым рождением. Платон был посвящен в Мистерии, Аристотель - нет. Поэтому Платона надо понимать совсем иначе чем Аристотеля, поднявшегося к вершинам мышления, но для которого духовный мир был закрыт.

Поэтому те, кому в тот период это было доступно, стремились пробиться к иному, чем то, что было тогда нормой: Кто были эти люди, в чьих силах, в чьих возможностях это было? Был обширный значительный мир инициации, через Мистерии, он проникал и наполнял культурную жизнь эпохи.

Мистерии давали людям то, о чем Платон говорил, что оно поднимало человека над трясиной преходящего. Те, кто в этом 4-ом периоде имели эту возможность, в своей душе искали возможность стать причастными духовному. Согласно общей карме человечества, в ту эпоху этот путь лежал через Мистерии, через терпеливое ожидание посвящения в Мистерии. В Греции это было твердо общеустановлено. Римских цезарей это не устраивало. Римские цезари, стремившиеся стать владыками всего известного тогда мира, могли употребить свою власть и на то, чтобы принудить посвятить себя в Мистерии. Уже начиная с Октавиана Августа (30 г. до н.э. - 14 г. н.э.), римские цезари силой своей власти добиваются от той или другой группы жречества посвящения в Мистерии. Так что в этом 4-ом периоде мы имеем: с одной стороны мистериальный принцип, мудрость Мистерий, которая еще тогда была, но постепенно угасала, шла к упадку - я часто объяснял неизбежность этого: на смену древним Мистериям шла Мистерия Голгофы - с другой стороны - жречество, вынужденное раскрывать тайны Мистерий римским цезарям. Октавиан Август был первым императором греко-римской эпохи, посвященным в тайны Мистерий; и его приемники были такими посвященными. По самому существу своему они отличались от тех посвященных, инициированных, которые путем внутреннего морального развития вступали в Мистерии. Великие цезари получали доступ к тайнам Мистерий путем насилия, используя полноту своей власти, вынуждая жречество раскрывать свои тайны.

И вот видим мы, что и такой преемник Октавиана, как Калигула (37-41 г. н.э.), был инициированным. Именно путем насилия такой человек, как Калигула, был введен в тайны духовной вселенной. Он был ознакомлен с тем, как импульсы вселенной оживают в душе, с тем, что "Я" человека божественно и находится среди божественного. То, что, как святая истина, вызывало смирение у посвященных в Мистерии, стало для цезарей символом внешнего мирового могущества. Так как - что было известно такому Калигуле? Что же знал такой Калигула? Другие глядели, уставившись, на образы древних мифологических богов, обращались к ним с молитвой. Такого рода посвященный, как Калигула, знал, что скрывается за этими образами богов. Он знал, что своим внутренним существом человек принадлежит к этому миру богов. Из опыта знал Калигула, что он принадлежит к тому самому миру, что и существа, которых обозначали именами богов: Вакха,

Геркулеса, Меркурия, Аполлона, Зевса. Калигула знал тайну как, в подобном случае, общаться с богами сферы Луны. И это не выдумка, а действительная правда, что Калигула, как говорили, во сне - подразумеваемая другое состояние сознания - общался с богиней Луны и питал этим сознание своего могущества. Он говорил себе: во мне живет мир, так как я в этом мире. Когда он взирал на богов, он и себя видел богом среди богов. Инициированные римские цезари совершенно серьезно смотрели на себя, как на богов. Посвященный жрец знал, как подняться к обители богов, и римские цезари вынуждали открыть им этот путь. "Мой брат Юпитер", "Мой брат Зевс", - эти слова постоянно произносил Калигула. И этот Калигула однажды задал одному трагику вопрос: кто больше, он, Калигула, или Зевс? И так как тот не захотел сказать, что Калигула больше Зевса, он велел его бичевать. Это не выдумки, это исторические факты. Отсюда и процессии, на которых Калигула являлся народу, как Вакх с жезлом и в венце из плюща. Он считал, что может превращаться в образы, которые, как он знал, были отображением богов. Как Геркулес появлялся он с палицей и шкурой льва, как Меркурий с посохом Гермеса, как Аполлон в короне из лучей и в окружении хора. Он появлялся так перед народом, чтобы внушить ему мысль, что он принадлежит не к людям, а к богам. Так было в то время, когда римский мир являл, можно сказать, искаженную картину того, что было прекрасным в древней Греции. Конечно, никто не понимал этого лучше, чем сам Калигула или другие инициированные императоры, как Коммод (180-192 г.г н.э.) или другие. Однажды Калигула услышал о судебном процессе, на котором судья приговорил подсудимого к смерти. И когда ему сообщили об этом, так как это был исключительный случай, он сказал: точно так же можно было приговорить к смерти самого судью, так как они равноценны. Таким видел он моральный облик своих современников. Римское действительно противоположно греческому. В наше время совершенно не имеют представления о внутреннем моральном облике Рима в эпоху цезарей. Но представление об этом надо иметь, так как римское один из корней нашей, 5-ой культурной эпохи.

И Нерон был таким посвященным, инициированным императором. И поэтому в кое-что он мог вникать. Те, кто в те времена были посвящены в Мистерии, знали: с известного момента развитие шло вниз к упадку; оно должно вновь подняться, и оно должно стать более одухотворенным. Это и

есть то, что подразумевается под словом Паруси ("парусия") - второе пришествие, под новой эпохой, о чем говорил и Христос Иисус.

Если сравнить то, что жило во все эпохи, вплоть до греческой, с позднейшим временем, то станет ясно: в эти древнейшие эпохи душевно-духовное еще открывалось через телесное. Затем это прекращается; оно не открывается больше в телесном, его надо искать на иных путях. Если человек будет искать душевно-духовное в том, что он видит глазами, слышит ушами, он его не найдет. Прежде небесные миры открывались через телесное, теперь они должны открываться духовно. Небесные миры должны приблизиться. Это смысл проповеди Иоанна Крестителя. И это то, что подразумевает Христос Иисус под вторым пришествием. Теологи до сих пор стоят на странной точке зрения, что Христос подразумевал под Параси физическое изменение Земли. И Блаватская понимает слова Христа Иисуса о Параси как земное явление Царства Небесного. Она говорит: Тогда было высказано, что Царства Небесные придут на Землю, но хлеба (злаки) не стали лучше, грозди винограда не стали богаче, чем прежде; Небеса не пришли на Землю (Примечание 87). Все, кто так думает, не понимает сказанного. То, о чем говорил Христос Иисус, о чем говорил Иоанн, это уже произошло. Небесные Царства спустились на Землю, когда Христос воплотился в теле Иисуса из Назарета. Это должно быть понимаемо духовно.

Такой инициированный, как Нерон (54-68 г.г. н.э.), тоже знал об этом; он опирался на данные Мистерий. Его охватила действительно безумная идея: если мир идет к упадку, то пусть он и погибнет! - Это по существу и было психологической основой его приказа сжечь Рим - этот приказ действительно был отдан - он хотел иметь зрелище пылающего Рима, чтобы пожар затем охватил весь мир - он ни во что не ставил весь этот мир. Он не хотел обновления, которое несла Мистерия Голгофы. Все же был он, хоть и безумным, но гением. Силой своей неограниченной власти он вынудил посвящение в Мистерии, поэтому все его идеи были грандиозны, величественнее, чем у других, не имевших этой базы. В известной мере Нерон - первый психоаналитик, но широкого плана, не типа Фрейда и ему подобных, так как он обожествлял телесное, стремясь, действительно как психоаналитик, поднять духовно-душевное из недр подсознательного. Сегодняшний психоаналитик говорит: Что же находится там, в глубинах

души? Разочарования, всевозможные истлевшие переживания и так далее. И тогда он говорит: там, в глубине души трясина животности, ничего прекрасного там нет. Когда сегодня слышишь психоаналитика, то кажется, что описывается поле, только что обработанное навозом и засеянное семенами, но описывающий видит только удобрение, навоз. Психоаналитик видит в душе только то, что действительно является навозом, само собой разумеется, это сравнение. Он не видит в душе ее вечное, то, что идет от воплощения к воплощению. Психоаналитик так опасен потому, что он, хотя и углубляется в подсознательное, но видит ни духовно-душевное сущностное ядро, а только животные инстинкты, как если бы видели не укореняющие семена, а только удобрение. Нерон был великим психоаналитиком, говоря: в человеке нет ничего, кроме животных инстинктов, все остальное (растет) попросту иллюзия; раньше, когда люди были еще близки к божественному, было по другому, но теперь в человеке нет ничего, кроме животной основы, нет ни малейшей частицы целомудрия, все в человеке пришло в упадок. Так говорил Нерон. На этом мы можем увидеть, почувствовать, как при посвящении насильственным путем, весь мир представляется грубо материализованным. Древнее духовное инициирование у этих императоров было перенесено в грубо материальное. Император Коммод считал себя не только инициированным, но и инициатором. И когда он хотел произвести инициацию, он убил иницируемого. Вместо того, чтобы провести его через духовную смерть, то есть вручить его пробуждению. Он убил его! Таким инициатором был Коммод. Это исторический факт.

Мистерия Голгофы была именно в этой 4-ой эпохе. И так как духовно- душевное не может больше светить сквозь внешнюю субстанцию материального, оно должно вновь подняться в духовное. Мистерия Голгофы дала импульс этому подъему, во внутреннее, духовное. Мы живем в 5-ом периоде, когда этот подъем только в начале, когда в людях еще сильно гротескное влияние эпохи Рима, противостоящее тому, что принесла с собой Мистерия Голгофы. И поэтому понятно, что в этом 5-ом периоде преобладает материалистический образ мышления и материалистическое восприятие мира.

Мистерия Голгофы дала толчок, так что великая развращенность Рима несколько ослабела, но человек еще не поднялся к тому, чтобы в его душе вновь естественно засияло духовно-душевное. Для этого необходимы дальнейшие

импульсы, необходимо интенсивное фундаментальное углубление в импульс Христа. Христов импульс должен все глубже входить в жизнь. Обычный человек 5-го периода, погружаясь в себя, не переживает свою душу. Это чувство внутреннего переживания своей души, у нормального человека 5-го периода утрачено. Человек воспринимает себя в переживании своего тела, он воспринимает себя, как тело, как природное тело.

Самопереживание в теле! Поэтому, в частности, исчезло знание о душе, и теряется оно все более. Это духовно-душевное именно изнутри должно подняться вновь. Пятый культурный период, он же еще только в самом начале, он начался только в 1413-1415 годах. В 5-ом периоде человечество будет развиваться так, что духовное все больше будет подниматься во внутреннем человека. Но именно в области душевного приобретает значение одно особое обстоятельство: в человеке возникает нечто материальное, что прежде не было столь грубо материальным, именно само мышление. Такого мышления как наше современное, ни греки, ни тем более египтяне, халдеи или древние персы, не имели, оно было невозможно в те эпохи. Еще в Греции до известной степени были живы имагинативные представления; в более ранние времена они были еще живы. Кто действительно сумеет читать Аристотеля, тот у сухого Аристотеля увидит действенные имагинации, так как мышление еще происходило в значительной мере в эфирном теле. Современное мышление совершенно погружено в физическое тело, стало полностью мозговым мышлением и поэтому приобрело тот абстрактный характер, которым так гордятся наши современники. Мышление, ставшее совершенно абстрактным, это мышление действительно связано с материальной материей мозга. Это мышление, согласно важнейшим импульсам эпохи, должно быть вновь углублено, иначе оно будет становится все материальнее. И пока мышление становится все материальнее, все материалистичнее становится и жизнь. Основные идеи эпохи, которые должны бы действовать как импульсы, остаются абстрактными - это характернейшее для нашей 5-ой эпохи.

Было время, когда абстрактность, как жизненный принцип, достигла своей вершины. Все необходимо - поймите меня правильно - я не хочу все подряд подвергать критике, я говорю не исходя из симпатий и антипатий, я характеризую

научно. Я не порицаю того торжества, что была эпоха абстрактных мировых идей, не поймите меня так. Эта эпоха была тогда, когда с величайшей абстрактностью были провозглашены идеи: Свобода, Равенство и Братство. С чистой абстрактностью, были они провозглашены. Я говорю не из консерватизма или реакционности, я характеризую развитие человечества. Призыв к Свободе, Равенству и Братству, раздавшийся в конце 18 века, звучит не из душевного, но из мыслящего мозга. И в 19 веке это развивалось дальше, так что мы и сегодня чувствуем его отзвуки. В ходе 19 века люди срослись с абстрактным мышлением, оно их удовлетворяет, они кажутся себе тогда такими умными. Они думают, что мышление открывает им истину и не испытывают потребности погрузиться своим мышлением в подлинную действительность, этому надо вновь научиться, иначе останется только декларирование абстрактных идей, не имеющих значения для жизни.

Это великое бедствие наших дней: декларирование абстрактных идей, лишенных жизненной ценности. Когда сегодня провозглашается, что наступит время, когда одаренному будут открыты все пути, когда каждый одаренный найдет свое место - что же может быть прекраснее этой идеи? Разве это не идеал, открыть путь одаренному! Из сегодняшнего материалистического времени исходя, произнося такой идеал, думают порой вместить в него всё будущее. Но что дает такой абстрактный идеал, если попрежнему одаренным считают своего зятя или племянника? Дело не в признании, высказывании и провозглашении абстрактного идеала, дело в том, чтобы уметь душой погрузиться в действительность, эту действительность в ее жизненности разглядеть, познать, вникнуть в нее, пережить, обработать. Произносить прекрасные идеи и удовлетворяться их провозглашением - это будет все более вредоносным. Любовь к действительности, познание, внимание к ней - вот что должно войти в наши души. Но это может наступить только, когда люди вновь научатся познавать действительность во всем ее объеме, - так как действительность чувственного мира только внешняя оболочка подлинной действительности.

Если тот, кто увидит магнит в форме подковы, скажет, что им лучше всего подковать копыта коня, - видит ли он тогда всю действительность? Нет, только если он узнает, что там внутри в железе сконцентрированы силы магнита, только тогда будет

перед ним вся действительность. Но как и тот, кто не находит лучшего применения магниту, как только подковать им копыто коня, так же рассуждает и тот, кто хочет основать естественные науки или науку о государстве с предпосылкой, что существует только то, что видимо глазу и что может быть полностью охвачено представлениями, взятыми из воспринимаемого зрением мира. Это является важнейшей абстракцией, вредностью абстрактных идей. И этой вредности не видят, потому что хотя эти идеалы истинны, хотя они сами по себе и хороши, но они бездейственны. Они служат только человеческому познавательному эгоизму, наслаждению, испытываемому от жизни в этих идеалах. Но не эти абстрактные идеалы управляют жизнью. Ими управляется только такой мир, каким он стал в первой половине XX века.

Если хотеть глубже понять свою эпоху, надо все это иметь в своем сознании и чувстве. В человеке должна стать живой жизнь души. Постепенно, как я это описал, ушла она из нашего окружения, из зримого окружающего нас мира. Но идеи должны вновь стать конкретными, живыми. Братство - прекрасная идея, но, абстрактно выраженная, она лишена смысла. Если знают, во-первых, что человеческая душа через тело и в теле живет здесь на физическом плане, что здесь она телесно-душевна, душевно-телесна; если знают, во-вторых, что человек не только душевно-телесное, но действительно душевное существо; если знают, в-третьих, что душа пронизана духом, если знают, что душа трехчленна, что человек являет собой сочленение тела, души и духа, тогда мы заложили начало понимания конкретного содержания абстрактных идей Свободы, Равенства и Братства. Сказать об абстрактном человеке, что он должен жить в Свободе, Равенстве и Братстве, это пустая фраза. Надо иметь живое чувство, что, когда человек в физическом мире, в физическом теле, он нуждается в социальной организации, построенной на действительном братстве, и что это братство может быть правильно понято, только если мы мыслим человека воплощенным в теле. Это основа для правильного понимания идеи братства. Идея братства построена на понимании троичности человеческого существа, так как телесное и обращена она к телесному человеку. Свобода требует знания о душевности человеческого существа, так как телесное никогда не может быть свободно. Нет никаких данных о свободе телесного. Развитие человечества идет к развитию свободы душевного. Как всеобщий принцип развития, свобода -

абстракция. Конкретная идея - свободные души в братски живущих людских телесностях. Равенство - в духе. Народная мудрость выразила это в словах: После смерти все равны. Имели ввиду духовного человека. Говорить о равенстве можно только, имея ввиду духовного человека, третий член человеческого существа. Наполненным жизнью должно стать это чувство: каждое человеческое существо здесь на Земле живет в теле, душе и духе. Развитие должно идти так, чтобы телесности жили в братстве, души в свободе, духи - в равенстве. Сегодня у нас нет времени остановиться на этом детальнее, но вам уже ясно коренное различие между абстрактными идеями Свободы, Равенства и Братства и пронизанными знанием конкретными идеями, обращенными к реальной действительности.

Но в чем причина этой абстрактности? Ну, человечество совершенно утратило представление о том, что сравнительно не так давно было Истиной Мистерий: что человек состоит из тела, души и духа. Во времена греков это было еще само собой разумеющимся. Для первых отцов церкви это тоже было само собой разумеющимся. То, что лежало в основе упадка человеческого развития - это развитие требует нового импульса из принципа Христа - нашло свое выражение на константинопольском Соборе в 869 году в утверждении догмата об изъятии духа (понятия духовности в человеке). Простите резкость выражения. Это же только внешняя констатация того, что утвердилось в сознании человечества в связи с описанными мною фактами. С этого момента в теологии было запрещено учение о троичности человеческого существа, о том, что человек состоит из тела, души и духа. Учили: человек состоит только из тела и души, как и сегодня учат профессора философии. И когда такой Вундт или другой профессор философии наших дней понятия не имеет о троичности человека и говорит все время только о теле и душе, то ему и в голову не приходит, что он только следует указаниям Константинопольского Собора 869 года. Он не знает, что его учение только копирует решения этого собора. Да, так называемая "непредвзятая" наука, если поточнее углубиться в её историю, полна ясно выраженных предвзятостей. "Свободную от предвзятости" науку, в области философии, нельзя и помыслить вне решений Константинопольского Собора, только сами ученые мужи об этом не знают.

В ходе развития человек потерял знание о своей трехчленности; это знание должно быть ему возвращено духовноведением. Отсюда было необходимо с полным сознанием сейчас первое, что я пытался симптоматически сделать действенным как раз в нашем средне-европейском, антропософски ориентированном духовноведении, структурно пронизанном, именно в книге "Теософия" членением человека на тело, душу и дух. На этом построена вся книга. Это необходимо решительно все снова и снова ставить перед человечеством, чтобы оно постигло из развития трехчленного человека.

Вы видите, как вплоть до частных совпадает все, когда стоят на почве духовноведения. Оно предназначено к тому, чтобы пробудить такие представления, такие чувства и волевые импульсы, которые сделают нас действительно сотрудниками в развитии нового человечества. Я всегда стремлюсь вызвать в вас чувство, что духовноведение не имеет права оставаться заботливо выращиваемой теорией, учением; оно не может быть (подобным науке) подобием науки, не должно быть накоплением знаний; оно должно стать подлинно живой внутренней жизнью души. Это представляется мне гораздо более значительным, чем одно только обогащение сознания понятиями, что, конечно, тоже нужно, так как если что-либо должно быть оживлено, то оно вначале должно быть охвачено понятием. Понятия нам необходимы, но они не должны быть мертвыми, они должны стать полными жизни. Если духовноведение принимается реально, оно охватывает всего человека, воздействует на всего человека. Но надо, чтобы весь человек, и чувством и волей раскрывался духовноведению, только тогда он правильно живет в нем. Но мы никогда не должны терять любовь к подлинному познанию и к самому развивающемуся человечеству. В наше время эта любовь еще слабый росточек. И понятно, хотя и бесконечно грустно, что в духовноведческом движении порой личные интересы очень некрасиво искажают этот нежный росток любви, и ненависть правит свои органы именно у тех, кто подходит к духовноведению не из чистой жажды познания, но кто подходит так, что если их тщеславие не удовлетворится, то их кажущаяся любовь превращается в ненависть. Победить ненависть может только подлинная любовь, мнимая любовь часто именно рождает ненависть.

Если мы это почувствуем правильно, то мы разберемся в

явлениях, на которые я уже дважды указывал, в тех явлениях, которые так печально пронизывают жизнь нашего Общества, когда полные злобы ненавистники рождаются именно в кругах Антропософического Общества. Мы не победим эти явления, пока мы подвластны одному фактору эпохи материализма, которому мы так охотно отдаемся, а именно - стремлению к покою! - если отворачиваются от фактов или не называют факты их настоящим именем. Ничего не противопоставляется, когда теперь появляются бесчисленные пасквилы, эти пасквилы принимаются так серьезно, что стараются опровергать отдельные фразы. С такими людьми, как те, что пишут эти пасквилы, дело не в опровержении той или иной фразы. Такой человек, как тот, кому было отказано в приеме к печати его рукописи - потому что она не могла быть напечатана в нашем издательстве, - почувствовав себя уязвленным в своем тщеславии, стал врагом Антропософского Общества, хотя до того очень высоко его ставил. Такому господину надо сказать: То, что ты пишешь, просто нелепость и ты сам это отлично знаешь. Ты пишешь все это только потому, что не приняли к печати твою рукопись. Это - правда. Если хотят действительно быть помощью духовноведению, то не опровергать надо все эти вымыслы и ложь, а показать в истинном свете того, кто иллюзорно принадлежал к духовноведческому движению, а затем мог позволить себе такое. И эти явления становятся все более частыми, и будут все учащаться.

Или вот еще - как я рассказывал на днях - решил человек стать великим живописцем, просил помощи и обучения. Но когда всеми силами пошли ему навстречу, оказалось, что он считает, что сам все знает лучше. Он искал стать большим художником не путем обучения, но просто через признания его гениальности. Он имел несчастье, несмотря на всю помощь, не стать великим художником и его мазню (его кляксы) никто не склонен был считать большим искусством. Тогда он объявил: виноваты обучавшие его. Действительно помочь такому человеку может только правда. Не должно выглядеть так, как если бы духовноведение оказалось несостоятельным, факты должны быть расставлены на свои места, жизнь развивается кармически. В наших кругах и в частности должно бы выявляться правильное, как оно выявилось в принципиально важном. Подумайте над тем, что уже в 1911 году были оборваны связи с Теософическим Обществом госпожи Безант, а война Англии против Германии

разразилась только в 1914 году. Это дает возможность сказать: Антропософское Общество действовало пророчески (Примечание 88). Много раздаются хулений, конечно, мои слова ни в коем случае не относятся к английскому народу, но к хулителям, которые так искажают национальное чувство, но госпожа Безант поносит Антропософическое Общество и меня лично, это все же редчайшее явление. И после того, как мы создали популярность в Германии книге Шюре "Великие посвященные" и поставили его пьесы, теперь приходится переживать невыносимые нападки с его стороны (Примечание 89). Эти факты разыгрываются все же в некотором отдалении. Но и вблизи начинают выявляться враги.

Антропософы должны бы усвоить хотя бы немного умения предвидеть, желая предвидеть то, что может произойти. Это умение предвидеть можно приобрести, если серьезно принять как девиз, как эпитафию нашего Антропософического Общества, слова: "Мудрость только в Истине", в Правде, в соответствии с действительностью. Тот, кто глубоко возьмет в душу эти слова, найдет правильную установку в жизни (Примечание 90).

Этим советом, мои милые друзья, я сегодня закончу. Надеюсь, что наша сегодняшняя встреча станет исходным пунктом нашей дальнейшей совместной работы в духе, хотя физически мы и будем разобщены. Попытаемся думать, чувствовать и волевать в духе антропософически ориентированного духовноведения, тогда мы действительно будем работать вместе.

ЛЕКЦИЯ 12

Штутгарт, 23 февраля 1918 года

Едва ли в какую другую эпоху человеческого развития, как в современную, было так необходимо углубиться в загадки сверхчувственной жизни, - хотя едва ли в каждое другое время это углубление в сверхчувственные проблемы встречало такое противодействие. Как раз, как бы далеко стоящие вопросы, должны быть особенно близки современным человеческим душам. И поэтому обратимся сегодня именно к тому, что материалистическое сознание современности полагает необходимым отбросить, но то, что тем не менее бесконечно необходимо человеческой жизни. И осознание того, как близко человеческой душе это отвергаемое, как раз и принадлежит к ближайшим задачам современности. Мы начнем с нескольких замечаний о хорошо нам известном, чтобы с новых точек зрения рассмотреть материал, который мы уже не однажды рассматривали с той или другой точки зрения.

Мы все знаем, что духовноведение придает особое значение изучению сменяющихся противоположных состояний бодрствования и сна, имеющих важное значение для повседневной жизни. Именно к этой полярности состояний бодрствования и сна мы вновь и вновь возвращались в наших духовноведческих рассматриваниях.

Из многочисленных сообщений вы хорошо знаете, что это различие состояний бодрствования и сна, которое обычно подчеркивается, на которое как бы распадается жизнь человека, так что $\frac{2}{3}$ ее или более, приходится на состояние бодрствования и $\frac{1}{3}$ или менее, в состоянии сна, что это по сути дела, чисто внешнее и поверхностное рассмотрение. Даже если в этом же плане развить дальнейшее исследование, чтобы углубить характеристику понятий сна и бодрствования, все же оно будет поверхностным по сравнению с глубинами, доступными духовноведению. Мы должны уяснить себе, что наша душа фактически находится в состоянии сна не только тогда, когда мы в поверхностном смысле спим, то есть не только во время между засыпанием и пробуждением, но что наша душа, в известном смысле, находится в состоянии сна и во время бодрствования. В действительности, мы только отчасти бодрствуем, когда, в общепринятом смысле, находимся в состоянии бодрствования. В этом обыденном состоянии бодрствования мы никогда не бодрствуем полностью. И если

мы спросим себя с позиций духовноведения: в каких пределах мы бодрствуем вполне, то мы должны дать такой ответ: бодрствуем мы в отношении всего, что мы называем восприятием внешнего мира чувств и осознанием этого внешнего мира чувств путем представлений, то есть когда мы думаем. В нашей жизни восприятий и представлений мы безусловно бодрствуем. Мы совсем не могли бы говорить о действительном бодрствовании, если бы не имели в виду то внутреннее состояние души, которое возникает, когда мы воспринимаем внешний мир чувств, обдумываем наши восприятия, составляем представления.

Но мы не можем сказать, что в нашей жизни чувств мы бодрствуем в той же мере, как в жизни восприятий и представлений. Это иллюзия, когда человек думает, что в сфере жизни чувств, аффектов и эмоций, от пробуждения до засыпания, он также бодрствует, как в своих восприятиях, мыслях и представлениях. Эта иллюзия возникает потому, что мы всегда сопровождаем наши чувства представлениями. Представления мы образуем не только о внешних вещах, о столе, о стуле, о дереве и облаке, но и о наших чувствах и переживаниях; и когда мы составляем себе представления о наших чувствах, мы бодрствуем в этих представлениях. Но сами чувства вздымаются из подсознательных глубин души. Для того, кто может наблюдать внутренне жизнь души, для того чувства, эмоции, аффекты и страсти вздымаются из глубин души не с большей бодрственностью, чем переживания сна. Переживания сна образны. Наше обыденное сознание хорошо отличает их от бодрственных восприятий внешнего мира. В отношении чувств наше сознание не более бодрственно, чем в образах сна. Если бы к каждому сну тотчас по пробуждении, мы присоединяли бы мысли, представления, как мы делаем это в отношении чувств, для того, чтобы мы могли различить переживание сна от представления о нем, то мы и переживания сна относили бы к бодрственной жизни. По сути дела наши чувства не более бодрственны, чем наши сны.

И еще менее бодрственны мы в переживании волевых импульсов. В отношении воли человек спит полностью. Когда он чего-либо хочет, он имеет представление о том, чего он хочет. Возьмем простейший случай - когда он протягивает руку, чтобы взять что-либо, он осознает это. Но то, что происходит в жизни души и в жизни тела, когда мы протягиваем руку, чтобы взять что-либо, происходит так же

бессознательно, как сон без сновидений. Мы грезим, как во сне, в наших чувствах, и мы спим глубоким сном в наших волевых импульсах. Как человек чувств мы грезим, как во сне; как человек воли, мы спим в состоянии так называемого бодрствования. В состоянии бодрствования, то есть от пробуждения до засыпания, мы бодрствуем только одной половиной своего существа, другой половиной мы продолжаем спать. Мы бодрствуем в наших восприятиях и мышлении, мы спим и грезим во сне в жизни воли и чувств. Эти вещи не могут быть аргументированы, обоснованы более, чем это было только что сделано, как бы намеком. Осознание этих вещей целиком зависит от умения наблюдать душевную жизнь. Кто обладает этим умением, тот увидит внутреннее душевное сродство между сновидением и чувствами, аффектами и страстями. Есть очень хорошая работа Фридриха Теодора Фишера. "Фантазии сна" (Примечание 91), в которой он убедительно излагает свои интересные наблюдения над родственностью мира сновидений с миром чувств и страстей.

Значит и, бодрствуя, мы идем сквозь мир, в котором мы окружены не только тем, что мы воспринимаем нашими органами чувств и о чем мы составляем суждения, но мы окружены миром, в котором мы умеем только грезить в наших чувствах, о котором мы в наших импульсах знаем не больше, чем спящий знает о своем окружении, то есть не знаем ничего. Но мир, о котором спящий ничего не знает, в котором он ничего не переживает, тем не менее окружает его. Как столы и стулья и другие предметы, о которых спящий, пока спит, ничего не знает, что находится в комнате, так же не знает человек ничего о мире, из которого рождаются его чувства и побуждения воли, потому что он спит в отношении этого мира. Но именно этот мир в отношении которого мы спим, является общим для нас и для сейчас невоплощенных душ.

С различных точек зрения пытались мы духовноведчески перебросить мост между, так называемыми, живущими и, так называемыми, умершими. Мы можем этот мост мысленно представить, осознать, как мы, в нашем обычном состоянии бодрствования связаны с физически воплощенными людьми, потому что они доступны нашему восприятию и нашему мышлению. С, так называемыми мертвыми, мы в нашем обычном бодрственном состоянии не связаны, так как мы спим постоянно в отношении той части окружающего нас мира, где живут они. Если бы мы проникли

в этот мир, то мы не были бы оторваны от мира, в котором человек живет между смертью и новым рождением. Как воздух окружает нас, так окружает нас мир, в котором находится человек между смертью и новым рождением. Мы только по указанной уже причине, ничего не знаем об этом мире: мы спим в этом мире. Ясновидческое сознание, как это уже неоднократно характеризовалось, познает этот, иначе просыпаемый мир. Проникнуть в этот мир так, чтобы чувствовать себя уверенным в том, что душа живой проходит врата смерти, чтобы, вступив в иной мир жить в нем и затем вернуться к новой земной жизни - это, само собой разумеется, не так уж трудно, если тщательно дать воздействовать на свою душу тому, что сказано в моей книге "Как достигают познания высших миров" или другой, ей подобной.

Гораздо труднее так войти в мир, в котором человек живет между смертью и новым рождением, чтобы установить конкретные, определенные связи воплощенного человека с конкретными умершим. Эти взаимоотношения, в известном смысле, всегда налицо, во всяком случае между определенными умершим. Но именно из того, что сегодня уже было сказано, явствует, почему они не доходят до осознания живущего. И именно то, что переживает созерцающее сознание, когда оно устанавливает связь с конкретным умершим, именно это дает нам понять, почему человек в своем обычном бодрственном сознании не осознает своей, всегда реально существующей, связи с умершим. Если хотят установить также связи между созерцающим, пробуждающимся сознанием и конкретным умершим, то надо усвоить совсем особые душевные переживания совершенно отличные от привычных для нас переживаний бодрственного сознания. Именно на этом примере явствует, как все привычное, выработанное для ориентировки в физическом мире, должно быть отброшено и заменено другим, если созерцающим сознанием мы хотим вступить в конкретный духовный мир. Когда созерцающий стоит перед одним определенным умершим, он может установить взаимопонимание, но он должен выйти за пределы прочно сложившихся душевных привычек. Характер душевных переживаний при общении с конкретным умершим, совершенно непривычен, чужд душе.

Когда мы здесь в физическом мире говорим с человеком, мы знаем: если мы что-либо говорим другому человеку, это

исходит из наших органов речи, это звучит из нас и устремляется к другому человеку. И когда он нам отвечает или что-либо сам сообщает нам, то это звучит из его органов речи и направлено к нам. Все совершенно по другому, если созерцающее сознание обращено к конкретному умершему. Нужно привыкнуть к полностью обратному (противоположному). Когда мы сообщаем что-либо умершему, когда мы его спрашиваем, когда мы ему говорим, тогда мы должны - как ни странно это звучит - научиться слышать это звучащим от него к нам, исходящим от него и обращенным к нам. Чтобы уметь сообщить что-либо умершему, мы должны быть способны так отключить себя самого и так жить в нем, чтобы он говорил наш вопрос, чтобы когда мы спрашиваем он спрашивал бы, чтобы из него звучало то, что мы ему сообщаем. И опять, когда он нам отвечает, когда он хочет нам сообщить что-либо, тогда это звучит из нашей души, встает в нашей душе, так что у нас чувство: это исходит из нас. Так что мы должны полностью измениться, вывернуться (как бы вывернуться наизнанку), если мы хотим вступить в реальные отношения о конкретным умершим. Хотя это может быть охарактеризовано такими простыми словами, это исключительно трудно. Совершенно обратное взаимоотношение со своим окружением, обратное тому, что привычно в физическом мире. Это очень трудно освоить. Но подлинное общение с умершим возможно только этим путем.

Но, с другой стороны, если вы обдумаете то, что для общения с конкретным умершим надо внутренне совершенно перестроиться, то вы поймете, что хотя эти отношения (связи) все время налицо, но, так называемые, живые очень мало склонны (способны) их осознавать. Так как живущие привыкли, а привычки значат гораздо больше, чем это обычно думают, когда они что-либо говорят, воспринимать это исходящим от себя, а когда говорит другой, воспринимать это исходящим от этого другого. И тот, кто совершенно врос в представления физического мира, конечно, может воспринять мои слова только как нелепость. Тем не менее это так: нельзя проникнуть в духовный мир, если не проникнуться доверием к тому, что в духовном мире многое - я говорю: многое, не все - совершенно обратное тому, что нам свойственно здесь, в физическом мире. И одной из таких противоположностей является то, о чем я сейчас говорю. Только если через очень интимную внутреннюю работу вошли в эти непривычные взаимоотношения, только тогда можно иметь суждение о том,

как достигаются эти связи отдельного живущего с определенным умершим, как они складываются.

Как было сказано, эти взаимоотношения существуют всегда. Но, если мы хотим бросить взгляд на эти взаимоотношения, мы должны прежде всего не упускать из вида, что к привычным полярным состояниям бодрствования и сна, мы должны присоединить еще два состояния, которые имеют совершенно особое значение для взаимоотношений, так называемых живых с, так называемыми, умершими, но сознательное переживание которых тоже далеко отстоит от обычно привычного человеку. А именно, помимо привычных состояний бодрствования и сна, есть еще засыпание и пробуждение. Эти мгновения, это мелькнувшее (мимо) состояние для жизни души человека не менее важно, чем длительные состояния бодрствования и сна, но они проскальзывают. Момент пробуждения человек не переживает, потому что немедленно за ним следует полное пробуждение, а человек лишен такой быстроты восприятия, которое дала бы ему возможность уловить это ускользающее мгновение; оно покрывается, заглушается непосредственно за ним следующим бодрственным сознанием. В стародавние времена, когда об этих вещах еще кое-что знали, тогда понимали, что в эти моменты происходит с душой. Но это знание все более теряется по мере успехов материализма. У наивных простых людей деревни и сейчас еще можно услышать: проснувшись, не надо сразу смотреть на свет, не надо торопиться открывать глаза. Такие слова исходят из очень глубокого инстинкта, из инстинктивного знания, что этот момент просыпания не надо тотчас глушить бодрственным дневным сознанием, только тогда можно уловить нечто из того, что реально происходит в момент пробуждения.

Но так же значителен и момент засыпания, вслед за ним засыпают совсем, сознание гаснет. И поэтому момент засыпания обычным сознанием не улавливается.

Но для взаимоотношений человека, воплощенного здесь на Земле, и человека развоплощенного, то что может быть пережито и что действительно переживается в момент засыпания и в момент пробуждения, чрезвычайно важно. Эти факты, конечно, могут быть наблюдаемы только созерцающим

сознанием. Когда созерцающее сознание достигло того, чтобы установить с умершим такие взаимоотношения, которые могут быть достигнуты только указанным полным изменением, преобразованием привычек души (перепривыканием), только тогда может оно составить себе представление о том, каковы действительные, но не осознаваемые обычным сознанием взаимоотношения для так называемых живых с так называемыми умершими.

Благоприятнейший момент для всего, что мы сами хотим обратить к душе умершего, принести ему, это момент засыпания. И благоприятнейший момент, чтобы получить ответ, внести его в жизнь в физическом плане, получить сообщение от умершего, это момент пробуждения.

Из сказанного мною ясно, что человек обращает к умершему вопрос или сообщение при засыпании и только в момент пробуждения получает (осознает) ответ или ответное сообщение. Это не должно вас удивлять. Временные соотношения в духовном мире совершенно иные. То, что здесь на физическом плане отстоит друг от друга на протяжении часов, в духовном мире совершенно не должно быть разделено во времени. Можно точно сказать: в то время как здесь, в физической жизни, спрашивая, мы тотчас получаем ответ, в духовном мире соотношения таковы, что если мы при засыпании обращаем вопрос к умершему, то ответ здесь на Земле мы получаем при пробуждении. Взаимоотношения между живыми и умершими всегда строятся так.

Собственно, каждый человек, потерявший здесь на физическом плане своих близких вследствие того, что они прошли сквозь врата смерти, в эти важные моменты засыпания и пробуждения сохраняют с ними связь. Они не поднимаются в сознание человека потому, что эти благоприятные моменты так коротки и человек не привык улавливать такие скоропреходящие движения душевной жизни. Чтобы удержать то, что приходит к нам в эти короткие, ускользающие мгновения нет ничего более нужного, чем углубление в тонкие, точные мысли духовноведения. Кто входит в духовноведение так, что оно не остается головным знанием, но становится внутренней субстанцией самой души, тем, что постигается не только умом, но любовью, так что оно становится содержанием души, кто не только с любознательностью или жаждой знания подходит к

сообщениям духовноведения, но любовно следует им, тому именно эта любовь дарует такие силы души, что он, при некоторой внимательности, постепенно начинает осознавать эти полные значения моменты засыпания и пробуждения. И, чем глубже духовноведение будет погружаться в души людей, тем больше будут люди вносить в реальную жизнь не только переживаемое дневным сознанием, но и то, что из сверхчувственных миров приходит к ним в засыпании и осознается в пробуждении. Надо только уяснить себе, что такие реальные взаимоотношения, которые я сейчас имею в виду, могут быть установлены только с такими умершими, с кем как-либо связаны кармически. Но мы связаны кармически с гораздо большим количеством душ, чем это обычно себе представляют. Для осознанного или неосознанного общения живущего с умершим кармические связи так же необходимы, как необходимо глазу быть направленным на чувственный объект, чтобы его видеть. Как здесь необходим контакт в сфере внешних чувств, так необходимым условием для общения живущего с умершим являются кармические связи между ними, или хотя бы кармические взаимоотношения

Если мы направим внимание на засыпание, то это особенно благоприятный момент для того, чтобы с тем, что мы хотим сказать, обратиться к тому, кто покинул физический план и, кто был нам дорог и близок и кроме того, был с нами кармически связан. Момент засыпания для этого особенно хорош. Естественно, мы и в дневном сознании обращаем наши мысли к умершим, с которым были кармически связаны. Мы вспоминаем о них. Все наши мысли об умершем, все, что мы хотели бы ему сказать, все чувства, что мы к нему обращаем, все это устремляется в момент засыпания и, хотя это остается для нас неосознанным, оно достигает до умершего. Только одни состояния души для этого благоприятны, а другие неблагоприятны.

Сухое, холодное думание об умершем мало пригодно к тому, чтобы дойти до него, установить с ним взаимоотношения. Если мы хотим, чтобы момент засыпания стал, в известной мере, вратами для общения с умершим, чтобы наши, обращенные к нему душевные переживания действительно пробились бы к нему, тогда мы должны в бодрственном сознании по-иному, не с холодными сухими мыслями обращаться к умершему. Надо попытаться сделать живыми мысли, которые связывали нас с умершим, когда он был среди нас. Мы должны вложить

(вдохнуть) в эти мысли то, что душевно связывало нас с умершим. Равнодушное думание об умершем ничего не дает. Но очень плодотворно все, что связывает душевно, сердечно. Как был с умершим где-либо вместе, о чем тогда говорили, что вызывало в нем особую заинтересованность, будило его чувства и живой интерес; или вспомнить, как однажды были вместе здесь на Земле и что-нибудь важное для него или для вас происходило между вами; как пытались рассказать дорогому человеку о том, что было на душе, чтобы пережить это вместе. Не сухие, но с любовью, сердечностью, душевностью пронизанные мысли! Эти мысли остаются в душах до момента засыпания. И тогда они находят путь к умершему.

Мы не должны составлять себе об этих вещах ошибочных представлений. Нам снится умерший. Когда он снится нам, то в очень многих - не во всех - случаях за этим стоит реальное переживание. Но то, что именно нам снится, поскольку это следует за моментом засыпания, собственно только образное, грезю - преобразование того, что сами мы сообщаем умершему. Мы же переживаем момент засыпания, когда мысли, такие, как я только что охарактеризовал, действительно достигают умершего - момент этот очень короток. Но этот момент засыпания продолжает звучать во сне, это он звучит в наших снах. Если мы правильно разбираемся в этих вещах, то наши сны об умерших мы не будем считать вестью от них. Они могут этим быть, но, как правило, этим не являются. Это едва достигающие нашего сознания импульсы, которые говорят нам о следующем. Когда нам снится умерший, то это значит, что в течение прошедшего дня, намеренно или ненамеренно, мы посылали умершему такие мысли, как те, что я вам охарактеризовал. Эти мысли нашли путь к умершему и сон показывает нам, что наши слова дошли до него. То, что нам ответит умерший, что он сам сообщит, эта весть от него легче всего проникает в наше сознание в момент пробуждения. Эти вести гораздо легче достигали бы до нас, так называемых живущих, если бы люди в сутолоке наших дней находили бы время, имели бы склонность, хотя бы немного уделять внимания тому, что между строк жизни звучит из глубоких подоснов сознания. Да, современный человек тщеславен и эгоистичен, и когда что-либо поднимается в его душе, то он чаще всего относит это за счет своей исключительности (гениальности). Правильная жизненная установка - это скромность. Быть скромным в глубине своего существа, это не

так легко для современного человека. Быть действительно скромным, означает также научиться различать то, что исходит из собственной души от того, что встает в душе из не личных сверхчувственных импульсов. Тот, кто достиг созерцательного сознания, в своей душе воспринимает и осознает ответ умершего. Но так же звучат эти ответы умерших, эти вести об умерших в глубинах душ людей и в период бодрствования, от пробуждения до засыпания, только они не слышат их. Так же, как человек днем не видит звезд - хотя они сияют в небе,- так как их затемняет свет солнца, так же точно человек своим обычным сознанием не воспринимает звучащие в глубине его души вести от умерших, так как внешняя жизнь, вторгающаяся сквозь врата внешних чувств, заглушает их. Если глубоко вникают в жизнь собственной души и учатся различать то, что исходит от нас самих, от того, что не из своего личного встает в собственной душе, тогда постепенно научаются и в бодрственном состоянии слышать голоса умерших. Тогда с этим соединяется нечто чрезвычайно важное. Тогда говорят себе: Мы же не разлучены с умершими, они живут среди нас. Они дают о себе весть не как другие, чувственные, существа, которые шлют нам импульсы из внешнего мира, но они звучат внутри собственного нашего существа, они говорят нам через наше собственное внутреннее, они поддерживают собой нас.

Во всяком случае, человечеству нашего времени и ближайшего будущего, трудно будет, как это ни необходимо, отказаться от привычки думать, что импульсы, в окружении которых люди живут и действуют, исходят только от внешнего мира чувств; им трудно будет привыкнуть к мысли, что в том, что мы называем нашей социальной и прочей жизнью, действуют не только, так называемые, живые, но и, так называемые мертвые, что умершие всегда здесь с нами и действуют в нас и через нас. Мифы говорят нам о том, что далекие наши предки знали это. Когда в древности люди чтили своих умерших предков, как владык рода, как богов предков, это исходило из атавистического знания, что умершие всегда здесь, что они действуют через души живущих. Закономерно, что это знание утрачено людьми, но оно должно быть восстановлено! Снова будут знать, что умершие здесь, в нашем окружении, что они говорят через наши души, что мы общаемся с ними. Должны будут признать, что ответ о том, как устроена жизнь, надо искать в духовноведении и что внешняя наука не может дать правильного знания жизни,

потому что она не видит различия между тем, что исходит из мира внешних чувств и тем, что звучит из сверхчувственного мира. По сути дела наши сочинения по истории постепенно дошли до гротескных нелепостей. Говорят об исторических идеях, как если бы они прилетели, как колибри или другие птички, в то время как эти идеи в действительности чаще всего являются именно импульсами умерших.

Это сознание совместной жизни с умершими должно развиваться. По мере его развития душевная жизнь человека будет становиться тоньше, обогащаясь понятиями духовноведения. Духовноведение только тогда не обогатит душевную жизнь человека, если оно будет воспринято как теория, и не будет наполнено любовью. По мере того, как и душевная жизнь человека будет становиться богаче и тоньше, умершие будут становиться все более живой реальностью для сознания людей. Тогда в сознание людей войдет та огромная часть действительности, которая сейчас остается вне их сознания и в поле их зрения. Тогда только будут люди жить в полной действительности и с полной действительностью. Это ближайшая задача человечества. Человечество живет сейчас в условиях величайшей катастрофы. Ее глубокие корни именно в том, что человечество разучилось жить в подлинной действительности. Материалистическое сознание далеко оторвало человечество от реальности. Люди считают себя живущими в действительности, так как осознают только одну ее часть физически-чувственную. Другую, важнейшую ее часть, они считают пустой фантастикой. Именно это уводит их от действительности, от понятий, проникающих в реальность. Если бы только вникли во все значение того, что я сейчас говорю, в его реальное, практическое значение для современности!

Наши дети и наша молодежь учат сегодня историю. В наше время, и уже с давних пор, привыкли люди изучать историю, то есть то, что они называют историей. Но - что знают люди из истории? Да, люди теперь часто и при простейших событиях призываются спрашивать себя, что говорит об этом история? - "История учит тому-то и тому-то," эту фразу встречаешь постоянно. В действительности люди не учатся. Никогда еще действительность не могла бы столь многому научить, как последние истекшие 3 1/2 года. Но бесконечное число людей как во сне просыпают ту полную значения действительность. Когда начались катастрофические события наших дней,

многие разумные люди считавшие, что они многому научились, изучая историю, высказывали своё мнение о том, как долго могут продолжаться такие военные действия. Они считали, что имеют достаточно оснований судить об этом. Они говорили; от 4-х до 6-ти месяцев. Наш опыт говорит, что дальше эта военная катастрофа продлиться не может. От 4-х до 6-ти месяцев, так сказали они на основании их научного опыта. Это были высказывания профессионалов. Но события показали иное. И не надо быть незначительной личностью, чтобы быть введенным в заблуждение тем, что в наши дни называют историей. Один подлинно не незначительный человек, профессор истории в Иене, в своей вступительной лекции 25 мая 1789 г. сказал, что история учит тому, что в будущем народы Европы, хотя и будут иметь меж собой столкновения и распри, но не будут истреблять, терзать друг друга, для этого они слишком далеко ушли вперед в своем развитии. В 1789 г. эти слова сказал Фридрих Шиллер в своей вступительной лекции в Иене. Он исходил из исторического обозрения, как оно обосновано представлялось Шиллеру. Но, что последовало за этими словами Шиллера? Французская революция, великие битвы начала XIX века. И если бы из событий истории вытекало то, что люди Европы, как члены одной большой семьи, никогда больше не могли бы истреблять друг друга, то не были бы возможны события, свидетелями которых мы являемся.

Надо переучиваться, как ни странно это звучит. То, что мы называем историей, совсем ею не является. В исторической жизни людей действуют силы сверхчувственных миров. В исторической жизни действуют умершие, и суждение об исторической жизни будет только тогда правомерно, когда оно будет основываться на духовноведении. Пока этого нет, так называемая история ничему не будет учить, никогда не станет опирающейся на реальность наукой, никогда не будет способной дать основополагающие принципы для познания будущего. Поэтому так беспомощно стоит теперь человек перед разыгрывающимися событиями. Необходимо для нашего времени, чтобы духовноведческие принципы легли в основу практической жизни. Пока это не произойдет, трагические события будут неизбежны.

Я уже говорил, чтобы вступить в контакт с умершими, особенно благоприятны те мысли, которые возникают из душевных связей с умершими, и вспоминаются так, что как бы

восстанавливают совместно пережитое. Для получения ответа от умершего, для того, чтобы дать умершему воздействовать на нашу жизнь, особенно благоприятно, если мы знаем умершего, если мы имеем возможность углубиться в его существо. Углубиться в существо другого человека - этому и дает импульс духовноведение. Так как в наше время в связи с материалистической настроенностью души у людей к тому мало возможностей, чтобы, живя рядом, знать друг друга. Они считают, что знают, но они только проходят мимо друг друга, говорят мимо друг друга. Можно 30 и более лет быть в браке, и очень мало знать друг друга. Чтобы уметь вникнуть в существо другого, душа должна стать много тоньше. Когда знают другого, как самого себя, тогда только есть предпосылки к тому, чтобы восстановить в душе его образ. Если мы хотим задать вопрос умершему и призываем его, вызываем в воображении чувства, которые нас связывали, и очень живо представляем себе его существо, тогда мы получим его ответ; тогда дело только в нас, в развитии необходимой внимательности к взаимодействию того, что мы направляем к умершему с тем, что в ответ исходит от умершего, если были восстановлены в памяти указанные полные чувства, совместные переживания. Тогда это возможно - найти ответ умершего на наше обращение к нему; если мы сумели живо ощутить в душе то, что реально, с полным пониманием, восприняли исходящим от существа умершего.

Ясновидческое сознание может дать разъяснение и о некоторых других конкретных моментах связи живущих с умершими. Сегодня я затрону еще одну такую взаимосвязь. Когда наши близкие или друзья, или иначе как-либо кармически с нами связанные, проходят врата смерти, они уходят людьми разного возраста: ребенком или молодым человеком или старше. Когда ясновидческим сознанием наблюдают, какая связь устанавливается с умершими разного возраста, то об этом можно сказать следующее. Когда сквозь врата смерти проходит ребенок или молодой человек, то их взаимоотношения с оставшимися можно охарактеризовать такими словами: дети и молодые люди, проходя врата смерти не теряют тех, кто был им близок, они остаются в их непосредственном окружении. И наше горе, наша боль получают от этого особый характер. Когда обладающий ясновидческим сознанием человек наблюдает душевное страдание матери или отца, потерявших ребенка, то это горе совсем иное, чем то, что переживает молодой человек,

потерявший старшего годами. Конечно, для поверхностного внешнего взгляда эти переживания души более или менее сходны, но если воспринимать их тоньше, то они в корне различны. Юные умершие не уходят прочь, они остаются тут. Они продолжают жить с нашими душами, в наших душах. Боль, которую мы испытываем, горе, которое мы переживаем, это, собственно, то, что переживает в нас юный умерший. Оно переносится в нас, как наша боль, наше горе. Они остаются с нами, наши юные умершие. Это перемещение их собственной боли; она не должна быть болью, но перенесенная в наши души, она становится болью.

Горе, которое мы переживаем, теряя человека старше нас годами, это, собственно, наша личная боль. Я хочу сказать, это боль, менее основана на сочувствии, более эгоистическая, личная эгоистическая боль. Если хотят, с позиций ясновидческого сознания, охарактеризовать соотношения оставшегося на земле более молодого человека и умершего старшего, то можно сказать: умерший ушедший от нас старший нас не теряет. Мы же теряем юного ушедшего; старший ушедший - нас, оставшихся, не теряет, он в известном отношении, берет с собою (нашу) душу, он поддерживает ее собой, в ее силах на своем дальнейшем пути. Он не теряет остающихся. И поэтому отношение к старшему ушедшему совершенно иное, чем к юному ушедшему, старший умерший не имеет стремления жить в душе оставшихся, так как он берет с собою как бы внутреннюю сущность, оттиск внутреннего существа оставшегося.

То, о чем я только что говорил, совсем не лишено значения для практической жизни; то, что мы называем памятью об умерших, приобретает благодаря этому особое освещение. Для рано умерших это поминовение - я хотел бы сказать: культ поминовения - хорошо так напомнить, так построить, чтобы оставаться во всем; так направить мысли или культовые действия или прочее, направленное на поминовение, чтобы менее входить в индивидуальное, личностное ушедшего, но, применительно к умершему, жить более в мировых восприятиях, в мировых мыслях. В этом хорошо чувствует себя, остающийся с нами, умерший в юные годы. Для позднее умершего особенно хорошо, если войти в его индивидуальное, если направленные к нему мысли построены на его личном, отражают, чеканят его личное. Для юного умершего особенно хорошо, если поминовение построено как бы культово, как

общий установленный культ, имеющий символическое значение. Для юного умершего особенно созвучно католическое поминовение, которое в большинстве стран менее индивидуализировано, или совсем не касается индивидуальных соотношений, но является всеобщим, общепотребительным символическим поминовением усопших. Для рано ушедших душ, которые остаются с нами, лучше всего применять обряды, соотнося их к умершему, равно подходящие для всех, общезначимые мировые символы, общезначимые мировые чувства. Для позднее умерших особенно хороши обряды в протестантской церкви, когда более входят в личностное умершего. И в индивидуальном поминовении, обращенном к такому умершему, всего лучше войти в то, что связано с его личным, обращено не к любому умершему, но именно к нему.

Когда мы это знаем, тогда жизнь наших чувств, обращенная к умершему, становится более расчлененной, многообразнее, дифференцированной. Мы научаемся различать, как должна держать себя душа в отношении рано или поздно умершего. Обогащается внутреннейшая жизнь души. Получив дар духовноведения, она познает не только то, что касается воплощенных в телесности людей, но и то, что важно для душ, покинувших телесность. Только тогда человек имеет дело с полной (со всей) действительностью. Вновь и вновь должно быть сказано, говоря о духе "вообще", так далеко не уйдешь. Говорить о духовной жизни "вообще" (в общем плане), как иные философы, или люди, воображающие, что материализм может быть преодолен, если говорить дух, дух, дух, - нет, этим многого не достигнешь. Надо найти мужество - сегодня для этого требуется известное мужество - войти в духовную жизнь конкретно. Должно быть найдено мужество, как ни велика спесь материалистически мыслящей современности, должно быть найдено мужество безоговорочно признать перед современным окружением те духовные конкретности, о которых мы сегодня говорим. Мы себе даже представить не можем, сколько бесконечно рокового, катастрофического для человечества связано с тем, что люди ничего этого не знают о важнейшем в жизни мира и поэтому не думают об этом важнейшем, и поэтому так чудовищно далеки от действительности. И это и вызывает такие разрушительные катастрофы. Разразившуюся катастрофу готовы приписать самым различным причинам только не той, которая действительно, в глубочайшем смысле, является ее причиной.

Здесь подходящий момент осознать все значение для европейской духовной жизни антропософически ориентированного духовноведения, духовноведческого мировоззрения. То, как люди относятся к Духу и духовному содержанию, как человек стоит в отношении Духа и существа духовного, это будет приобретать все большее значение в совсем недалёком будущем. Так как подготавливаются важные, полные значения вещи (факты) в жизни земного человечества. Если хотят немного высвободиться из сонного состояния, в котором, к сожалению, пребывает такое количество людей, то действительно невозможно избежать необходимости более глубокого размышления об определенных вещах, более глубокого, чем это уже в течение столетий имеет место в Европе. Время требует, чтобы люди научились думать по-другому. Собственно, мы видим порой, что люди меняют образ мыслей; вопрос в том, меняют ли они свой образ мыслей путем его действительного углубления или, наоборот, совсем упускают управление своим мышлением или же меняют его в том направлении, которое свойственно сейчас очень многим людям. Мы видим, что люди меняют образ мыслей - передумывают, переосознают, только порой очень своеобразно. Можно привести сотни, тысячи примеров.

Видите ли, один из тех людей, кто в течение этих 3 1/2 лет ужасающе изменил свой образ мыслей, это бывший французский социалист, журналист Густав Герве (Примечание 92). Он издает газету, он назвал ее "Победа", переименовав менее вызывающее название. Этот Герве один из тех, кто пишет теперь в духе самого воинствующего французского шовинизма. Можно сказать, он даже превосходит в своем шовинизме звериный, бычий шовинизм Клемансо (Примечание 93) - и он из тех, кто изменил свой образ мыслей 4 года тому назад. Он был космополитом, высмеивал тех, кто проявлял не шовинизм, но в какой-то мере французский национализм. Он был безоговорочным космополитом, этот Герве. Теперь же всё, что он пишет так ядовито, что в каждой его строке звучит: он хотел бы, чтобы французскому трехцветному флагу была подвластна вся современность. Но за душой у Герве многозначительные слова, вот его довоенное высказывание. Вот они: «Трехцветку» (французский национальный флаг) - в мусорную кучу! "Так презирал он все национальное. Он переучился, передумал, но не в направлении углубления. Что должно произойти в определенную эпоху, - произойдет, но

важно, чтобы это увидели (осознали); вопрос в том, как оно выявляется в том, иди другом, в чем тот или другой видит свою человеческую задачу. При этом переучивании прежде всего необходимо, чтобы люди Европы не проходили как во сне мимо важнейшего, что подготавливается для всего земного в мире человечества.

Там в Азии, вообще на Востоке, складывается сумма суждений об Европе, а именно о Центральной Европе - нас ведь интересует сейчас преимущественно Центральная, Средняя Европа - складываются суждения, которые постепенно соединяются (переплетаются) с историческими импульсами. Человек Востока, японец, индус, китаец, все более чувствует себя вынужденным развивать известные импульсы. И до высокого уровня они развили эти импульсы. У ведущих личностей Востока, до известной степени, сложилось суждение о Европе, именно о среднеевропейской, о германской сущности, которое должно быть бы принято во внимание, так как то, что живет в этих импульсах, в недалеком будущем станет историей. Это кажется очень ограниченным, надо бы развить тонкость восприятия для таких вещей; надо бы знать, что в наше время необходимо хотя бы немного уметь предвидеть будущее, чтобы идти в ногу с действительностью. Люди Востока, которые намереваются установить связи с Европой, составляют себе о ней суждения, которые в будущем станут мировой политикой. Эти люди Востока из далекой давности сохранили представление о духовной жизни. Они видят, что произошло в Европе в течение последних столетий, но они видят это односторонне, только с одной стороны, так как эта Европа, именно эта Средняя Европа, показывает им себя (свое существо) только с одной стороны.

Что думают ведущие умы Востока, например, о среднеевропейской сущности? Они думают то, что они, собственно, вынуждены думать, в связи с тем, что они, преимущественно, видят. Они думают поэтому, что эта Средняя Европа особенно одарена к организации государственных, коммерческих и тому подобных установлений, что эта Средняя Европа особенно склонна подчиняться авторитету внешней науки, как ее преподносят европейские школы. Эти люди Востока не могут особенно ценить ничто, что дает европейская наука, так как, в противовес этому, они сознают, что из совсем иных импульсов, чем те, что доступны нам, европейцам, они сохраняют

древнюю духовность. Именно ведущим людям Востока никогда не будет импонировать, например, то, что дает европейское естествознание; им никогда не будут импонировать достижения европейской индустрии, хотя они, как, например, японцы, чисто внешне их перенимают; никогда им не будет импонировать то, чего, стремятся достигнуть европейские организации. Так как они знают: все это не имеет никакого отношения к подлинной жизни. Это подлинное чувствуют они в связи своей души с душой Вселенной. Они чувствуют свое духовное родство с душой Вселенной. Это должно стать нам совершенно ясным. С таким, как только что охарактеризованное, или подобным ему, мировоззрением чувствует себя связанным человек Востока, связанным совершенно иначе, чем с европейской механизацией, европейскими организациями, с европейской рассудочной наукой. Как ни странно это покажется, следует подумать вот о чем. Что сказал бы человек Востока, если бы он мог знать, что из того, что принесла духовная жизнь Европы в лице Гёдера, Шиллера, Гёте, в лице романтиков, что из этого может вырасти истинное, конкретное духовное воззрение на мир и, что это воззрение может привнести кое-что новое, особенное, в духовное воззрение Востока, чего Восток из своих собственных установок не может найти, но что он может оценить, с чем он может найти общее? - Конечно, вы можете сказать: Гёте достаточно известен во всем мире и ведущие люди Востока могут ознакомиться с ним, и Гёте это источник, бездонный источник духовной жизни Средней Европы. Всё это правда, абсолютная правда. Но действительно ли поняла Средняя Европа всё значение Гёте, как источника духовной жизни? Об этом многое можно бы сказать. Человек Востока видит в Гёте то, что смогла увидеть в нем Средняя Европа. Можжю привести многое, приведу одно: важнейшие импульсы Гёте обойдены молчанием, но учреждено Общество Гёте. В действительности в очень благоприятный момент было основано это Общество Гёте. Исходный пункт был превосходным. Не многие обстоятельства были так благоприятны, как сложившиеся в конце 80-х годов, когда последний потомок Гёте передал его наследство княгине. Это могло быть прекрасным началом, вызвало бы большую поддержку, дало бы импульс вскрыть духовные истоки Гёте. Многое произошло тогда, было основано и Общество Гёте. Но станем на точку зрения восточного человека. Он говорит: в нашей восточной жизни мы чувствуем непосредственную связь своей души с мировой душой. Тут у вас, мы видим организации государственного, общественного

значения, машины и индустрию, науку, которая преподается в школах и с чудовищным авторитетом давит на души; но нет у вас связи человеческой души с мировой душой. Знал бы он, какие связи сокрыты в произведениях Гёте, знал бы он, что может вырасти из переживания идей Гёте, он говорил бы, думал бы и чувствовал бы по-другому. Но что видит он? Вероятно, он спрашивает себя: да, эта Средняя Европа основала Общество Гёте, чтобы почтить одного из своих величайших духов. Но они дошли до того, что президентом Общества Гёте стал бывший министр финансов! Это символично для многого. Можно сказать: в наших душах должен жить импульс к подлинному познанию мира. Из истоков духа немецкого народа могут произрасти импульсы духовноведения. Они же будут незамечены по ту сторону, на Востоке. Если бы они остались незамеченными, тогда на Востоке должно бы как импульс истории сложиться суждение: эта среднеевропейская культура, собственно, вредна человечеству. И это суждение в высшей степени укоренилось. Оно несомненно, изменилось бы, если бы узнали, что среднеевропейская жизнь в состоянии через те импульсы, которые она несет в себе, на механическом механизме преобразовать (переплавлять) в душе в прекрасное, в подлинное познание и осмысление духовного. Так могло бы сложиться - на одной стороне, на Востоке.

Взглянем теперь на другую сторону, на Запад. На Западе, в Америке, не только среднеевропейскую, но и всю европейскую жизнь, рассматривают тоже с чисто внешней стороны, так как, естественно, видят не только Общество Гёте с бывшим министром финансов во главе, а и другие подобные учреждения, - и не видят того, что живет в душах так, как то, что прошло сквозь наши души. В то время как на Востоке говорят: эта Европа, эта европейская жизнь вредна, - по ту сторону океана, в Америке, ее находят излишней. Так как машины создавать, развивать индустрию, основывать Общества Гёте с людьми, которые в этом смыслят столько же, как те, кто ставит рядом науку о Гёте и финансово-бюджетные операции, - это американцы умеют и сами. Но то, что изливается из Гёте, как глубочайший источник духовной жизни, - этого американцы не умеют; это они могут иметь только через среднеевропейцев (переняв у среднеевропейцев).

Это не какое-либо мистическое чудачество, мои милые друзья, это вытекающий из глубоких практических

потребностей современности вопрос: как будут жить в нас устремления, по возможности, поскольку это будет в наших силах, раскрыть перед миром, дать миру почувствовать то, что как духовное может жить внутри европейской культуры, каковы современные пути к сверхчувственному. Сегодня более чем когда-либо необходимо сознание, что духовноведение, в нашем смысле, не только нечто, что приносит благо нашей собственной душе, но что духовноведение должно стать тем, путем чего мы, как люди в глубоком смысле, как люди Средней Европы, можем выполнить свою задачу в развитии человечества.

ЛЕКЦИЯ 13

Штутгарт, 24 февраля 1918 года

Вчера мы пытались точнее осознать тот окружающий нас мир, в котором мы живем вместе с теми, кто прошел врата смерти. Этот мир является для нас общим и с теми душевно-духовными существами, которых мы относим к существам высших Иерархий. Эти рассмотрения раскрыли перед нами часть той действительности, которая действительна в жизни людей, независимо от того, что человек ее не воспринимает своими чувственными органами восприятия и не осознает своим будничным бодрственным, направленным на чувственные восприятия, сознанием. Этот мир - действительность, действующая в формировании человеческой жизни действительность. Понятно, что в эпоху, в которую мы живем, и в которую человек все более призван из своей свободной воли - как это часто уже говорилось - взять в свои руки судьбу человечества, что в эту эпоху необходимо, чтобы в человеческую душу погрузилось знание о сверхчувственных мирах. Сознывая, что в наше время это имеет совершенно особое значение, обратились мы вчера к рассмотрению, которое, вводя нас в жизнь, так называемых умерших, особенно близко каждой человеческой душе. Это должно стать интенсивной потребностью души - иметь о потустороннем более точные представления (мысли). На это и было направлено вчерашнее обозрение. В наше время должны бы и полубодрствующие, грезящие люди, иметь мужество, что совершается нечто исключительно важное.

В ряде наших рассмотрений я все вновь и вновь указывал на то, что из источников духовного исследования может быть сказано о характере нашего времени и ближайшего будущего. Современному человеку, в том числе и более или менее антропософически мыслящему человеку, эти вещи (факты) могли быть даны только осторожно. Припомните, как много для понимания этого нашего катастрофического времени было сказано в Христиании (Примечание 94) в лекциях о душах народов за много лет до разразившихся событий. И, может быть, следует припомнить и то, как не однажды, когда это было связано с темой, в той или иной форме указывалось на всю серьезность импульсов, действующих в нашу эпоху, особенно в цикле лекций, который читался в Вене ранней весной 1914 г. (Примечание 95), - значит, до начала нашей теперешней мировой катастрофы - о

социальной жизни, о совместной жизни людей нашей эпохи. Говорилось так, что я тогда употребил резкое, острое выражение. Я тогда, в этих лекциях, которые в основном относились к жизни человека между смертью и новым рождением, говорил о том, что в морально-социальной жизни современности происходит нечто, что можно (следует) назвать социальной страшной раковой опухолью. Возможно, кое-кому это тогда показалось слишком резко сказанным. Но с тех пор кое-кто, возможно и убедился в том, что факты подтверждают сказанное; факты показывают, что такое резкое утверждение было обоснованным.

То, что было сказано вчера, верно, и должно бы вызвать глубокие размышления. Вместе с тем, легко почувствовать, какой тяжести импульсы заложены в лоне нашего времени. Несмотря на это, люди сегодня мало склонны действительно осознавать происходящее во всей его тяжести. Люди для этого слишком стремятся к удобству, слишком легко отдаются тем удобным понятиям, которые дает современное естественно-научное мировоззрение, потому что эти понятия развиваются на помочах внешних восприятий и не требуют внутренних духовных усилий, и тем самым не менее льстят человеческому тщеславию. Но необходимо именно то, чтобы человечество проснулось и поняло уроки времени, действительно проснулось, не продолжило спать. Но пробуждение будет возможно, только если определенные, более глубоко лежащие факты не будут больше рассматриваться, как фантазия, как беспочвенные грезы, но будут осознаны, как действующие в событиях нашей эпохи реальности. В ходе наших рассматриваний я уже часто излагал, как в последней трети XIX века в жизни человечества произошел знаменательный переворот. Говорил я об этом и здесь в Штутгарте (Примечание 96). Сегодня мы вновь с определенной точки зрения проведем перед душой эти факты.

Я назвал осень 1879 года поворотным пунктом человеческого развития нового времени. Если стремиться точнее представить это развитие человечества нового времени, то надо сказать: то, что произошло в последней трети XIX века, это только воздействие того, что перед тем разыгралось в духовном мире. В духовном мире это началось в 40-х годах XIX века. И время от 40-х годов до конца 70-х годов - это важное, существенное, полное значения время. Что тогда происходило, разыгрывалось не на физическом плане; но в

1879 году на физический план спустились воздействия этих событий, и с 1879 года они действуют на земном физическом плане. Это как бы отражение, внешнее выражение того, что раньше произошло в духовном мире. Обрисуем это такими словами, это внешнее развитие, в одной особой области, в особой сфере деятельности, того, что обычно часто происходит в жизни людей, и что те, кто еще не утратил восприятия подобных вещей, всегда обозначали как битву Михаила с драконом. В различных областях имели место такие битвы нормально развивавшихся Сущностей высших Иерархий против духов препятствий, духов торможения, отставания, задержки. За правильное развитие культуры человечества, в десятилетия от 40-х по 70-е годы XIX в., была эта битва в высотах духа, и именно в тех мирах духа, которые непосредственно граничат с Землей. Тогда, в 1879 году, эта битва завершилась победой - если можно так сказать - добрых сил над определенными духами препятствий, которые тогда - так можно выразиться - были низвергнуты в земные соотношения. В сфере развития человечества на духовном плане, духи препятствий, побежденные только в высших духовных мирах, к концу 70-х годов были низвергнуты в наинизшие духовные миры и с тех пор с тем большей силой властвуют среди людей.

Если хотите охарактеризовать этих духов препятствий, этих духов ариманической природы, с которыми те духи, которых можно назвать Михаэлическими, выдержали трудную битву, то надо сказать, что эти ариманические духи в истекшие времена человеческого развития имели положительное значение. В прошедшие времена развития человечества они осуществляли определённые задачи. Эти задачи выполнялись под руководством добрых духов. Так называемых злых духов не надо представлять себе так, что их важно обязательно избегать, возможно полнее от них освободиться. Меньше всего можно от них освободиться, если эгоистически стремиться от них избавиться; правильнее представлять себе, что эти, так называемые злые духи, подвластны замыслу мудрого мирового порядка. Столетиями, тысячелетиями осуществляли эти духи ариманической природы задачу вчленения людей в те общественные связи, которые определяются узами крови. Земные связи людей построены ведь так, что кровные связи определяют и связи любви, рожают любовь. Люди соединяются связями семьи, рода, народа, расы. Все это подвластно определенным законам своей земной эпохи, которые управляются сущностями высших

Иерархий. То, что человечество подразделило, что человечество расчленило, положив в основу связи крови, это было осуществлено ариманическими духами под водительством добрых духов.

Но затем должен был наступить другой период. Пока руководство человечеством шло в известной мере через кровь, через связи крови, человек не мог - как об этом часто говорилось - взять свою судьбу в свои руки. Для этого было необходимо, чтобы деятельность этих ариманических духов, в той форме, как она существовала, была устранена из духовного мира. Ариманические духи хотели продолжать из духовного мира эту свою деятельность по расчлениению человечества по крови, но человечество должно было быть приведено к большей всеобщности, к пониманию духовной общности человечества. То, о чем говорится в наших кругах, а именно, что человечество Земли должно осознать себя, как единство, это не фраза, а необходимость нового времени. И это именно и было причиной мощной интенсивной битвы Михаэлических духов с духами ариманической природы, которые расчленяли человечество по крови.

Битва закончилась тем, что аримаинческие сущности были низвергнуты, и, с тем большей силой, действуют теперь среди людей. Среди людей создают они заблуждения, сбивают с толку, так как после поражения это является их намерением: сбить с толку во всем, что относится к понятиям и идеям, связанным с узами крови, кровного родства. Как раз особенно важно, что с последней трети XIX века во всем, на что человек здесь, на физическом плане, может воздействовать своими мыслями и восприятиями, действуют и эти импульсы, нельзя понять действительность, если не учитывать эти воздействия. То, как сегодня говорится о взаимоотношениях народов и тому подобном, это результат искажающего воздействия ариманических духов, изгнанных из высших духовных миров Михаилом.

Я уже часто говорил о том, что с конца 70-х годов XIX века мы вступили в эпоху Михаила. Мы должны рассматривать Михаила, как Духа Времени, сменившего Духа Времени Габриэля. Это очень важно: Михаэль, как Дух Времени.

Духи Времени прошедших столетий действовали иначе, чем этот Дух Времени. Духи Времени прошлых столетий действовали в развитии человечества еще в более или менее

подсознательном человека. Задача Духа Времени Михаэля, который с последней трети XIX века является ведущим в судьбах человечества, следующая: в самом сознании человека, все более и более в самом сознании человека, высвободить то, что должно произойти в земном развитии. Дух Времени Михаэль в конце 70-х годов вступил на физический план и теперь действует на физическом плане.

Со всем этим в наше время связано кое-что, что очень легко может быть неверно понято. Наше время очень и очень внутренне противоречиво. Наше время, если его обрисовывать поверхностно, легко может быть названо сугубо материалистическим, все гораздо сложнее. В целом можно сказать: это новое время в своей основе исключительно спиритуальное, именно исключительно спиритуальное. В такой мере спиритуальных понятий, спиритуальных представлений, как те, что дает современное естествознание, в развитии человечества еще не было. Только эти понятия - если можно так выразиться слишком утончены, абстрактны. Сами по себе, по своей субстанции, они насквозь духовны, но такими, как они выступают, если с ними неправильно обращаются, они не приспособлены выражать духовное. Эти естественнонаучные понятия, которые сегодня привиты всему образованию, это очень обоюдоострый меч, если я смею применить это парадоксальное сравнение. Можно употреблять их так, как это делает современная академическая наука. Тогда, хотя они и спиритуальны сами по себе, но они обращены только на мир внешнего, материального, и их спиритуальность отрицается. Но эти естественнонаучные понятия можно употребить и так, что они становятся материалом медитации, над ними можно медитировать. Тогда они всего надежнее ведут в духовный мир.

Если бы те, кто сегодня придерживается естественнонаучного мировоззрения, не были слишком ленивы, чтобы медитировать над своими понятиями, то эти люди с естественнонаучным мировоззрением очень быстро сами пришли бы к духовноведению. Дело не в содержании естественнонаучных понятий, а в способе их применения. Сами понятия тонки, интимны, но употребляют их в материалистическом смысле. Это не так просто уяснить себе во всех частностях, но надо это понять; поэтому надо бы нам, как бы в зеркальном отражении рассмотреть некоторые из этих истин.

Так живут люди: в понятиях, представлениях, идеях,

утонченных, я сказал бы дистиллировано-духовных, и им нужна только крепкая сила, чтобы от этих понятий придти к духовноведению; и эти понятия именно те, которые в эпоху Михаэля должны вступить в развитие человечества. Но они же и те, которые наиболее могут быть подвержены путанице, заблуждениям, вносимым упомянутыми, с неба свергнутыми, в небесах Михаэлем побежденными, ариманическими духами препятствий. Они, Духи препятствий, выступают, внося путаницу, в бесчисленных областях, в которых человек считает, что думает совершенно правильно, но в которых он в высшей степени предоставлен сбивающему с толку воздействию этих духов.

На обозрении одного из таких моментов станет ясным, как, собственно, происходит развитие - мы остаемся в области развития человечества. Возьмем важнейший закон развития, который с других точек зрения, мы уже не однажды рассматривали. Это же чудовищная поверхностность, когда думают что исторические события просто следуют одно за другим, что то, что произошло в 1918 году, является просто следствием того, что было в 1917 году, 1916 году и т.д. Это поверхностное наблюдение. Фактически развитие идет совсем по- иному; то, что происходит в духовных мирах, всегда в последующие времена особым образом продолжает своё воздействие. Можно взять любой год, например, 1879. Тогда, в 1880 году происходит нечто, что в известном смысле повторяется возвратно, 1878 году; и 1881 году в известном смысле повторяется возвратно то, что было в 1877 году - и так далее. Можно исходить из любой точки человеческого развития; всегда в значительных импульсах мы найдем воздействия предшествующих лет. Поэтому мы можем ожидать, что в важном отрезке времени действие этого закона развития человечества проявится с особой ясностью. Я уже много раз указывал на значительнейший отрезок времени - 1879 год, и на то, что он является завершением того, что в течение сорока лет разыгрывалось в духовном мире. Применим теперь тот закон, о котором я только что говорил. 1879 год - важнейший отрезок времени; когда низвергнуты определенные духи, действовавшие в духовном мире, как духи препятствий, которые с того момента, тормозя и запутывая, вводят в заблуждения, действуют на физическом плане, среди людей. То, что произошло в 1879 году, это завершение прежнего, начавшегося в 1841-1844 г.г. продолжавшегося десятилетиями. Возьмем 1841 год; с 1841 года по 1879 год

идет борьба в духовном мире. Сущности, стоявшие под руководством Духа, которого мы называем Михаэль - можно дать ему и другое имя - в 1841 году вступили в духовном мире в грозную мощную битву, завершившуюся в 1879 году. Она длилась, значит, 38 лет. Я сказал: то, что происходит завершающе, действует вновь в последующее время. Отсчитаем от 1879 года 38 лет - это 1917 год! Как в 1880 году повторяется то, что было в 1878 году в 1881 году - то, что произошло в 1877 году, так в известном смысле повторяется (находит свое отражение) в 1917 году в физическом мире то, что в 1841 году начало происходить в духовном мире, как имеющая исключительное значение битва. Это важнейший факт, что 1879 год является коренным переломным моментом, связанным действительными импульсами с прошедшим и с будущим. В известном отношении теперь, в 1917-1918 гг. на физическом плане повторяется то, что происходило в духовном мире в 40-х годах XIX века и, что можно обозначить как битву ведущих Духов против определенных духов препятствий. Этот подсчет я произвожу впервые. Многие из вас знают, что на эти отношения указывалось не однажды, и что в свете этих соотношений год 1917 должен рассматриваться как важная исходная точка для последующих событий.

Не следует говорить себе: ну, мы пережили 1917 год. Конечно, его пережили, но все значение того, что разыгралось в этом году, это все же пережили немногие, так как те немногие люди склонны были, в бодрственном состоянии правильно их оценить (осознать). В этом-то все и дело.

Я говорю все это, чтобы указать на то, что мы живем сейчас в значительнейшем отрезке времени, и что действительно необходимо происходящее в этом отрезке времени принимать серьезнее, чем это, в массе своей, делает современное человечество. Я говорил уже, как исключительно важно не оставлять вне внимания правильные духовные импульсы нашей эпохи. Наше новое время, такое, как оно сложилось. Что же в нем стало главным, задающим тон? Какое влияние преобладает в этом нашем новом времени? Что излилось, я бы сказал, во всё человечество? В основном только то, что выросло из грубейшего естественнонаучного мирозерцания. Но это грубейшее естественнонаучное мирозерцание охватывает только мёртвое, не живое, никогда не охватывает живое. А именно постижение живого имело бы такое значение, так действительно необходимое нашему

естественнонаучному веку. Но глубокую связь всех этих фактов со всеобъемлющими мировыми событиями еще нисколько не хотят видеть. Не хотят увидеть, что чем более стремятся жить в представлениях отражающих безжизненное, тем более разрушают социальную, общественную жизнь. Естественнонаучные понятия необходимо сделать подвижными и так оживить их, чтобы они действительно были применимы к жизни людей, чтобы они в известной мере, были применимы к совместной, общественной жизни людей.

В это новое, новейшее время развитие шло так, что в том, что считали наукой, образовывали понятия, пригодные для понимания внешней мертвой природы. Для объяснения жизни людей они совершенно непригодны. Но мы хотели объяснить жизнь людей. Общепризнанная наука применила эти понятия в истории, социологии, социальной политике и тому подобном. Но здесь они не применимы, и поэтому вообще нет понятий для понимания общественной жизни людей; нет их в сознании людей - и мы приходим к событиям, которым скоро уже 4 года. Люди должны научиться образовывать понятия более емкие и более живые.

Понятия, которые формирует естествознание, они полны духовности, добросовестно, методично применимы - но только для внешней природы. В наше время каждый работает в своей узкой области, понятия не расширяют, не выносят из одной области в другую, во всю совокупность человеческого мировоззрения. Возьмем только один пример, и вы легко поймете, что я имею в виду. Обычный современный учитель физики, говоря о магнитной стрелке компаса, которая одним концом всега указывает на север, а другим на юг, объясняет своим ученикам, что это свойство магнитной стрелки вызвано земным магнетизмом, что сама Земля тоже большой магнит; и было бы смешно, если бы этот учитель физики в самой магнитной игле искал силы, которые направляют один её конец на север, а другой на юг. Он объясняет это свойствами всей Земли, он ищет причины вовне в Космосе. В этой сфере безжизненного естественнонаучные понятия еще пригодны, здесь этим путем еще можно придти к пониманию отдельных фактов. Поэтому никому и не приходит в голову в самой магнитной стрелке искать силы, поворачивающие ее всегда в определенном направлении. Направляющую силу видят в северном и южном магнитных полюсах Земли.

Биолог этого уже не видит. Ему не приходит в голову подобное понятие. Биолог видит курицу, в которой развивается яйцо. Но ему и в голову не приходит поставить вопрос так, как его ставит физик в вопросе о магнитной стрелке. Биолог думает: если яйцо возникает в курице, значит, в самой курице причина его возникновения. Если бы он рассуждал, как физик о магнитной игле, он бы сказал себе: хотя курица и является местом, в котором развивается яйцо, но как в магнитной игле действуют силы Космоса, так действуют эти космические силы и при образовании яйца в курице. Я должен выйти за некие пределы природы (натуры) и обратиться к лежащим вне её силам. Курица - это место, где возникает зародыш яйца, но здесь действуют, проникая внутрь, силы Космоса, как они действуют, давая направление магнитной стрелке.

Образовать такое представление, методически его разработать, было бы действительно необходимо. Но официальная биология полностью зашла в тупик безжизненного, и с ее точек зрения такое представление немного смешно, пустая фантазия. Эта официальная наука не имеет всеобъемлющих понятий, и всего менее способна она сказать что-либо истинное о политической или социальной совместной жизни людей. Не приходится надеяться, что из этого сугубо естественнонаучного мирозерцания может вырасти что-либо так необходимое человечеству, оживление, обновление понятий. Именно в важнейшей области, охватывающей жизнь людей, этого не может произойти. Это станет ясным на одном понятии, которое мы попытаемся осмыслить духовноведчески.

Уже одно только рассмотрение человеческого скелета выявляет нечто исключительно важное, нечто, я бы сказал, величественное. Когда рассматривают человеческий скелет, то видят голову, которая, собственно, только посажена на остальной скелет, на туловище; это отдельный мир; остальная часть скелета построена совсем по-другому. Правда, согласно "Метаморфозам" Гёте, череп, скелета головы, есть преобразование скелета туловища, но череп сформирован шарообразно, голова - отражение всей мировой сферы. Конструкция остального скелета более месяцеобразна. Это нечто исключительно важное и указывает нам следующее: если из самого облика человека мы хотим получить плодотворные понятия о человеке, то мы должны разобраться в том, что выражено уже в самом этом облике (в его формах).

Наше естествознание грандиозно, но в области познания мира в целом, оно застряло на алфавите. Относительно познания мира оно неграмотно. Как если бы кто-нибудь не читая страницы книги, только описывал буквы, то есть не читал, а описывал каждую отдельную букву. Но науке надо переходить к чтению, надо уметь не просто описывать объект природы, как это делает сейчас естествознание, но вскрывать их взаимосвязи, их переходные ступени, их преобразования. Тогда, через чтение форм явлений природы, приходят к раскрытию смысла мироздания. Конечно, люди, которые сегодня слышат что-либо подобное, и своими тупыми головами совсем завязли на алфавите, если они что-либо подобное слышат, находят это ужасным. Можно привести много примеров того, как находят ужасным то, что вычитано из человеческого скелета и что может быть распространено на весь человеческий организм. Человеческая природа двойственна, и эта двойственность природы человека выявляется уже в коренной противоположности головы и остального организма.

Если к этой двойственности головы и туловища подойти с позиций духовноведения - можно бы взять и другие члены, но об этом речь не сегодня - то можно бесконечно значительно "вычитать" уже из одного только облика человека, - если действительно в него всмотреться. Духовноведчески можно увидеть, что эта человеческая голова от рождения и всю физическую жизнь проходит развитие, которое отличается от развития остального организма, как голова по своей форме отличается от формы остального организма. Очень интересно, что голова развивается в 3-4 раза быстрее, чем остальной организм человека. Если наблюдать остальной организм, то всему ему можно дать одно общее название, поскольку он весь в основном организуется сердцем; между организацией головы и организуемым сердцем, и остальным организмом большое различие. Этот организуемый сердцем организм (организм сердца) действительно развивается в 3-4 раза медленнее, чем организм головы. Если человек был бы только головой, то приблизительно, к 27-28 годам мы были бы уже старыми людьми, близкими к смерти, так быстро развивается голова. Остальной организм развивается в 3-4 раза медленней: и мы доживаем до 70-80 лет. Но это не меняет ничего в том, что мы фактически несем в себе обе эти природы, развитие головы и организуемое сердцем развитие туловища. Развитие нашей головы, как правило, к 28 годам завершено, дальше голова не

развивается. Остальной организм продолжает развитие из себя самого, посылает в голову силы развития. Кто способен сознательно видеть (понимать) облик человека, характерное в развитии облика человека, тот сам может, из внешних черт, если даже не самостоятельно найти все это, удостовериться в этом. Конечно, придти к этому надо через духовноведение.

Подумайте, кому не случилось видеть ребенка маленьким, а затем снова через несколько лет, и тогда только обнаружить, что он стал похож на того или иного. Это связано с тем, что силы наследования заключены, собственно, в остальном организме. Голова человека целиком образована из Космоса; и только когда силы наследования начинают работать из остального организма во внешнее, что происходит медленнее, только тогда лицо человека становится подобным остальному организму (похожим на...). Это есть только пример того, как внешние факты подтверждают найденное духовноведчески. Важно запомнить: голова проходит свое развитие быстрее, чем остальной организм.

В прежние времена знание этого не имело такого большого значения, тогда человек был более несвободен, более во всем руководим. Добрые духовные силы регулировали эти соотношения. Они устанавливали созвучие между темпом развития головы и темпом развития остального (человека) человеческого существа. Сейчас начинается время, когда человек сам должен приводить к созвучию эти соотношения. Поэтому важно, чтобы человек правильно представлял себе все это, он должен быть осведомлен в этих вещах; он грешит перед развитием, если этого не знает. И именно в важнейшей области человеческой жизни мы очень грешим против законов развития. С последней трети XIX века мы завязли в этом, и спорадически (время от времени) это уже выявляется. Оно скажется нам очень тяжело, если люди останутся глухими к духовным импульсам. Уже в наши дни это сказывается в том, что не учитывают того, что для нормального развития человек должен получать нечто, построенное на понимании различия в темпах развития головы и остального организма человека. Областью, где это незнание приносит особый вред, является преподавание! И вот почему: под воздействием естественнонаучного мировоззрения выработались понятия, которые постепенно стали чисто головными понятиями, ничего не дающими остальному развитию, понятиями, развиваемыми в темпе, соответствующими темпу развития

головы, и которые не могут быть восприняты из темпа, в котором идет развитие остального организма.

Этим сказно исключительно многое. Постепенно выработались понятия чисто головные, не затрагивающие сердца, оставляющие его пустым и прохладным. Сегодня это выявляется, как сказано, спорадически, время от времени, но это будет становиться все более давящим. Если вы умеете наблюдать жизнь, вы сами можете убедиться в этом. Двойственностью своей организации, как образований головного и образования сердечного, человек предназначен к тому, чтобы в юности получать не одно только головное обучение (образование). В юности основное внимание уделяется, ведь, головному, так как остальное развивается медленнее. Если бы остального человека хотели обучать так же, как головного, его должны были бы держать в школе всю жизнь. Школьное образование пригодно только для головы. Но современное воспитание головы так построено, что эта голова, душевно-духовно ничего не может дать остальному организму. Остальной же организм в течение всей жизни человека отдает голове свои унаследованные силы, иначе мы умирали бы в 28 лет, как это соответствует организации головы. Но голова также должна была вновь отдавать то, что она получила. Но современное обучение не создает этих возможностей, в этом вы можете убедиться, поставив себе вопрос: разве современные люди, получившие школьное образование, в позднейшей жизни вспоминают не только то, что будит их чувства? - Чаще всего они не только вспоминают лишь то, что будило их чувства, но они рады, если быстренько могут забыть все. Это означает, что остальной организм только созерцает обучение головы. Если бы он, как жизненную эссенцию, получал от головы необходимое ему, то не только вспоминал бы памятью, но и оглаживаясь душевно на сказанное учителем, как на блаженство, к которому в позднейшей жизни ежечасно с искренним удовольствием возвращаются воспоминанием, с внутренним удовлетворением, с привязанностью, во что все вновь и вновь погружаются, как в источник омоложения. Оно (воспоминание) было бы источником жизни (омоложения), если бы в ней были силы, образующие не одну только голову, а и сердце. Тогда из своего детства, из школьной (жизни) поры, в течение всей своей жизни человек имел бы действительные силы для остального, медленнее развивающегося организма. Имел бы... Сегодня это только еще начинается, с этим будет становиться всё хуже и хуже. Люди будут рано стареть, так

как они в высшей степени умозрительно будут обращаться одной памятью к тому, что пригодно только для головы, и что имеет поэтому значение лишь до 28 лет. После этого оно остается, непригодное, к чему вынуждена обращаться память; и человек стареет. Он рано становится душевно-духовно старым, так как силы развития головы не приспособлены к тому, чтобы переливаться во вчетверо медленнее идущее развитие сердечного организма.

Эти вещи надо принимать во внимание. Но если принять их во внимание, то вся наша школьная система должна быть изменена в корне, и вместо господствующих сегодня мертвых понятий необходимы понятия, наполненные жизнью. Изучая Канто - Лапласовскую систему, возвращаясь к ней памятью, люди будут все больше стареть. То, что есть в действительности, это духовнонаучное начало (исходная точка) Вселенной, из которого развилось физическое; такое понятие, если оно правильно вплетено в преподавание, будет в течение всей жизни источником молодости (омоложения). И это возможно: не только методически переработать весь материал преподавания, но полностью переработать, исходя из Антропософического познания, всю систему преподавания; тогда человек через всю свою жизнь будет нести нечто, что станет в нем неиссякаемым источником молодости (омоложения). Это должно быть достигнуто сознательно, - чтобы люди не становились старыми, едва дожив до 50 лет, чтобы они внутренне-душевно всю жизнь могли питаться тем, что они в юности восприняли, что они восприняли в детстве и что было бы в них источником оживления, душевно-духовно освежающим питьем. Но преподаваемое должно даваться так, чтобы оно было не только пищей для развития головы, но питало бы развитие всего человеческого организма.

Вникнуть в эти вещи - это значит оживить то, что у наших естествоиспытателей, а, следовательно, и в широких кругах является мертвыми понятиями. Не упускайте из вида большое социальное значение того, что сказано! Не думайте, что оно относится только к узкой сфере естествознания. Это не верно. Естествознание воздействует на все современное образование, на весь объём современного человеческого развития. Эти естественнонаучные понятия распространяются вплоть до "Воскресного газетного листка". И даже тот, кто из одного только своего "Воскресного газетного листка" черпает свои мысли, черпает из него то, что гасит в нем веру,

действительную истинную веру, которую он сегодня ханжески несет в свою церковь; даже сегодня он заражен естествознанием, которое в наши дни может предложить лишь мертвое, хотя это мертвое может быть рассмотрено наидуховнейшим образом. Эти вещи надо ясно довести до своего сознания.

Итак, вы видите, антропософически ориентированное духовноведение подлинно предназначено не для удовлетворения субъективных стремлений к познанию, но оно глубоко врежется во весь ход развития нашей эпохи. И вновь, - это проникновение в развитие эпохи тесно связано в нашем сознании, выросшем в Антропософию, с познанием того, что с 1841 года по 1879 год и по 1917 год происходило в развитии человечества, сверхчувственно и чувственно, над физическим планом и на физическом плане. Эти вещи должны быть поняты серьезнейшим образом. Слишком многое в наше время принимается не серьезно! В том и должно состоять оздоровление человечества, чтобы вновь стали живыми восприятия, понятия и чувства, относящиеся к развитию мироздания. Обдумайте это!

Если оглянуться на последние десятилетия - что сделала ведущая часть человечества, за исключением отдельных личностей, с вопросами мироздания? Кое-как популяризированы проблемы естествознания, на этих популяризированных, средствами нового времени, естественнонаучных понятиях, создано максимально наглядное. Если где-то объявлено, что кое-какие сообщения естествознания будут иллюстрироваться снимками, то это сенсация и вызывает большой интерес. Что же, собственно, сделал за новое время этот ведущий слой человеческого общества с вопросами мировоззрения. Живой интерес вызвали рассказы о путешествиях к Северному полюсу, об исследовании Бразилии, этот интерес не подлежит осуждению. Если кто-либо рассказывает о тайнах зарождения яйца, майского жука, то, как просвещенные обыватели нового времени, чувствуют себя обязанными посетить подобные лекции, хотя через 5 минут и погружаются в дремоту, - если лекция не сопровождается пробуждающим показом. Но где мы видим сегодня стремление поднять идею (мысль) человека до уровня мирозерцания? Где он? Это очень характерно и задуматься об этом сегодня вынужден каждый. В течение десятилетий где мы видим оживленнейшие дебаты о

мировоззрении, живейший интерес к вопросам миросозерцания? Да, на собраниях социал-демократов. Там вырабатывали миросозерцания. Но в других слоях общества этого нет, так как всеми силами оберегают себя от подлинного познания жизни человека.

Но что за миросозерцание вырабатывается у социал-демократов? Это миросозерцание построено на тех понятиях, по которым работают машины; мировоззрение, которое черпает свои представления о мире в голо-механическом историческом материализме, материалистического понимания человеческого сообщества. Вы прочтете об этом в любом социалистическом журнале. Большинство не читает их, а надо бы - для информации. Люди, прикованные к машинам, которые с утра до вечера не имеют дела ни с чем, кроме машин, и которые, когда они вечером отрываются от машин, вновь имеют дело с общественной организацией, являющейся отображением машины, эти люди и мир представляют себе, как огромную машину. У них выработалось мировоззрение, в котором нет места ничему индивидуальному, где все зажато в тиски представлений о мертвом. Есть хорошая, правдивая поговорка: смерть все уравнивает; - но можно сказать и так: мировоззрение, опирающееся только на машинное, на мертвое, тоже все уравнивает, гасит все индивидуальное, все живое. Мировоззрением, которое черпает свой образец в машине, погашено было бы все индивидуальное, все живое. Это не было опасно до тех пор, пока этому отдавались как во сне, как бы грезя, отклоняя все вопросы мировоззрения, и пока постепенно не утратили окончательно связь со всеми импульсами, которые могли бы ясным сознанием пронизать жизнь человеческого сообщества, жизнь воспитания. По существу, в наше новое время вопросы мировоззрения разрабатывались только там, где жили в понятиях, взятых из мира машин. И наука в наши дни дает только такие понятия. Если вы возьмете книгу Теодора Циэна, которая является образцом современной научной книги (примечание 97), и прочтете заключительную главу, то вы увидите, что и он принадлежит к числу тех, кто считает, что наука не может выработать понятия этические, моральные, эстетические, но затем высказывается мнение, что все, что исходит не из естествознания, только надуманная штукавина (чепуха, вздор). Между строк отвергается все, что дано не естествознанием. В заключение Теодор Циэн еще милостиво говорит: понятия свободы, этики, морали и тому подобное

должны быть почерпнуты из других источников. Подлинная наука должна отклонить понятие ответственности. Человек так же мало может быть ответственен за себя, как цветок, если он безобразен. Это абсолютно логично, если стоять на узких позициях голого естествознания, если применять, одни только понятия о мертвом. Но тогда живут в понятиях, которые не могут привести ни к чему живому и прежде всего к понятию Я.

Интересно рассуждает Теодор Циэн о Я. В этих лекциях, которые были записаны и потом изданы, так что они сохранили тон лекций, он говорит о Я: Я - это сложное понятие; если вы задумаетесь над тем, что вы, собственно, подразумеваете, к чему вы приходите и прежде всего, к своей телесности. Затем к своим родственным связям, затем к своим имущественным связям. Затем вы думаете о своем имени и звании - об орденах он не говорит - затем... ну и сплошь о подобных вещах. И то, что придумали иные психологи, это, считает он, - фикция. Да естествоиспытатель и не может, когда он думает о Я, придти ни к чему другому, кроме того, о чем, когда он углубляется в смысл слова Я, не думает ни один человек, конечно, если он серьезно воспринимает этот вопрос. Но это очень серьезно, что то, что вырастает из понятий о безжизненном, приводит к умерщвлению, разрушению, опустошению жизни. Теория, которая, исходя из понятий о важном, построила социальную теорию мировоззрения, если она осуществляется в жизни, действует не созидающе, а разрушительно. Человечество не осознало этого, поэтому ему приходится, с такими крайностями, осознавать это через жизнь. Так как что же случилось, произошло? На востоке, в той области, где однажды вскроются мощнейшие импульсы будущего, на этом Востоке разрушающе действует мертвая теория, перенесшая почерпнутое в машинном на социальное мировоззрение - ленинизм и троцкизм.

Отнеситесь к этому со всей серьезностью. Тот, для которого звучит только мертвое и кто и в человеке видит только мертвое, будь это даже такой большой ученый, как Теодор Циэн, когда он говорит о Я, о чувстве ответственности так, как это делает Теодор Циэн, тогда подлинными интерпретаторами его воззрений являются не он сам - так далеко он не думает - но Ленин и Троцкий - это те, кто делают правильные выводы из его утверждений, применяя их к социальной жизни, к человеческому обществу. То, что осуществляют Ленин и Троцкий, это непосредственное следствие того, что

выпествовано естественнонаучным мировоззрением. Но так как эта наука естествознания идет на компромисс с тем, что не является ее прямым следствием, только поэтому, именно потому, что она не доводит до логического конца свои утверждения, она и не превращается в ленинизм и троцкизм.

Поэтому и происходит так, что мысли не черпаются из действительности. То, что не является истиной, все же сохраняет свое объективное действие. Мысли - это действительности (реальности), не только понятия. Нельзя примитивно думать, что если ни один человек не знает, что это ложь, то она все же будет действенной силой. Это верно, но верно и другое: если имеется ложь, о которой никто не знает, что она ложь, это ничего не меняет в ее воздействии; в реальном мире она действует, как ложь. И какими бы благородными чувствами она не была вызвана, действует она как ложь.

Есть сегодня произведения - возможно, я об этом уже здесь упоминал, которые с позиций истинного божественного знания обсуждают проблему Христа Иисуса. Очень интересные книги, если они бескомпромиссны. Прежде всего одна датская книга (примечание 98). Есть и другие, которые последовательно высказывают то, что современный психолог, современный психиатр, мыслящий по-современному естественнонаучно думает, должен думать о Христе Иисусе. Кем же является тогда Христос Иисус? Эпилептик, патологическая личность, болезненная натура. И Евангелия так истолковываются, что из каждой главы ясно, что они болезненные измышления. Все это, конечно, тупость ума, но сказать, что это тупость ума, имеет основание только тот, кто видит духовное. Но те, для кого авторитетны естественнонаучные психология и психиатрия, из их позиций исходя, такое понимание Христа правильно, так как оно является его последовательным выводом. И человек, который рассуждает, как современный психиатр, все же лучше, правдивее, честнее, чем тот, кто признает авторитет современной психиатрии и в то же время по-другому судит о Христе, как те пасторы и приходские священники, которые признают современное естествознание и идут с ним на компромисс.

Ложь действует как ложь, как бы она ни драпировалась, так как она реальная сила. Сегодня прежде всего необходимо не укрываться за компромиссы, но видеть то, что необходимо в

наших условиях уметь видеть. Не хочет современный психиатр рассматривать Христа, как эпилептика и безумца - чем он является с точки зрения современной психиатрии - тогда он должен отказаться от современной психиатрии и принять духовноведение. Если бы люди сегодня были способны действительно стать на позиции, представить себе точно, охарактеризовать на основании того, что может быть узнано (познано), тогда стали бы мы с тем, что можно обладать верным импульсом, того, что должно действовать дальше.

На этих днях мне была передана записочка об одной книге, которая была мне уже знакома, вызвавшей отвращение дамы, так как это была дама. В записочке сообщалось о том, что написал Александр Машковский. У меня нет с собой этой книги, но из записочки вы узнаете, в чем дело. Вот ее содержание. "Кто когда-либо просиживал школьные парты, для того незабываемы будут часы, когда он читал у Платона о беседах Сократа с его друзьями, незабываемы по баснословной скуке, вызываемой этими беседами. И может быть, вспомните, что эти беседы вы находили очень глупыми, но, конечно, не отваживались заявить это открыто, так как тот, о ком шла речь, был Сократ, греческий философ. "Такой скороспелой переоценкой плавного афинянина достойно завершается книга Александра Мошковского "Сократ-идиот" (примечание 99). Эрудит Мошковский в маленькой, разговорным языком написанной книге, предпринимает не меньшее, как совершенно лишить Сократа его достоинства философа. Заголовок "Сократ-идиот" подразумевается дословно. Не ошибемся, предположив, что эта книга вызовет научные рассмотрения. Конечно, сегодняшний человек компромисса скажет: ну, мы достаточно знаем, чтобы сказать, что Сократ великий человек не идиот и тогда появляется Мошковский и говорит такое! - Но сегодня надо совсем по-другому оценивать эти вещи. Кто знает Мошковского, знает, что он в полнейшем смысле слова стоит на позициях крайнего естественнонаучного мировоззрения, вплоть до квантовой теории, что он занимает крайнее внешнее крыло современного натурализма. И надо сказать, что этот Мошковский гораздо более честен, чем те, кто тоже думают, что стоят на почве естественнонаучного мировоззрения, не считают, что должны признать Сократа глупцом; считая Сократа великим человеком, они идут на компромисс.

Сегодня трудно придти к ясности в этих вопросах, так как нет

чувства Правды, чтобы судить обо всем бескомпромиссно. И тот, кто признаёт величие Сократа, не должен принимать установок Мошковского.

Но это сегодня трудно, трудно уже 3 или 4 столетия. Поэтому событиям предоставили идти своим чередом, пока они не выросли в то, что разразилось в 1914 году. Факты жизни должны быть познаны в их духовно-душевной основе, в их подлинных глубоких импульсах. Должно быть осознано то, что сегодня совершенно особенно необходимо осознать: Правда и чувство Правды должны проникнуть в души людей! Тогда эти факты, освещенные чувством Правды, озаренные светом этого чувства Правды, покажут свое подлинное лицо. Тогда будут вынуждены, просто потому, что будут видеть истинное лицо фактов, придти к духовноведению. Так как импульсы современности говорят много, и говорят убедительно, и можно в свете духовноведения понять как сегодня должны разрешаться вопросы воспитания и обучения. Как раз для преподавания и воспитания важно знать о различии в темпах развития головы и остального, сердечного организма, так и для социальной жизни, для истории и юриспруденции многое важное может быть сказано духовноведением. Нам только надо выбраться из того, что мы сами себя затолкали из подавляющей веры в непререкаемый авторитет естественнонаучного мировоззрения. Нашему времени это необходимо. То, что естественнонаучное мировоззрение считает действительностью, создает понятия, которые никогда не будут пригодны в области совместной социальной жизни людей. Под гнетом этой ошибки живет сегодня человечество. Если глубже вдуматься, то это ясно видно.

Это то, что я хотел вам сказать сегодня. Если бы каждый стремился видеть подлинную действительность, осветить ее тем светом, которым озаряет духовноведение!

Я говорил вчера о том, как воспринимает Восток особенности нашего развития. Восточный человек сохраняет наивные, интуитивные духовные способности, и он видит во многом проявляющиеся компромиссность и непоследовательность Запада. Важно, интересно проследить именно теперь складывающуюся критическую оценку Запада ведущими силами Востока. На азиатском Востоке все более и более укрепляется мнение, что дальнейшее развитие человечества должен взять в свои руки Восток, эти воззрения, как легко они могли бы быть опровергнуты, если бы было принято во

внимание то, что звучит из духовноведения! Но надо пробиться к истинному пониманию духовноведения. Надо искать в духовноведении не только нечто интересное и дающее внутреннее душевное наслаждение, искать в нем надо то, что пронизывает всю жизнь во всем, её объёме. И надо понимать, что только сообщения духовноведения могут дать действительную основу для правильного понимания социальной нравственной и правовой жизни людей. То мировоззрение, которое в течение десятилетий складывалось под подавляющим воздействием современного естествознания, не связано корнями с истоками подлинной духовной Истины. Оно выросло из взгляда на мир, который свойствен людям, черпающим свои понятия из мира безжизненного и способным духовно обезжизнить весь мир. В будущем, когда будут объективнее думать об этих вещах, когда истлеют страсти, так часто определяющие и направляющие теперь людские суждения, в будущем - я глубоко убежден, что это может так быть - в будущем скажут: важнейшей характерной чертой эпохи 1917 года было то, что мировоззрение, построенное только на головном, пригодном для головы, которое влекло человека к старению, стало общепринятым (школьным мировоззрением). В будущем его однажды - это будущее, возможно, ещё далеко - назовут вильсонизмом, по имени великого "школьного" мудреца, у которого сегодня большая часть человечества готова учиться социально-политической мудрости. Не случайно голая школьная мудрость, лишенная малейшей духовности, стала сегодня важнейшей политической тенденцией именно в форме вильсонизма. Это значительный, это исключительной важности симптом времени. Сейчас еще невозможно говорить об этих вещах с действительной глубиной и широтой охвата. Но из данных сегодня наметок (намеков) вы поймете, как это, собственно, важно, попытаться вникнуть в эти вещи, как бесконечно важно вникать в них не из аффектов и эмоций, но из познания их.

Возможно, я здесь об этом уже говорил, но скажу еще раз, потому что это важно: сейчас несложно в Средней Европе высказывать такие суждения о Вильсоне, как только что высказанное, могу указать на то, что в цикле, прочитанном за годы до современных событий, когда весь мир, включая и Среднюю Европу, восхищался Вильсоном, ему была дана та же оценка, что дана здесь сегоня (примечание 100). Из гораздо более глубоких источников черпает Антропософия оценку

импульсов, действующих в наше время и вводящих людей в заблуждение, но в сфере Антропософии наши друзья имеют возможность увидеть как, задолго до внешнего выявления, можно видеть вещи в их истинном свете и как всё вновь и вновь дается в Антропософии их правильное освещение, правильное понимание. Если бы в будущем эти вещи нашли большее понимание, чем это было в прошлом! И вот, что хочу я особенно вложить в ваши сердца: то, что дается в антропософических исследованиях, должно находить значительно лучшее понимание, чем оно его встречало до сих пор. Оно может много глубже проникать в сердца и души людей и будить более интенсивную жизнь. Если бы это произошло! Так как то, что благодаря этому произойдет, поведет к оздоровлению будущего развития человечества, к выправлению многого, что было упущено и что, может быть, вновь будет упущено - если будут прислушиваться только к тому, что лежит вне Антропософии. Среди наших друзей у многих, так сказать, двойная бухгалтерия жизни. Одна - это антропософические обзоры и книги, так сказать, для личного потребления, для обогащения души и сердца. Другая - для внешней жизни, в которой они целиком опираются на авторитет естествознания. Этого часто не замечают, но полезно добросовестнее прислушиваться к голосу своей души, привести к единству обе эти "бухгалтерии".

Вся жизнь человека должна организовываться однозначно. Духовное должно вторгнуться в сферу естественнонаучного мирозерцания. И религиозная жизнь должна быть пронизана тем светом, который достигается духовноведением. Со всею возможною силою живого восприятия вникните в сообщенное и осмысленное сегодня, оно поведет вас к духовным высотам. Духовноведение дает человеку не только головное воспитание, но и воспитание сердца. Оно воспитывает сердце. Оно служит всему человечеству, не только той его части, что, собственно, должна бы умереть к 28 годам. На протяжении всей жизни оно дает человеку жизнестойкость и жизнеспособность. Старческими, нервными, негармоничными, издерганными делает людей воспитание, не учитывающее различие в темпе развития головы и остального организма. Всмотритесь в жизнь и вы в этом убедитесь. Жизнь может стать великим учителем, подтверждающим то, что читает в духовном мире антропософически ориентированное духовноведение.

Соедините в сердце все, что было сказано сегодня, к вашим сердцам обращенное, мои милые друзья, для воспитания наших сердец через духовное мира; сохраните то, что нас соединяет, как членов нашего движения. Так будем мы работать сообща, так будем мы стремиться работать вместе, каждый на своем месте, каждый в меру своих сил.

ЛЕКЦИЯ 14

Штутгарт, 23 апреля 1918 года

Я уже обращал ваше внимание на то, что вновь и вновь слышишь одно и тоже возражение против занятий истинами духовноведения, возражение, которое совершенно явственно порождается излишним стремлением к душевному удобству. Это возражение тех, кто говорит: я же не отрицаю, что человек, пройдя через врата смерти, вступает в иной, духовный, мир, но каков этот духовный мир, что в нем, с этим я хочу подождать! Здесь на Земле надо выполнять свои земные обязанности, после смерти, когда мы будем перенесены в тот, другой мир, мы увидим, что там есть, в том, другом мире. Нельзя отрицать, что этот довод очень удобен. Однако, если хотят вдуматься, а тем, кто действительно интересуется истинами духовноведения, подобает хорошо думать, так как такие размышления могут его укрепить в понимании необходимости заниматься истинами духовноведения. Чтобы ещё раз провести перед вашими душами эти проверяющие размышления, вновь рассмотрим сегодня, с одной определенной точки зрения, связи между жизнью человека здесь на Земле и жизнью между смертью и новым рождением.

Уясним себе, что человек в течение своей жизни здесь на Земле, в физическом теле, своим обычным сознанием воспринимает только часть того, что составляет его жизнь, так как все время происходят вещи тесно связанные с нашей жизнью, но которые не так явственны, чтобы отчетливо проникать в наше обыденное сознание. Порой эти вещи смутно проникают в наше сознание, но не во всем объеме значения, которое они имеют для нас в повседневной жизни. Обдумайте однажды вечером пройденный день, подумайте, в каких местах мы побывали за день, - можно бы взять что-либо иное, но остановимся на этом - с каким количеством людей вы соприкасались за день.

Это же все имеет для вас большое значение, так как ваше непосредственное окружение воздействует на вашу душу. Ничтожная часть всего множества того, что ежедневно воздействует на душу, достигает до нашего ясного сознания. Ведь огромная разница, были ли мы сегодня в 9 утра вблизи от Штутгартского вокзала или были мы на природе, в лесу, так как в обоих случаях совершенно различные вещи соприкасались с нашей душой. Обычно мы не отдаем себе

отчета в глубоком значении этого. Только как легкое дуновение жизни воспринимаем мы подчас эти вещи. Разберемся в следующем; вы можете в этом удостовериться и, конечно, не в том случае, который я приведу, но в других случаях - если будете хотя немного внимательны к жизни. Вы прибыли сюда сегодня вечером. Предположим, кто-либо в первом ряду был вынужден покинуть зал до того, как я закончил лекцию; он встает, проходит вдоль ряда и уходит. Кто-либо в третьем ряду его видит, но он внимательно слушает и своим обычным сознанием едва его замечает. Он сможет заметить, что он, может быть, исключительно мало видит во сне из того, о чем говорилось на лекции. Так как, вероятно, если бы можно было статистически установить - не так велико число моих уважаемых слушателей, которым многое снится из того, о чем мы здесь говорим. Но вы легко заметите, - может быть, не на этом примере, но на подобном, что вам снится тот, кто тогда встал и вышел. Это значит: в бесчисленных случаях жизни вы можете заметить, что именно в сонном сознании вы возвращаетесь к тому, что в течение дня едва коснулось вашего сознания. Поэтому люди так мало знают о своих снах. Так как большая часть того, что снится, это именно промелькнувшие, незамеченные впечатления дня. То, что ясно схвачено дневным сознанием, снится очень редко. Оно снится в том случае, если было связано с определенными впечатлениями и чувствами, которые опять-таки не были ясно и отчетливо осознаны. И при пробуждении человек так мало помнит сны именно потому, что это то, на что в прошедшем дне он обратил так мало внимания. Ограниченность памяти о снах связана с этим. Коротко, я хочу сказать, бесчисленное проскальзывает (шуршит) в человеческой жизни, что очень бегло касается нашего сознания и что тем не менее имеет большое значение для душевной жизни человека, хотя оно и остается в неосознанном или в подсознании. Все, что, я бы оказал, шуршит между строк жизни, приобретает большое значение после того, как человек пройдет сквозь врата смерти.

Время, которое человек проводит между смертью и новым рождением, мы уже неоднократно рассматривали с различных точек зрения. В этой области всё так связано одно с другим, что только исходя из различнейших точек зрения можно получить относительно целостное представление. Всё, что для обычного дневного сознания проходит незамеченным, приводится в движение, когда человек проходит врата смерти. И то, что человек таким образом переживает спустя большой

промежуток времени, я бы назвал, развертыванием образов. По сути дела то, что тогда происходит с человеком, это прохождение через переживания имагинативного сознания. Огромное количество образов, которые очень смутно доходили до нашего земного сознания разворачивается перед нами, помимо картин жизни. И из того, что здесь на земле было ясно доведено до нашего сознания, удаляется. То, что здесь было мало затронуто сознанием. То, что здесь было ясно осознано, выступает после смерти более как воспоминание, как картины памяти; того, на что здесь было обращено мало внимания, разворачивается как в настоящий момент живущие образы (картины настоящего времени).

Сегодня мне особенно важно указать на то, что в первую треть жизни между смертью и новым рождением человек в основном погружен в эту разворачивающуюся картину живых образов, то есть в основном погружен в жизнь имагинаций. Мы можем прийти на помощь этим имагинациям, установив связь между нами, оставшимися здесь, и кармически с ними связанными, пройденными (прошедшими) вратами смерти. Затем наступает вторая треть, в течение которой эта духовно-душевная жизнь человека более наполнена инспирациями. Тогда человеку становится ясно, какое значение в мировых связях имеют образы, которые он перед тем переживал, как эти образы включают его в мировые связи. Так как всё, что человек переживает, имеет значение для мировых связей. Не следует думать, что может быть безразличной встреча с человеком, на которую вы, может быть, и мало обратили внимания, но вблизи которого мы были. Она будет развернута в этих образах в значение, которое она имеет в событиях мира. Это встанет как откровение в инспирациях во второй трети жизни между смертью и новым рождением.

В последней трети человек живет в основном в интуициях. Тогда он должен перенестись в свое духовно-душевное окружение. Тогда человек живет своим сознанием, погруженным в свое окружение. И именно в этой последней трети, через это погружение, подготавливает человек свое будущее погружение в физическое тело путем зачатия в физическом мире. Интуиции в последней трети жизни между омертью и новым рождением являются введением в те интуиции, которые затем, естественно, подсознательно или бессознательно, направляют человека к погружению в тело, которое ему предоставляет наследственный поток родителей,

прародителей и т.д. И остается в человеке нечто, когда он из чисто духовно-душевного мира вступает в физический мир. Подумайте - если вы примите во внимание, что человек такое долгое время жил в духовно-душевных ситуациях, естественно, что он захочет, погрузившись в физическое тело, сохранить еще нечто от этого привычного. Так и происходит в действительности. Так, как чем, собственно, являются - прочтите об этом в книжечке "Воспитание ребенка в свете духовноведения"- основные, важнейшие душевные устремления в первые 7 лет, до смены зубов? Я это (устремление) назвал подражанием. Ребенок всё время стремится делать то, что делают в его окружении; он исходит не из собственных побуждений (инициатив); он переносит себя в поступки тех, кто его окружает, и повторяет их, как бы впечатывая в себя. Это отзвук инициации последней трети жизни между смертью и новым рождением. Мы рождаемся как существа, впитывающие в себя свое окружение, так как мы переносим в физическую жизнь то, что мы долгое время духовно-душевно делали в том, другом мире. Человек постепенно вырастает в эту, физическую жизнь - мы понимаем это, бросая взгляд на то, к чему он привык в духовном мире. Перед вами поставлена одна из мыслей духовноведения, подобная многим другим которые в ближайшие столетия и тысячелетия должны вступить в духовную жизнь человечества. Мысли должны очень, очень измениться по сравнению с теми, что теперь живут в сознании людей. Подумайте о том, что в последние столетия стало обычным, думая о бессмертии, думать, собственно, только о том, что будет после смерти. Всегда думают: может ли человек перенести за порог смерти то, что он развивает то, чем живет он в физической жизни? - Это для человека важнее всего. Эта сторона проблемы бессмертия, несомненно, важна, но вся проблема примет совершенно другой характер, если подумать, я бы оказал, о другой половине вопроса о бессмертии, если интересоваться не только вопросом о том, чем является смерть в смысле продления земной жизни, но если задать себе вопрос: как связано то, что мы переживаем здесь на Земле, с нашей предшествующей жизнью. Для той жизни, которой мы жили прежде, в духовном мире, наша жизнь здесь в физическом мире, является потусторонней. Мысли людей пойдут в этом направлении. Люди увидят, что понять жизнь здесь на Земле можно только, если видеть в ней продолжение предшествующей духовной жизни. Они вновь станут интересоваться не только этой жизнью, что последует за

земной, но и той жизнью, что предшествовала земной жизни. Ведь за исключением последней трети XIX века люди все же интересовались вопросом бессмертия в плане того, в какой мере бессмертие является продолжением земной жизни. Так ставили вопрос ученые – философы, но эти ученые – философы, хотя они и утверждали себя представителями непредвзятой науки, а по сути дела, во многих отношениях продолжали традиции предвзятости, выросшей из следующего. Обдумайте тот факт, что церковь времен Оригена (182-253г.г. н.э.) осудила (прокляла) учение о предсуществовании души, что она осудила Оригена за его учение о предсуществовании души, так что церковь попала в очень трудное положение: был Ориген, величайший учитель церкви, и нельзя было отрицать, что он учит о предсуществовании души, но это учение было запрещено церковью. Церковь была в явно большом затруднении. В течение всего средневековья было под запретом учение о предсуществовании души. Профессора философии только утонченно продолжили это, и писатели-философы тоже. Они только были ошибочно убеждены, что думают непредвзято. В других вопросах дело обстояло так же, в вопросах, примеры которых здесь уже приводились. Надо себе уяснить, что направление мыслей, направление человеческих воззрений, должно быть в корне изменено духовноведением. Земная жизнь предстанет в своем инстинном значении, только, когда будет осознано, что она является продолжением жизни в духовном мире. И правильно понята она может быть только исходя из таких позиций. Когда научатся так рассматривать этот вопрос, тогда найдут правильное отношение ко второй половине вопроса о бессмертии души, когда уяснят себе, что эта земная жизнь имеет значение для потусторонней жизни, что человек из потустороннего мира стремится к Земле, чтобы пройти земную жизнь, что ему нужна земная жизнь, тогда, исходя из этих предпосылок, совсем по-иному озарится вопрос о подлинной ценности земной жизни, совсем по-иному, чем это было доступно до сих пор.

Одно особенно обратит ваше внимание на то, как это важно: задуматься над вопросом о ценности земной жизни. Не очень умеют различать друг от друга 2 момента, а именно: человек мыслит и: человек имеет мысли. Но эти два момента существенно различны. Мышление - это сила, которая есть в человеке, это - деятельность и эта деятельность создает мысли. Эту деятельность, силу, которая живет в мышлении, ее

приносим мы с собой в земную жизнь, из жизни между смертью и новым рождением. Эту силу мышления мы направляем на внешние восприятия чувств и образуем мысли о своём окружении, о том, что нас окружает. Но эти факты нашего земного окружения ведь не имеют никакого значения для жизни между смертью и новым рождением, так как у нас их просто нет. Они имеются только здесь на Земле для восприятий наших (внешних) чувств. Поэтому и наши мысли, которые мы составляем здесь о явлениях этого мира, как они воспринимаются нашими чувствами, не имеют никакого значения для жизни после смерти; но они имеют значение для жизни после смерти, то, что мы вообще даем пищу этой силе мышления, так как эта сила мышления остается нам на всю жизнь между смертью и новым рождением. Сами мысли, которые мы составляем о явлениях, воспринимаемых внешними чувствами, бесплодны для жизни после смерти. Во время между смертью и новым рождением они служат только как опорные точки для восприятия Я.

Представьте себе двух человек. Один из них никогда не озабочен тем, что может быть сказано духовноведением или чем-либо ему подобным о жизни в духовных мирах. Он составляет себе мысли только о том, что ему предоставляют его внешние чувства. Чему учит обычная наука. Но наука тоже имеет дело лишь с тем, что предлагают внешние чувства. И он считает: я подожду думать о духовном мире, пока я в нем не окажусь. С известной точки зрения это наименее худшее воззрение из тех, что появилось в 19 веке, когда появились люди, которые убеждены, что силами науки они придут к полному отрицанию существования духовного мира, подобно высказыванию, вложенному поэтом в уста такого отрицателя: "Как Бог свят, я атеист! (примечание 101). Примерно из таких умонастроений возникал порой атеизм в XIX веке, из таких "полных мысли" душевных установок. Представим себе человека, который просто несколько не думает о том, чтобы составить себе какое-либо представление о духовном мире. Это один тип человека. Другой - отдается мыслям о духовном мире. Это иные мысли, чем те, что порождаются физическими чувствами. Не правда ли, нельзя отрицать, что это совсем другие мысли. И это явствует хотя бы из того, что мысли, не направленные на духовный мир, с точки зрения большинства из живущих сегодня людей, умные, реальные мысли, а мысли духовноведения - сумасшедшие, фантастические, безумные.

Но возьмем этих двух человек. Каково будет продолжение этих двух, когда они пройдут врата смерти? Тот, кто здесь на Земле не имел никаких мыслей о духовном мире, не провел через свою душу мыслей о духовном мире, тот после смерти, как человек душевный, будет в том же положении как тот, кто, имея физический организм, не имеет еды, то есть голодает. Так как мысли, которые мы себе здесь на Земле составляем о духовном мире, являются пищей для одной из важнейших сил, остающихся у нас после смерти - для силы мышления. Эту силу мышления мы имеем подобно тому, как на Земле мы имеем силу голода, но это чувство голода не может быть удовлетворено между смертью и новым рождением, если душа не была подготовлена мыслями о духовном мире здесь на Земле. После смерти мы имеем имагинации, инспирации, интуиции, но мыслей, как таковых, мы не можем иметь. Их мы должны пережить здесь. Мы должны вступать в жизнь между рождением и смертью, чтобы приобрести здесь мысли. Этими мыслями, приобретенными здесь в физической жизни мы питаемся весь период жизни между смертью и новым рождением, и мы "голодаем", если мы их не имеем. В этом различие. На духовный голод в потустороннем мире обречен тот, кто не хочет здесь на Земле иметь мыслей о духовных мирах. И тот, кто может насытиться в жизни между смертью и новым рождением, это тот, кого я обрисовал, как второго человека, который живет в тех мыслях, которые мы развиваем здесь. Поэтому, если бы материализм стал всеобщим единственным мирозерцанием человечества, тогда люди в жизни между смертью и новым рождением всё более становились бы, если можно употребить такое выражение, изголодавшимися, голодными. Следствием этого было бы искалеченное при новом рождении вступление в физический мир. Духовная жизнь захирела бы, а с нею захирел бы и физический мир, который человечество должно еще проработать в течение этого земного периода.

"После нас хоть потоп" - в некоторой мере удалось довести до сознания ничего не подозревающего, не имеющих понятия о том, что это значит человечества, смысл этих слов (примечание 102). Это высказывание исходит из души, охваченной материализмом Эти слова не имеют никакого смысла для того, кто знает действительность. Хочет или не хочет человечество видеть связь души с духовным миром, но в этой связи лежат основы будущего развития. Благо всей Земли

зависит от того, чтобы современное человечество не утратило мыслей о духовных мирах. В наши дни необходимо всё более вникать в это, так как неизмеримо многое зависит от того, чтобы ход развития человечества был осознан духовно.

Мы рассмотрели многие важные понятия о духовных мирах, это необходимо, так как в конце концов эти духовные миры вторгаются в наш физический мир, и, не поняв духовного мира, нельзя понять и физический мир. Мы рассмотрели разнообразнейшие понятия. Действительно думающий человек придет к тому, чтобы понять всё значение этого фактора мыслей о духовном. Нельзя понять всю действительность, если думать только естественнонаучно, как нельзя понять и материальное бытие, если думать только естественнонаучно, отменяя духовноведение. Я хочу привести вам очень парадоксальный, очень странный пример.

Думается, я уже однажды и здесь не так давно говорил о вышедшей года полтора назад очень значительной, толстой книге образцового естествоиспытателя современности Оскара Гертвига (1849 - 1922 г.г.), ученика Геккеля, "Становление организмов, опровержение дарвиновской теории случайностей" (Иена, 1916 г.). Это прекрасная книга, стоящая на вершине современной науки. И я в последнее время часто пользовался возможностью там или тут указать на её основные положения. И в культурно-историческом отношении это примечательная книга. Вы знаете, что в 1869 году, в пору расцвета дарвинизма, господствовавшего над материалистически настроенными умами, Эдуард фон Гартман выступил против идей дарвинизма в своей "Философии бессознательного". Естествоиспытатели подняли крик: "этот философ - дилетант, который говорит о духе, ничего не понимает в естествознании". - События развертывались так как я это уже не раз описывал. Однажды вышла из печати книга, о которой даже ученик Геккеля Оскар Шмидт (примечание 103) написал: "наконец, появился некто, понимающий в естествознании!" - Он сказал это о Гартмане! Мы сами не сказали бы лучше; он созвучен нам и мы можем приветствовать его, как одного из наших! - Создали страшную рекламу. Понадобилось второе издание. Тогда автор назвал себя: это был Эдуард фон Гартман! Тогда реклама умолкла. Должен был случиться такой конфуз, чтобы показать, что те, кто говорит о духе, так же разумны, как те, кто его отрицает. Эдуард фон Гартман писал еще многое и показал, как

односторонне мыслит дарвинизм. Он встретил немного взаимопонимания. Но можно сказать: после спокойного, хорошо проработанного исследования именно такой человек, как Оскар Гертвиг, пришел к тем же мыслям, которые высказал Эдуард фон Гартман уже в 1869 г. Он даже цитирует его часто в своей книге. Мастерски построена эта его книга: "Становление организмов...". Это образец выросшего из естественнонаучного метода современности мастерского исследования.

Несколько недель, как появилось как бы продолжение этой книги, написанной тем же автором "К опровержению социального, этического и политического дарвинизма". Едва ли можно себе представить более неумную книгу, чем эта, которую Оскар Гертвиг написал после своего первого эпохального труда. Нельзя себе представить ничего более неудовлетворительного, пустого, чем эта книга. Вы знаете, на основе духовноведения надо воспитывать в себе свободу от авторитарности. И если наши милые друзья после того, как я вознес до небес действительно делающую эпоху книгу Гертвига и буду продолжать так о ней говорить, если исходя из авторитета автора, купят эту вторую книгу и будут думать, что надо придать большое значение тому, что в ней написано, то они впадут в большую ошибку. Духовноведение учит нас в действительной свободе вырабатывать свои суждения, в любой момент, в любом направлении быть готовым свободно стоять перед любым встреченным явлением. Вера в авторитет ни в какой степени не допустима в области духовноведческих устремлений, иначе это будет не духовноведение, а карикатура на духовноведение. Чем объяснить разительное различие между этими двумя книгами? Дело в том, что в наши дни можно быть большим, делающим эпоху естествоиспытателем, то есть быть в состоянии всё материальное и все явления в материальном охватить научными методами XIX-XX столетия, но когда затем начинают подходить с теми же методами к сфере человеческого, к тому, что живет в людях, когда они соприкасаются друг с другом в этически-нравственной жизни, в политической жизни, развивают политические идеи, в тот момент, когда начинают думать о том, в чем действует духовный элемент, можно будучи гениальным естествоиспытателем, в этих вещах быть совершенно беспомощным так как для этих вещей естественнонаучные методы естествознания не применимы. Именно такой литературный пример показало нам наше время, подтверждая

то, что явствует из духовноведения, подтверждая в реальности. Так что, читая эту вторую книгу Оскара Гертвига, видят, что нет ни одной ценной мысли о том, что разыгрывается в социальной, этической, политической жизни, как нет их и в современной действительности, так как наша современность отнюдь не богата плодотворными идеями в социальной, этической и особенно в политической жизни. Это опять же связано с чрезмерной переоценкой чисто естественнонаучного мышления. И при этом Оскаром Гертвигом руководят наилучшие побуждения; он хочет оторвать натуралистическое мышление от мышления социального, этического и политического. Он отклоняет натуралистическое мышление в сфере этих проблем, но у него нет плодотворных мыслей о социальной, этической жизни, их нет. В этой книге есть курьезнейшие духовные выверты и я хочу обратить ваше внимание на один такой выверт, но все время помня, что первая книга - прекрасна.

Этого не замечают. Оскар Гертвиг авторитет; наша эпоха не авторитарна, но падка на любой официально признанный авторитет. Тогда, подчиняясь авторитету, многое не замечают. Но Оскар Гертвиг в своей второй книге хочет показать, как надо правильно естественнонаучно мыслить. Сам он это умеет, но безотчетно. Это можно уметь и инстинктивно. Он говорит: методы прекрасны, надо только освоить их, обдумывать их нечего. Исходя из этого, Оскар Гертвиг приходит к следующим странным мыслям. Он говорит о том, как надо естественнонаучными методами вести исследование окружающей нас действительности. Он говорит: великий дар прообраз мышления в области физики, химии и биологии дали нам астрономию, и дело затем, чтобы люди научились в физике, химии и в, собственно, жизненных явлениях мыслить так, как мыслили астрономы о небесных явлениях. Это убедительно, если тогда говорят: следуйте за величием мышления Кеплера, Коперника, Ньютона, чтобы понять / объяснить/ явления окружающего нас мира! - Но подумайте, что же это значит? Явления жизни, физические явления, химические явления, явления живого, они вокруг нас, они окружают нас, они вблизи нас, мы непосредственно соприкасаемся с ними. И вот для их познания мы должны обращаться к явлениям, отстоящим от нас так далеко, как только возможно помыслить; значит, в то время как мы от небесных явлений отстоим так далеко, как это только возможно, должны искать в них понимания того, что нас

непосредственно окружает. Нельзя придумать более абсурдной мысли. Но тысячи и тысячи людей проходят мимо этой нелепости и понятия не имеют о том, что подобные нелепости (пронизывают) разлагают мышление современности, и что, если оно (разложится) поглотит себя, оно должно будет отрывать (делать далекими) людей и все больше отрывать от действительности. Из такого мышления и таких идей мы никогда не придем к познанию никаких социальных или этических, или политических структур. Это принадлежит задачам духовноведения - внести ясность в то, что представляет собою современная, так называемая, духовная жизнь людей.

Я сказал, что мы должны обращать взгляд на духовные силы, которые вторгаются в обыденный физический мир. И мы все вновь и вновь говорим о том, что человек в своей жизни включен в три силовых потока: люциферический, ариманический и тот, который соответствует, собственно, человеческому. Я часто указывал и на то, что нельзя думать я сумею избежать люциферического, я сумею избежать ариманического - если так думают, как раз и подпадают им. Мы должны ясно давать себе отчет в том, что находимся внутри этих трех потоков, надо их познавать, изучать. Надо ввести в жизнь знание люциферического и ариманического.

В последние столетия и тысячелетия многое в социальной исторической структуре человечества находилось под сильным воздействием именно люциферических импульсов, действовавших через людей. Можно назвать очень многое, стоявшее под люциферическими импульсами, но я приведу только одно, на чем воздействие этих люциферических сил будет ясно каждому.

Не правда ли, большую роль в том, как люди ставят себя в жизни, в различных положениях жизни, играют честолюбие и тщеславие. Иной никогда не стремился бы к тому, или иному посту, если бы социальное устройство не побуждало его к этому. Получение титулов, чинов, орденов, всё это в итоге покоится на люциферическом элементе. Попробуйте однажды составить себе непредвзятое представление о том, что как многое в жизни человека определяется тем, что люди ловятся на рыболовный крючок честолюбия, ловятся на эту приманку. Попробуйте обдумать, как в социальном устройстве люди располагаются один над другим, один под другим, как

социальное устройство считается с этим честолюбием. Уясните себе в какой мере на этом построена структура социального организма. В этой области исключительно велика роль Люцифера.

Разберемся в другом явлении, которое теперь входит в силу. В духовноведении тот источник, который может дать правильную, соответствующую действительности оценку, таким вещам. Разберитесь в том, что теперь называют "проверкой одаренности". Она направлена на то, чтобы из общей массы детей и юношей выделить одаренных. Настоящее идолопоклонство угрожает развиться из испытаний на одаренность. Как это делается? Есть ученые психологи, которые хотя ничего не понимают в душевной жизни, но считаются знатоками психологии. Психологи, выращенные современными методами, которые поэтому считаются способными выявить из массы молодежи детей одаренных, разумеется, чтобы затем соответствующий человек попал на соответствующее место. Но возбуждают тщеславие и честолюбие - думают они, - но выявляют одаренных. Эта проверка на одаренность выявляет быстроту схватывания, память. Пишут не имеющие связи слова и тот, кто быстро их запомнит, обладает лучшей памятью, чем тот, кому на это понадобилось больше времени. Проводят испытания интеллекта на интеллигентность. Пишут 2-3 слова, не имеющие связи между собой и дают задание установить между ними связь (ассоциацию). Пишут, например, "разбойник" и "зеркало". Один говорит: разбойник видит себя в зеркале; другой: в моей комнате есть зеркало, в комнату прокрадывается разбойник и я вижу его в зеркале. Второй думает сложнее, значит он одаренней. Затем эти ответы обрабатываются статистически и таким образом вылавливаются наиболее интеллигентные (высоко интеллектуальные); их затем выделяют, чтобы иметь нужного человека на соответствующее место.

Тот, кто что-либо возражает против таких "великих достижений современности", он же расценивается, как неотёсанный дурак, который ничего не понимает, о чем идет речь.

Осветим этот вопрос с точки зрения духовноведения. Что проверяется этими тестами? Не проверяется ничего, что имело бы действительное отношение к душе. Нужно только

задуматься вот над чем, вероятно, значительнейшие люди прошлого, достигшие величайшего в жизни, по этим тестам оказались бы неодаренными. Подумайте хотя бы о Гельмгольце, так высоко чтимом в наши дни; если бы он был подвергнут такой проверке на одаренность. Он бы наверное не достиг тех постов, которые имел в жизни. С развитием душевной одаренности идущей из воплощения в воплощение индивидуальности эти тесты не имеют ничего общего; они проверяют только сумму заложенных в человеке ариманических сил. Проверяют не человека, а то, что в нем заключено, как ариманические силы. И так, как в прошлом опирались на люциферические силы, так теперь начинают опираться на ариманические силы, и строят социальное на чисто ариманическом. Конечно, разобраться вполне в этих сложностях могут лишь те, кто действительно стоит на почве духовноведения, кто хочет и может видеть мир духовно. Так как то, что я вам сейчас сказал о проверке на одаренность, огромным числом людей и их журналистским сопровождением возводятся в ранг величайших достижений современности и расценивается, как основа социальной структуры будущего. И, которая "не верит" авторитетам, эта бедная публика не имеет никакой возможности разобраться в том, в чем здесь собственно дело. У нее нет возможности составить себе ясное понятие о подобных вещах. Вот к чему мы пришли.

Если из того многого, чему мы сегодня дали воздействовать на наши души, вы создали себе понятие о том, что в близком будущем должно свершиться в жизни человечества, в его духовном развитии, то вы на верном пути. Но тогда вы должны быть озабочены необходимостью охватить сознанием человеческие индивидуальности, чтобы принести им навстречу то, что соответствует их сущности. И тогда вы не придете к проверке ариманических способностей, так как эта проверка ариманических способностей может привести только к тому, что человечество будет рассматриваться как сумма машин, не больше. Проверяют ведь только проявление духа во внешней телесности. Такой "проверкой на одаренность" проверяют человека, ведь только в пределах того, поскольку он является машиной. И вычитывают из такой проверки установки для социального устройства, организуя человеческое общество по образцу физического, по образу машин. Нисколько не помышляют о том, что покоится в основах души и, что ни в какой мере не улавливается при таких испытаниях. Но я не бросаю упрека тем, кто в наше

время из подобных проверок создает себе буквально идолов, так как тот, кто не соприкасается с духовноведением, и не может составить себе иных представлений, для него это умнейшие достижения современной человеческой жизни, от человеческой действительности. Оно уводит в область абстрактного, в то, что в человеческой жизни является мёртвым и принадлежит духу Аримана. Надо видеть всю серьезность этого: люди отрываются от действительности. И это то, что особенно интенсивно выступает навстречу: всё больший отрыв людей от действительности. Тот, кто не имеет понятия о духовной действительности, постепенно теряет и чувство обычной, повседневно его окружающей, внешней действительности, - если его профессия или что другое не понуждает его быть внимательным к этой действительности.

Приведу вам пример. Это, очень забавное, произошло в недавние дни. В одной очень читаемой газете появилась статья Фритца Маутнера, критика - лингвиста. В этой статье Фритц Маутнер, который является исключительно просвещенным человеком, ругает вышедшую на днях, в собрании "о природе и о мире духа" книжечку, в которой совершенно в духе современной материалистической науки, - именно так, как об этом говорит современный университетский профессор - обсуждаются утвердившиеся в материалистической науке понятия об астрологии. В заключение автор сообщает гороскоп Гёте и рассматривает, в какой мере он может объяснить события жизни Гёте. Но, по сути дела, добрый профессор только посмеивается над теми, кто придает значение гороскопу. Он изображает их как тех, кого можно повернуть в любую сторону. Фритц Маутнер ругается на трех полосах "Берлинской ежедневной газеты". Нельзя понять почему, собственно, он ругает автора. Нет ни малейших оснований срамить его. Мнение того, кто написал эту книжечку, совершенно, совпадает с его, Маутнера, мнением, оба одинаково расценивают астрологию. И очень скоро газета напечатала опровержение автора, в котором он говорит, что не понимает Маутнера, что он же едва ли не на каждой третьей строчке ясно высказывает свое отрицательное отношение к астрологии, она интересуется его не больше, чем самого Маутнера; он же совершенно с ним согласен. "Берлинская ежедневная газета" - газета очень ловка - и заявляет к опровержению, что у автора, собственно, нет никаких оснований принижать критику на свой счет и предъявлять претензии к её автору. Фритц Маутнер был многолетним

театральным критиком "Берлинской ежедневной газеты" и пишет теперь для нее своего рода письма о театре.

Фритц Маутнер со своей стороны заявляет, что не может ничего возразить автору этой антикритики. Мы стоим перед своеобразным фактом, когда двое людей полностью совпадают в своих суждениях, но один выступает против другого. Фритц Маутнер, следовательно, выходит из себя, когда, хотя бы просто что-либо слышит об астрологии, или если кто-либо упоминает о гороскопе. Иначе нельзя объяснить о появлении этой статьи. Он пишет так, как будто автор этой книжечки ярый астролог и хочет доказать значимость Гёте некоего гороскопа. Вы имеете здесь пример того, как двое людей взаимно сражаются, один по свободной воле, как Фритц Маутнер, другой вынуждено, так как начал эту борьбу Фритц Маутнер - двух людей, во взглядах которых нет ни малейшего различия. Как это случилось? Нечто подобное может произойти только, если оба вообще не имеют связи с четко ограниченной реальной действительностью, о которой здесь идет речь, если оба живут в чем-то ином, чем действительность. Блестящий пример того, что сегодня говорят и говорят и очень разумно говорят - Маутнер очень разумный человек, - но за словами нет ничего реального. Нет ни малейших оснований к тому, что говорится.

Здесь вы имеете пример очень логичного построения мыслей, совершенно лишенных связи с действительностью. К этому приводит мышление, оторванное от духовной действительности, так как тогда мысли неизбежно постепенно лишаются связи и с физической действительностью. Важно это знать. В этом ужасающая серьезность этих явлений. Так как в конце концов, Фритц Маутнер и гейдельбергский профессор набрасываются друг на друга со словами, не имеющими никакого значения, так как за ними не стоит никакая реальность, два ли политика выступают, один в Америке, а другой в Европе, и может быть тоже говорят об одном и том же, хотя между ними коренное различие, не в этом дело. Если все люди говорят так оторвано от действительности, не имеют чувства реальности, тогда эта оторванность от действительности становится широко распространенным явлением. Она и стала широко распространенным явлением. Так как это только гротескный пример, который я привел вам, этот случай с Фритцем Маутнером и профессором Баллем. Мы сталкиваемся с такими явлениями всюду. Так вообще сегодня

действуют. К чему это приводит? К бессмысленным схваткам. Проникновение в действительность приводит к единству; оторванность от действительности к столкновениям. Со временем люди увидят в какой огромной мере наши катастрофы связаны с этим основным явлением современности, настолько это серьезно. Обратите внимание еще вот на что. Мы имеем дело с одной из наиболее читаемых газет. Спросите у бесчисленного количества читателей, обратил ли кто-нибудь внимание на этот гротескный случай, на этот парадокс? Нет, это скользит мимо людей. Но в событиях это не проходит бесследно, это имеет горькое, злое воздействие. Что здесь происходит? Человеческие духовные силы употребляются неправильно. Подумайте, если бы эти духовные силы, бесплодные, когда они оторваны от действительности, были использованы правильно, тогда они были бы связаны с действительностью, стояли бы внутри правильного, нормального потока жизни. как жизни. Но так, как оно есть, оно служит Ариману.

В промежуточном потоке это отрыв от действительности, но это проскальзывает в другие сферы и действует там вредоносно. В этом серьезность проблемы. Он (отрыв от действительности) не проходит бесследно, проникает в другие сферы и создает взаимосвязи, которые не соответствуют действительным соотношениям. Это можно наблюдать чисто внешне, рассудочно, умозрительно.

Не правда ли, наше время не авторитарно. Люди все испытывают и оставляют лучшее. Тем не менее случается, конечно, что люди подчиняются авторитету. Такой человек, как Фритц Маутнер, имеет бесчисленных почитателей, веря ему на слово. Такая статья, конечно, производит большое впечатление. Подумайте, сколько мыслей пробуждено этой статьей; все они втянуты в сферу Аримана.

Мои милые друзья, необходимо всё снова и снова указывать на невероятную значимость этих вещей. То, что я охарактеризовал отдельными примерами, это встречается сегодня на каждом шагу. Мы живем во время, в котором мы действуем правильно только если решительно стремимся к безоговорочной ясности, свободе от предрассудков, непредвзятостей. С полной непредвзятостью стоять перед фактами жизни - в этом наша задача. И именно духовноведение открывает пути к тому, перебрасывая мост,

правильно связывая внутреннее человека с подлинной действительностью. Так как именно в этом отношении люди живут в сплошной мгле тумана. Если вдуматься, трудно понять, как люди изо дня в день живут в таком тумане. Но это было необходимо, чтобы люди имели возможность научиться стоять на своих ногах. Люди должны научиться своими собственными силами, не через авторитарность, пробиваться к ясности. Для отдельной человеческой души одним из лучших, значительнейших достижений духовноведческой работы должно стать приобретение свободного, ясного, непредвзятого суждения о том, что предстает перед ним в окружающей жизни, и освобождение от того, что по сути дела, властвует сегодня над всем человечеством "просыпания" событий жизни. Люди просыпают то, что находится у них перед глазами. И окутать всё мглой тумана - это же именно устремление тех, кто односторонне носится со всевозможными монистическими или "естественнонаучными обоснованиями"- как они говорят - идеями, но которые по существу, являются никем иным, как просто материалистами. Они уверяют, что именно они ведут к действительности. Но они уводят от действительности. Попробуйте сказать Оскару Гертвигу, что он рассматривает факты в отрыве от действительности, он же подымет вас на смех, потому что он совсем не в состоянии увидеть, что это действительно так. Но как духовный исследователь вы получаете как бы укол меча, когда вы читаете, что факты непосредственно нас окружающей жизни должны рассматриваться по образцу небесных явлений, далеких от нас, как только можно помыслить. Надо жить обращая внимание не на то, что пишется в той или иной книге, - разумеется, если это не духовноведческие книги, - а на то, что происходит, так сказать, у нас под носом и что сплошь и рядом предлагают нам явления, которые мы должны научиться воспринимать объективно. Человечество стоит у полного значения поворотного пункта. И то, что я говорю, это же не критика эпохи, а только подчеркивание того, что "это есть то и то". Не случайно, что так произошло, так как таким путем человек поставлен в необходимость опираться на себя самого, становиться самостоятельным. Боги не ставили себе целью провести человечество через развитие как самостоятельные духовно-душевные автоматы, поэтому они должны были привести к такому положению, какое мы имеем сейчас. Это мудро и добро, но это должно быть правильно понято и принято к руководству.

Дать вырасти и подняться этому образу мыслей из

глубочайших импульсов и внутренних сил жизни - это должно стать одним из достижений нашего духовноведческого движения. Тогда мы, пожалуй, не приобретем приятное для внешних чувств, уютное успокоение в чуждых миру идеях, что так приятно, если хотят проспаться жизнь, но тогда основывают подлинное служение Духу, которое божественно-духовные силы, являющиеся основой всего сущего, внедряют в жизнь Земли. Об этом в следующий раз.

ЛЕКЦИЯ 15

Штутгарт, 26-го апреля, 1918-го года

Основная особенность наших духовноведческих обзоров еще недостаточно оценивается в наших кругах. Возможно даже многим среди нас кажется странным, когда об этих особенностях нашего духовноведческого движения вначале говорят абстрактно, и они думают: это же само собой разумеется, как же иначе! - И тем не менее это не так. Эта основная особенность, которую я имею в виду, состоит в том, что наше духовноведение не только вообще утверждает, что духовный мир является действительностью, что внутри духовного мира действительно живут и действуют духовные существа, но оно на отдельных явлениях, на частностях все вновь и вновь показывает вокруг нас и внутри нас самих во время нашей земной жизни является творчеством Богов. Я говорю можно думать, что когда серьезно обращают духовный взор на духовный мир, становится само собой разумеющимся окружающее нас рассматривать, как творение духовного мира. Но это еще далекий путь, чтобы от этих обобщающих, совершенно абстрактных, пустых, ничего не говорящих мыслей, проникнуть к тем духовным сферам, где в отдельном, конкретном постигается, как в чувственной действительности творит Дух. Я покажу вам это сегодня на одном своеобразном примере. На примере, который одновременно покажет, как далеко современное человечество от того, чтобы хотя бы предчувствовать, что это значит: чувственный мир вокруг нас, как мы его переживаем между рождением и смертью, - творение духовной действительности.

Чтобы разобраться в том особенном примере, к которому мы сегодня подойдем, хотел бы я восстановить в вашей памяти то, о чем говорилось вчера в открытой лекции. Сегодня мы рассмотрим это тлубже, и ближе к практике, проведем эти факты перед нашими душами.

Вчера и еще раньше я говорил здесь, в этой ветви, о том, что я бы хотел назвать омоложением человечества в ходе развития. Восстановим коротко в памяти о чем здесь речь. Если мы пойдем обратно по ходу развития человечества вплоть до той катастрофы в жизни, когда континент, располагавшийся между современными Европой и Америкой, погрузился в воды океана и взамен возникли на западе американский и восточно-европейский континент, то мы

найдем, исходя от нашего времени, пять человеческих эпох. Первая послеатлантическая эпоха, последовавшая непосредственно за атлантической катастрофой, это индийская культурная эпоха. Она далеко ухлестит в прошлое от периода, освещаемого историческими документами. Вы найдете краткое ее описание в моем "Очерке тайноведения". Но сегодня для нас важно следующее, что должно ясно стоять перед душой: в ту культурную эпоху человек жил так, что его духовно-душевное развитие и его телесное развитие шло совместно вплоть до 50 лет. Под этой совместностью (со-жизнью, со-деланием, со-участием) подразумевается нечто иное, чем то, что мы имеем сейчас. Когда чувствуют усталость, когда чувствуют старость, это же не та со - жизнь, какой она является в ранние детские годы. Нет, то, что мы теперь в поздние годы переживаем физически-телесно, оно в сознании не непосредственно соединено с духовно - душевным. Мы не принимаем участия в упадке нашего физически-телесного развития. Именно тогда, когда мы могли бы участвовать в упадке физически-телесного, мы проходим как бы род обратного развития. Общий упадок физически - телесного, минерализация массы мозга, склеротизирование телесности - и именно в это время будем мы узнавать бесконечно многое о духовном мире. Через нашу телесность будем мы познавать то, что теперь должны познавать через духовноведение, - если мы вообще ищем знания о духовном мире.

В древнеиндийской культуре это нисходящее развитие физически-телесного и душевно-духовного шло совместно вплоть до 50 лет. До 50 лет оставались ребенком, только (становились) стареющим ребенком.

Затем наступила вторая послеатлантическая культурная эпоха, древне-персидская, тоже доисторическая; в ней люди еще вплоть до 40 лет проходили совместное развитие душевно-духовного и телесного. Затем, в третьем культурном периоде человечество, как таковое, в целом, вновь помолодело. В египетски-халдейское время души эмансипировались от телесности, примерно, между 36 и 42 годами. Затем наступила греко-латинская культура, в период которой произошла Мистерия Голгофы. Тогда люди вплоть до 35 лет проходили с телесностью такое развитие, какое теперь доступно лишь детству. А сегодня мы в 5-ой послеатлантической культуре - мы вступили в нее уже в XV веке, - и в этой культуре мы только до конца двадцатых годов сопереживаем жизнь тела;

затем мы вообще переживаем больше идущее к упадку развитие. Поэтому теперь человек в своих природных задатках так мало склонен воспринимать в свою душу духовное.

В древние времена само физически-телесное давало духовное; сегодня физически-телесное уже не является проводником духа. Поэтому духовное должно восприниматься самой душой. Душа уклоняется от этого. В древние времена было нелепостью не верить в духовное. Чтобы не верить в духовное, человек должен был умереть до 35 лет. Если он жил после 35 лет, он переживал через то, что происходило в нисходящем развитии в его теле – нечто, что разворачивалось, как непосредственное восприятие духовного. В древние времена было немыслимо неверие в духовное. Но в то время, когда развитие шло описанным путем, был утрачен моральный импульс, величайший во всем обозримом развитии человечества моральный импульс. Я прошу не недооценивать этот величайший моральный импульс, который был закономерно утрачен и который должен быть вновь обретен – духовно-этически, спиритуально – этически. В те древние времена дети знали от страших: когда человек переступает за 35-ий возраст, тогда он познает нечто, что недоступно в юные годы. Перенеситесь душой в это чувство, в котором росли дети и молодежь: я узнаю нечто, когда вступлю в нисходящее развитие; тогда я познаю нечто, пока мне недоступное, так как мое физическое тело его не может мне сейчас дать. Вдумайтесь в это ощущение, так резко отличающееся от сегодняшнего, когда с таким настроением ожидают повзросления. Это же невероятно отличается от сегодняшнего, когда ожидают старости и знают: тогда наступит нечто, что недоступно в молодости.

Все стало по – другому, но все же не в столь категорической форме, как это, может быть, кажется. Не правда ли, когда высказывают истину, подобную только что приведенной, то по современной дурной привычке мышления мы тотчас думаем: или да, или нет. В действительности мы никогда не имеем дела с этим "или, или", но как правило мы имеем дело с "и так, и так", Духовное не выявляется теперь само собой, когда человек вступает в возраст старости. Но если в духе духовноведения в душе пробужден огонек Духа, то, когда становятся старыми, даруется из нисходящей телесности нечто, что совсем особым образом вживается в то, что познано на путях духовноведения. Если бы прошли жизнь без

познавательного соприкосновения с духовным, тогда вы ничего особенного от старости не переживете; вы не узнаете сокровищ старости. Под этим познавательным соприкосновением с духом подразумевается не нечто профессиональное, но то, что доступно каждой простой душе, так как духовноведение может стать общедоступным, если человечество к этому будет стремиться. Вы не будете в детстве и юности ожидать чего-либо особого от старости. По-иному все теперь, когда искра духовопознания не природно - закономерно встает в душе, но пробуждается путем воспитания, через подступающее к душам человеческого сообщества духовноведения. Тогда, если будет правильно понято то, чем может стать духовноведение для жизни души, именно через духовноведение будет вновь, но теперь уже сознательно побеждено чувство: я должен ожидать чего-то от старости, старение дает нечто. Когда мне исполнится 35 лет, то, что живет во мне самом, станет иным, чем оно есть сейчас, когда я еще зелёный юнец 20 лет. Это настроение нечто чрезвычайно важное для человеческой души; настроение, которое я хотел бы обозначить как жизнь полную ожидания, жизнь, которая просто знает: творящие силы, которые ты в себе переживаешь, ты должен со всею серьезностью понять, как творчество Духа в твоей душе.

Воспринимаем ли мы сегодня, когда уже не ищут знания о духе, даже если оно вчekanено словами речи, воспринимаем ли мы сегодня всю серьезность того, что человеческое творчество есть творчество Духа? Нет, этого совершенно нет. Если бы это воспринимали, то знали бы: то, что мы стареем, полно смысла. Весь ход человеческой жизни - это творение богов; не зря мы стареем, из года в год духовное всё по-новому изживает себя в нас. Все новые и новые стороны раскрывает то, что тогда развивается в нас, что изнутри наружу раскрывается в нас. Жить в ожидании, из года в год ждать нового от становления все старше, это результат серьезного вживания в слова: все, что вокруг нас и что внутри нас, это творчество Духа. Это настроение, это проникнутая ожиданием жизнь должно укорениться в самой сути воспитания, должно влиться во всё настроение, стать сущностью воспитания. Так, чтобы дети с малых лет, и потом, когда они становятся юношами или девушками, и позднее, жили с чувством: пока мы молоды, Дух раскрывается нам не вполне, но по мере того, как мы становимся старше, он все по-новому раскрывается душе. Нужен толчок к познанию Духа, чтобы не упустить, не

оставить без внимания то, что подымается из глубин нашего существа, так как наше старение не бессмысленно, но полно содержания. Сегодня молодые люди раздражаются, когда им говорят о значении возраста, они кажутся себе зрелыми, чтобы быть избранными в парламент или в другие представительные органы, хотя они, конечно, не для этого не зрелы, так как дело в том, что правильное суждение о социальных взаимоотношениях людей и о социальном устройстве вырастает только на основе зрелого обзрения жизни. Если вообще имеют это душевное настроение жизни, полной ожидания, то знают: то, что окружает нас, как внешнее устройство, это нельзя познать жизненно, воспринять полностью, пока не вступают в определенный возраст.

Духовноведение, если оно правильно понято, не является чем-то абстрактным, оно вникает в практическую жизнь. Духовноведение, если оно понимается всё больше и все правильнее, глубоко внедряется в практическую жизнь и будет вживаться всё более, вплоть до конкретных частностей. У растущего человека оно создает совсем иное восприятие жизни, ощущение ожидания нового, что будет приносить ему каждый новый год его жизни. В духовноведении заложены полные сил ферменты воспитания, энергичнейшие воспитательные импульсы. Оно содержит моральные импульсы, которые совершенно иначе воздействуют на души людей, чем те моральные импульсы, которые прославляют современное человечество. Духовноведение содержит импульсы, притекающие к человеческой душе из всеобъемлющего универсального смысла жизни.

Этим я, конечно, же не хочу сказать, что у каждого, кто подходит к антропософии, тотчас осуществляются все моральные идеалы. С моральным делом вообще обстоит так, что вначале оно, как идеал, витает над человеком, а затем человек по своей собственной воле должен внедрить его в свое собственное существо. Духовноведение, как таковое, содержит в себе эти значительнейшие моральные импульсы, не только мораль земную, но и всеобъемлющую универсальную мораль. Важно в истинном свете видеть эти вещи. Исключительно важно, чтобы душевная настроенность, связанная с тем, о чем я сейчас говорю, через духовноведение нашла путь к человеческим душам. Так как наше время привело к такой сложной катастрофе именно то, что мы живем в переходный момент, который несет новое человеческой душе, а люди еще

держатся за старое, противятся новому, особенно в сфере (в принципе) воспитания. Во внешней, из материалистической культуры исходящей жизни, видим мы может быть даже противоположное тому, чего властно требует от нас будущее. Исключительно важно, чтобы прежде всего подростающему поколению было привито это видение смысла в находящейся в процессе становления жизни. В этом отношении сегодня каждый является еще только подрастающим человеком, так как духовноведение еще так мало вошло в плоть и кровь, что еще должно проработать себя тем, что может для воспитания души дать духовноведение. Должно быть покончено с представлением, что в 20 или 25 лет ты уже полностью человек, вполне развившийся человек, который должен теперь просто жить и от которого дальнейшая жизнь требует только применения того, чему выучился, или - просто пользоваться жизнью.

Если глубоко заглянуть в жизненные соотношения, то сказанное мною глубоко, очень глубоко выступает перед душой. То, что в древние времена само собою жило в душе, в наше время должно, как постоянное чувство, заботливо, сознательно выращиваться в душе: чувство жизни наполненной ожиданием. О, это нечто очень значительное, если человек в 30 лет говорит себе: в будущем, только потому, что я стану на 5, 10 лет старше, через само это взросление раскроется мне то, что теперь является тайной. Мне есть чего ожидать.-Обдумайте, что это значит, внести такое в воспитание! Но это и нечто реальное, живое, это струящееся существо, которое в древние времена само действовало в человеке, а в новое время должно быть сознательно привито воспитанием. Оно есть то, что так выступает в человеке. Мы не замечаем его, не ищем его, поэтому его как бы и нет для нас. Но не думайте, что вы не становитесь мудрее с годами, не прикасаетесь к тайнам, если вы эти тайны не замечаете. Духовное действует в вас. Все вы становитесь богаче духом! Различие только в том, что один принимает это с доброй волей, а другие, вообразили, что в свои двадцать лет стали завершёнными людьми. Теперь это особенно свойственно, так называемой, интеллигенции - отклоняют мысли о необходимости принять в свое развитие что-либо новое. Совсем юные люди пишут сегодня стихи и прозу, активно выступают в различных областях. И какие чувства несут навстречу всему этому? Как мало задумываются над смыслом жизни, который как творчество Духа выявляется в

становлении человека. Но духовное не ослабевает, даже если молодые люди сочиняют драмы или пишут фельетоны, или тому подобное! Невзирая на это, они могут иметь Дух, только они не знают о живущем и развивающемся в них Духе.

Что же происходит с этим Духом, живым Духом, который в древние времена развивался сам собой? Этот Дух должен распыляться. Он распыляется. Он распространяется в духовной атмосфере. Он рассеивается в ауре человечества. И это то, что вновь и вновь должно быть сказано нашему времени и чему оно, конечно, не верит по той простой причине, что оно считает фантазией, если ему говорят о Духе. Юный фельетонист, который мыслит себя таким умником ничего не знает о Духе, который переходит в ауру человечества и распыляется в ней. В наши дни эта аура человечества пропитана духовным. Этот распыленный Дух должен быть вновь собран воедино человеком. Именно тем настроением души, о котором я говорил. Так как мы приблизились уже к моменту, когда, если будет продолжаться это распыление Духа, должно возникнуть страшное бедствие. Так как это один из важнейших законов духовного мира, что Дух, когда он покидает своего носителя, превращается в нечто совсем иное, чем он был. Ясно охватить это сознанием: Дух, покидающий своего носителя, распыляющийся, становится чем-то оовершенно иным, чем если бы он был сохранен своим носителем. Он ухудшается в своем ооществе, становится вредоносным, ариманическим. Сегодня это только еще намечается, так как мы стоим в начале этого, но оно может привеоти к устрашающим бедствиям, если ему не воспрепятствовать, к опустошающей бездуховности. Люди будут искать пищу душе, так как дали распылиться Духу, который давал душе эту пищу. Поиск чего - то, без знания того, чего же ищешь, это должно будет становиться все более распространенным явлением, если зло не будет приостановлено. Мы видим уже начало этого во многом, о чем я вам рассказывал.

Чем же живет сегодня человек, если он упустил свою жизнь в Духе? Он ищет чего - либо, и этот поиск приводит его к самым различнейшим странным формам. Очень распространенная область, это основание союзов, обществ, других группировок с хорошо разработанными программами. Выдвигают различнейшие пункты. Могут быть очень разумные предложения, но преимущественно это совершенно детские,

не ушедшие от детства, но окостеневшие идеи, которые выпускают в мир в виде программ обществ. В этой области умеют теперь изобретать бесконечно многое. Но о духовном они мало знают, не умеют реально действовать в духе, исходить из зерна духовного, объединять людей в подлинное человеческое сообщество.

В этом и причина того, что так много возникает конфликтов в нашем Обществе, которые по понятным причинам не всегда выявляются и которые я сейчас не собираюсь обсуждать. Всюду, где я сам могу вырасти, какой-либо импудс, хотел бы я, чтобы всё было как можно дальше от всяких уставов, правил и установок. Так как к чему уставы, если группа людей соединяется для жизни в Духе? Приходится выработать такие уставы, чтобы предъявлять их правительственным органам; это другое дело, это не имеет отношения к подлинной сути. Важно как мы сами относимся к этим уставам. Дело в том, что Общество должно жить так, чтобы каждый новый член Общества вносил в него новое, своё. Общество должно быть таким, чтобы его не сковывали никакие уставы, чтобы оно, если было основано, например, 5 лет назад, могло так же изменяться, как ребенок, который, ведь, в 12 лет совершенно иной, чем он был в 7 лет. Но это чуждо современному образу мышления. Образ мышления нашего времени стремится к лишенному живой жизни, закованному в узы абстрактного. Можно привести много примеров, показывающих, что люди не имеют ни малейшего понятия о расплывающейся духовной жизни. Ищут и ищут на всех возможных путях. Подумайте только, как много женских и всяких других Обществ в любом мало-мальски большом городе! Ищут и ищут, так как не знают о том, что должно быть сохранено, и что расплывается. Ищут потому, что не имеют того, что так необходимо, чего не умеют увидеть. Эти искания порождены опустошением, обездуховленностью жизни. Эта опустошенность жизни приняла бы устрашающие размеры, если бы человечество не поняло необходимости того, чтобы зазвучала та настроенность души, о которой я только что говорил.

То, чего не хотят сегодня понимать, это непосредственное восприятие Духа. Это восприятие того, что то, что в тебе есть, это творчество живого Духа; оно же требует подвижности переживания, которого нет. Никогда не чувствовать себя законченным, завершенным - это в известном отношении неудобно. Но это необходимо для того, чтобы человечество

шло вперед. Чувствовало духовноведение, как побуждение к живой жизни, действительно жить в том, чего требует современный этап развития человечества - это является важнейшей задачей тех, кто действительно посвятил себя служению Духу; это значит жить с человечеством и познать, что в данный момент является его задачей в ходе развития, то есть, что ему предназначено совершить. Попробуйте непредвзято подойти к окружающим вас событиям. Большинство людей, собственно, ведь, просыпают события, происходящие вокруг. Они думают, что должно вернуться положение, которое было до 1914 года и ждут этого. Они совсем не понимают как глубоко воздействие того, что происходит, не понимают, что, собственно, происходило как необходимость, чтобы люди проработались к совершенно новым понятиям, к понятиям, которых раньше совершенно не было. Понять жизнь в её историческом становлении, это первейшая задача духовноведения, задача духовноведчески направленного мышления.

Дух распыляется, если остается вне внимания человека, как это так часто теперь происходит. Но распыляется только одна часть, другая остается, застаивается в организме человека, хотя и не осознается им. Она пропитывает организм человека, но человек этого не ощущает, не осознает, она впитывается в кровь и плоть, действует в бессознательном, но, что человек должен был осознавать, частично распыляется, частично погружается в подсознание. Как же действует Дух в этом подсознании?

Рассмотрим немного подробнее в чем причина того, что Дух частично погружается, вынужден погружаться в подсознательное. Причиной тому преимущественно являются те неправильные принципы воспитания, когда стремятся вгонять (втискивать) повзросление и умственную жизнь, стремятся к тому, чтобы дети возможно раньше переставали быть детьми. Стремятся, чтобы ребенок возможно раньше приобретал собственное суждение, возможно раньше переходят в воспитании к противоположному, тому, что описывается в моем "Воспитании ребенка с точки зрения духовноведения". Необходимо, чтобы ребенок жил преимущественно в образных представлениях, чтобы рассудочное возможно позже касалось его души. Об этом сегодня понятия не имеют. Вся культура этому чужда. Но за эту культуру нечего держаться, реакционным духовноведение

никогда не станет. Оно, конечно, всегда будет считаться с достижениями внешней, материальной культуры, но эта внешняя материальная культура с её достижениями как раз требует противовеса. По-иному жизнь людей шла в те древние времена, когда в юные годы не учили чтению и письму. Я не выступаю против грамотности, не поймите меня в таком смысле, но в наше время неграмотность считается несчастьем, так как достоинство человека видят в том, что как живое живет в его душе, а в том, что он приобретает извне, что, собственно, очень мало затрагивает само существо души человека. В те древние времена, когда письмо было еще иероглифическим, когда каждый буквенный знак обозначал целое понятие, письмо еще было живым. Но сегодня: эти маленькие значки, которые на белой бумаге стоят перед глазами малютки-ребенка и должны что-то обозначать, эти маленькие значки, которые дети сами наколдывают на бумаге, какое имеют они отношение к душе ребенка. Это же не рисунки, по своей воле изображаемые рисунки. Это только значки, произвольные значки. Можно себе представить, что все здесь написанное могло быть изображено совсем другими значками. Многие сегодня уже имеют тенденцию к другому способу изображения. Изобрели стенографию. Но было необходимо, чтобы тот способ изображения, который мы имеем, был именно таким, он мог быть и совершенно иным. Но само это явление было необходимо в земной культуре, против него восстают только реакционеры, не духоиспытатели. Это неизбежно должно было наступить. Но противовес появится. Духовноведение не считает идеалом отмену школьного образования, но противовес будет создан, дети получат обучение образами, обучение, которое будет содержать указания на мировые тайны, которое через всё, чему учат, будет соединять душу с мировыми тайнами. Каждое животное, каждое растение в своих формах отображают нечто таинственно созвучное со всем мирозданием. Но живую восприимчивость души, чтобы всё это воспринять обретают только в определенном возрасте. Совместно с мирозданием надо расти в определенном возрасте.

Приведем и здесь пример. Я уже приводил здесь слова, которые часто употреблял мой старый друг Винценц Кнауэр (примечание 104), автор трудов по истории философии. Из своего, воспитанного на среднесвековой схоластике, мышления он опровергал тех, кто утверждал однородность материи – ну хотел бы я посмотреть на однородность материи

у волка и лани: изолируем волка, так, чтобы он не мог питаться ничем, кроме лани; если действительно материальное волка и лани однородно, то волк постепенно должен был бы становиться ланью, хотя бы принимать формы лани. Это показывает со всею ясностью, что в том, что формирует волка - мы называем это групповой душой,- в том живом, что формирует структуру волка, лежит нечто иное, чем в структуре лани. Видеть только голо материальное не оформленное, не проодухотворенное материальное, это не ведет к пониманию сотворенного мира, но уводит от него. Животные вокруг нас созданы в многообразнейших формах. Вдумайтесь, как в этом отношении по-иному сотворен человек. Вдумайтесь точно, в чём здесь дело. Люди по всей Земле сформированы однотипно, исключая небольшие расовые различия, которые ощутимы, но не достигают значительных различий в мире животных. Почему? Соотношение сил равновесия у человека иное, чем у животных. У животного силы равновесия располагаются соответственно земле. У обезьян, тело которых направлено почти прямо, вы можете это видеть. Животное так организовано, что его позвоночник предназначен к тому, чтобы располагаться параллельно к поверхности земли, передняя часть его тела находится на том же уровне, что и задняя. Важнейшим фактом является то, что человек с самого начала построен так, что то, что у животного расположено рядом с задней частью тела, у человека расположено над нею, что оно перекрывает заднюю часть. У человека линия, идущая через голову к земле, совпадает с линией центра тяжести у животного не совпадает. Тем, что человек призван иметь свое собственное положение равновесия к земле, что у обезьян становится карикатурой, а у человека является само собой разумеющимся, естественным положением, этим поднимается (выводится) он из той структуры, которая свойственна любому виду животных. Человек организован иначе, чем все виды животных, так как он имеет прямостояние и его голова поднимается над задней частью тела. Это нечто исключительно важное. Дарвинисты оставили это совсем без внимания. А в этом суть.

Я мог сегодня это только наметить, если бы я хотел рассказать это детальнее, понадобились бы многие лекции, тогда только был бы вполне освещен глубоко значительный вопрос об отличии от животного. Но это не главное, что интересует нас сегодня; сегодня нас интересует то, что

человек побеждает в себе животную организацию, приобретает вертикальное положение, создает особое, только человеку свойственное, соотношение сил равновесия к Земле. Этим он делает себя независимым от Земли. Но только как физический человек. Если мы переходим к эфирному телу, здесь все по другому. Эфирное тело подвижно в самом себе; в каждом отдельном человеке в каждое мгновение оно иное. Когда кто-либо смотрит на льва, ясновидчески видите вы в наблюдающем человеке напечатленным образ льва. Наблюдаете вы гиену, в сверхчувственном вы становитесь подобным гиене. В физическом человек побеждает внешние образования, но в эфирном теле он уподобляется тому, что встает перед ним в его окружении. Это еще одно важное, что отличает человека от животного. Животное сохраняет свой образ. Лев, встречающий собаку не повторяет в своем эфирном теле её образ, он внутренне, как и внешне, остается львом. Он, собственно, узнает в действительности только как бы другого льва. Посмотрите, как по-разному противостоит животное себе подобному или животному другого вида. Но человек подвижен, многогранен, в своем эфирном теле он оозвучен своему окружению. Но дело в том, правильно ли это приспособление или оно становится неправильным, бессознательно или с полным сознанием вступает в жизнь это приспособление. То, что животные организованы так многообразно, что они в своем физическом облике закрепляют то, чем, все вновь изменяясь, может стать человек, это определяет то, что мир животных является совсем не тем, что в нем видит современный зоолог, но, что каждый животный вид несет в себе свой особый смысл, и соотношение между животными (видами) выявляется определенным смыслом. В известной мере можно как бы прочесть смысл всего мира в животных. Этим мы строим мост между собой и духовным миром, - тем, что нам открывается смысл того, во вне закреплено в животных формах, и что затем мы осмысленно сопереживаем, отпечатывая в себе их образы.

В древние времена люди инстинктивно ощущали духовную сущность окружающего мира. Сказки, сказания о животных, басни о животных и тому подобное, это то из этого доисторического прошлого, что вторгается в более поздние исторические (времена) эпохи. Возврат к этому не нужен. Но взамен должно быть создано нечто такое, чтобы люди знали об облике животного не только то совершенно абстрактное, что они вызубривают теперь. Как их описывают в современных

учебниках, эти описания потому так и скучны детям, что ограничиваются только чисто внешним. Сделайте эти описания, касающимися существа, дайте вы льву быть львом, совершенно иным существом, чем гиена, кенгуру. Тогда человек вновь будет осмысленно вживаться в окружающий сотворенный мир. Тогда оно станет для него живым. Такое описание безусловно даст свои результаты, так как, когда человек так углубляется в творение, его дух становится подвижнее, наполняется содержанием. Тогда он сможет быть удовлетворенным, что ему, зачастую предлагает официальная наука. Тогда многое станет живым переживанием. Если проследить развитие животного мира так, как его представляет себе официальная наука, то столкнешься со странными фактами. Не надо обязательно добираться до дарвинизма, остановимся на Ламарке /примеч. 105/, который еще намного разумнее того, что материалистически развилось из учения Дарвина. У Ламарка вы тоже найдете утверждение, что различные формы животных развились в связи с их приспособлением к окружающей среде. У определенных животных развились перепончатые лапы, так как жизненные условия вынуждали их жить в воде. Другие животные получили хватательные органы, так как должны были находить себе пищу высоко на деревьях, и тому подобное. Да, но если через приспособление сформировались такие органы, то до этого должны же были они быть другими. Животные, развившие (себе) перепончатые лапы, не имели их прежде, но они должны были иметь другие, из которых развились перепончатые. В итоге мы приходим к тому, что те животные, которым свойственны перепончатые лапы, выработали их из других лап, а те, которые не имеют перепончатых лап, выработали те, которые они имеют, из бывших прежде. Это так. Этого только не замечают. Учат прилежно, но этого не замечают. Длину шеи у жирафы объясняют тем, что она выработалась из короткой шеи, так как жирафе надо было доставать до высоты дерева. Если бы у жирафы была короткая шея, она бы выработалась из длинной, в связи с другими жизненными обстоятельствами. Совершенно не замечают, что ставят вещи вверх ногами, в какой путанице, в каком сумбурном мышлении живет мировоззрение, если оно не устанавливает внутренней, полной смысла, связи с тем, что окружает человека, об этом сегодня не имеют ни малейшего понятия.

Но это то, что должно быть глубоко внедрено в жизнь

воспитания: полное содержания, сопереживание своего окружения; не только разумом осознавать окружающее, но с полным осознанием сопереживать его, действительно всей душой воспринимать животные, растительные и минеральные формы. Каким благодеянием для 14-15 тилетнего юноши или девушки было бы сказать во время прогулки: посмотри на эти облака. И вновь на другой прогулке, при другой конфигурации облаков: посмотри теперь на эти облака. Запечатлей это в себе, картину этих облаков. После того, как неоднократно обращают взор ребенка на целое, берут с полки естественнонаучные сочинения Гёте, где он дает изображения различных формообразований облаков, переходы одних форм в другие, в глубочайшем смысле раокрывая их взаимосвязи. Ребенок сразу это поймет, вживется в это живое, полное содержания представление об облакообразовании, переживет нечто изумительное.

Или в саду дать ребенку понаблюдать одно и то же растение весной, летом и осенью, а затем прочесть ему соответствующие места из "Метаморфозы растений" Гёте. Это глубоко введет ребенка в жизнь природы.

Такое воспитание рождает эту настроенность души: жизнь, полную ожидания. Такое воспитание помогает достигнуть того, чтобы дух не затормаживался, не входил в кровь и плоть, но во внутреннем закономерно захватывался душой.

В ходе развития определенные вещи не должны входить в кровь, они должны оставаться в душе. Что происходит, если они впитываются в кровь и плоть. Тогда они в подсознательном рождают аффекты и страсти, которым дают подчас красивые названия, на которые одевают маски, но которые часто являются чем - то совсем иным, чем надетые на них маски. Сегодня живет очень многое, что вызвано тем, что в кровь и плоть перешло то, что должно было оставаться в душе - это ясно выражается в ходе развития человечества. Что этим вызываются столкновения между людьми, раздоры, дисгармония распространились по всей Земле. Это маскируется любыми масками. Например, национальными чувствами: итальянец не выносит германца, англичанин - немца, германец - романца; эти страсти бушуют по всей Земле. Надо знать глубокие причины, порождающие эти страсти, и провидеть задачи человечества, его миссию, чтобы свершилось то, что должно свершиться.

То, что происходит в современном мире, должно стать для нас указанием на то, что мы должны узнать эти глубокие связи, чтобы человечество могло придти к благому будущему. Нельзя скользить по поверхности, как это сегодня свойственно людям, надо видеть глубины душевной жизни. Ошибка в воспитании, совершенная в XIX веке, так как это была переходная эпоха, привела к тому, что то, что должно было жить в душе, ушло в плоть, в кровь, и последствия этой ошибки изживаются теперь на полях сражений. Кровь, воспринявшая то, что должно было жить в душе, бушует теперь в диких страстях по всей Земле. Поэтому люди перестают понимать друг друга. Поэтому люди проходят мимо ДРУГ ДРУГА. Поэтому у них так мало взаимопонимания, переживания, со-жизни.

Знамена времени серьезны, очень серьезны, они требуют проникновения в глубины мирового становления, чтобы из этих глубин познать задачи человечества. Я говорил уже в прошлый раз: это не противостояние Мировой Мудрости, Божественной Мудрости. Божественная Мудрость должна дать эти знамена человечеству, так как человек должен стать не существом - автоматом, но самостоятельным существом. Дело не в том, чтобы спрашивать: почему человечество ввергнуто во все это? Но ставить вопрос надо так, что надо сделать на благо человечеству? - О деяниях связи с великими, универсальными, этическими импульсами, вот о чем речь. Это то, что обязывает нас из недели в неделю, из часа в час, из минуты в минуту открываться тому, что происходит. И тот, кто в охарактеризованном сегодня смысле, ждёт, что каждый следующий год жизни принесёт ему нечто новое, что до сих пор было сокрыто от него, тот зажжет в своей душе живое, не абстрактное, не мёртвое сознание бессмертия, так необходимое для будущего. Тот, кто знает, что каждый следующий год жизни откроет ему новое из сокровенного, знает так же, что жизнь после смерти так же откроет ему новое сокровенное; для него невозможно сомнение в наличии иного, вне телесного, развития. Жизнь после смерти для него реальность, подлинная реальность. И для него станет не личным, эгоистическим фактом, как это столь часто выступает сегодня, а общечеловеческим принципом.

Мы проходим сквозь врата смерти и приносим с собой многое из жизненных наблюдений, что не было проработано во

время земной жизни. Но это имеет ещё одно значение для Земли. Когда мы проходим врата смерти, наша мудрость, усвоенная нами здесь на Земле, остается на Земле, как благо. Но здесь на Земле должны быть люди, которые захотят их использовать. Те, кто имеют откровения, могут из этих откровений исходя, давать сообщения. Открыто говорить об этих вещах, чтобы не стать посмешищем, можно только в той форме, как я это, например, не раз сделал во вчерашней открытой лекции. Планк сегодня думал бы совсем иначе, чем он думал в 80-ые годы XIX века (примечание 107). Но духоиспытатель подразумевает под этим нечто совсем иное. Ясно: душа этого человека пронесла сквозь врата смерти очень много того, что в изобилии еще может быть полезно Земле. Да, тот, кто знает, что его живое чувство (ощущение) его живой души не нарушается так называемой смертью, знает так же, что умершие находятся с нами в непрерывной связи, что мы только должны научиться воспринимать то, что они посылают нам. Кто имеет эти восприятия, имеет, может быть, право со всею скромностью говорить о личных восприятиях. Я знаю, что я опираюсь не только на мировоззрение Гёте, но что мои различные устные и письменные высказывания о Гёте проистекают из самой живой души Гёте, конечно, в той мере как они могут быть восприняты его слабым потомком.

Но здесь не абстрактное почитание умершего, а живое установление непосредственной связи - с живущей после смерти душой, живое восприятие, воплощенной в физическом (плане) теле души, живой души умершего. О, многое, очень многое плодотворное, полное значения, существеннейшее вольется в жизнь Земли, когда умершие через сознание живущих смогут быть советчиками человечества. Я знаю, как далеко еще от этого сознание людей. Я знаю, что хотя сегодня спрашивают: что может сказать этот 22-ти двухлетний или 23-х летний - или вообще, какие должны быть возрастные границы для различных парламентов? - Что может сказать и 24-х летний о том, что должно стать законом? Но не спрашивают, что сегодня говорит Гёте о предполагаемом законе? Но это тоже еще придет. Умершие станут живущими с нами, нашими согражданами. Если воспримут эту настроенность души, что каждый новый год может открыть душе новое сокровенное, то пойдут и дальше: тогда познают, что значит: со всем развитием Земли совершить великий переход сквозь врата смерти. Тогда умершие станут живущими мощными советчиками. Так как дело не только в вере в

бессмертие, дело в том, что бессмертно, может стать плодотворным во многих областях, в каких оно должно стать плодотворным. Сила нужна человеку, чтобы прорвать покров, который сегодня его отделяет от того, что преграждает ему духовный мир, еще в себе скрывает (утаивает), путь в духовный мир, путь к тому, что несет в себе духовный мир.

Видите ли, сегодняшней способ мышления более или менее предназначен к тому, чтобы мы таким (образом) путем развили крепкую силу и смогли пробиться к Духу. Уже наступил момент, когда люди в ясном сознании должны пробиться к кое-чему, так как они должны научиться сами понимать это. Поэтому и даны душам людей знамения, чтобы они поняли: этого ни в коем случае нельзя допускать, это должно быть абсолютно побеждено. Потому что это они, людские души, должны победить, поэтому и выступило оно среди них, чтобы быть побежденным.

Две крайности противостоят во внешнем мире - много таких крайностей противостоит друг другу: - вильсонизм и троцкизм или ленинизм, и назовите, как хотите. Они противостоят, оба порожденные бездуховным мировоззрением, бездуховным, измышленным мировоззрением. Задача человечества: увидеть, что всё, что ведет к вильсонизму или к ленинизму, должно быть искоренено, ленинизм, вильсонизм широко распространены повсюду; они очень, очень широко распространены, этого только не замечают. Но надо уметь смотреть в глаза действительности. Тот, кто хотя немного соприкоснулся с духовноведением, знает, что духовноведение открывает ему духовный взор, чтобы и в этом вопросе обрести ясность. Сегодня жизненно необходимо для человечества ясно видеть, ясно смотреть в окружающий мир, видеть происходящее, не просыпать его. Так как слишком много побуждений у человечества прикрывать действительность масками. И слишком легковерны люди; поэтому они верят маскам и не видят того, что скрыто под ними. Не могут обрести ясного спокойного понимания того, что происходит в мире, потому что не могут развить тот образ мышления, который делает возможной определенную подвижность Духа, необходимую для духовноведения, и поэтому не могут достигнуть момента, когда действительно войдут в эту подвижность Духа. Нельзя просыпать события в мире, надо дать духовноведению пробудить себя, конечно, если из стремлений к удобству, жизненному удобству, не хотят сами

убаюкивать себя. Потребность в том, чтобы дать влиться в душу духовному, велика, но нет у многих, чувствующих себя вождями человечества, воли считаться с этой потребностью. Воля к духовному живет в простых душах, они только сами еще себя не понимают, так как введены в заблуждение господствующим сегодня широко распространенным "общественным мнением". Шопенгауэр называл его "личной глупостью" '. Ведущие личности часто склонны говорить об ограниченности человеческого существа именно потому, что они сами не хотят вывести людей за пределы этих границ. Вы это можете видеть во всех областях. Как привычно чувствуют себя люди: хочу привести только один пример, когда они оказываются в положении, в какое попал французский теолог Луази (примечание 108), который занял колеблющуюся позицию между католическим модернизмом и не модернизмом, хотя он казалось, долгое время стоял на собственных ногах. Но теперь, под влиянием катастрофических событий наших дней, спрашивает он себя, что же произошло с христианством при современном положении в мире? Не дало ли христианство осечку? Не Христа имеет он в виду, но он спрашивает себя: не упустило ли это христианство нечто существенное? Кое-кто писал кое-что по этому вопросу Луази. Один из них говорит: надо иметь в виду несовершенство человеческой природы. Хотя само христианство стремится к другому, чем то, что происходит сейчас на Земле, но то, что происходит неизбежно из-за несовершенства людей. Дело не в том, чтобы раздумывать над этим, дело в том, чтобы раздумывать и размышлять, и прочувствовать: как может быть человек облагорожен, как может быть повышен его этический уровень тем, что он всё более будет чувствовать себя вчлененным во всеобъемлющее мировое существо. Вопросы должны ставиться совершенно иначе, чем их склонны ставить сегодня.

Эти чувства я хотел погрузить в ваши души во время этой нашей встречи. Еще больше, чем прежде, чувствую я в этот раз, что мои слова воспринимаются не только разумом, но и, что они звучат вашим душам так, как они задуманы, что они ложатся в души и становятся в них ростками для проникновения, осознанного проникновения в то, что должно свершиться в развитии человечества. Так как каждый будет, и возможно, не в таком далеком будущем, согласно своему характеру и своей карме, в тех или иных обстоятельствах поставлен перед важными жизненными вопросами, до которых

он, если захочет остаться с прежними удобными представлениями, окажется недоросшим. Мы должны научиться усваивать новые представления. Нашим руководителем в формировании этих новых представлений будет духовноведение. Призвать души к бодрствованию (евангельский призыв: "бодрствуйте!" примеч. перев.), к этому были направлены мои слова. Они исходили как бы из фактов жизни, но факты были подобраны так, что они касались того, что для нашего времени является важнейшим в жизни человеческих восприятий, во всей ЖИЗНИ.

ЛЕКЦИЯ 16

Штутгарт, 21 марта 1921 года

Мое сегодняшнее выступление вызвано, поставленным на прошедшем историческом семинаре (примечание 109), вопросом о виновниках последней военной катастрофы. Этот вопрос затрагивает такие важнейшие, можно сказать, исключительной исторической важности проблемы, что неправомерно было бы удерживаться от ответа на него. Поэтому этот ответ будет дан, разумеется, в рамках того, что может быть дано на короткий срок одной лекции.

Я хочу только предпослать некоторые замечания, чтобы вам было ясно из чего я исхожу, освещая этот вопрос. В лекциях, которые я читал в Дорнахе в Гётеануме (дом памяти Гёте), никогда не уклонялся от ответа на этот вопрос и никогда не делал тайны из своих воззрений, которые могут быть высказаны при любых обстоятельствах перед всем миром. Я не придерживаюсь того мнения, что непредвзятый объективный ответ на этот вопрос может дать только будущее, что его надо предоставить истории. В будущем, именно в силу сохраняющихся предрассудков (предубеждений) будут не более, чем сегодня, способны составить в отношении этого вопроса здоровое, объективное суждение. Я совершенно не думаю, что объективное суждение в этом вопросе станет более возможным в будущем.

Это первое, что я хочу сказать. Я это хочу сказать вот почему. Ввиду тех нападок - я не хочу их сейчас характеризовать никакими эпитетами - ввиду тех нападок в самой Германии на культурно-политическую сторону моей деятельности (примечание 110), нападок преимущественно со стороны тех, кто может быть назван ультраанемцами, я естественно должен быть готов к тому, что с этой стороны все, что бы я ни сказал, будет чудовищно искажено. Но я не считаю нужным в этом отношении говорить что-либо в свою защиту, так как нелепые обвинения в антинемецкой деятельности опровергаются самим фактом того, что уже во время войны в северозападном углу Швейцарии построен был Гётеанум. Это свидетельство того, что не только в самой Германии, но перед всем миром, через немецкую духовную жизнь, должно было быть раскрыто всему человечеству. Когда даны такие свидетельства немецкой духовной жизни, то - думаю - не надо много слов, чтобы отклонить злопыхательские

обвинения.

Хочу еще сказать, что я всегда стараюсь не оказывать влияния на суждения тех, кто меня слушает, и я бы хотел, поскольку это возможно в рамках отведенного нам короткого времени, соблюсти этот принцип и сегодня. Во всем, что я говорил, я всегда стремился перечислением (всех) тех или других фактов, тех или других моментов, дать каждому основание для составления своего собственного мнения. И так как, я это делаю во всех областях духовноведения, никогда не предпосылая готового суждения, а только стараясь дать материал для составления каждым собственного мнения, так пусть будет и сегодня в отношении событий истории внешнего мира.

Перейдем же к существу вопроса. Мне думается, что дискуссии, которые сегодня поднимаются вокруг вопроса о виновниках войны во всём мире, всё больше или меньше основываются на немыслимой предвзятости. Со своей стороны я думаю, что этими предпосылками, если их повернуть тем или иным способом, то можно спокойно доказать, что основной виновник войны тот несколько странный Никита, король Монтенегро (примечание 111). Думаю, что с этими аргументами можно дойти до утверждения, что Хельферих (примечание 112) был исключительно мудрым человеком или, что некогда толстый господин Эрцбергер (примечание 113) во время войны не изворачивался изо всех сил через все возможную подпольную деятельность и подвалы европейских воздействий. Короче, я думаю, что все эти аргументы ни к чему не пригодны. Тем не менее я считаю исключительно правильным то, что сказал недавно немецкий министр иностранных отношений Симонс (примечание 114) в своей речи в Штутгарте: необходимо серьезно подойти к вопросу о виновниках войны. Я только хочу к этому прибавить, что необходимо, чтобы это действительно осуществилось. Так как, если подчеркивают, что это необходимо, одним этим подчеркиванием ничего не осуществится, но именно необходимо, чтобы это осуществилось. И эта необходимость серьезного обсуждения вопроса о виновниках войны вызывается еще тем, что на злосчастных лондонских переговорах хитрейший (пронырливейший) государственный деятель современности Ллойд Джордж (примечание 115), который - как бы это назвать, - трудно найти подходящие слова для определения того, что происходит - заявил: в наших

переговорах мы исходим из того, что для союзников Антанты вопрос о виновниках войны решен.

Все переговоры ведутся в том аспекте, что вопрос о виновниках войны предрешен. Но он не обоуждался, и следует начать переговоры с того, чтобы серьезно поставить и серьезно обсудить вопрос о виновниках войны. И прежде всего должно быть подчеркнуто, что по существу до сих пор мы в действительности не имели в этом вопросе ничего, кроме безапелляционного заявления стран-победительниц. Это заявление основывается, совсем в современном духе, не на объективном обсуждении фактов, но просто на волеизъявлении победителей. Чтобы полностью использовать плоды победы, победителям необходимо внушить миру, что в войне виновна побежденная сторона. Нельзя использовать победу в той мере, как этого желает Антанта, даже и в самом вопросе о вине - это может быть обосновано - не взвалив всю вину на плечи побежденных. Ясно, что нельзя было бы действовать так, как действуют теперь, если бы было сказано: да, этих людей нельзя, собственно, так осуждать, как это было, скажем, во время войны.

Итак, значит - так как все остальное осталось только литературой или и не стало литературой - итак, в вопросе о виновниках войны ничего предварительно сделано не было, ничего, кроме безапелляционного заявления победителей. И непонятным образом произошло то, что ни в коем случае не должно было произойти: этот диктат победителей был подписан! Это факт, который не может быть достаточно печально оценен. Так как нельзя думать, что эта подпись была неизбежна, чтобы не вызвать еще большего несчастья. Тот, кто действительно вникает в реальные обстоятельства, знает, что пробиться сквозь современную мировую ситуацию можно только Правдой, только полной безоговорочной Правдой. Пусть даже, может быть, и так, что отказ от подписания так сформулированных, мирных переговоров привел бы к трагической ситуации, нельзя было пойти на это подписание. Время, в которое мы живем, сурово, оно требует великих решений: выход можно найти только путем правды.

Хочу подчеркнуть: так как за предоставленное мне короткое время я не могу раскрыть вопрос так, чтобы самим содержанием моих слов было полностью обосновано всё, что я сообщаю, то я попытаюсь, по меньшей мере в той манере, как я это обычно делаю, нюансами, самой манерой изложения дать

вам основы для составления собственного суждения. Многолетний опыт, тщательное наблюдение над тем, что происходит в мировом историческом становлении, выявили мне господствующую среди англосаксонского населения, и особенно у определенных групп англосаксонского населения, в известном смысле всемирно-историческое, широко задуманное политическое мировоззрение. У инспираторов, если их можно так назвать, англосаксонской политики господствует политическая установка, которая может быть охарактеризована двумя следующими основными положениями. Первое положение - и значительное число личностей, стоящих за внешними политическими деятелями, часто являющимися просто марионетками, глубоко проникнуты этим убеждением - первое положение состоит в том, что силами мирового развития англосаксонской расе предпределено мировое господство в нашу эпоху и в будущем в течение многих столетий, безоговорочное мировое господство. Это глубоко укоренившееся мировоззрение. Хотя, я бы сказал, материалистически понимаемое и коренящееся в материалистических представлениях о мировом развитии. Но оно также мощно укоренилось в тех, кто является подлинными руководителями англосаксонской расы, что может быть сравнимо с внутренними импульсами мировой миссии, владевшими древним иудейством. Древнеиудейский народ мыслил гораздо более морально, более теологически (богословски); но сила убежденности у вождей англосаксонского народа, у его ведущих личностей, мы имеем прежде всего дело именно с этим основным положением - его можно проследить и чисто внешне - и совершенно особым восприятием жизни. Господствует мнение, что при любых условиях должно быть сделано всё, что соответствует этой основной установке, то есть интересам англосаксонской расы, что не должно отталкивать ничто, если оно соответствует этим интересам. Этот импульс с особой грандиозной интеллектуалистической силой внедрен и в души тех, кто хотя находится на более низкой ступени власти, но принадлежит к руководящим политическим деятелям. Думаю, что тот, кто не знает обо всём этом, лишен возможности разобраться в ходе развития нового времени.

Второе, на что направлена такая печальная и губительна для Средней Европы политика, состоит в следующем. Она предусмотрительна. Если смотреть с позиций англосаксов, эта политика великолепна, пронизана верой, что жизнью мира

правят мировые импульсы, а не мелкие практические импульсы, которыми часто высокомерно руководствуются иные политики. В этом отношении англосаксонская политика широко задумана; она и в отдельных практических мероприятиях учитывает мировые импульсы истории. Второе состоит вот в чем. Известно, что социальный вопрос исходит из мирового импульса, который безусловно должен реализоваться. Нет ни одного среди известных руководящих лиц англосаксов, который не сказал бы себе холодно и трезво: социальный вопрос должен быть разрешен. Но при этом он говорит себе: но он должен быть разрешен так, чтобы миссии англосаксов не был нанесен ущерб. Он говорит это почти дословно, и эти слова произносились часто: западный мир не предназначен к тому, чтобы быть разрушаемым социальными экспериментами, для этого существует восток. И они воодушевлены намерением сделать этот восток, то есть Россию ареной социальных экспериментов.

Это воззрение, которое я смог установить, существует уже с 80-х годов XIX в. - возможно, оно восходит к еще более давним временам, этого я не установил. С холодным сердцем уже тогда знали в англосаксонском народе, что социальный вопрос должен быть разрешен, что хотят избежать этих социальных потрясений для англосаксонского народа и, что поэтому Россия должна стать ареной социалистических экспериментов. И вся политика англосаксов со всей ясностью была так направлена. Все "балканские вопросы", включая передачу на берлинских переговорах (примечание 116) ничего не подозревающим среднеевропейцам (Австро-Венгерской империи, примеч. переводч.) славянских Боснии и Герцеговины, все эти вопросы разрешались, исходя из этих основных установок. Позиция англосаксов в вопросах о Турции определяется тем же. Расчитывают, что социалистические эксперименты, которые разыгрываются так, как это неизбежно, когда введенный в заблуждение пролетариат руководствуется марксистскими или им подобными принципами, что эти социалистические эксперименты будут убедительными уроками для англосаксонских рабочих, что их малая результативность приносимое ими разорение, будут убедительным уроком. Западный мир будет защищен тем, что на примере Востока будет показано, к чему приводит социализм, если он так внедряется, и как это нежелательно для западного мира.

Вы видите, эти вещи, которые можно полностью исторически обосновать, уже в течение многих десятилетий лежат в основе европейских и мировых ситуаций. Это то, что направлено, я бы сказал, на простирающееся в физическом мире поле мировой истории. Надо только очень внимательно разобраться в том, что сквозит во всех многочисленных речах этого фантазера Вудро Вильсона, который с современных точек зрения все же считается хорошим историком. Но это нужно нам только как симптом того, о чем я хочу сказать. В течение всей новейшей истории, хотя этого обычно не замечают, для европейской истории восточный вопрос является постоянной дискуссионной проблемой. Объективному наблюдателю не остается ничего другого, как только сказать себе: события мировой истории нового времени благоприятствовали Англии в осуществлении её миссии - её миссии, как она её понимала. Это уходит далеко в прошлое, вплоть до открытия возможности морского пути в Индию. По существу, с этого события начинается, проходя через многие окольные пути, современная английская политика, вся она здесь, если характеризовать её коротко, схематически. То, о чём я говорю, если характеризовать его полностью, потребовало бы многочасовую лекцию, но в этом вопросе о виновниках войны я могу дать только краткие намётки, в них вы имеете то, что я назвал бы, с точки зрения английской миссии, реновным потоком мирового развития. Вот где он идёт: из Англии через океан, огибая Африку, к Индии. Эта линия пути значит очень многое. Это та линия, за которую англосаксонское для осуществления своей миссии, как оно её понимает, бьётся и будет биться до предела своих сил, если понадобится то и против Америки, тоже до предела своих сил. Другая столь же важная линия, та, что идёт сухопутным путём, игравшим столь важную роль в Средние века, в связи с открытием Америки и вторжением турок в Европу, утратила своё былое хозяйственное значение. Но между этими линиями лежат Балканы, и англосаксонская политика направлена на такое разрешение балканской проблемы, которое полностью исключило бы их роль в хозяйственном развитии, так что для хозяйственного обмена остался бы один морской путь. Кто захочет детально разобраться в этом вопросе, увидит то, что я здесь наметил, во всех событиях, начиная с 1900г., и еще раньше, и вплоть до Балканских войн, непосредственно предшествовавших так называемой Мировой войне, до рокового 1914 года.

Еще одно мы имеем перед собой, это взаимоотношения Англии и России. Эта линия торгового обмена России, конечно, несколько не интересует; но Россию интересует её собственное место в этой торговой линии. Для Англии Россия, как мы видим, имеет особое значение, как место предполагаемого социалистического эксперимента, поэтому она направляет всю свою политику на то, чтобы, с одной стороны, развивался указанный морской торговый путь, а с другой стороны, чтобы так ограничить Россию и запереть её в рамках её границ, чтобы в ней созрели условия для социалистического эксперимента. Это была по сути дела всё-таки политика мирового масштаба. Всё, что совершалось в мировой политике вплоть до 1914 года, определялось этой тенденцией. Как было уже сказано, понадобились бы многие часы, чтобы изложить это детально; я могу это только наметить.

(Как понятна становится историку вся политика Англии XVIII-XIX веков! Примеч. переводч.) этому противостоит то, что просвечивало в моем "Воззвании к немецкому народу и всему культурному человечеству" (1919 год). Это другого ряда факты. В Средней Европе, к сожалению, замкнулись от понимания того, что политика может определяться подобным величественным импульсом. К сожалению, невозможно было добиться в Европе, на континенте того, чтобы кто-либо допустил возможность того, что так называемые наказания (кабальные условия мирного договора, объявлявшиеся "наказанием" Германии, как "виновницы" войны. Примеч. переводч.) следует рассматривать с точки зрения таких всеобъемлющих устремлений. Видите ли, тогда говорят: надо практически подходить к политике! Политик должен быть практиком! - Приведу пример, чтобы показать вам, что такие люди подразумевают под практичностью. Множество людей сегодня говорят: что там вытворяют штутгартцы со овоей трехчленностью, с "Грядущим днем" (издательство) и тому подобным, это всё вне практики, это непрактичные идеалисты. Оживить в своей душе образ этих людей и представьте себе, что, как можно на это надеяться, придут годы, когда мы чего-либо добьемся в ошутимом, заметном. Тогда те же самые люди, которые теперь говорят, что это непрактичная чепуха, захотят просоединиться, предложат свои услуги, захотят участвовать в реализации того, что они объявляли непрактичной чепухой. Тогда эти вещи внезапно будут признаны практичными. Это единственная доступная им точка зрения. Но дело в том, что

всегда надо видеть истоки, исходные точки, и что то, что называющие себя практиками люди, называют непрактичным, в действительности часто исходит именно из того, что они сами называют практикой. Они просто не хотят углубляться в эти сложности и поэтому их действия бесполезны для действительности.

Такой примерно и была, практически, деятельность европейских политиков (имеется в виду континентальная Европа, примеч. Переводч.), иначе не охарактеризуешь. И необходимо понять, что ничтожность этой политики, сведение её к нулю, когда дело дошло до принятия решений, было трагично для Средней Европы. Надо понять и то, что абсолютно необходимо, чтобы мы в Средней Европе сумели подняться до высоты величественной, пронизанной Духом, политики. Иначе мы не выберемся из неразберихи современности. Если мы этого не сумеем, тогда мы завязнем в том, что разыгрывается в современности. Я полагаю, что политические проблемы, в разрешении которых сегодня всё еще руководствуются старыми максимами (нормами), так беспорядочно запутаны, что вообще не могут быть разрешены, если по-прежнему исходить из этих старых импульсов. Предположим, государственные мужи Антанты собрались вместе (дословно: уселись вместе) - я говорю это как мое честно составленное убеждение и, допустим, под руководством Ллойда Джорджа, высидели те условия мира, которые были опубликованы перед Лондонской конференцией; предположим далее, что в результате каких-либо обстоятельств эти записи были утеряны и содержание их совершенно забыто, конечно, это немыслимая гипотеза, но я хочу этим нечто выразить - и теперь предположим, что Симоне раздобыл эту писанину и со своей стороны выдвинул бы эти самые условия, слово в слово те же - я уверен, они были бы отвергнуты с тем самым негодованием, с которым были отвергнуты действительные предложения Симонса на лондонской конференции. Так как стремятся не к разрешению проблем, а к говорильне вокруг проблем, которые с этих позиций вообще неразрешимы. Тот, кто стремится к правдивости в этом вопросе, обязан это высказать.

Обратимся теперь, я бы сказал, к более глубоким слоям, чем события внешнего, физического мира. Вы знаете, внешне война началась с предъявления Австрией ультиматума Сербии. О предпосылках к нему, обо всем, что предшествовало этому

ультиматуму, я говорил уже не раз, так что могу быть краток. Австрийский ультиматум Сербии вызвал целый круг, целую цепь осложнений. Тому, кто знает австрийскую политику, именно историю развития австрийской политики во второй половине XIX века, тому ясно, что этот австро-сербский ультиматум, хотя и был игрой ва-банк с войной, но был, в результате этой политики, исторической необходимостью. Нельзя дать иное определение, чем заключенное в следующих словах: австрийская политика разыгрывалась на территории, на которой с 70-х годов прошлого столетия просто невозможно было "тянуть волынку" старых установок, и - что "тянули волынку" это не мною найденное определение, это слова графа Тааффе, чье имя в Австрии писалось часто как Тааффе, сказанные им в парламенте. Он сказал: "Мы не можем поступать иначе, как тянуть волынку."

Именно из сложных взаимоотношений внутри Австрийского государства вытекала необходимость внести ясность в вопрос: как может любое союзное государство (ассоциация народностей) разрешить вопросы духовной жизни? В государстве, объединяющем различные народности, каким было Австрийское государство, национальный вопрос лежал в основе духовной жизни страны (примечание 117). Seriously к этому вопросу австрийская политика так и не подошла, не говоря уже о серьезном вдумчивом его разрешении. И так как я веду обзор с тем, чтобы дать оценку фактам, беспристрастную и построенную не на фактах внешней истории, то в событиях, предшествующих сербскому ультиматуму, я вижу другие факты, имеющие более решающее значение, в том числе события, приведшие к убийству наследника австрийского престола Франца Фердинанда. Я имею в виду, к примеру, разыгравшиеся в австрийском парламенте с осени 1911 г. и по январь 1912 г. дебаты по хозяйственным вопросам, вызванные тогдашней обстановкой внутри страны и затронувшие интересы широких слоев населения. Тогда был основан целый ряд предприятий в связи с тем, что вся австрийская политика была так загнана в тупик, что не могла найти выхода из положения и безрезультатно искала новые рынки сбыта. Это привело в 1912 году к закрытию большого числа предприятий и к чудовищному росту цен. Вызванные этим беспорядки, переходившие в революционные выступления в Вене и в других районах Австрии, бурные дебаты в парламенте, в которых такое активное участие принимал покойный депутат Адлер

(примечание 118), привели к тому, что с галерки сделаны были 5 выстрелов по министру юстиции. Они были сигналом, что нельзя больше в Австрии продолжать прежнюю политику, что этими путями хозяйственная жизнь не может быть восстановлена. Что же нашел нужным сказать министр Гаутш (примечание 119), что было главным в его выступлении? Он сказал, что со всей энергией надо заставить прекратить выступления против роста цен, то есть он искал (путь) разрешить хозяйственные проблемы старыми административными средствами. Вот, что было на той другой стороне.

В национальной борьбе действовало духовное. Хозяйственная жизнь была загнана в тупик. Вы можете проследить это вплоть до мелочей. Но ни у кого не отозвалось ни сердце, ни ум, чтобы понять, что для дальнейшего развития духовной и хозяйственной жизни необходимо отказаться от старых взглядов на государство, которые именно в Австрии со всею ясностью показали свою несостоятельность. В Австрии со всею ясностью выявилась необходимость трехчленности социального организма. Это просто вытекает из тех фактов, на которые я указал. Но об этом никто не хотел думать. И так как никто не хотел об этом думать, то всё и произошло так, как оно произошло. Видите ли, то, что в 80-е годы, в их начале, под воздействием решений Берлинского конгресса, произошло в Австрии, может быть охарактеризовано несколькими штрихами и станет ясно, какие здесь действовали силы. В Австрии уже в начале 80-х годов, да и еще раньше, политическая обстановка настолько осложнилась, что депутат от входивших в состав Австрии польских земель Отто Хауснер (примечание 120) сказал на открытом заседании парламента следующие слова: если продолжать ту же австрийскую политику, то через три года у нас вообще не будет никакого парламента, а нечто другое. Он имел в виду хаос в государстве. Конечно, в таких выступлениях преувеличивают, доходят до гиперболы. Это произошло не за три года, прошли десятилетия.

Я мог бы привести бесчисленные примеры из дебатов в австрийском парламенте конца 70-х и начала 80-х годов, из которых вам было бы ясно, что аграрная программа требовала немедленного разрешения, и что в Австрии это видели. Я, например, отлично помню, как тогда, в связи с завершением постройки здания вокзала в Арльсберге, политики разных

направлений высказывали мнение, что постройка этого здания навязана насильственно, так как ясно, что аграрное хозяйство не может дальше нормально развиваться, если с запада попрежнему будет продолжаться эта непереносимая лихорадочная политика в отношении сельскохозяйственных продуктов. Само собой разумеется, проблема не была понята правильно, но есть тем не менее бывшие пророческие слова. И все эти факты - их можно привести сотни - показывают, что в конце концов, к 1914 году, Австрия была доведена до такого состояния, что должна была сказать себе: мы не можем больше существовать, мы должны, как государство распасться, признать себя бессильными - или мы должны идти в ва-банк, попытаться каким-либо путем поднять свой престиж, как-то выбраться из положения. Идти ва-банк - ничего другого не оставалось делать тому, кто вообще стоял на точке зрения, что австрийский государственный деятель мог бы остаться государственным деятелем, если бы он придерживался иной точки зрения - даже если он был таким простофилей, как граф Берхтольд. Как бы нелепо это не выглядело с известных точек зрения, надо понять это в его исторических импульсах (воздействиях).

Таковы, так сказать, исходные точки одной страны. Рассмотрим эти исходные точки в другой стране, а именно в Берлине. Чтобы дать вам представление о том, что тогда действовало, совершенно объективно приведу вам конкретные факты. Не поставьте мне в вину, если я здесь буду характеризовать совершенно объективно. В 1905 году, тот самый человек, на чьи плечи в 1914 году в Берлине все-таки легла ответственность за решение вопроса о войне, тогда генерал, а позднее генерал-полковник фон Мольтке, был назначен начальником Генерального штаба. При назначении его разыгралась следующая сцена - я говорю так кратко, как это только возможно. Генерал фон Мольтке согласно своим убеждениям не мог принять этот ответственный пост, не поговорив предварительно с Верховным главнокомандующим, - императором, об условиях принятия на себя этой ответственности. Эта беседа происходила, примерно, так. Дело в том, что взаимоотношения генералитета и Верховного главнокомандующего строились так, что если во время маневров император брал на себя командование той или иной стороной, что бывало часто, - вы об этом может быть где-либо читали, ему всегда обеспечивалась победа. И человек, который в 1905 году был призван занять ответственный пост

начальника Генерального штаба, сказал себе: конечно, при таких условиях нельзя принять этот пост, так как обстоятельства могут сложиться очень серьезно и как тогда будет возможно вести войну под руководством нашего Верховного главнокомандующего? И генерал фон Мольтке решил совершенно откровенно и честно изложить все императору. Император был чрезвычайно изумлен тем, что сказала ему, назначенная им на пост начальника Генерального штаба, эта личность. Это не могло состояться, так как император собственно не знал, как вести войну в случае ее действительной опасности. Следовательно нужно было бы подготовить обстоятельства, чтобы они могли бы быть действительными в случае войны, а он мог бы только тогда взять на себя должность начальника Генерального штаба, если бы Император отказался от ведения военных действий. Император сказал: в чем же заключаются дела? Разве я не побеждал тогда в действительности? Или это так подстраивали? - Он не знал ничего о том, что делало его окружение, и только когда ему открыли глаза, ему стало ясно, что так не может продолжаться. И надо отдать ему должное - он с подобающей готовностью принял условия. Об этом тоже не должно быть умолчано.

Итак, мои уважаемые слушатели, после того, как я изложил вам эти факты, чтобы вы на них основе могли составить собственное мнение, теперь я прошу вас - замечу в скобках, сегодня имеются исключительные условия, гарантирующие, что я не придам излагаемым событиям ту или иную окраску, так как среди вас, присутствующих есть лицо, которое в любую минуту может меня проверить - после того, как я изложил вам эти факты, я прошу вас теперь также обдумать, где имелись какие-нибудь ошибки, не было ли также очень странного обстоятельства, что около Верховного Главнокомандующего оказались вокруг личности, которые также нашли своих приспешников, которые по-меньшей мере (не так) говорили, как в 1905 году (говорил), ставший позднее генерал-полковником фон Мольтке, напротив, они после вступления в должность действовали в ином понимании. Сегодня совсем не нужно постоянно вводить мир в заблуждение, нужно бы ждать до тех пор, пока объективные факты смогли бы подтвердить, чтобы имея серьезную волю (намерение), сослаться (указать) на эти объективные факты.

И не надо раздумывать об Имперском совете 1914 года, о

котором известно, что генерал-полковник фон Мольтке и не знал о нем, так как в июле 1914 года и почти до самого начала войны он находился на лечении в Карлсбаде. Это важно потому, что, когда речь заходит о немецких поджигателях войны, то можно сказать следующее: конечно, такие поджигатели войны были, но если рассматривать проблему поджигателей войны в целом, то пришлось бы остановиться на тех личностях, которых я прежде уже приводил, когда их хотели совсем обелить. И, в заключение, то, что я сказал о Никите из Монтенегро. Не знаю, черный он или белый, но ему тоже может быть приписан тяжелый груз ответственности за войну; это видно из того, что уже 22-го июля 1914 года обе его дочери - эти, простите за выражение, демонические дамы из Петербурга, - в присутствии Пуанкаре, на особенно торжественном дворцовом празднике в честь французского посла, который посчитал это настолько значительным, что рассказал об этом в старческой болтовне в своих мемуарах, обе эти дочери сказали: мы живем в историческое время; только что получено письмо от нашего отца и он сообщает, что в ближайшие дни начнется война, Германия и Австрия будут уничтожены, мы протянем руки к Берлину. Это сказали дочери короля Никиты, Анастасия и Милица, 22-го июля - прошу обратить внимание на дату - послу Франции в Петербурге. Это тоже факт, на который может быть указано.

В конце концов дело не в этих менее важных деталях. Дело в том, что к 31 июля 1914 года обстановка в Берлине так обострилась, что вся ответственность за решение вопроса о войне возложена была на плечи генерал-полковника фон Мольтке, а он, естественно, мог дать оценку ситуации только исходя из чисто военных соображений (оснований). Это мы должны серьезно принять во внимание, чтобы правильно оценить положение, сложившееся тогда в Берлине, необходимо точно знать, а бы сказал, по часам знать, что происходило в эту субботу примерно с 4 часов после обеда и до 2 часов ночи. Это были решающие часы в Берлине, в которые разразилась чудовищная мировая трагедия. Эта мировая трагедия разыгралась так, что начальник Генерального штаба, исходя из того, что в Берлине могли знать о том, что произошло, не мог предпринять ничего другого, как приступить к исполнению плана Генерального штаба, выработанного за годы до того, на случай, если произойдет то, что в конце концов произошло.

Различные отношения в Европе были таковы, что об общей ситуации можно было думать только так: Если балканские беспорядки перекинутся на Австрийскую империю, Россия безусловно вмешается. Россия имеет своими союзниками Францию и Англию. В той или другой мере они в этом примут участие. Но тогда автоматически - в этом нечего и сомневаться - возникнет союз Германии с Австрией, а со стороны Италии имели твердешее заверение о союзе, вплоть до установления, на состоявшемся незадолго до того специальном соглашении, числа предоставляемых Италией в случае войны дивизий. Это было то, что знал человек, который имел только два исходных пункта для ориентировки в сложной мировой ситуации. Это были два основных положения, которые стояли перед генерал-полковником фон Мольтке. Первое - если разразится война, это будет страшная война, произойдет ужасное. И тот, кто знал очень тонкую душу генерал - полковника фон Мольтке, знает, что не с легким сердцем могла решиться такая душа на то, что считала ужасным. Второе - это безграничная преданность долгу и чувство ответственности. И это не могло действовать иначе, как оно подействовало.

Если бы, то, что тогда совершилось, могло быть предотвращено, то оно должно было бы быть предотвращено немецкой политикой. Должно было быть предотвращено то, что вы сами, может быть, сочли бы предотвращаемым, если я обращу ваше внимание на следующие факты. Это было в субботу после обеда; тогда приблизилось сюда то, что должно было привести к решению, и тут после 4 часов (дня) начальник Генерального штаба фон Мольтке застал императора, Бетман-Гольвега (примечание 121) и ряд других влиятельных лиц, которые казалось были довольно оптимистичны. Только что было получено сообщение из Англии - я думаю, правда, это сообщение едва ли было как следует прочитано, так как иначе оно не могло бы быть так (оптимистично) воспринято, как оно было воспринято, - это сообщение гласило с точки зрения немецких политиков, что Англию все же еще можно удержать от вступления в войну. Никто не имел понятия о непоколебимой уверенности англичан в миссии англосаксонства, в этом отношении вели все время страусову политику - это было трагично. Легкомысленно надеялись вычитать из этой телеграммы, что события могут развернуться и по-другому - и произошло то, что император не подписал приказ о мобилизации. Итак, я особенно подчеркиваю, что вечером 31-го июля приказ о мобилизации вначале

императором не был подписан, хотя начальник Генерального штаба со своей, военной точки зрения считал, что нельзя полагаться на такую телеграмму и план военных действий безоговорочно должен осуществляться. Вместо этого дежурный офицер получил приказ - вопреки мнению фон Мольтке - протелефонировать, чтобы на западе войска были остановлены у вражеских границ, и император сказал: теперь нам совершенно определенно не нужно вторгаться в Бельгию.

То, что я говорю, взято из мемуаров генерал-полковника фон Мольтке, написанных им лично после его странной отставки. С согласия жены его, госпожи фон Мольтке, они должны были быть опубликованы в мае 1919 года, в тот самый решающий момент истории, непосредственно перед подписанием Версальского диктата, когда Германия еще стояла перед возможностью сказать миру правду. И кто читал то, что тогда должно было быть опубликовано, и что вылилось из-под пера господина фон Мольтке, ни на одно мгновение не усомнится в том, что тогда, перед подписанием Версальского диктата, эти строки, полные такой честности и добросовестности, не остались бы без воздействия. Мемуары были отпечатаны во вторник после обеда, в среду они должны были появиться. Не буду вдаваться в излишние подробности. Ко мне явился немецкий генерал, развернул толстую папку бумаг и принялся убеждать меня в том, что три пункта в мемуарах ошибочны. Я вынужден был сказать, что долго работал как филолог и что папки с делами убеждают меня только, если они не расценены филологически, так как надо иметь в виду не только то, что в них написано, но и то, что не написано, и когда проводят историческое исследование, то исследуют и то, и другое. Но я сказал следующее: вы работали совместно, все, конечно, учтут, что вам всё должно быть точно известно. Если мемуары выйдут в свет, подтвердите ли вы под присягой, что три пункта в них ошибочны? Он ответил: Да! - Я абсолютно убежден, что эти три пункта истинны, они и психологически достоверны. Но реального значения моя убежденность не имела. Если бы мемуары были изданы, начались бы другие ухищрения. Брошюра была бы попросту конфискована, это было совершенно ясно. Я не мог издать мемуары, против которых выступили бы с клятвой, что три пункта в них ошибочны. Мы живем в мире, в котором не ищут истину, где всё решает сила.

Я знаю, что особое недовольство вызвало то, что я написал в брошюре на 5 странице, что я считал нужным (написать),

чтобы правильно осветить ситуацию. Я писал о том, как в момент ответственных военных решений, непосредственно предшествовавших разразившейся катастрофе, всё в Германии было поставлено на карту, как это явствует из злополучного (несчастливого) вторжения в Бельгию, что было одновременно и военной необходимостью и политически недопустимо. Автор этих строк в ноябре 1914-го года (видимо уже после отставки, примеч. Переводчика) спросил господина фон Мольтке, с которым долгие годы был в дружеских отношениях: что думал император о вторжении в Бельгию? - и услышал в ответ: в дни, предшествующие вторжению, он ничего об этом не знал, так как ввиду его особенностей приходилось опасаться, что он всё всем разболтает. Это было недопустимо, так как вторжение могло быть результативным только в условиях полной неподготовленности противника. Я спросил, знал ли об этом рейхсканцлер? Ответ был: Да, он знал. Значит, в Средней Европе надо было в политике опасаться болтливости, и я спрашиваю вас: Не является ли это чудовищной трагедией, если политика должна вестись в таких условиях? - Это полностью подтверждают слова, вообще мне неприятного Тирпитца (примечание 122), о Бетман-Гольвеге, что он завяз по колени и выявил свою полную политическую ничтожность. Эта никчемность выявилась позднее и в том, что он заявил в присутствии английского посла, что если Англия все-таки вступит в войну, то вся его политика рухнет, как карточный домик. Так это и произошло в действительности, и этот карточный домик рухнул, и начальник Генерального штаба, характеризуя обстановку в субботу вечером, вынужден написать в своих мемуарах: ситуация становилась всё острее, и я стоял перед нею совсем один.

Политические усилия полностью провалились, военные решения были предоставлены самим себе. Это было результатом того, что немцы не хотели больше подниматься (возноситься) к возвышенным точкам зрения, к которым они имели совершенно особенное призвание; это выявлялось в великие, значительные эпохи немецкого культурного развития, но к ним не хотели подниматься ни в конце XIX, ни в начале XX века. Такая ситуация могла привести только к бедствиям и это тяжестью легло на душу начальника Генерального штаба; и когда к нему обратился дежурный офицер с тем, чтобы он подписал подтверждение телефонного распоряжения об остановке войск у франко-бельгийских границ, начальник Генерального штаба бросил свое перо на стол так, что оно

сломалось, и сказал, что никогда не подпишет такой приказ, это деморализует войска, если подобный приказ будет исходить от Генерального штаба. Из этого мучительного, полного сомнений состояния, начальник Генерального штаба был выведен лишь после 10-ти часов вечера новой телеграммой из Англии, и - я лучше не буду касаться частностей - теперь были сказаны Верховным Главнокомандующим слова: Теперь Вы можете делать, что Вы хотите!

Вы видите, на подробности надо обращать внимание и я привел только несколько характерных черт из того, что, примерно, произошло в ту субботу на континенте.

Рассмотрим теперь, что происходило на противоположной стороне. Это будет однажды подтверждено - могу повторить, что я не с легким сердцем это рассказываю - это будет подтверждено, что в то время, как происходило рассказанное мною, Асквит и Грей (примечание 123), оба говорили друг другу: Что, собственно, произошло в Берлине? Не с завязанными ли глазами мы вели до сих пор английскую политику? Они считали, что английская политика должна вестись совершенно иначе; что они вели её как бы с завязанными глазами. Они говорили: теперь у нас спала завеса - это тоже было в ту субботу вечером - теперь мы видим, что стоим перед пропастью; теперь уже мы можем вступать в войну. Это (подлинное) точное отображение того, что происходило по ту сторону канала (так в разговорной речи называли пролив Ламанш, примеч. переводчика), и я прошу вас все это воспринять как то, что должно быть значительно усилено, приумножено, так как в отведенное мне время я могу только как бы намекнуть на установки, только бросить свет на то, что происходило.

И когда вы всё это примите во внимание, тогда, прошу вас, прочтите то, что я написал в моих "Размышлениях во время войны", которые я вполне обдуманно сопровождал подзаголовком: "Для немцев и для тех, кто не считает себя обязанным их ненавидеть". Каждая частность там обдумана. Прошу вас с этих точек зрения обдумать то, что я тогда писал. Дело не в оценке с позиций обычной морали, виновности или невиновности; эти вещи должны рассматриваться с высоты исторических свершений, исключительно трагических свершений, когда мы можем говорить об исторической необходимости и о них не следует болтать с обывательских позиций. Эти вещи намного серьезнее, чем об этом судят сегодня по ту, и по другую стороны. Тем не менее они таковы, что обязательно должны стать известны миру, чтобы, наконец, была внесена ясность в путаницу современных представлений. Но нет в современном мире возможности говорить об этих вещах без того, чтобы твои слова не были искажены и оболганы.

То, что я рассказал вам сегодня о генерал-полковнике фон Мольтке, дает возможность правильно судить об этом человеке в этот ответственный момент. Но находятся, как вы знаете, люди, которые говорят, что они сами были причастны к Генеральному штабу и доходят до клеветы на генерал-

полковника фон Мольтке, вплоть до нелепой выдумки, что перед битвой на Марне в Люксембурге проводилось собрание антропософов и поэтому главнокомандующий не выполнил своего долга. Если и в такой среде могут говорить подобные вещи, то видно до какого морального уровня мы опустились; трудно в такой моральной обстановке найти путь к истине. Для этого нужно много, очень много достойных личностей. Только после всего, что я вам рассказал, только теперь хочу я прочесть вам несколько строк из мемуаров фон Мольтке, из которых вы увидите, что жило в душе этого человека, во-первых, в отношении чувства его личной ответственности. Так как дело не в том, чтобы вынести суровый приговор об ответственности, а в том, чтобы понять, что происходило тогда в душах людей. Это совсем простые предложения, те, которые Мольтке тогда написал, предложения, которые часто произносятся, но есть различие в том, произносятся ли они случайным человеком или тем, на чьей душе лежала ответственность за вступление в войну. Он писал: "Не Германия вызвала войну, она вступила в войну не из жажды побед или агрессивных устремлений в отношении соседей. Война была навязана ей её противниками, и мы воюем за свое существование, как нации, за сохранение нашего народа и нашей национальной жизни."

Не приходят к подлинному, если исследуют где придется; надо искать там, где разыгрываются реальности, действительности, в сознаниях, действующих в душах людей; и когда могут удостовериться, что нечто существенное, значительное действует в душе человека, тогда проникают к действительности, к фактам, приведшим к существующему положению, проникают к действительности.

Если хотят дать себе отчет в той ситуации, то нужно обратить внимание на то, что разыгрывалось между 40-50 личностями, которые собственно и были причастны к (взрыву) началу этой отвратительной катастрофы; и кто составляет свое мнение не из предвзятостей, а из того, что говорят факты, тот видит, что, по-существу, о том, что происходит, о том, какая ситуация складывается в Европе, никто, кроме этих 40-50 человек, действия которых и привели к войне, не имел соответствующего представления.

В течение войны я неоднократно имел возможность говорить об этом со многими, кто мог как-то судить о ситуации и я

никогда не пропускал этой возможности. Я, например, сказал одному человеку, близкому к руководящим кругам одной из нейтральных стран: можно считать очевидным, что в наше, считающее себя демократичным, время, всего около 40 или 50 человек, среди которых безусловно были и дамы, и совсем не в таком малом числе - не только в Антропософическом Обществе деятельны дамы, - что всего 40-50 человек из всего многонационального мира были непосредственно деятельны в подготовке этой мировой катастрофы. Пора уже подняться к тем высшим точкам зрения, только с позиций которых может быть правильно понята эта сложная ситуация. Вместо этого, о таком серьезном, всемирного значения событии чудовищно много говорится с поверхностностью Белой книги (сборник документов) и тому подобного. И для того, кто не стал бы говорить, если бы не разбирался в фактах по-иному, чем многие другие, всегда, когда речь заходила о событиях 1914 года, было исключительно трудно обратить внимание собеседника на важнейшее. Это началось для меня еще тогда, когда мне в Швейцарии всюду предъявляли книгу "Я обвиняю", и я людям: - вы знаете какой опасной бывала иной раз ситуация - и я в ответ не мог ничего сказать другого, кроме того, что было правдой, хотя подчас это не встречало ни малейшего понимания. Читайте, говорил я, в такой книге все её юридические хитросплетения, вчитывайтесь в стиль, во все построение книги, в подачу материала, и если у вас есть чувство вкуса, вы должны будете признать, что это "политическая" литература с черного хода! - Я всё снова и снова повторял это людям, принадлежавшим к нейтральным и не нейтральным странам. Конечно, я не утверждаю, что в этом "Я обвиняю" не попадает кое-что правильное, но книга нацелена на то, чтобы составить определенное мнение (суждение) о трагической исторической ситуации, в которой оказался мир в 1914 году. И надо смотреть вглубь, если хотят вынести правильное суждение о виновниках войны.

Да, но этот вопрос о вине должен и учить кое-чему. Видите ли, тотчас после несчастного обращения Германии с предложением о заключении мира, осенью или зимой 1916 года, когда затем началась вся эта фантастическая свистопляска с 14 пунктами Вудро Вильсона, я выступил тогда перед теми, на ком лежала ответственность настойчивым предложением в противовес лишенным связи с действительностью, оторванным от мира сего 14 пунктам Вильсона, которые, несмотря на свою оторванность от

действительности, тем не менее привели в движение корабли, пушки и войска, чтобы в противовес им дана была миру идея о трехчленности социального организма. Я нигде не был навязчив, люди очень шли мне навстречу, больше, чем на половину пути, но... Мне пришлось пережить, что хотя и нашлись люди, которые вполне согласились со мною, что это действительно правильно, что это надо бы осуществить, но никто не имел мужества предпринять что-либо в этом направлении, никто, ни один. От разговора моего с Кюльманом (примечание 124), как я думаю, будут те же результаты. В этих вопросах у меня нет основания ни для каких иллюзий. Но рассказать об этом я хочу. И я здесь не говорю ничего, что не было бы в полном соответствии с фактами, как всё это происходило, доподлинно известно.

Вот еще что я должен сказать. Уже в январе 1918 года я видел абсолютную невозможность нового наступления нашей армии в 1918 году, и во время одной из моих поездок из Дорнаха в Берлин, я имел возможность беседовать с господином, о котором было известно, что когда наступят решающие моменты, он будет призван к управлению - я имел возможность говорить с ним об обстоятельствах, которые тогда, в ноябре 1918 года, только наступили. И тогда я там, в общем, тоже встретил понимание трехчленности социального организма. Затем я прибыл в Берлин, где я должен был встретиться с одним авторитетным лицом. Те, кто тогда разбирался в обстоятельствах, знали уже о судьбе наступления 1918 года; об этом только нельзя было говорить. А я должен был встретиться с военным, стоявшим близко к генералу Людендорфу. Разговор принял такой оборот, что я сказал: Я не хочу подвергать себя опасности, что мне может быть брошен упрек, что я вдаюсь в военно-стратегические рассуждения, но я хочу говорить, исходя из таких точек зрения, когда мой возможный военно-стратегический дилетантизм не имеет значения. И сказал, что в весеннем наступлении Людендорф возможно достигнет всего, о чем может только мечтать; но я все же считаю это наступление бессмыслицей - и я привел 3 довода, которые я по этому поводу имел. Человек с которым я говорил, пришел в большое возбуждение и сказал: Чего вы хотите? Наступление у Кюльмана уже подготовлено. Поэтому он и поехал в Брест-Литовск. Там будет действовать политика. Политика не наша сфера. Мы, военные, умеем только воевать, воевать и воевать. В 1914 году начальник Генерального штаба написал вечером в

субботу: "Положение становилось всё серьезнее, и я был совершенно один". О времени между 10 и 11 часами вечера он написал: "Император сказал: "Теперь Вы можете делать, что Вы хотите!" А в январе 1918 года могло быть сказано: Политика вообще не принимается во внимание, она бессильна (пришла к нулю); мы не можем делать ничего другого, как только воевать и воевать. Мои милые, очень уважаемые слушатели, ничего не изменилось. И сегодня не стало иначе. И мне не остается ничего другого, как вновь подтвердить, что ничего не изменилось.

И опять говорится с той самой оторванностью от жизни, с той самой абстрактностью, с которой говорил Вудро Вильсон, и которая была подкреплена тем, с чем он выступал на Версальской мирной конференции в 1919 году. Вновь говорилось о том же самом Гардингом (в 1921-1923 годах 29-м президентом США) и я вижу в речи Гардинга, неудачной речи, как только может быть неудачно выступление, тоже отсутствие всякой связи с действительностью и повторение старых избитых фраз - и это теперь, когда мы стоим перед хозяйственными проблемами, как тогда стояли перед политическими; в этой речи я не вижу, чтобы хоть в какой-либо мере думали о том, что действительно необходимо. Почти невозможно добиться от людей правильного суждения. Имеем ли мы дело с Вильсоном, который в Версале демонстрирует свою путаницу, или с позднейшими разговорами в той же области, дело не в этом. Дело в том, чтобы у человека были открыты глаза и он видел действительность.

Тогда обратили бы внимание на такой факт, как раз неожиданный для того, кто имеет чутье для понимания политической ситуации, на тот факт, что такой типичный для нашей современности государственный деятель, как Ллойд Джордж, сказал недавно: нельзя в старом моральном понимании считать Германию виновной в войне; люди погрязли в глупости. Это сказал он несколько недель тому назад, а вы знаете, как он выступал в Лондоне против Симонса. Из этого вы можете сделать вывод о действительной ценности речей, с которыми выступают государственные деятели. И нет еще у людей стремления обращать внимание на подобные факты. Но люди должны этому научиться, должны придти к этому, поднявшись к великим, возвышенным точкам зрения. Они действовали в этой катастрофе, эти великие возвышенные позиции и наше несчастье в том, что никто не имел понятия

об этих великих исходных точках зрения. Должна быть дана возможность того, чтобы в сознание людей Средней Европы вступили эти великие, возвышенные точки зрения, ведущие к истокам того, что определяет действительность.

Но не будет улучшения до тех пор пока истинное, подлинное будет игнорироваться теми, кто полагает себя вождями немецкой нации, до тех пор, пока эти люди будут считать духоиспытателя предателем немецкой нации, несмотря на то, что говорит духовноведение, если бы оно действительно было понято, оно единственное было бы предназначено дать подлинному немецкому народу достойное его место среди других народов мира. Люди другой воленаравленности, стремящиеся прежде всего к познанию Истины, должны соединить свои усилия, должны держаться вместе.

Конечно, и в Германии были поджигатели войны; но в решающие моменты их усилия не имели значения. Значение имело то, о чем я говорю в последней главе "Основных положений": утратили возвышенные точки зрения. И это привело политику к бессилию. К подлинно немецкому мы только тогда поднимемся, когда поднимемся к великим, возвышенным точкам зрения; так как тот, кто стоит в немецком с горячим сердцем, а не с разинутым ртом (пастью) - простите мне грубость выражения - тот знает, что жить в подлинно немецком - значит сrostись с великими, возвышенными (идеями) точками зрения. Мы должны вновь найти этот путь, путь к великим точкам зрения немецкого народа. И то, что я об этих вещах сегодня говорю с вами, это, по существу, исходит из откровения. Несмотря на то, что этот вопрос был мне поставлен, я мог бы на него, может быть, и не отвечать, но я хотел ответить на этот вопрос. И то, что меня побудило к ответу, станет вам ясным, когда я приведу заключительные слова записки, дополнительно переданные мне спрашивавшим. Он пишет: Я считаю исключительно важным, чтобы в мемуарах, по вопросу о виновниках войны, однажды была, может быть, изложена и широко распространена правильная, ясная точка зрения. Это должно было произойти в мае 1919 года. Мемуары были написаны и напечатаны. Но силы внутри самой Германии не допустили их публикации. Не будем успокаиваться тем, что нечто подобное должно было случиться. Если бы в решающий момент поддержали тех, кто не хотел успокаиваться, кто не раз

пытался осуществить то, о чем я говорю, это бы могло осуществиться.

Мои очень уважаемые слушатели! Так как я все-таки верю, что среди молодежи Германии есть личности, которые вновь найдут путь к подлинному немецкого народа, у которых сознание, сердце и душа открыты познанию Истины, поэтому, так как я здесь имел возможность говорить с молодыми людьми, может быть, с лучшей частью нашей молодежи, поэтому я и принял решение выступить перед вами с этими краткими указаниями.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание № 1

Предалагемый том (библ. № 174 б) общего собрания охватывает лекции, прочитанные в Штуттгарте в годы I Мировой войны. Эти лекции первоначально - в 1961 году - были изданы отдельными выпусками. Эта подборка собрана, чтобы избежать повторений.

Предшествующий том (174 а) содержит лекции, прочитанные в годы войны в Мюнхене - под общим заголовком "Средняя Европа между Западом и Востоком".

Лекция 1

Примечание № 2

Текст следует машинной записи. Сверить с первоначальной стенографической записью не было возможности. Близкое по содержанию см. в лекции от 13.IX. 14 г. в Мюнхене. Кат.№ 174 а.

Примечание № 3

"Членами Общества могут быть все, кто готов братски совместно быть деятельными на основе любовного взаимопонимания, кто видит Духовное в каждой человеческой душе, какие бы ни существовали различия в вере, национальности, положении в обществе и в поле."

Примечание № 4

В Собрании сочинений Рудольфа Штайнера "Загадки философии" в 1968 г. вышли отдельным томом. Соответствующее место на стр. 564.

Примечание № 5

Морис Метерлинк, бельгийский драматург и поэт (1862-1949гг.). Его первая философская вещь "Сокровище бедных" вышла в 1896г. В ней одна глава посвящена Новалису, начинающаяся словами: "Люди идут различными путями. Кто их проследит и сравнит, увидит редкостные образы. Я избрал

3 таких человека, чьи пути приводят нас на 3 различные вершины. "Он называет фламандского музыканта Руусброек`е, Эмерсона и Новалиса. Ещё в 1895 году он перевёл на французский язык и издал неоконченный роман Новалиса "Die Lehrlinge zu Sais" и его фрагменты.

Примечание № 6

Упомянутая битва при Миле (Myla) была в Первой Пунической войне – 264 – 241 гг до н.э.

Примечание № 7

Захват Лютиша в ночь с 5-го на 6-е августа 1914 года 14-ой пехотной бригадой под командованием Людендорфа обеспечил осуществление, находившегося под угрозой срыва, немецкого плана компании.

Примечание № 8

Цикл лекций "Миссия отдельных народных душ в связи с северо-германской мифологией", 11 лекций в июне 1910 года в Христиании. Библ. № 121, издание 1962 года, Дорнах.

Примечание № 9

Анни Безант (1847-1933 гг.) С 1907 года президент Теософического Общества. Когда она провозгласила индусского мальчика Кришнамурти новым земным воплощением Христа, Рудольф Штайнер вынужден был выступить против такого утверждения. Это привело к исключению из Теософического Общества, находившейся под его руководством Немецкой секции Общества и к основанию в 1912-1913 годах Антропософического Общества.

Примечание № 10

"Врата посвящения" - первая из четырех драм-мистерий, написанных в 1910-1913 годах. (Собрание сочинений, Дорнах, 1962 г. Библ. № 14.) Три действующих лица: Филия, Астрид и Луна, в перечне действующих лиц обозначенные как "Подруги Марии", в ходе действия раскрываются как духи её душевных сил.

Примечание № 11

О Германе Гримме говорит Рудольф Штайнер в своей автобиографии "Мой жизненный путь" (Собрание сочинений, Дорнах, 1961 г. Стр. 204): "Как историк искусства встретился Герман Гримм с Гете. Как таковой читал он в Берлинском

университете лекции о Гёте, которые затем издал книгой. Он мог рассматривать себя и как продолжителя идей Гёте. Он вырос в кругах немецкой духовной жизни, сохранивших живую связь с ним. Жена Германа Гримма была дочерью Беттины, автора книги "Переписка Гёте с одним ребенком". Герман Гримм жил с 1828 по 1901 год. Три цитированные отрывка взяты из книги "Илиада Гомера". Во втором издании 1907 года они находятся на стр. 214.

Примечание № 12

В Норркёпинге (Швеция) с 12 по 16 июня 1914 года были прочтены 4 лекции. Они напечатаны под общим заглавием: "Христос и человеческая душа". (Библ. № 155, Дорнах, 1960 г.) Упоминаемые слова о "в последнее время возникших ошеломляющих неожиданностях", видимо, произнесены были Рудольфом Штайнером в период цикла в личной беседе и установить их точное содержание не удалось. (Высказывание от 16.VII.1914 г. об Иоанновом здании.)

Примечание № 13

С 1909 года ежегодно во второй половине августа в Мюнхене происходили съезды Теософского, а позднее Антропософского Общества. Драматическому представлению сопутствовал соответствующий цикл лекций Рудольфа Штайнера. И на август 1914 г. был намечен и объявлен такой съезд, но он не мог состояться из-за разразившейся войны.

Примечание № 14

Убийство в Сараево - 28 июня 1914 года. Здесь предположительно - пропуск в тексте записи.

Примечание № 15

...Когда я в первых числах сентября был в Берлине..."Рудольф Штайнер читал в Берлине 1-го сентября 1914 г. для членов Общества лекцию "Судьбы людей и судьбы народов". Эта лекция под библ. № 157 была опубликована в 1960 г. в Собрании сочинений, как первая.

Примечание № 16

В сентябре 1914 г. во время лекционной поездки Рудольф Штайнер ненадолго был в Вене, проездом из Берлина обратно в Швейцарию. Цитата взята из статьи Реберта Миххеля в газете "Австрийское обозрение" от 1 сентября 1914 года.

Примечание № 17

26-го июля 1914 г. в лекции "Творческий мир красок", из лекций "Пути к новому стилю зданий". Библ. № 286, Штутгарт, 1967 года.

Примечание № 18

"Немецкий политический деятель" - Готтлиб фон Йагов (1863-1935 г.г.), в 1913-1916 годах был государственным секретарем германского управления иностранных дел.

Примечание № 19

Высказывание Гёте (дословно: "Мудрость только в Истине") находится в естественно-научных трудах Гёте, изданных с введением, примечаниями и пояснениями в тексте Рудольфа Штайнера, в 4-ом томе, во второй части "Высказывания в прозе". Рудольф Штайнер избрал это изречение как эпиграф к "Основным положениям", которые он дал в 1913 году вновь основанному Антропософическому Обществу.

Примечание № 20

"Моей земной отчизны дух" - Впоследствии Рудольф Штайнер изменил предпоследнюю строку: "Тебя, звучащего светом и мощью..."

Лекция 2

Примечание № 21

В стенограмме и в предшествующем издании эта фраза звучит так: "И было бы величайшим несчастьем, и ни по какой необходимости не может быть вызвано, когда-либо, чтобы славянский элемент победил германский". Средняя часть этого предложения отброшена, так как она по смыслу и

структуре выпадает из целого.

Примечание № 22

Давид Фридрих Штраус, (1808-1874 г.г.) "Война и мир, два письма Эрнсту Ренану и ответ на первое письмо", 1870 г., Лейпциг. Письмо Ренана от 13.IX.1870 года.

Примечание № 23

Фридрих Шиллер, (1759-1805г.г.), "Об эстетическом воспитании человечества, в письмах". Издано в 1795 году.

Примечание № 24

Иоганн Готлиб Фихте, (1762-1814 г.г.), выступил со своей "Речью к немцам" зимой 1807-1808 г. в Берлине, непосредственно после капитуляции Пруссии Наполеону, когда город был еще занят французскими войсками.

Примечание № 25

Внутри Теософического Общества за несколько лет до Первой мировой войны индусский мальчик Кришнамурти был объявлен носителем нового земного воплощения Христа. Непринятие Рудольфом Штайнером этого тезиса привело к исключению из Теософического Общества, руководимой им Германской секции и к основанию Антропософического Общества. Кришнамурти позднее отказался от навязанной ему роли.

Примечание № 26

Роберт Гамерлинг, (1830-1889 г.г.) Первое собрание сочинений вышло только в 1900 г. (в 4-х частях). Десять лет спустя стараниями М.М.Рабенхиера было издано шестнадцатитомное "Собрание сочинений". В его первом томе помещена вводная статья о жизни и творчестве Гамерлинга.

Примечание № 28

Первая из драм-мистерий Рудольфа Штайнера, написанная в 1910 году. В 1962 году все 4 драмы-мистерии изданы в "Собрании сочинений", отдельным изданием в 2-х томах в Дорнахе в 1965 г. Приведенная выдержка взята из Первой картины " Врат посвящения".

Примечание № 29

Особенно в "О событии явления Христа в эфирном теле", Каталог № 118. Собрание сочинений, 1965 год.

Примечание № 30

Например в лекции от 1 января 1914 года - 4-ая лекция из цикла "Христос и духовный мир", каталог № 149 и в лекции от 17 января 1915 года - 4-ая лекция из цикла "Судьба людей и судьбы народов" Библи. № 157. Собрание сочинений, Дорнах, 1960 г.

Примечание № 31

Константин, правивший в Риме с 313 по 337 год (с 327 г. единовластно), покровительствовал христианству и принял его, в то время как при его предшественниках христиане еще подвергались гонениям.

Примечание № 32

Орлеанская дева - Жанна Д'Арк, (1412-1431г.г.)

Примечание № 33

Она передана нам как "Песня о сне Олафа Эстесона". Рудольф Штайнер перевел её на немецкий язык и часто упоминал о ней; впервые в рождественские и новогодние дни 1912-13 года. Соответствующие лекции изданы в выпуске "Связь человека с элементарным миром", Библи. № 158, "Собрание сочинений", Дорнах, 1968 г. Там приведен и текст "Песни о сне".

Примечание № 34

Эрнст Мах, (1838-1916 г.г.) "К вопросу об анализе чувств" (ощущений?). Впервые издано в 1886 году, много раз переиздавалось.

Примечание № 35

Говоря о пробуждении эфирного тела, Доктор употребляет выражение -разрыхлять, расшатывать, кудрявить.

Примечание № 36

Венский цикл 1914 года - "Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением". 8 лекций, Вена, апрель 1914 г. Библ. № 153. "Собрание сочинений", Дорнах, 1959 г.

Примечание № 37

Сибилла Колацца, умерла в январе 1915 года. Кремация в Цюрихе 31.01.1915 г. "Наши умершие". Выступления, надгробные речи, медитативные тексты. Библ. № 261 "Собрание сочинений", Дорнах, 1963 г.

Лекция 4

Примечание № 38

Софи Штинде, (1853-1915г.г.) С 1902 года в форштанде Мюнхенской ветви, затем в форштанде Немецкой секции Теософического Общества. Активно участвовала в осуществлении постановки драм-мистерий Р.Штайнера в Мюнхене и в претворении в жизнь архитектурного замысла. Речь, посвященная ее памяти в Мюнхене, 30 ноября 1915 года. См. "Наши умершие"

Примечание № 39

Подразумевается очевидно лекция от 26.XI.1914 г., отпечатанная в сборнике "Из несущих карму времен", Библ. № 64, Собрание сочинений, Дорнах, 1959 г.

Лекция 5

Примечание № 40

Упомянутые места текста в главе "Сон и смерть" в "Очерке тайноведения" и в главе "Душа в мире душ после смерти" в "Теософии".

Лекция 6

Примечание № 41

"Испытание душ", Картина первая. См. примечание № 28.

Примечание № 42

Мориц Бенедикт, (1835-1930 г.г.). Профессор в Вене. Основал вместе с Ломброзо криминалистическую антропологию Чезаре Ломброзо, (1835-1909г.г.) , итальянский психиатр и криминалист.

Лекция 7

Примечание № 43

В циклах "Миссия отдельных народных душ", Библ. № 121 и "Судьба человека и судьба народа", Библ. № 157.

Примечание № 44

Гердер Согоанн Готфрид, (1744-1803г.г.). Философ и писатель. Просветитель; с 1764-1769 гг. в Риге. С 1769 г. - в Веймаре. Друг Гёте, теоретик "Бури и натиска". О славянах в 16-ой книге его "Идеи к философии и истории человечества", глава "Славянские народы".

Примечание № 45

Эта лекция от 13 мая 1916 года не сохранилась. Параллельная лекция, прочитанная в Берлине, издана в томе

"Из духовной жизни Средней Европы", в Дорнахе, в 1962 г. Кат. № 65.

Примечание № 46

Елизавета Тюдор, (1558-1603г.г.); начало торгово-промышленного расцвета Англии, первые колониальные захваты, победа над Испанией, главной соперницей на море, превращение в могущественнейшее государство Европы, религиозная независимость от папства.

Примечание № 47

Р. Штайнер издал в 1883 году в Киршнеровской "Немецкой национальной литературе" естественно-научные труды Гёте со своими примечаниями и вступительной статьей. Эта вступительная статья была в 1973 году издана самостоятельно под названием "Естественно-научные труды Гёте". Библ. № 1. В 1897 году вышло первое издание книги Штайнера "Мировоззрение Гёте". Библ. № 6.

Примечание № 48

См. Анни Безант "Теософия и империализм", Лондон, 1902 год.

Примечание № 49

Елена Петровна Блаватская, (1831-1891 г.г.). В 1875 году в Нью-Йорке, совместно с Г.С.Олкотт основала Теософическое Общество. Путешествовала по Индии и Тибету. См. книгу Р. Штайнера "Оккультные движения XIX века". Собрание сочинений, 1969 г. Библ. № 254.

Примечание № 50

Осенью 1904 года Анни Безант по приглашению Р. Штайнера приехала из Англии в Германию и читала лекции в Гамбурге и ряде других немецких городов.

Примечание № 51

В лекции от 18 марта 1916 года Р. Штайнер вновь говорил: "Я должен быть освобожден от всего, что связано с

медицинскими советами". См. "Средняя Европа между Востоком и Западом", Собрание сочинений, Дорнах, 1971 г. Библ. № 174 а.

Примечание № 52

Речь идет о некоей "госпоже Тэбе" якобы, литературный псевдоним Анны Викторины Завигни, издававшей в Париже ежегодный оккультный альманах.

Примечание № 53

"Альманах мадам Тэбе. Советы как быть счастливым". Об этом же в лекции от 24 марта 1916 года "Из духовной жизни Средней Европы". Библ. № 65.

Примечание № 54

Газета "Paris-Midl".

Примечание № 55

Жан Жорес, (1859-1914 г.г.), вождь французских социалистов, основатель газеты "Юманите", блестящий оратор, страстный противник колониализма и войны 1914 года. Убит во время выступления 31 июля 1914 года.

Примечание № 56

Екатерина Тингли в 1897 году в Калифорнии возглавила отколовшуюся часть Теософического Общества, назвав его "Universal Brotherhood"

Примечание № 57

Мэйбл Коллинз "Свет на пути". Обращение к тем набожным (религиозным), кто, не будучи знаком с восточной мудростью, ищет её познать. "Перевод со 2-го английского издания 1888 г. См. Также: Р. Штайнер "Экзегезе" (толкования литературных и религиозных текстов) в "Указания по эзотерическому обучению", Дорнах, 1969 г., Библ. № 42/245.

Лекция 8

Примечание № 58

См. лекции 4-6 этого собрания, особенно 6-ую.

Примечание № 59

Открытая лекция 13 марта 1916 года не сохранилась.

Примечание № 60

Прочитанная 21.11.1916 году в Лейпциге лекция "Утраченное в развитии немецкого мышления стремление к познанию духа" не была напечатана. Параллельная лекция в Берлине 25.11.1916 года напечатана в Дорнахе в 1962 году в собрании сочинений в сборнике "Из духовной жизни Средней Европы", Библ. № 65.

Примечание № 61

Берта фон Зуттнер, (1843-1914г.г.). Австрийская писательница, один из организаторов международного пацифистского движения. Её автобиографический роман "Долой оружие!" (1899) произвел огромное впечатление, был переведен почти на все европейские языки. С 1892 по 1899 г.г. издатель журнала того же названия. В 1905 году нобелевская премия мира.

Примечание № 62

Очевидно имеется в виду Григорий Распутин, едва грамотный сибирский (мужик) крестьянин, фаворит царской семьи, пользовавшийся огромным влиянием на царя и царицу, вмешивающийся в государственные дела вплоть до внешней политики России; до смещения министров.

Примечание № 63

В лекции "Наше международное положение, война, мир и наука о Духе". Издана в 1966 г. в Дорнахе, в сборнике "Мировые загадки и Антропософия". Библ. № 54.

Примечание № 64

Эрнст Геккель, (1834-1919г.г.), немецкий биолог, представитель естественнонаучного материализма, пропагандист дарвинизма. Огромной популярностью пользовалась его книга "Мировые загадки" (1899 г.)

Примечание № 65

Карл Эрнст фон Баер, (1792-1876 г.г.), естествоиспытатель, с 1910-1914 гг. изучал медицину, интересовался зоо-анатомией был профессором в Кенигсберге на кафедре Бурдаха (анатомии), год работал в Петербурге и после повторного возвращения из Кенигсберга еще три года - снова в Петербурге. Много путешествовал в Лапландии, в Новой Гвинее. В научных трудах отразил "сосудистую связь между матерью и плодом у млекопитающих". Автор труда "Об истории развития животных, наблюдение и рефлексия" - 1928-37 гг. В Петербурге вышло 3 тома его речей и статей. Выступал с подлинной оппозицией Теории Дарвина и т.д.

Примечание № 66

Тертуллиан, (160-220 г.г.), церковный писатель.

Примечание № 66а

Грегор фон Нацианц, (329-390 г.г.), один из "отцов церкви".

Примечание № 67

Герман фон Гельмгольмгольц, (1821-1894 г.г.) Автор фундаментальных трудов по физике, оптике, биофизике, физиологии, психологии. С 1868 года иностранный член-корреспондент Петербургской Академии Наук.

Примечание № 68

Имя Карла Христиана Планка, (1819-1880 г.г.) часто упоминается Р. Штайнером, особенно в 1916 году.

Примечание № 69

Книга "Размышления во время войны" - 1915 год. Издана в Дорнахе в 1961 году в сборнике статей "О трехчленности социального организма", Библ. № 24.

Примечание № 70

Жульен Офре де Ламетри (1709-1751 г.г.), французский философ, врач. Представитель механистического материализма. Цитата - из книги "Человек-машина", в которой он рассматривает человеческий организм как самозащищающуюся машину, подобную часовому механизму.

Лекция 9

Примечание № 71

Цитата взята из раздела "Предварительные условия". О том же в предисловии к 5-му изданию в 1914 году.

Примечание № 72

Римско-германский император Карл V (он же король Испании Карл I) и французский король Франциск I вели между собой 4 войны, в том числе войны за обладание Миланом.

Примечание № 73

Гаусс Карл Фридрих, математик, (1777-1855 г.г.), выработал свою известную неэвклидову геометрию (и аксиомы параллелей).

Примечание № 74

Вудро Вильсон (1856-1924 г.г.), 28-ой президент США с 1913-1921 г.г. Инициатор вступления США в I мировую войну. Знаменитая нота 1918 года. В 14 пунктах формулирует интересы США в Европе, намечает карту послевоенной Европы.

Примечание № 75

Об Эрхе Бамлер см. также в лекции от 29.V.1917 г. Библ. № 255.

Примечание № 76

"Господин, живший прежде в Америке..." - имя писателя Макс Гайндель, называвший себя также Гроссгоф. Он основал в Калифорнии оккультное Общество.

Примечание № 76 ^I

Макс Зейлингер, (1852-1928г.г.) Доктор Гуго Фоллграф в те годы был владельцем издательства в Лейпциге.

Лекция 10

Примечание № 77

Это Рихард Вале, (1857-1935г.г.); "Трагикомедия мудрости", издана в Вене и Лейпциге в 1915 году.

Примечание № 78

Полная таинственности "Роща" - созданное при Геттингенском университете объединение поэтов "Геттингенская роща", по духу близкое "Буре и натиску", проблемам духовности и нравственности, 1772-1774 г.г.

Примечание № 79

Третья драма-мистерия "Страж Порога", картина 2-ая.

Примечание № 80

Рудольф Кьеллен, (1864-1922г.г.). "Государство, как форма жизни". Издана в Лейпциге в 1916 г.

Примечание № 81

Александр Бернус, (1880-1965г.г.). В 1916-1920 годах - издатель журнала "Райх" в Мюнхене.

Лекция 11

Примечание № 82

Тема лекции от 14.V.1917 г. "Душа человека и тело человека в естествознании и в духовной науке". Лекция не издана.

Примечание № 83

Цитата из Библии "Мудрость мира выражена в мере и числе" - Первая книга Моисея 15/5 и 22/17. См. Также: Р. Штайнер и "Глубокие тайны становления человечества в свете Евангелий" Библ. № 117. Собрание сочинений, Дорнах, 1966 г.

Примечание № 84

Первая книга Моисея, 22,17

Примечание № 85

"Одиссея", песня II, строфа 48--ая

Примечание № 86

Франц Brentann, (1838-1917г.г.), "Философия Аристотеля", Майнц, 1867 г. Стр.196.

Примечание № 87

Е.П.Блаватская "Тайное учение", часть III, гл. 39 "Циклы и аватары".

Примечание № 88

В 1911 году обострились противоречия между руководством Теософического Общества в Адьяре и немецкой секцией под руководством Р. Штайнера, а именно в связи о основании Анни Безант так называемого ордена "Звезда Востока". Официальное разделение произошло только в конце 1912 года.

Примечание № 89

Эдуард Шюре, (1841-1929 г.г.). С 1906 года связан с Р. Штайнером и Марией фон Сиверс. В годы Первой мировой

войны опубликовал во Франции статью полную ненависти к Р. Штайнеру. По окончании войны он очень сожалел об этом, продиктованном шовинистическим угаром выступлением и устно и письменно спросил о прощении. В ноябре 1922 года Шюре принимал участие в организации, так называемого, французского дикла "Космогония, религия, Философия". Библ. № 25. Собрание сочинений. Дорнах, 1956г.

Примечание № 90

Это слова Гёте. См. "Естественно-научные произведения Гёте", изданные под редакцией Р. Штайнера. Раздел "Высказывания в прозе".

Лекция 12

Примечание № 91

Фишер, Фридрих Теодор, (1807-1887г.г.). "Сон" - этюд к сочинению доктора Иоганна Фолькельт "Фантазии сна", 1881г., Штутгардт, сборник "Старое и новое".

Примечание № 92

Густав Герве, (Gustave Herve, 1871-1944гг.), журналист и писатель.

Примечание № 93

Георг Клемансо, (1871-1929гг.), министр-президент Франции, получивший прозвище "Тигр".

Лекция 13

Примечание № 94

Лекции в Христиании - "Миссии отдельных народных душ в связи с германской мифологией", 1910 г. Библ. № 121.4. Собрание сочинений, Дорнах, 1962 г.

Примечание № 95

Венский цикл - "Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением". Библ. № 153. Собрание сочинений, Дорнах, 1959 г.

Примечание № 96

"Духовный задний план внешнего мира. Свержение духов тьмы." Библ. № Собрание сочинений. Дорнах 1966 г.

Примечание № 97

Теодор Циэн, (1862-1950 г.г.), "Руководство по физиологической психологии" в 15 лекциях, Иена, 1900 г.

Примечание № 98

"Датская книга" - очевидно имеется в виду Расмуссен - "Иисус, сравнительный психопатологический очерк". Лейпциг, 1905 г.

Примечание № 99

Александр Машковский, Берлинский журналист, издатель "Веселого листка".

Примечание № 100

О Вильсоне "задолго до этих событий..." - цикл "Оккультные основы Бхагават Гиты", Библ. № 146, Собрание сочинений, Дорнах, 1960г.

Лекция 14

Примечание № 101

Установить автора цитаты не удалось.

Примечание № 102

Это слова французского короля Людовика XV. (1715-1774).

Примечание № 103

Оскар Шмидт, (1823-1886 г. г.), зоолог. "Естественнонаучные основы философии бессознательного."

Лекция 15

Примечание № 104

Кнауэр Винценц, (1828-1894г.г.), профессор философии в Вене. Упоминается в VII главе книги "Мой жизненный путь".

Примечание № 105

Ламарк, Жан Баптист, (1744-1829 г.г.), французский естествоиспытатель.

Примечание № 106

Об образовании облаков у Гёте - в естественнонаучных сочинениях в разделе "Метеорология". В Кюршнерском издании 34 том.

Примечание № 107

Планк, Карл Христиан, (1819-1880г.г.). Упоминается также в "Загадках философии" и в "О загадках человека".

Примечание № 108

Луази, Альфред, (1857-1940 г.г.), французский историк религии. За сочинения отлучен от церкви.

Лекция 16

Примечание № 109

С 12-го по 23 марта 1921 года в Штутгарте в рамках Свободной Антропософической высшей школы проходил семинар по теме "Мировая история в свете Антропософии " под руководством д-ра Штайна, д-ра Хайера и д-ра Колиско.

Примечание № 110

Что имеется ввиду - установить не удалось.

Примечание № 111

Никита или Николай, князь и король Монтенегро (Черногории), 1860-1918 г.г.

Примечание № 112

Гельферих, Карл, (1872-1924 г.г.), немецкий государственный секретарь и вождь немецкой национальной партии, противник Эрцбергера.

Примечание № 113

Эрцбергер, Маттиас, (1875-1921 г.г.), руководитель немецкого центра, противник Гельфериха. Убит предшественниками национал-социалистов.

Примечание № 114

Симонс, Вальтер, (1861-1937 г.г.). С 25 июня 1920 года по 4 мая 1921 года он был беспартийным министром иностранных дел Германии в правительстве Ференбаха, который возглавлял коалиционное правительство, состоящей из Центристской партии, Германской Демократической партии и Немецкой народной партии. Симонс в качестве министра иностранных дел представлял Германию на курортной конференции в июле 1920 года и Лондонской конференции в марте 1921 года. В то же время он возглавлял делегацию Германии на обеих конференциях.

С 1922 по 1929 год социал-демократическим президентом Фридрихом Эбертом Саймонс был назначен Председателем Верховного суда в Лейпциге. Таким образом, после смерти Фридриха Эберта в феврале 1925 года он временно действовал как глава государства Веймарской республики от 12 марта 1925 до 12 мая 1925 года, когда следующий президент, Пауль фон Гинденбург, вступил в должность. В преддверии выборов в 1925 году, Саймонс был предложен в качестве кандидата не раз, но ничего не вышло. Он ушел со своего поста в знак протеста против неконституционного вмешательства правительства в судебные дела. С 1929 Саймонс был профессором международного права в Лейпциге.

Примечание № 115

Давид Ллойд Джордж, (1863-1945 г.г.). С 1902 по 1922 год доминирующая фигура в британской политической жизни.

Примечание № 116

В течение всего XIX и начала XX века на Балканском полуострове сталкивались интересы 6 европейских государств (России, Австро-Венгрии, Англии, Германии, Франции и Италии) и Турции, владевшей значительной частью территории. "Балканский вопрос" привел к обострению противоречий и ускорил начало Первой мировой войны.

"Берлинские переговоры" - Берлинский конгресс 1878 г., в котором участвовали все названные (страны) государства, пересмотрел в пользу Турции результаты Русско-Турецкой войны 1877-1878 годов. Турции была возвращена значительная часть утраченных ею территорий, а не участвовавшей в войне Австро-Венгрии предоставлена оккупация славянских Боснии и Герцеговины, бывших до того территорией Турции. Цель - усиление Австро-Венгрии и обострение ее противоречий с Россией, лишение России результатов победоносной войны и ослабление ее влияния на Балканах.

Примечание № 117

Австро-Венгрия. С 1867 - 1918 г.г - многонациональное (12 различных народов и народностей), при условии неравноправия национальностей, государство, с большим включением славянских земель, находившихся в полуколониальном положении.

Примечание № 118

Виктор Адлер, (1852-1918 г.г.), тогда непревзойденный вождь социалистов в Австрии. Р. Штайнер упоминает о нем в 8-й главе книги "Мой жизненный путь".

Примечание № 119

Павел Фрайер фон Гаутш, (1851-1918 г.г.). В 1897-1898 г.г. министр-президент Австрии.

Примечание № 120

Отто Хауснер, (1827-1890 г.г.). Депутат от польских земель. Упоминается в 4-ой главе книги "Мой жизненный путь" и во 2-ом томе Кармических лекций, № по каталогу 236, Дорнах, 1973г.

Примечание № 121

Бетман-Гольвег, (1856-1921 г.г.). С 1909 по 1917 г. германский райхсканцлер и министр-президент Прусского королевства.

Примечание № 122

Альфред фон Тирпиц, (1849-1930 г.г.), гросс-адмирал, создатель сильного подводного флота, сторонник беспомощной подводной войны против Англии.

Примечание № 123

Асквит и Грей. Асквит с 1908 по 1916 год премьер-министр Англии. Грей с 1905 по 1916 год министр иностранных дел. Сокурстники по Кембриджу.

Примечание № 124

Рихард фон КЮЛЬМАН (1873-1948 г.г.). Германский дипломат. Начал службу в 1900 году в качестве атташе германского посольства в Петербурге. В 1904-09 годах он был поверенным в делах в Танжере, в 1909-14 годах - первым секретарём посольства в Лондоне, а после начала первой мировой войны - в Константинополе. В 1915 году Кюльман был назначен посланником в Гааге, в 1916 году - послом в Константинополе. В августе 1917 года Кюльман занял пост статс-секретаря иностранных дел.

В 1912-14 годах Кюльман принимал участие в переговорах с английским правительством по вопросу о Багдадской ж. д. Сторонник англо-германского сближения, Кюльман не был согласен с линией адмирала Тирпица и считал необходимым компромисс с Англией в вопросе о морских вооружениях. Кюльман был назначен на пост статс-секретаря иностранных дел отчасти для того, чтобы продемонстрировать "новые тенденции" германской внешней политики. Кюльман, однако,

не проявлял никакой самостоятельности, подчиняясь во всех основных вопросах требованиям верховного командования. Поскольку дело касалось России, Кюльман в общем разделял аннексионистскую программу Людендорфа и открыто с нею солидаризировался в первых своих выступлениях в качестве статс-секретаря. Возглавив германскую делегацию в Брест-Литовске, Кюльман по существу и там проводил линию Людендорфа, расходясь с ним в первой фазе переговоров лишь по вопросу о тактике, которой следовало придерживаться для достижения тех же целей. В последней же фазе переговоров ступшевались и эти разногласия, и Кюльман, таким образом, несёт полную ответственность за условия Брест-Литовского договора. В мирных переговорах с Румынией, завершившихся подписанием Бухарестского договора в 1918 году, Кюльман также являлся послушным исполнителем воли германского верховного командования. В речи от 24.VI.1918 в рейхстаге Кюльман употребил фразу о невозможности выиграть войну лишь одними военными средствами. Это вызвало гнев Людендорфа, и 7. VII.1918 К. пришлось выйти в отставку.

В послеверсальский период Кюльман, связанный с рядом крупных капиталистических предприятий, посвятил себя промышленной деятельности и управлению своими поместьями. Кюльман также несколько раз выполнял неофициальные дипломатические поручения германского правительства в Англии и в США.